Ю
Г 32
Гельмерсен П.
Операции ...
Л 1927

355.49

НО
-32

По В.-Морской Академии РККА

БОРЬБА ФЛОТА ПРОТИВ БЕРЕГА В МИРОВУЮ ВОЙНУ

Под редакцией и с введением **Б. Б. Жерве**

Том I.

П. В. ГЕЛЬМЕРСЕН

ОПЕРАЦИИ НА ЗАПАДНЫХ ТЕАТРАХ

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТА
КРАСНОЙ ПРОФЕССУРЫ
Инв. №...62044
В

РИО В.-Морских Сил РККА
ЛЕНИНГРАД
1927

1885/5

Типография В.-Мор. Сил РККА. Ленинград, зд. Гл. Адмиралтейства

Ленинградский Гублит № 22712. Тираж 1000 экз. 22 лист. Зак. № 1749.

Настоящая книга П. В. Гельмерсена является едва-ли не наиболее полным и об'ективным исследованием операций флота против берега в мировую войну на иностранных театрах. Автор весьма широко использовал авторитетные и ценные материалы по этому обширному вопросу, опубликованные до сего времени на европейских языках, положив в основу своей работы тщательную сверку источников, исходящих из обоих бывших враждебных лагерей.—Du choc des opinions jaillit la verité.—Здесь, из сопоставления показаний бывших противников,—мы наиболее приобретаем шансы выяснить „истину". Само положение автора, как советского, военно-морского научного работника, позволяет ему отнестись к оценке и проработке таких литературных материалов с наибольшей об'ективностью.

Предметом настоящей книги является исследование наиболее сложных и наименее изученных операций флота—на богатейшем опыте мировой войны, что придает этой работе П. В. Гельмерсена, заполняющей большой пробел в нашей военно-научной литературе,—особенный интерес.

Сложные и важные вопросы морской стратегии, составляющие основное содержание настоящей книги и представляющие большую практическую ценность для нас сейчас,—в деле подготовки к обороне морских границ СССР, а также и малая теоретическая разработанность этих вопросов в мировой, военно-научной литературе,—заставляют нас предпослать работе П. В. Гельмерсена введение, являющееся краткой сводкой некоторых наших теоретических изысканий в этой области; мы рассчитываем, что это введение может помочь читателям разобраться в обширном и весьма интересном материале, представляемом автором в настоящей книге, и подвести практически полезные для себя выводы.

Настоящая книга составляет первый том предпринятого Военно-Морской Академией Р.К.К.А. издания „Операций флота против берега в Мировую войну". Содержанием второго тома, подготовляемого сейчас к печати, явится описание операций флота против берега на русских

морских театрах, т. е. на Балтийском и Черном морях. Не приходится доказывать, насколько опыт этих морских операций, изученный на фоне подобных же операций, происходивших в более широких масштабах на иностранных театрах,—явится особенно ценным для практических задач обороны морских границ СССР.

Б. Жерве.

1 октября 1926 г.

Введение.

Основными стратегическими задачами, которые возлагает война на морскую вооруженную силу и которые, без участия морской силы, не могут быть разрешены сколько-нибудь удовлетворительно,—являются:

I.—Борьба за морские сообщения, включающая в себе активную задачу:

1. Перерыв неприятельских морских сообщений, и пассивную задачу:

2. Обеспечение своих морских сообщений.

II—Борьба за берега, также включающая в себе активную задачу:

3. Вторжение на неприятельское побережье со стороны моря, и пассивную задачу:

4. Обеспечение своего побережья от неприятельского вторжения со стороны моря.

III.—Содействие своей армии, действующей в приморском районе; решение этой задачи сводится к выполнению двух предыдущих задач:

5. Поддержание морских коммуникаций своей армии и перерыв таковых у неприятельской армии—вполне укладывается в рамки задачи борьбы за морские сообщения, в ее активной и пассивной формах.

6. Действия своего флота против приморского фланга и тыла неприятельской армии и обеспечение фланга и тыла своей армии от действий неприятельского флота—представляют частные случаи борьбы за берега.

Из изложенного перечня стратегических задач, возлагаемых войной на морскую вооруженную силу, мы видим, что половина этих задач относится к борьбе за морские сообщения, представляющей, по своему существу, самостоятельную стратегическую задачу морской силы, т. е. такую задачу, которая выполняется морской силой самостоятельно, в свойственной ей стихии—в море; участие других родов вооруженных сил в этой борьбе—сухопутной и воздушной—может носить только узко-вспомогательный характер: охрана и оборона морских баз, разведка и т. п. Мы

не говорим здесь о морской авиации, которая является одним из непременных боевых средств морской силы и участвует в ее боевых операциях.

Другую половину стратегических задач морской силы составляет борьба за берега. Осуществляя эту задачу, морская сила, в той или иной степени, входит в непосредственный контакт с сухопутной и воздушной вооруженными силами,—как со своими, так и с неприятельскими.

При решении этих задач морская сила не всегда играет решающую роль; бывают случаи, когда флот, в борьбе за берега, выполняет задачи, вспомогательные по отношению к армии, действующей на данном побережьи. В силу этого, борьба за берега, вообще говоря, не является самостоятельной стратегической задачей морской силы. В тех случаях, когда морская сила действует против неприятельских сухопутных сил, обороняющих побережье, мы называем операции морской силы—смешанными; в тех-же случаях, когда морская сила действует совместно со своими сухопутными силами, осуществляя общую с ними стратегическую задачу, — мы называем такие операции совместными.

Необходимым условием для обеспеченного выполнения морской силой возлагаемых на нее стратегических задач, как самостоятельных, так смешанных и совместных,—является предварительное успешное разрешение ею задачи борьбы за владение морем. Под владением морем понимается такое положение на море, когда неприятельская морская сила лишена возможности производить в море боевые операции, а наша—сохранила за собою эту возможность. По степени достижения, владение морем рассматривается морской стратегией в трех фазах:

1) Абсолютное владение морем—когда неприятель вовсе не располагает морской силой, или же она полностью уничтожена нашими боевыми операциями. В этом случае наша морская сила получает полную свободу и обеспеченность при выполнении своих основных стратегических задач.

2) Условное владение морем—когда неприятельская морская сила не уничтожена, но заблокирована в своей базе нашей морской силой. Пока эта блокада действительна, мы обеспечены от появления в море главных сил неприятельского флота; но отдельные его суда—крейсера, торпедоносцы и, в особенности, подводные лодки—могут прорвать блокаду и выполнять в море боевые операции,—что, при условном владении морем, и должна всегда учитывать морская сила, выполняющая возложенные на нее основные стратегические задачи.

3) Спорное владение морем—когда оба противника сохранили за собою полную возможность производить в море боевые операции.

Абсолютное владение морем вполне обеспечивает морскую силу, при выполнении всех основных стратегических задач, на нее возлагаемых, от помехи со стороны моря и, само по себе, вполне решает борьбу за морские сообщения в ее пассивной форме. Условное владение морем, сводя до минимума угрозу враждебных действий на море, позволяет морской силе решить следующие основные стратегические задачи: прервать неприятельские морские сообщения, обеспечить свое побережье от неприятельского вторжения сколько-нибудь значительного масштаба, произвести вторжение на неприятельское побережье. Учитывая, при условном владении морем, возможности прорыва блокады и появления в море неприятельских боевых судов,—в особенности подводных лодок,—мы не можем, при таком стратегическом положении на море, вполне обеспечить свои морские сообщения, а также и свое побережье от отдельных случаев обстрела некоторых его пунктов неприятельскими судами и даже от высадок на него небольших неприятельских отрядов (напр., подрывных партий).

Спорное владение морем представляет для каждого из противников постоянную угрозу враждебных против него действий неприятельских морских сил, не позволяет ни одному из противников обеспечить свои морские сообщения, не дает ни одному из них обеспеченной возможности произвести вторжение на неприятельское побережье в сколько-нибудь значительном размере; но, зато, даже слабейшему из оспаривающих владение морем противнику предоставляется, в этом случае, возможность прервать неприятельские морские сообщения и обеспечивать свое побережье от неприятельского вторжения. Таким образом, спорное владение морем все-таки решает положительно две из основных стратегических задач морской силы, чем вполне оправдывается существование слабейшей морской силы, способной оспаривать владение морем у более сильного противника.

С понятием „владение морем“ нельзя смешивать внешне созвучное ему, но совершенно различное по своему существу, другое понятие—„господство на море“. Под „владением морем“, как видно из предыдущего, понимается более или менее установившееся стратегическое положение на море, явившееся результатом предшествовавшей ему борьбы между враждебными морскими силами. Выражение же „господство на море“ характеризует лишь соотношение в силах между враждебными флотами, которое не всегда

еще совпадает с определившимися уже результатами борьбы между ними.

В 1916 году русский флот на Черном море был гораздо сильнее находившихся на этом театре германо-турецких морских сил, которые, поэтому, должны были избегать решительного с ним боя; русский флот, таким образом „господствовал“ в 1916 году на Черном море. Между тем, благодаря большому преимуществу в скорости германских крейсеров „Гебена“ и „Бреслау“ и большому расстоянию их базы, Константинополя, от Севастополя,—операционной базы русского флота, последний не мог ни уничтожить германские крейсера в морском бою и, таким образом достигнуть абсолютного владения морем, ни заблокировать их в их базе и, таким путем, достигнуть условного владения морем.

До самого конца войны германские крейсера успешно оспаривали владение морем у более сильного русского флота, действуя на русских морских сообщениях, производя набеги на русские портовые города и обеспечивая свое побережье от высадки крупных русских десантов.

Однако, господство на море, само по себе, уже дает определенные стратегические преимущества: при благоприятных обстоятельствах случая, вероятность которого на войне никогда нельзя исключить,—господство на море может перейти в абсолютное владение морем; потеря скорости слабейшим противником, вследствие каких-либо случайных причин (поломки механизмов и т. п.), расположение сильнейшего противника между слабейшим и его базой, вход в которую к тому же загражден противником минами, и т. п. случаи—могут лишить слабейшего из противников возможности избежать неравного боя и своей в нем гибели. Это соображение должно, конечно, учитывать высшее командование стороны, обладающей более слабым флотом, в своих оперативных планах, касающихся всей стратегической обстановки войны. Принимая же во внимание, что достижение сильнейшим противником абсолютного владения морем предоставит ему возможность вторжения на побережье своего врага,—более слабый на море противник, несмотря на то, что флот его пока успешно оспаривает владение морем,—все-таки вынуждается непрерывно, в течение всей войны, держать часть своих сухопутных сил привязанной к обороне важнейших пунктов своего побережья, отрывая их от главного фронта сухопутной войны. Конечно, это обстоятельство только тогда имеет место, когда вторжение с моря возможно и вероятно в силу всей совокупности стратегической обстановки. Ввиду господства русского флота на Черном море, турки принуждены были, в течение всей войны, держать часть своих сухопутных сил в районе Бос-

фора; германцы сочли себя вынужденными, ввиду господства британского флота на Северном море, затратить большие средства для создания огромной системы обороны занятого ими Фландрского побережья и, кроме того, приковать к нему часть своих сухопутных сил. Но те же германцы, в силу всей стратегической обстановки, не опасались высадки британских войск на участке побережья Северного моря, принадлежащем самой Германии.

Это же господство на море, если оно обуславливается значительным превосходством в силах, дает основание сильнейшему флоту решиться на десантные операции на неприятельское побережье и до достижения абсолютного или хотя бы условного владения морем,—конечно, в тех случаях, когда эти десантные операции не слишком большого масштаба и не являются решающими для всего хода войны. Здесь может быть такой оперативный расчет: удачный исход десантной операции даст нам определенные стратегические преимущества на данном участке театра войны; гибель части десантного корпуса, во время перехода его через море, вследствие энергичного нападения на него слабейшего неприятельского флота,—не превзойдет своими размерами потерь в текущих боевых столкновениях на сухопутных театрах военных действий: неуспех десантной операции не повлияет чувствительно на стратегическое положение на всем театре войны. Если при всех этих условиях нашему сильнейшему флоту удастся уничтожить более слабый флот противника, напавший на нашу десантную экспедицию, во время выполнения ею морского перехода, и таким образом превратить наше господство на море во владение морем,—то и стратегический выигрыш в итоге всей этой операции будет на нашей стороне, так как впредь доставит нам все выгоды, сопряженные с абсолютным владением морем,—в том числе и обеспеченную возможность вторжения на неприятельское побережье,—уже в каком угодно масштабе. Само собой понятно, что, руководясь подобными соображениями и решаясь на десантную операцию в присутствии в море, хотя и слабейшего, но способного оспаривать владение морем, неприятельского флота,—сильнейший противник должен принять все меры для доведения риска такой операции до возможного минимума; одной из главных мер для этого будет возможно более полная секретность изготовления и выхода в море такой десантной экспедиции; удаленность путей ее перехода через море и пунктов ее высадки от базы неприятельского флота—также явится одной из мер, обеспечивающих успех такой операции; наконец, должны быть тщательно разработаны: разведка, походные порядки всей экспедиции, диспозиция прикрывающего ее флота и его маневрирование— днем и

ночью,—на случай нападения на десантную экспедицию неприятельского флота. Учитывая все условия стратегической обстановки на Черном море и на Лазистанском его побережьи в 1916 году, а также все меры, принятые тогда русским морским командованием, мы должны признать п р а в и л ь н ы м его решение произвести десантные операции из Новороссийска на Лазистанское побережье, несмотря на наличие в Черном море германо-турецких крейсеров, успешно оспаривавших владение морем.

Совершенно иначе пришлось бы отнестись к вопросу о десантной экспедиции в Босфор или в его окрестности: размер такой эспедиции и базирование германо-турецких морских сил, как раз, на Босфор—исключали возможность такой операции до завладения морем,—хотя бы условного, для которого, однако, предварительно необходимо было бы завладеть подходящей бухтой вблизи Босфора, для устройства в ней маневренной базы для русского флота, так как блокировать Босфор, опираясь на Севастополь, наш Черноморский флот не мог бы в своем составе, вследствие большого расстояния от Босфора до Севастополя. Для завладения же такой бухтой, в свою очередь, пришлось бы предпринять бо́льшую десантную операцию, для чего, в свою очередь, надо было бы предварительно заблокировать Босфор. Только при условии союза с нами Болгарии или оккупации ее нашей армией с сухого пути,—можно было бы думать о десантной экспедиции в Босфор.

Рассмотрим теперь, как преломлялись эти теоретические выводы в морских стратегических операциях в мировую войну.

На главном морском театре, в Северном море, британский флот обладал преимуществом в силах над германским флотом в пропорции 3 : 2. Ему не удалось достигнуть абсолютного владения морем на этом театре, так как германский флот избегал решительного с ним боя и, преимущественно, находился в своей отлично оборудованной операционной базе. Эта база представляла собой обширный морской плацдарм между цепью укрепленных островов Сильт, Гельголанд, Боркум и Вангерок и юговосточным углом побережья Северного моря, заключающим в себе большой военный порт Вильгельмсгафен и такие первоклассные коммерческие порты, как Гамбург и Бремен; вместе с тем она имела несколько прямых и широких выходов в море, что, в связи с большим расстоянием, отделявшим ее от английских морских баз, не давало возможности британскому флоту, при указанном соотношении в силах, блокировать германский флот в его базе. В силу этих обстоятельств, британское адмиралтейство не могло поставить задачу своим морским силам достигнуть хотя бы условного владения Северным

морем,—тем более, что даже при тесной блокаде Гельголандского плацдарма, германскому флоту оставался еще другой выход из своей базы в Северное море—через Кильский канал, Бельт и Скагеррак. Но британское высшее командование не имело и особой нужды для постановки такой задачи своим морским силам: оно не предполагало производить вторжение, в сколько-нибудь значительных размерах, на германское побережье Северного моря; британскому флоту, в мировую войну ставились две стратегические задачи: 1) обеспечить морские сообщения Англии и ее союзников между собою и с внешним миром; 2) прервать таковые же сообщения Германии и таким образом содействовать ее экономическому удушению. Обе задачи для своего разрешения требовали блокадных операций британского флота лишь в выходах из Северного моря в океан, каковых имеется два: канал и проход между Шотландией и Норвегией.

В работе П. В. Гельмерсена „Морская блокада“ обстоятельно изложены блокадные операции британского флота в Северном море. Эти операции, впервые производившиеся в истории морских войн в таком масштабе и в таких формах,—сами по себе представляют огромный интерес и дают массу ценного материала для поучительных выводов. Отсылая интересующихся этими операциями к названному труду П. В. Гельмерсена,—мы изложим здесь лишь наш конечный вывод из изучения этих операций британского флота.

Экономическая блокада Германии с моря достигнута была не чисто блокадными операциями в том смысле, как они понимались в прежних морских войнах; таковые операции британского флота в сущности не имели места, да и не могли бы быть осуществлены на таком огромном пространстве, как проход между Шотландией и Норвегией. Эта экономическая блокада была осуществлена всей совокупностью следующих обстоятельств и действий: географическим расположением британских островов в отношении Северного моря и ведущих в него из океана путей; дислокацией „Большого Флота“ в районе Шотландских и Оркнейских островов, и других частей британского флота—в Канале и на подходах к нему; действиями специальных блокирующих эскадр, рейдами „Большого Флота“ в северной части Северного моря; действиями крейсеров в океане; агентурной службой, агитацией и скупкой товаров в нейтральных портах; политическим и экономическим давлением на правительства и капиталистические круги нейтральных государств. Совокупность всех этих факторов, умело использованная британским правительством, и привела к тому, что Германия постепенно все более и более изолировалась от океана, а экономическая петля, накинутая на нее против-

никами, все более и более затягивалась. Но морской блокады, в чистом ее виде, берегов Германии и ее морской силы—ни юридически, ни фактически не было до самого конца войны,—что и привело к тому, что морские сообщения самой Великобритании и ее союзников подвергались все время ударам германских крейсеров и подводных лодок. Борьба с первыми, т. е. с надводными германскими крейсерами, была успешна, благодаря огромному количеству свободных для этой борьбы британских и союзных морских сил. Иначе обстояло дело с борьбой против германских подводных лодок, действовавших против морских сообщений Антанты. Это новое орудие морской войны оказалось в мировую войну наиболее грозным средством именно в борьбе против морских сообщений. В моей книжке „Значение морской силы для государства“ (3-е издание) приведены ошеломляющие результаты борьбы германских подводных лодок против морских сообщений Великобритании и ее союзников за 1917 и 1918 годы, т. е. за время „беспощадной“ подводной войны. Только колоссальная совокупность средств, которыми располагали союзники (в том числе и вступившие в войну Соед. Штаты Сев. Америки), позволили им осуществить ту грандиозную систему защиты своих морских сообщений от германских подводных лодок, которая дала положительные результаты лишь к весне 1918 года. Если принять во внимание: сравнительно ограниченное число германских подводных лодок, одновременно действовавших на морских сообщениях союзников; их конструктивную неприспособленность к длительным крейсерским операциям в океане; огромный масштаб мероприятий и колоссальное количество средств, которые пришлось применить союзникам для борьбы с этими подводными лодками,—то мы можем сделать вывод, что и в будущей войне на море подводные лодки, специально построенные для океанских крейсерских операций, сыграют большую роль в борьбе против морских сообщений противника. Осуществление блокады подводных лодок в их базах составляет трудно разрешимую задачу и при настоящих средствах и рессурсах морских сил, а борьба с ними в открытом море потребует в будущую войну еще больше средств, чем те, которые были затрачены на такую борьбу в мировую войну. Но сможет ли какое-либо государство в будущую войну располагать такими огромными средствами и неисчерпаемыми рессурсами, какими располагала вся Антанта в 1918 году? Постройка передовыми морскими державами все более и более мощных и совершенных типов подводных океанских крейсеров, несмотря на ограничительные постановления Вашингтонской конференции о „праве“ крейсерских операций подводных лодок, показывает—какое значение руководящие морские

круги в этих державах придают подводным крейсерам, как оружию в борьбе против неприятельских морских сообщений...

Что касается до самого Северного моря, в особенности его южной части,—то на этом театре владение морем было спорным: германский флот, до последних дней войны, имел возможность выходить в море и производить в нем боевые операции. Какие стратегические задачи ставились в этих операциях германскому флоту?

Для выяснения существа этих задач, следует отдать себе отчет в самом характере стратегической обстановки, создавшейся в мировую войну для германского флота на Северном море. Как уже сказано, германский флот был на одну треть слабее британского. Высшее германское командование, учитывая такое соотношение сил и считая конечной задачей своего флота решительный бой с противником, предварительной ему задачей ставило—всяческое ослабление более сильного британского флота и доведение его до более выгодного соотношения сил—путем операций м а л о й в о й н ы; только при наличии особо благоприятных обстоятельств, германскому флоту ставился задачей решительный бой с превосходными силами противника „до достижения желаемого уравнения сил“,—при чем, под такими благоприятными обстоятельствами понимался бой в такой близости от германской базы, чтобы неприятельский флот днем подвергся атакам германских подводных лодок, а ночью—торпедоносцев. И расчет на „малую войну“, как на средство для предварительного ослабления британского флота, и надежда на решительный бой с противником при наличии особо благоприятных обстоятельств,—основывались на предположении германского высшего командования, что британский флот будет держать т е с н у ю блокаду германской морской базы на Северном море. Выше мы уже указывали ряд обстоятельств, по которым британский флот, при всем его огромном составе, не мог-бы осуществить такую тесную блокаду германской базы. Трудно понять, как германское морское командование могло строить свой план кампании на Северном море на таком, совершенно невероятном, предположении. Тем не менее, вот, что писал адмирал Ингеноль (командовавший германским флотом в первый период войны) в 1918 году:

„Ведь, вся тогдашняя подготовка флота перед войной, наша тактика, наши маневры, отчасти наша судостроительная политика, до конструктивных мелочей включительно (например, малый район действия большей части наших миноносцев), основывались на принятии решительного боя в самой Германской бухте, или в ее близости, в предположении, что английский флот, при его превосходстве, будет

держать тесную блокаду Германской бухты в Северном море, для прекращения ввоза к нам с моря и для того, чтобы заставить наш флот держаться узкой обороны и принять бой. В последние годы перед войной появлялись, впрочем, под влиянием различных взглядов, выраженных в английской специальной литературе, сомнения в том, что противник и теперь будет поступать таким образом и что не ограничится ли он блокадой на линии Шотландия-Норвегия и Канала. Эти сомнения, однако, были всегда рассеиваемы ссылкой на то, что такая блокада никогда не будет признана нейтральными странами, в особенности Соед. Штатами Сев. Америки, и что англичане, если они даже сначала и попробуют обойтись без блокады, со временем убедятся, что без тесной блокады нашего побережья Северного моря им не достигнуть ни прекращения деятельности нашего флота, в особенности минных заградителей, ни своей другой цели—прекращения нашего ввоза. Еще после последних маневров мая 1914 г., незадолго до начала войны, руководитель неприятельской партии, вице-адмирал Шеер, в своем отчете о маневрах писал, что, по его мнению, английский престиж не позволит отказаться от блокады или ближнего наблюдения за Германской бухтой" [1]).

Это, наименее вероятное предположение высшего германского командования о планах его будущего противника на Северном море, положенное в основание всей подготовки Германии к борьбе на море,—ярко иллюстрирует не редко наблюдаемую в истории войн тенденциозность оперативных планов, т.-е. постройку их на узкой, предвзятой идее, часто даже мало правдоподобной,—как это и имело место в данном случае. Как известно, подобного-же порядка предвзятая идея была положена, перед мировой войной, и русским командованием в основу подготовки к войне на Балтийском море.

В военном мышлении, имеющем всегда дело с чужой, противоборствующей волей, — необходимо уметь мыслить об'ективно, предусматривая не только один вариант обстановки, но и другие,—по меньшей мере столь-же вероятные. Только вполне уверенная способность к высшей активности, подчиняющей себе волю противника, может освободить нас от необходимости предусматривать различные возможности этой враждебной воли; но, чтобы эта уверенность, в свою очередь, не стала тенденцией,—и притом наиболее опасной,—она должна быть обоснована на большом перевесе в моральных и матерьяльных силах над

[1]) «Война на море 1914—1918 гг.».—О. Гросс.; перев. Е. Беренса; Изд. Гл. Воен.-Морск. Научной Редакции, 1921 г., т. I. стр. 69.

противником и на соответствующей подготовке обстановки и средств для проявления этой активности...

Как известно, германская военно-морская мысль ошиблась: британский флот, с началом войны, развернулся для дальней блокады Северного моря и, таким образом, вышел из под непосредственных ударов малой войны своего противника. Перед германским командованием встала задача, заранее, еще в мирное время, им детально не разработанная и матерьяльно не подготовленная,—изыскать способы ведения малой войны и при этих условиях, имея целью ослабить противника, или-же заставить его отказаться от дальней блокады и перейти к тесной. Можно сказать, что все активные операции германского флота на Северном море,—в том числе и знаменитая операция 28—30 мая 1916 года, разрешившаяся Ютландским боем,—преследовали такие цели. Особенно типичными такими операциями являются обстрелы прибрежных британских городов германскими крейсерскими отрядами. Эти обстрелы, сопровождавшиеся постановками минных заграждений под английским берегом, преследовали цели: навести части английского флота на эти заграждения либо-же на заранее расставленные на позициях подводные лодки; постараться разбить и уничтожить отдельные, более слабые, части британского флота; навести более сильные его части под удары всего германского „Флота Открытого моря", обычно прикрывавшего эти операции.

Как известно, эти набеги германских отрядов на английское побережье не достигли ни одной из этих целей. Причинами этого, прежде всего, были, во-первых, не систематический, а, скорее, случайный характер этих операций; во-вторых, их оторванность от общего хода операций на главном, сухопутном театре войны, вследствие чего удельный вес этих операций не мог быть настолько велик, чтобы заставить британское командование отказаться от принятых им методов войны на Северном море, т.-е. от дальней блокады. Этот несистематический характер активных операций германского флота на Северном море еще более получал случайный характер, вследствие отсутствия перманентной германской стратегической разведки на этом театре,—результаты чего и проходят яркой нитью через все эти операции. В то же время английская стратегическая разведка непрерывно совершенствовалась, что также отражалось на характере этих активных операций германского флота.

Описывая операцию обстрела Ярмута 3 ноября 1914 года, П. В. Гельмерсен пишет:

„... (Германское) командование флотом не представляло себе, до какой степени в этот день германский флот был хозяином южной части Северного моря. Единственно, кого

немцы могли в этот день встретить в этом районе моря, были пять устаревших линкоров. Из них: „Majestic“, „Jupiter“, „Queen“ и „Venerable“, вернувшиеся только что из Дюнкерна, стояли в Норе, „Irresistible“—в Дувре; только этот последний линкор и „Venerable““ были в готовности выйти из гаваней через два часа. В открытом море 2 ноября находились крейсера „Undaunted“ и „Aurora“, которые, вместе с 3-ьей флотилией истребителей, крейсеровали между маяками Маас и Хаакс, для охраны оперировавших у Фландрского побережья судов. Еще два легких крейсера принимали топливо в Гарвиче. Вечером „Aurora“ была отозвана; ей было дано поручение—вместе с 6 истребителями охранять заградители, которые ночью должны были усилить минное заграждение перед устьем Канала. Джеллико, главнокомандующий английским флотом, находился в Лондоне. Там, как раз в это время, обсуждался вопрос об изменении дислокации английских морских сил; было решено усилить флот Канала III и VI линейными эскадрами, так как Адмиралтейство находило совершенно необходимым иметь более надежную защиту южных вод, считаясь даже с риском, что III эскадра уже не будет участвовать в операциях Гранд-Флита. 2-го ноября эта эскадра была на пути в Канал и шла западнее Ирландии. Из состава Гранд-Флита одни лишь линейные и легкие крейсера находились у восточных берегов Англии, в Кромарти; линейные эскадры стояли в своей базе на севере Ирландии“ [1]).

Легко представить себе, какой громкий и легкий успех мог бы достигнуть мощный отряд германских линейных крейсеров в эту операцию, если бы только он знал о действительном расположении в это время британских морских сил. Этот успех, возможно, действительно заставил бы британское высшее командование подумать о более действительной защите своего побережья и Канала,—что вполне соответствовало-бы германским планам „малой войны“... Но, не видя систематической стратегической разведки, германцы не знали об отсутствии, в эти дни, в Северном море главных сил британского флота и, как видно из описания этой операции, проводили ее весьма осторожно; особенно осторожными нам представляются действия командовавшего „Флотом Открытого моря“ адм. Ингеноля, заботившегося более о безопасности вверенных ему сил, чем о действительном прикрытии оперировавшего у английских берегов крейсерского отряда Гиппера.

Следующая активная операция германского флота — обстрел Гартлепуля, Витби и Скарборо, 16 декабря 1914 г.—

[1]) Стр. 11; курсивы наши.

проходила при той-же неосведомленности германского командования о расположении и составе британских морских сил, но, зато, при гораздо большей осведомленности британского командования о намерениях противника: уже 14 декабря Адмиралтейство получило сведения, что крупные германские силы 15 декабря покинут Эмс, — соответственно чему вышли в море и расположились главные силы британского флота, имевшие задачей отрезать возвращение германского крейсерского отряда в свою базу; правда, о выходе в море всего германского „Флота Открытого моря" англичане не знали. Насколько, все-таки, хорошо в это время действовала уже стратегическая разведка англичан, показывает радиодиректива, полученная 15 декабря адм. Битти от своего старшего начальника:

„Германская эскадра, в составе 4-х линейных крейсеров, 5 легких крейсеров и 3-х флотилий, сегодня на рассвете вышла с Яде; возвращается в среду ночью". (Дальнейшего текста этой радиограммы, заключающего в себе директивные указания, мы не приводим, отсылая к самому труду П. В. Гельмерсена (стр. 21).

Незнание германским командованием стратегической обстановки, как и в первой операции, вновь привело к крайней осторожности адм. Ингеноля, оказавшего еще меньшую поддержку своему крейсерскому отряду, обстреливавшему английское побережье, чем в первой операции,—несмотря на то, что во время этой операции германский флот вошел в соприкосновение с британскими морскими силами.

Из опыта этой операции интересно, во-первых, отметить разведку у Витби, произведенную германской подводной лодкой U21: „Лодке действительно удалось добыть весьма ценные сведения. Она наблюдала пути коммерческих кораблей под берегом, при чем выяснилось, что суда беспрепятственно ходят на расстоянии до 12 миль от берега. Для подхода к берегу—курс прямо на Витби казался наиболее безопасным... Командир подводной лодки, кроме того, доставил весьма обстоятельные кроки и рисунки наиболее приметных мест на берегу" [1]). Как показал вообще опыт мировой войны, подводные лодки являются едва-ли не наиболее ценным средством стратегической, а при определенных местных условиях (например, на пересеченных и узких театрах), и тактической разведки; но, чтобы выжать из подводной лодки все ее ценное качества, как разведчика,—необходимо еще в мирное время практиковать в этих операциях ее личный состав; настоящий случай содержит в себе как-бы программу для такого обучения личного состава подводных лодок.

---

[1]) См. стр. 16 и 17 настоящей книги.

Вторым выводом, какой нам хотелось-бы отметить из изучения этой операции,—это трудность, даже при большом превосходстве в силах, отрезать путь противнику в его базу, если только этот путь не проходит через узкость, которую можно предварительно занять. Только благодаря тому, что все возможные пути эскадры Рожественского во Владивосток проходили через проливы, соединяющие Японское море с океаном,—японское командование могло с уверенностью (которую, однако, мог разрушить туман) рассчитывать преградить этой эскадре путь в ее базу. В данном-же случае мы видим, что английское командование заранее точно знало о предстоящем выходе германских морских сил в операцию к британским берегам и даже правильно предугадало район своего побережья, который будет об'ектом неприятельского нападения; соответственно этому, оно заблаговременно разработало план действий своего флота, чтобы отрезать и уничтожить германский отряд, производящий набег, и выслало части своего флота в море; затем, британское командование во-время узнало о выходе германского отряда в море и о его составе; пути этого германского отряда у британских берегов были стеснены минными заграждениями, места которых были известны обоим противникам; если не считать „Флота Открытого моря", который фактически не поддерживал свой крейсерский отряд, то англичане располагали огромным преимуществом в количестве сил в районе операции; наконец, все части британского флота немедленно и точно информировались по радио о действиях и движениях германского отряда в виду английских берегов,—и, при всех этих благоприятных обстоятельствах, англичанам не удалось отрезать возвращение германских крейсеров в свою базу; вместе с тем, нельзя упрекнуть британское командование в каких-либо серьезных ошибках или упущениях. Этот случай, как и последующие выходы германского флота в море и благополучные его возвращения в свою базу,—даже после Ютландского боя,—показывают, что и при современных средствах морской силы, задача поймать в море и отрезать от базы неприятельский флот,—даже при большом над ним преимуществе в силах и при наличии благоприятных обстоятельств,—представляется чрезвычайно трудной.

Еще более поучительной является третья из описанных П. В. Гельмерсеном,—операция германского флота против английского побережья, произведенная полтора года спустя, 25 апреля 1916 года. Германское командование попрежнему не располагало сведениями о своем противнике; зато англичане теперь как бы играли с открытыми у противника картами, зная точно, в каждый момент операции, место и направление движения противника. Несмотря на это, германцам удалось произвести намеченный обстрел Ловестофа

и Ярмута и благополучно вернуться в свою базу, так как англичане не успели во-время сосредоточить к месту операции свои силы. Стороне, ведущей активные операции, всегда принадлежит огромное преимущество в выборе момента для начала операции; и этот момент может застать флот противника не готовым к немедленному выходу в море,— что и имело, как раз, место в настоящем случае: эскадры британских линкоров грузили уголь и смогли выйти в море лишь через четыре часа по получении известия о выходе в море германского флота, который, на самом деле, вышел в море еще за четыре часа до этого, т. е. опередил англичан на восемь часов. В этой операции интересно, прежде всего, отметить совершенно другое к ней отношение нового командующего „Флотом Открытого моря“ адмирала Шеера: он не только не бросал поддержку своего крейсерского отряда, обстреливавшего английское побережье, но, наоборот, смотрел на него, как на средство навлечь на свои главные силы часть британского флота, которая за ним погонится, с целью ее уничтожить. Идея Ютландской операции, происшедшей месяц спустя, уже была вложена в данную операцию германским командованием. Характерно, что и британское командование, в этой операции, как бы разыграло репетицию будущей Ютландской операции: непосредственно против германского крейсерского отряда были высланы, под общей командой Битти, эскадра линейных крейсеров и знаменитая впоследствии, по Ютландскому бою, V эскадра линкоров; остальные силы „Большого флота“, также вышедшие в море, предназначались для непосредственного удара по „Флоту Открытого моря“, на который должны были навести его крейсера Битти, преследуя германский крейсерский отряд до соприкосновения с „Флотом Открытого моря“. Отличная информация англичан о действиях германского флота обязана открытым ими способам быстрого расшифровывания германских радиограмм и радиопеленгаторным станциям; из этого факта необходимо сделать соответствующий вывод и для настоящего времени: несмотря на последние большие достижения в радиотелеграфной технике,— перехватывание и расшифровка неприятельских радиограмм возможны и теперь, равно как и радиопеленгование неприятельских судов, ведущих радиопереговоры. Следует, поэтому, еще в мирное время флоту практиковаться в выполнении операций при минимуме радиопереговоров между его частями и с берегом,—в особенности при больших расстояниях.

В этой операции, в районе тактического разрешения, т. е. у обстреливаемого английского побережья, с обоих сторон было сосредоточено большое количество подводных лодок, которые, однако, не имели почти никакого успеха,

несмотря на довольно долгое маневрирование в этом районе и германского, и английского крейсерских отрядов. Большие скорости и маневрирование этих отрядов по кривым линиям, а не прямыми курсами (что вызывалось требованиями артиллерийского боя),—приводили к тому, что подводные лодки не успевали занять позиции для выпуска торпед. Интересно отметить, кроме того, что английские аэропланы заставляли погружаться неприятельские подлодки (а, по ошибке, и свои), что также мешало последним следить за движениями надводных судов и своевременно занимать позиции для их атаки. Мы полагаем, что и в будущих боях между флотами подводные лодки обеих сторон, вследствие тех-же причин, окажутся в таком-же трудном положении.

Эта-же операция вновь подтверждает зато ценные качества подводных лодок, как разведчиков: „С полночи 2 подводные лодки, „UB18“ и „UB29“, стали на якорь южнее минного заграждения Штральзунда; одна из них показывала на восток красный огонь, вторая—зеленый, обозначая, таким образом, безопасные для подхода к берегу ворота“. Мы думаем, что и этот случай должен войти, в качестве особого пункта, в программу практического обучения совместному маневрированию надводного флота и подводных лодок.

Рассмотренные нами три активных операции германского флота иллюстрируют тот факт, что в течение всей войны владение Северным морем, вследствие принятых британским адмиралтейством методов дальней блокады, оставалось спорным: германский флот до конца войны имел возможность производить на нем активные операции. Но г о с п о д с т в о на этом морском театре, т.-е. способность быть сильнее своего противника в каждой точке этого театра, принадлежало британскому флоту.

Сознание этого обстоятельства давило на волю германского морского командования и не позволяло ему думать о с и с т е м а т и ч е с к и х операциях на этом главном морском театре. Между тем, основная идея стратегического замысла германского морского генерального штаба—ослабить британский флот малой войной—имела бы шансы на осуществление только при систематических операциях германского флота, связанных единством общей цели и, притом, такой цели, которая настолько бы угрожала общему стратегическому положению Англии и ее союзников, что заставила бы британское адмиралтейство отказаться от методов дальней блокады и перейти к непосредственной борьбе с германским флотом на более ограниченном пространстве морского театра. Английские берега не могли являться такой целью систематических операций германских морских

сил, так как господство британского флота на Северном море не допускало и мысли о германских десантных операциях на эти берега в сколько-нибудь значительных размерах; а без таких операций всякие действия против английского побережья имели бы, как это было и в действительности, характер простых набегов, которые не могли настолько повлиять на волю высшего британского командования, чтобы заставить его отказаться от принятых им методов войны на море и перейти на другие, более благоприятствующие стратегическим замыслам германского морского генерального штаба.

Раз, что соотношение сил и сложившаяся на Северном море стратегическая обстановка вообще не благоприятствовали постановке германскому флоту самостоятельных задач морской силы, т. е. непосредственных операций против британского флота и его баз, имеющих, в своей перспективе, овладение морем (абсолютное или, хотя бы, условное), обеспечение своих и перерыв неприятельских морских сообщений,—то перед высшим морским командованием должна была бы встать задача—связать операции флота с действиями сухопутных сил и, в связи с этим, поставить такие стратегические задачи флоту, успешное выполнение которых доставило бы действовавшим на западном фронте германским армиям весьма серьезные преимущества. Только такие операции германского флота могли бы заставить британское адмиралтейство отказаться от методов дальней блокады и перейти к войне на более тесных пространствах, при которых германская морская сила получила бы благоприятные возможности для ведения малой войны.

По занятии германскими войсками Бельгии, естественным контактом для совместных действий армии и флота являлось Фландрское побережье. Здесь, на этом участке мирового театра великой войны, могли бы решиться ее судьбы; здесь германское высшее командование должно было бы стремиться к нанесению решительного удара своим противникам,—удара, по нашему мнению, более серьезного по своим последствиям, чем устремления на Париж и Верден. Здесь лежал путь на Дюнкерк, Калэ, Булонь и Гавр; овладев бельгийским и французским берегами Канала, германское командование перерезало бы кратчайшие и удобнейшие пути, связывающие Англию с Францией; получило бы в свое распоряжение широкую и оборудованную базу для действий своих морских сил и против морских сообщений противников, и непосредственно против самой Англии. Великобритания тогда оказалась бы в более тяжелом и угрожаемом положении, чем 110 лет до этого, во времена знаменитой булонской экспедиции Наполеона.

Германское высшее командование обращало свои замыслы на французское побережье Канала, но рассчитывало их осуществить могучим натиском своих армий, без участия флота. Уже из одного этого можно думать, что германское высшее командование не дооценивало все огромное стратегическое значение удара в этом направлении и видело в нем только угрозу левому флангу союзных армий и кратчайшим сообщениям Англии и Франции. О непосредственном же ударе по своему главному врагу, Великобритании,—совместными силами армии и флота,—германское высшее командование, повидимому, не думало, надеясь успешно закончить войну решительными победами на сухопутных театрах. Флот же свой, второй по величине в мире, отлично построенный и подготовленный, — германская политика едва ли не берегла, как мощный фактор для будущих мирных переговоров и последующей мировой политики. В другой нашей статье—„Организация стратегий“ [1])—мы старались дать оценку и об'яснение этой главной, по нашему мнению, стратегической ошибке германского высшего командования еще в период его подготовки к мировой войне. Большая доля вины за эту основную ошибку германской стратегии лежит, как мы полагаем, на германском морском ведомстве, которое, как в годы мирного времени, так и во время войны, занимало слишком изолированное положение в общей системе вооруженных сил империи.

Из изложенного в настоящей книге описания операций, развернувшихся в борьбе за Фландрское побережье, мы видим почти полное безучастие в них германского флота; его командование не было даже в курсе сухопутных операций в этом районе и не связывало с ними свои оперативные замыслы.

Весьма характерные в этом отношении факты приводит П. В. Гельмерсен: „в конце октября 1914 года, когда во Фландрии шли решительные бои, командующий „Флотом Открытого моря“ входит с представлением в Главную Квартиру—использовать период ожидания генерального морского боя для упражнений в Кильской бухте“. Участие линейных эскадр в первой активной операции флота (в обстреле Ярмута в ноябре 1914 г.) адм. Ингеноль считал желательным „для тренировки личного состава в море, в условиях военной обстановки“. Трудно представить себе больший отрыв во время войны морской оперативной мысли от главного руководства всей войной: в то время, когда во Фландрии шли грандиозные бои, решившие последующий ход всей войны, германский флот жил своей обособленной жизнью, думая в это время о практических упражнениях в Кильской

[1]) „Морской Сборник“ за 1924 год, № 9.

бухте и о походах в море „для тренировки личного состава".

Сохранялась кажущаяся самостоятельность морской силы и ее операций, но, в действительности, утрачивался удельный вес этих операций в общем ходе войны. Оторванная от общего руководства войной и бессильная, вследствие соотношения сил и сложившейся на морском театре стратегической обстановки, вести самостоятельную войну, германская морская оперативная мысль, неизбежно, обрекалась на отдельные, имеющие случайный характер, операции своего флота, типичными образцами которых являются выше рассмотренные нами набеги на английское побережье. В общем итоге мировой войны,—на ряду с весьма напряженной боевой деятельностью германских армий на всех сухопутных театрах войны и с общим крайним напряжением всех средств и сил Империи, отчаянно боровшейся четыре года с превосходными и все растущими силами Антанты за свое существование,—почти полная бездеятельность „Флота Открытого моря" и его бесславная гибель по условиям перемирия. Тактическая подготовка и технические качества германского флота давали ему право на более продуктивную и славную боевую деятельность, но, для этого, надо было еще в мирное время понять неготовность германской морской силы, при сложившейся стратегической обстановке, решать самостоятельные задачи войны на море и, как вывод из этого, следовало о р г а н и з а ц и о н н о слить в единую, военную творческую мысль, направленную к единой же конкретной цели, работы Большого и Морского генеральных штабов. Вот один из важнейших, поучительных сейчас и для нас выводов, какой нам хотелось бы отметить из изучения операций на Северном море в мировую войну.

Сознавая господство британского флота на Северном море и не решаясь сосредоточить усилия своего флота на совместной с армией борьбе за материковый берег Канала,—германское морское командование, тем не менее, взяло на себя обязанность обороны от нападений со стороны моря занятого германскими войсками Фландрского побережья, средствами береговой обороны и малых сил флота (подводных лодок, минных заградителей, торпедоносцев и морской авиации). С этой целью германским морским ведомством постепенно была осуществлена на этом побережьи обширная система береговых оборонительных сооружений и базирования для малых сил флота. Что касается до последних, то, несмотря на исключительно благоприятные местные условия для их операций в Канале и в его северо-восточном устье,—германское морское командование не решалось выделить их на этот весьма важный участок морского театра в достаточном количестве: оно не потеряло еще веры в воз

можность самостоятельных операций своего флота на Северном море и боялось поэтому разделять его силы, выделяя часть их на второстепенные операции, каковыми, повидимому, оно считало операции у Фландрского побережья. Тщетно начальник Флондрской морской станции настаивал на предоставлении в его распоряжение достаточных морских сил и средств и „доказывал, что благодаря фланкирующему положению Фландрского побережья по отношению к морским путям в устье Темзы и Канала, могли развиться в юго-западной части Северного моря весьма серьезные для антличан операции, которые даже могли бы заставить их изменить своей выжидательной стратегии".

Почти столь же скупо выделяло свои силы, для операций у Фландрского побережья, и британское морское командование,—в особенности в начальный период борьбы за это побережье, когда германское наступление на нем еще только развивалось. Нельзя сказать, чтобы союзники, и в особенности англичане, не сознавали всего стратегического значения этого побережья; для удержания его союзные армии делали героические усилия.

В воспоминаниях Черчилля, бывшего тогда первым лордом адмиралтейства, в ярких красках описано беспокойство адмиралтейства за судьбы побережья Бельгии; если сухопутное союзное командование видело в продвижении по нему германских войск угрозу левому флангу своих армий, то британское адмиралтейство усматривало в этом продвижении угрозу морским коммуникациям в Канале и даже возможность серьезных операций германского флота против берегов самой Англии. Но, как раз, в это время британское морское командование находилось под тяжелым впечатлением первых блестящих успехов германских подводных лодок в атаках боевых судов; меры предохранения флота от этих атак только вырабатывались и не были еще достаточно испытаны; британское командование опасалось поэтому назначать серьезные морские силы для операций у Фландрского побережья. Из описания этих операций в настоящей книге, мы видим, насколько нервно относились к каждому известию о появлении в районе операций германских подводных лодок даже те скромные силы британского флота, которые в это время выполняли чрезвычайно важные для своих армий операции по обстрелу германских войск и их позиций на берегу.

Но то же описание этих операций ярко показывает, какую огромную пользу принесла поддержка даже этими весьма скромными силами британского флота союзным армиям, отчаянно в то время боровшимся с яростным германским наступлением на Фландрском побережьи. Можно

сомневаться, удалось ли бы союзникам, без поддержки флота, задержаться на Изере и не допустить дальнейшего продвижения германцев к Дюнкерку. Правда, из того же описания этих операций видно, что поддержка флота оказалась недостаточной, чтобы помочь союзникам обратно отобрать у германцев занятые ими бельгийские порты. Причина этому лежит в довольно узких, вообще говоря, пределах воздействия на берег боевых средств флота, не поддержанных соответствующей десантной операцией: это воздействие не может распространиться дальше дальности д е й с т в и т е л ь н о г о обстрела берега судовой артиллерией. Эта же дальность, в свою очередь, зависит не только от дальнобойности судовой артиллерии и от расстояния, на которое, в силу глубин прибрежной полосы моря, могут подходить к берегу обстреливающие его суда,—но и от топографии самой береговой местности (видны или не видны с судов обстреливаемые ими цели, а также—насколько складки местности образуют за собою пространства, не поражаемые настильным судовым огнем) и от способов стрельбы и корректировки артиллерии флота (корректировка с берега, с аэропланов; стрельба по площадям и пр.). В данном случае, благодаря обстрелу берега флотом, задерживалось германское наступление вдоль берега, но зато и союзники не могли продвинуться по береговой полосе на восток, так как южнее, вне досягаемости судовой артиллерии, союзников теснили немцы. Тем не менее, только благодаря поддержке весьма скромных сил британского флота, союзникам удалось удержаться на Изере столько времени, сколько потребовалось для открытия шлюзов и затопления местности впереди их позиций,—что окончательно остановило германское наступление к французским портам Канала.

Мы уже отмечали нервность, какую проявляли британские суда, обстреливавшие Фландрское побережье, ко всякому известию о появлении в их районе германских подводных лодок. Из описания этих операций видно, что такая же нервность проявлялась британским командованием при получении сведений о выходе в море, и в особенности о появлении у английских берегов частей германского флота. Отсюда видно, насколько легко было бы германскому морскому командованию помешать британским судам оказывать артиллерийскую поддержку союзным армиям,—что, в свою очередь, могло помочь германцам продолжить свое наступление к французским портам. Мы выше уже отмечали всю стратегическую важность такого германского наступления, но морское германское командование в решающие дни Ипрских боев не было в их курсе и в ы д у м ы в а л о операции своему флоту, для его тренировки и поддержания боевого духа.

Остановившись в своем наступлении на запад, вдоль Фландрского побережья, германцы, как выше уже сказано, обратили серьезное внимание на укрепление этого побережья средствами береговой обороны. В настоящей книге мы видим, какое в сущности огромное количество береговых батарей разнообразных калибров (в том числе пять 15-дюймовых, четыре 12-дюймовых и восемь 11-дюймовых орудий) было выставлено немцами на этом берегу, для защиты его от нападений британского флота. И все-таки трудно сказать—выдержала ли бы вся эта огромной силы, оборонительная система серьезное боевое испытание, если бы британский флот предпринял против нее операции большого масштаба. Успешный ночной набег британской заградительной эскадры, в апреле 1918 года, на Зеебрюгге,—на охране и защите которого была сосредоточена значительная часть этих оборонительных средств,—позволяет в этом сомневаться. Подвижность и концентрация огромной боевой силы на кораблях составляют отличительные качества флота, дающие ему весьма большие преимущества перед береговой обороной, в смысле возможности выбора места и момента атаки, а также сосредоточения, к месту и моменту атаки, превосходных сил. Только свой флот, противопоставленный неприятельскому, может надежно защитить свое побережье.

Серьезному боевому испытанию, однако, эта оборонительная сиетема, созданная германцами на Фландрском побережьи, не подверглась. Британское адмиралтейство, хотя и весьма заинтересованное в возвращении в руки союзников бельгийских портов, не находило возможным, с этой целью, предпринимать серьезные морские операции большого масштаба, совместные с армией, и отказываться таким образом от принятых им методов дальней блокады. В течение всего периода войны, когда германцы прочно укрепились во Фландрском побережьи,—усилия выделенных для операций у этих берегов британских морских сил направлялись, главным образом, на противодействие опирающимся на это побережье малым силам германского флота, возможные операции которых в Канале и в его северо-восточном устье беспокоили британское морское командование. Для этих же целей были построены англичанами специальные суда (мониторы и подводные лодки с крупной артиллерией), которые могли бы подходить к берегу, не боясь мин и торпед, и представляли малую цель для береговой артиллерии,—для обстрелов фландрских портов, каналов и шлюзов, входивших в систему базирования на этом побережьи малых сил германского флота. С этой же целью, как известно, была предпринята англичанами и знаменитая зеебрюггская операция.

Операции у Фландрского побережья дают много и других ценных выводов в области тактики, техники и организации борьбы флота с берегом; помещенное в настоящей книге описание их заключает много в этом отношении интересного материала. Мы не можем, однако, на них более останавливаться и перейдем теперь к третьей главной группе описанных в книге операций—к Дарданелльской и Галлипольской операциям.

Эти операции, как известно, происходили в восточной части средиземноморского театра, на которой, можно считать, что англо-французский флот почти абсолютно владел морем: австрийские морские силы блокировались в Адриатическом море и не подавали никаких признаков стремления к прорыву этой блокады; охрана приморских флангов своих армий на итальянском и балканском театрах справедливо считалась австрийским морским командованием более важной и непосредственной задачей флота, чем оспаривание владения Средиземным морем у превосходных сил противников. Кроме того, и базы австрийского флота были расположены в самой глубине Адриатического моря, в его северной части, и, таким образом, мало благоприятствовали активным операциям этого флота в восточной части Средиземного моря. Германо-турецкие морские силы были прочно заблокированы со стороны Дарданелл огромным превосходством союзного флота, базировавшегося на исключительно удобно расположенные, для блокады Дарданелл, острова Имбросс и Тенедосс. Кроме того, германо-турецкие морские силы также не проявляли желания бороться с этой блокадой, поглощенные операциями на Черном море, где они успешно оспаривали владение морем у все более усиливавшегося русского флота. В таких стратегических условиях зародилась и началась знаменитая операция англо-французского флота против Дарданелл. Эта операция действительно может быть названа знаменитой, так как никогда еще, в истории морских войн, не сосредотачивались такие огромные морские силы для атаки береговых укреплений; никогда еще эти силы не терпели в такой атаке столь огромного поражения. Не менее любопытна и вторая фаза этой операции—Галлипольская операция, представляющая также небывалую в истории войн, по своим масштабам, десантную операцию. То обстоятельство, что в обеих фазах этой операции участвовали, с обеих сторон, современные средства, придает для нас особо важное значение изучению этой операции; по существу, за исключением развития воздушных сил и средств, мы, ведь, и в настоящее время недалеко еще ушли от технического уровня боевых средств 1915 года.

Мы не будем останавливаться на политических причинах, из которых вылилась Дарданелльская операция. П. В. Гельмерсен сообщает в настоящей книге много интересных, в этом отношении, фактов, впервые появляющихся в русской печати. Более интересно выяснить то значение, которое имела бы эта операция, в случае ее успеха, в изменении общего стратегического положения борющихся сторон, и насколько союзное командование оценивало это ее значение во всех фазах развития ее замысла и выполнения.

К началу 1915 года оба огромных сухопутных фронта великой войны,—западный и восточный,—после грандиозных и кровопролитных боев, более или менее стабилизировались в формах позиционной борьбы. Союзники не имели основания рассчитывать на скорый прорыв и успешное разрешение задач войны на западном фронте. Восточный фронт, наоборот, должен был внушать им серьезные опасения, ввиду обнаружившейся неподготовленности русской промышленности к удовлетворению колоссальных требований современной войны. „Борьба на измор" Центрального Союза могла дать решающие результаты еще очень не скоро; до этого, отлично работавший военный механизм Германии мог нанести еще много весьма сокрушительных ударов ее противникам. Неопределенная позиция, занятая Румынией, Болгарией и Грецией, возбуждала серьезные опасения союзников за положение на Балканском полуострове, который мог стать прочным и широким мостом между центральными империями и Турцией; по этому мосту Германия могла, с одной стороны, черпать контингенты для своих вооруженных сил, а также продовольствие и сырье для своей промышленности из огромных резервуаров Малой Азии и Месопотамии; с другой стороны,—направлять свои удары против Кавказа, Суэцкого канала и Египта. Устойчивость южного фланга австро-венгерских сил значительно возрасла бы, в случае гибели Сербии и присоединения балканских государств к Центральному Союзу.

Единственным решительным средством для союзников—переменить в свою пользу обстановку на Балканском полуострове—была бы изоляция Турции от Европы, посредством завладения Дарданелльским и Босфорским проливами. В этом случае, сразу в большой степени сужался бы круг блокады Центрального Союза, что ускорило бы результаты „борьбы на измор". Предоставленная собственным силам, Турция не смогла бы долго продолжать борьбу со своими могущественными противниками, что освободило бы силы последних для сосредоточения их против оставшегося ядра германской коалиции. Появление в Черном море победоносного союзного флота, соединение его с русским Черноморским флотом и уничтожение германо-турецких морских

сил на этом театре,—во-первых, открыло бы обеспеченный и короткий путь для широкого снабжения России недостающими ей орудиями и предметами промышленности и для вывоза из нее хлеба и нефти в союзные страны; во-вторых, решительно повернуло бы в сторону союзников ориентацию балканских государств. Перед союзниками открывалась бы возможность создать новый, ю ж н ы й фронт борьбы против центральных держав,—фронт, наиболее опасный для Австро-Венгрии и Германии по географическим и политическим условиям. Словом, овладение Дарданеллами, Константинополем и Босфором сулило союзникам настолько большие и, вместе с тем, очевидные, стратегические, политические и экономические выгоды, что трудно поверить, чтобы руководящие круги союзного командования не могли их предвидеть. Сама по себе эта операция не требовала, для обеспечения своего успеха, столько вооруженных сил и средств, чтобы их нельзя было выделить, не ослабляя чувствительно главный, западный фронт войны. Если, как это видно из текста настоящей книги, главнокомандующий британскими войсками во Франции, генерал Фрёнч, требовал непрерывных подкреплений для перехода в наступление во Фландрии, с целью отобрания от немцев бельгийских портов, то важность этой цели должна была бы все-таки уступить тем широчайшим политическим и стратегическим перспективам, которые открывались перед союзниками, в случае успеха Дарданелльской операции. Одно-же только удержание союзниками своих позиций на западном фронте не требовало столь срочно и в таком количестве подкреплений, чтобы нельзя было выделить достаточные по количеству и качеству вооруженные силы и средства для обеспечения быстрого и полного успеха операций на Ближнем Востоке.

Из настоящей книги мы, однако, видим, в каких узких рамках и с какой постепенностью зарождался и развивался замысел Дарданелльской операции. Сперва—это осторожная демонстрация, чтобы запугать турецкое правительство и заставить его отказаться от войны, провокационно начатой германским адмиралом Сушоном против России на Черном море. Как и следовало ожидать, такая осторожная демонстрация англо-французской эскадры против наружных Дарданелльских фортов, имевшая эпизодический характер и не сопровождавшаяся существенными повреждениями на фортах,—только помогла взять верх в Константинополе милитаристическим кругам, находившимся под влиянием Германии. Предложение греческого премьера Венизелоса осуществить захват Дарданелл греческими вооруженными силами, повидимому, встретило сопротивление, главным образом, со стороны русского правительства, которое в это время открыто уже выступило перед союзниками с требованием признания

исключительных прав на проливы и Константинополь за Россией, как компенсацию за участие ее в войне, и, естественно, боялась водворения в Константинополе молодой, но честолюбивой Эллинской монархии. В январе 1915 года, испытывая сильное давление турецких войск на закавказском фронте, русское командование обращается к британскому с просьбой оттянуть, путем демонстраций или нажимов на Турцию в других местах, ее силы от закавказского фронта; иначе русскому командованию, для улучшения положения дел на этом фронте, придется отвлечь на него часть сил, предназначавшихся для австро-германского фронта. В стремлении исполнить возможно скорее, реальнее и с меньшей затратой сил это пожелание русского командования, британский военный совет снова возвращается к идее Дарданелльской операции, при чем, в процессе разработки ее замысла, он постепенно переходит от мысли о простой демонстрации к идее форсирования Дарданелл силами союзного флота, имеющего конечным об'ектом своей операции—Константинополь.

В настоящей книге живо и с достаточной подробностью изложены все фазы развития и претворения в жизнь этого решения британского военного совета. Трудно, однако, понять—как такое решение могло быть принято верховным британским командным центром, который не мог забыть печального опыта подобной же операции адмирала Дукворта в 1807 году. Даже, если можно было бы поверить в благополучный прорыв англо-французской эскадры через Дарданелльский пролив, защищаемый выгодно расположенной в узкостях пролива и спрятанной в складках местности, многочисленной артиллерией, минжальными торпедными батареями и минными заграждениями, то перед британским высшим командованием должен был стать неизбежный вопрос—а что же будет дальше? Появление союзного флота перед Константинополем еще не решало задачу: долго стоять здесь, без пополнения снабжения, он не мог; последующий прорыв через Дарданеллы транспортов с запасами для флота, при более чем вероятном условии, что значительная часть укреплений в проливе оставалась бы еще неразрушенной и боеспособной (особенно это относится до гаубичных и полевых батарей),—представлялся бы явно безнадежным предприятием. Бомбардировка и даже разрушение Константинополя, с его мусульманскими святынями,—не только не решили бы вопроса, но, наоборот, позволили бы германцам возбудить в большой степени против союзников фанатизм магометанского мира,—чего так опасалась Великобритания, насчитывающая многие десятки миллионов магометан среди населения своих колоний. Только прочное занятие всего района проливов и Константинополя много-

численной союзной армией могло решить задачу и реально открыть перед союзниками те широкие перспективы, о которых говорилось выше. Но, если для конечного успеха такой операции, нужна многочисленная армия; если, все равно, для этого ее надо предварительно собрать в портах восточной части Средиземного моря и отвлечь, таким образом, ее силы от главных сухопутных фронтов европейской войны,—то, конечно, несравненно целесообразнее было бы использовать ее с самого начала операции, для совместных действий с флотом, для завладения всем придарданелльским сухопутным районом, чем предварительно пускать один флот для более, чем сомнительной, операции прорыва Дарданелльского пролива.

Такая, решительная с самого начала, операция, выполняемая в большом масштабе совместными силами армии и флота, имела бы все шансы на успех,—прежде всего потому, что она была-бы *внезапная* для противников; из настоящей книги видно, как, в сущности, мало были, к началу Дарданелльской операции, подготовлены турки к отражению такой совместной атаки. Постепенное-же развитие этой операции—сперва одними морскими силами,—давало время германо-турецкому командованию подготовить к обороне Дарданелльский район и сосредоточить в нем значительные силы и средства; крупное поражение соединенного англо-французского флота в его попытке прорыва Дарданелл, помимо матерьяльных потерь союзников, было огромной моральной победой турок, сообщившей им большую устойчивость в дальнейшей борьбе. Из настоящей книги видно, что идея чисто морской операции против Дарданелл основывалась, отчасти, на том соображении, что такая операция, в случае, если она встретит в своем выполнении большие препятствия, может быть прервана в любой момент, без потери престижа великих морских держав Антанты, и политически может быть истолкована, как демонстрация. Не говоря о политической ошибочности такого соображения (уже первый обстрел Дарданелл союзной эскадрой в ноябре 1914 года, имевший действительно демонстративный характер, произвел на турецкое правительство обратное действие, усилив в нем милитаристическое течение,—что было известно союзникам), мы хотели бы отметить его ошибочность в чисто военном отношении,—ошибочность, имеющую принципиальный характер и часто встречающуюся в истории войн, а потому и заслуживающую быть особенно отмеченной.

Война—всегда война; всякая боевая операция, предпринимаемая во время войны, должна непременно считаться с сопротивлением противника и с вероятными потерями для своей стороны; всякие же потери в боевой операции, если они не выкупаются достигнутым успехом, во всяком случае

в большой степени повысят настроение и волю к борьбе противника; он, справедливо, будет считать наши потери своим успехом, своей победой. И чем больше будут эти потери наши, тем большую победу будет праздновать противник. Могли-ли рассчитывать союзники, что им удастся прервать морскую операцию против Дарданелл до получения больших потерь в составе своих морских сил, пытающихся форсировать пролив? Перерыв-же операции после больших потерь никогда не удалось бы об'яснить демонстративной целью операции; крупное поражение союзного флота осталось бы всегда крупным поражением, со всеми его матерьяльными и моральными последствиями. Нет большей ошибки в военном искусстве, как покушение с негодными средствами. Всякое военное предприятие, не доведенное до конца, является всегда поражением, о размерах которого судят по величине понесенных потерь. Только при успехе забывают о потерях.

Мы не будем в настоящем введении углубляться в тактическую сторону разбора замысла и выполнения морской части Дарданелльской операции. Она достаточно подробно выявлена автором и дополняется двумя ценными статьями, помещенными в № 8—9 „Морского Сборника“ за настоящий год: одной—переводной—„Борьба флота с береговыми укреплениями“ и другой Г. Н. Пелля—„Стрельба союзников при форсировании Дарданелл“. Нам представлялось желательным выявить стратегическую нецелесообразность замысла этой операции: не была продумана конечная цель операции, после прорыва союзным флотом Дарданелл. Независимо от допущенных союзниками вопиющих ошибок в тактическом расчете плана этой операции, ее стратегическая нецелесообразность была бы легко выявлена, если бы план всей операции был продуман до конца, т.-е. до конечной ее цели. Было-ли хоть какое-нибудь соображение о том, что будет делать без мощного десанта и без запасов, с прерванными коммуникациями, союзный флот, прорвавшийся через Дарданеллы и появившийся в Мраморном море?

Находя лишним повторять справедливые и ценные выводы автора, основанные на подробном исследовании им всей операции,—мы не будем здесь касаться также разбора второй ее фазы, десантной Галлипольской операции. Основная стратегическая ошибка была допущена в самом начале всей операции, в замысле ее морской части; эта основная ошибка указала туркам место намеченного союзниками удара; дала им время сосредоточить в этом месте необходимые силы и средства для противодействия вероятной десантной операции; крупное поражение союзного флота в его попытке форсирования Дарданелл укрепляло волю турок к упорной борьбе с будущим десантом. Последующие ошибки союзни-

ков в проведении самой дессантной операции, подробно отмеченные автором, лишь увеличивали трудность их предприятия и потери, но не являлись основными причинами неудачи всей операции.

Заканчивая на этом наше введение, мы хотели бы, в заключение, отметить основной наш вывод в отношении борьбы флота против берега.

Только обстрелы берега флотом, в целях поддержки фланга своей армии, или бомбардировки неприятельских баз, складов, путей и т. п., или, наконец, в демонстративных целях,—являются операциями, которые флот может выполнить собственными силами. Обстрелы-же берега, как самоцель, не могут иметь серьезного значения, так как чувствительно не влияют на разрушение военной мощи неприятельского государства и, следовательно, не могут воздействовать, в сколько-нибудь значительной степени, на волю правительства и командования противника в желаемом для нас направлении.

Обстрелы берега флотом не в состоянии, в общем случае, разрушить береговые батареи, но способны заставить временно замолчать открытые батареи; башенные, гаубичные и подвижные батареи, в огромном большинстве случаев, сохранят свою боеспособность под обстрелом флота; открытые-же батареи могут внезапно вновь открыть огонь тогда, когда флот менее всего на это рассчитывает.

Никакие прочные результаты, в борьбе флота против берега, немыслимы без высадки соответствующих дессантных сил, или без содействия оперирующей в этом районе своей армии. Прорывы флотом узкостей, при современных средствах береговой обороны, следует признать неосуществимым предприятием, а попытки к таковым неизбежно влекут флот к большим потерям, поскольку он входит в район действия гаубичных батарей и минных заграждений. Сама высадка дессанта, поддерживаемая огнем флота, возможна, при наличии следующих условий: 1) предварительного обеспечения, если не владения, то хотя бы уверенного и значительного господства на море; 2) завладения воздухом в районе и на время высадки дессанта; 3) предварительного погашения судовой артиллерией огня береговых батарей на все время высадки дессанта. Сопротивление одной армии, с имеющимися в ее распоряжении боевыми средствами, не поддержанное силами своего флота, воздушных сил и не погашенных судовым огнем береговых батарей,—не может воспрепятствовать высадке дессанта, поддерживаемого огнем флота,—конечно, если топографические и гидрографические условия района вообще позволяют произвести на его побережьи высадку.

БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА 3 КРАСНОЙ ... ССУРЫ

Учитывая, что флот выбирает время, место и погоду для производства десанта,—следует думать, что химическая оборона побережья вряд-ли явится мощным средством, способным заставить нас изменить наши взгляды на десантные операции.

Б. Жерве.

29 сентября 1926 г.

Часть I.

Обстрел Ярмута 3-го ноября 1914 г. [1]).

В конце октября шли решительные бои во Фландрии. Германское морское командование, в лице Начальника Морского Генерального Штаба, находившегося в Главной Квартире не считал себя в праве рисковать крупными надводными силами, чтобы помочь сухопутным войскам овладеть южными портами Английского Канала. Как мы знаем теперь из официальных трудов германского Морского Архива, Командующий Флотом Открытого моря адм. Ингеноль в то время даже не был точно осведомлен о событиях на сухопутном фронте и не представлял себе, насколько помощь флота армии могла быть насущно необходимой: иначе нельзя об'яснить то обстоятельство, что Командующий Флотом просил именно тогда разрешения использовать „период ожидания генерального морского боя“ для упражнений в Кильской бухте.

Начальник Морского Генерального Штаба телеграфировал 20-го октября из Главной Квартиры о необходимости вновь послать заградитель—на этот раз легкий крейсер в сопровождении подводной лодки—для постановки минного заграждения перед Фирт-оф-Фортом (см. черт. 10). Однако же, неудачный поход 17 октября для той же цели крейсера „Кольберг“ и заградителя „Наутилус“ убедил Командующего Флотом, что заградительные операции впредь могут выполняться только лишь при поддержке крупных сил. „Кольберг“ и „Наутилус“ должны были вернуться не выполнив своей задачи, т. к. встретили в море английские суда. Германское морское командование было убеждено, что после этой встречи англичане усилят дозорную службу у берега. От вступившего в должность I морского лорда Адмиралтейства адмирала Фишера ожидали в ближайшем будущем энергичных действий и поэтому решили торопиться. Легкие крейсера, под защитой линейных крейсеров, должны были поставить минные заграждения на путях из Английского Канала к восточным берегам Англии, между плавучим мая-

[1]) Все даты даны по новому стилю.

ком Smith-Knoll (на ONO в 21 милях от Ярмута) и городом Ловестофт. Кроме того, предполагалось уничтожить суда, занимающиеся рыбной ловлей восточнее Ярмута; в это время года их там бывало особенно много. По окончании обстрела, крейсера должны были спуститься к устью Канала южнее линии Smith-Knoll—Haaks [1]), чтобы уничтожить неприятельские дозоры или же навлечь их на I и III германские эскадры линейных кораблей, которые должны были занять выжидательное положение в районе Тершеллинга. Командующий Флотом Открытого моря Ингеноль не считал себя в праве, согласно полученным им инструкциям, выходить с главными силами за пределы Германской бухты, но в то же время участие линейных эскадр в операции он полагал весьма желательным для тренировки личного состава в море в условиях военной обстановки, что, по его словам, было „более нужно теперь, чем в первое время войны, ибо тогда еще флот был на высоте своей боевой подготовки".

Насколько важно было как раз в то время, в связи с событиями на суше, дать бой на море не сознавалось германским командованием.

Было решено, что крейсера выйдут из германской бухты с наступлением темноты, чтобы не быть замеченными английскими дозорными подводными лодками и рыболовными судами, на которых могли находиться агенты английской разведки. Но, при таких условиях, было невозможным дойти до цели до рассвета; с другой же стороны, нужно было во что бы то ни стало скрыть постановку заграждения от англичан. В светлое время суток это казалось возможным лишь путем отвлечения внимания противника. Отсюда возник план обстрелять линейными крейсерами побережье, в то время как легкие крейсера будут ставить мины. Такой обстрел мог отвлечь английские суда от Фландрского побережья.

Нельзя не обратить внимания на сложность сношений Командующего Флотом с Главной Квартирой: первая телеграмма высшему командованию была послана 29 октября, а сама операция могла состояться лишь 3-го ноября. С точки зрения секретности и внезапности такая задержка была крайне вредна. Дословный текст телеграммы: „Предполагаю в конце недели поставить у Ярмута минное заграждение с быстроходных легких крейсеров под прикрытием I и II групп разведчиков и флотилии быстроходных миноносцев. I и III линейная эскадра, III и IV группа разведчиков и остальные быстроходные флотилии миноносцев займут ожидательную позицию в 40 милях севернее плавучего маяка Тершеллинг. Западнее дозорная линия подводных лодок. Длительность операции не более 30 часов. Считаю опе-

[1]) Haaks—плавучий маяк в 53° с. ш. и 4°20′ вост. дол.

Черт. 1. Развертывание германских сил при обстреле Ярмута (2 и 3 XI 1914 г.).

рацию в границах поставленных мне полномочий. Она необходима для сохранения энергии личного состава и обещает успех".

Морской Генеральный Штаб в Берлине всецело присоединился к ходатайству Командующего Флотом; он счел необходимым и со своей стороны послать в Главную Квартиру соответствующую телеграмму. Личный состав Штаба хотел таким путем повлиять на своего начальника, находившегося при Главной Квартире. В тот же вечер от последнего был получен благоприятный ответ, при чем начальник Генерального Штаба указывал на необходимость использовать воздушную разведку, дабы флот на обратном пути не мог быть отрезан.

Когда телеграмма была получена, задул жестокий шторм от Ost, не ослабевавший до 3-го ноября. Шторм задержал операцию; она началась, когда сухопутные бои во Фландрии уже затихли. В тот же день, 3 ноября, вышли в море 4 подводных лодки, чтобы занять позицию по линии на SW от точки 53°46' св. ш. и 4°27' в. д. (см. черт. 1). В 1 ч. 30 мин. дня I и II разведочные группы и I и III линейные эскадры [1]) с причисленными к ним миноносцами сосредоточились на рейде Шиллиг (севернее Вильгельмсгафена), а III и IV разведочные группы—в устьи Везера. II-ая эскадра линейных кораблей находилась в Киле; на ней производились некоторые работы. Линейные крейсера под флагом Начальника Разведочных Сил Гиппера снялись с якоря в 4 ч. 30 мин. и пошли сначала к Гельголанду, чтобы не обратить на себя внимания неприятельских подводных лодок, предполагавшихся у голландского побережья. Ход 20 узлов. В авангарде шли легкие крейсера „Страсбург" и „Грауденд"; за ними в 3-х милях „Зейдлиц", „Мольтке", „Блюхер" и „Фондер-Танн", у них в кильватере легкие крейсера „Кольберг" и „Штральзунд"; последний—с минами. Крейсера шли без охраны миноносцев, так как последние, ввиду свежей погоды, не могли бы соблюдать эскадренного хода. В 6 часов вечера вышли в море линейные эскадры почти теми же курсами, как и крейсера; ход 10 узлов. Позднее ход был увеличен до 12 узлов. В 10 часов вечера линейные корабли разделились попарно, имея две мили расстояния между парами (см. черт. 2). Это был обычный ночной походный строй флота, в котором он постоянно, еще в мирное время, ходил на маневрах; строй этот должен был наилучшим образом обеспечить флот от ночных атак миноносцев. Все оставшиеся в базах корабли стояли в полной боевой готовности.

Ночь прошла без каких-либо инцидентов. Ветер OSO 2 балла; видимость очень плохая. Временами проглядывала

[1]) Элементы судов, участвовавших в операции, см. в приложении.

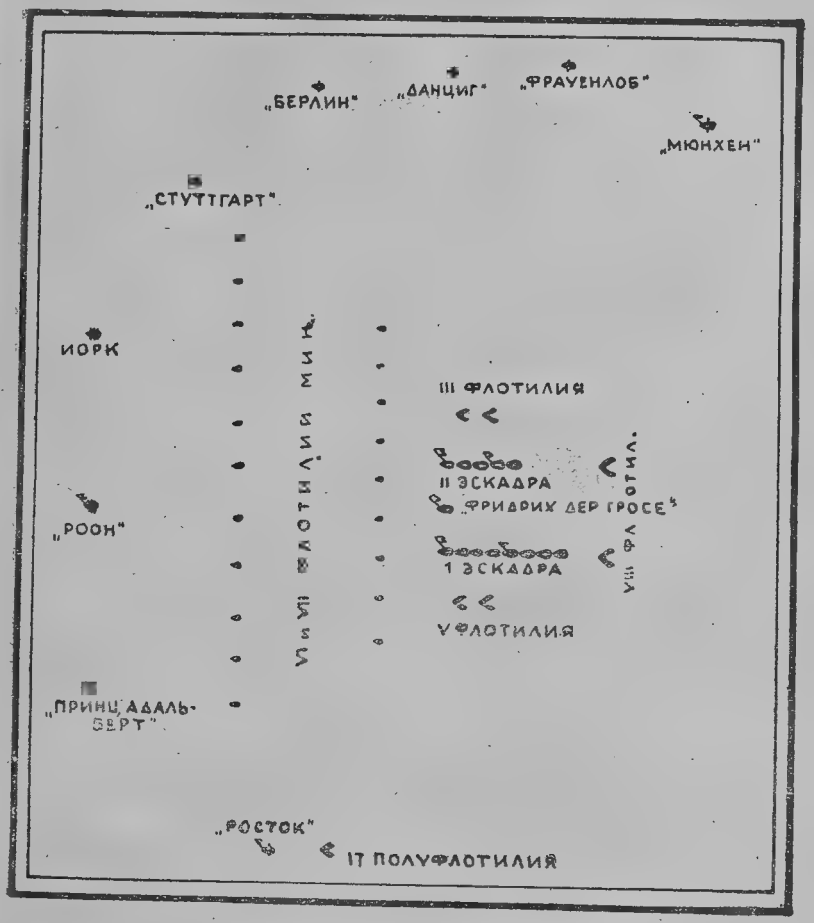
Черт. 2. Обстрел Ярмута (3/XI 1914 г.).

луна сквозь низко несущиеся облака. Около полночи крейсера миновали на меридиане Тершеллинга первые рыболовные суда. В 4 час. 15 мин. утра прошли вторую линию рыболовных судов, после чего число последних стало заметно увеличиваться: в районе плавучего маяка Smith-Knoll виднелись целые флотилии с широко раскинутыми сетями. Не было оснований думать, что эти рыбаки несут дозорную службу, ибо никакого радио-телеграфирования не обнаружилось. Отсутствие миноносцев сказалось очень чувствительно; им было бы легко уничтожить большую часть этих судов, не задерживая эскадры. Крейсера же не должны были останавливаться, ввиду опасности атак английских подводных лодок. Лишь некоторые английские рыболовные пароходы ушли полным ходом к Ярмуту; большинство оставалось спокойно на месте, принимая немцев за англичан и поднимая английские флаги.

Присутствие большого количества рыболовных судов, английских и нейтральных, сильно затрудняло операцию. Вскоре сказались новые затруднения. Из-за туманной погоды нельзя было точно определиться при выходе из Германской бухты по Гельголандским маякам. Ночные астрономические наблюдения не могли быть сделаны точно из-за неясного горизонта. Сравнение счислимых мест в 5 ч. 30 м. утра дало разницу до 10 миль. Положение крейсеров, имевших осадку 9—10 метров, становилось опасным, ибо перед берегом были расположены отмели и, конечно, следовало ожидать, что плавучие маяки не горят. По счислению флагманского корабля, траверз маяка Smith-Knoll ожидался в 6 час. 30 мин. Исходя из этого, „Штральзунд“ рассчитал начало постановки заграждения в 6 час. 25 мин. В 6 час. 15 мин. ход был уменьшен до 15 узлов, чтобы определиться по лоту: место корабля соответствовало 40-метровой глубине. Крейсерам приходилось лавировать между бесчисленными рыболовными судами, постоянно при этом бросая лот. Глубины, однако же, не соответствовали ожидаемым и не уменьшались, плавучий маяк Smith-Knoll не открывался; становилось ясным, что мины начали ставить слишком рано. Командир „Штральзунда“ поэтому приказал их бросать через бо́льшие промежутки. На виду рыболовных судов постановка прекращалась; впереди мин ставили команду, чтобы рыбаки не могли рассмотреть мин.

Внезапно открылся красный буй с надписью Smith-Knoll; очевидно, он стоял на месте плавучего маяка. Казалось, что место корабля не вызывает сомнений. Но вдруг лот показал 15 метров, а слева открылся полосатый буй, стоявший, как полагали, на южной оконечности банки Hearty-Knoll. Эскадра отвернула на SW, опасаясь попасть на эту банку. Вскоре головной крейсер донес, что видит плавучий

маяк, повидимому Cross-Sand. Берег не был виден из-за густого тумана. Крейсера дали полный ход и легли прямо на указанный плавучий маяк, намереваясь, в непосредственной близости последнего, повернуть на юг и начать обстрел



Черт. 3. Походный строй герм. флота 3/XI 1914 г.

береговых укреплений. Под берегом показались неприятельские корабли. Гиппер немедленно повернул на юг, чтобы открыть огонь всем бортом по этим судам. Неприятельские суда оказались канонеркой „Halcyon" и старыми истребите-

лями „Lively“ и „Leopard“. Англичане сделали прожектором опознательные; немцы тотчас же открыли огонь. Это было в 8 час. 12 мин. утра, в 120 кабельтовых от берега. Поворот на юг был преждевременным, ибо первоначально Гиппер предполагал подойти вплотную к плавучему маяку Cross-Sand, стоявшему в 68 каб. от берега, от него лечь на S и затем начать обстрел.

Прежде чем линейные крейсера повернули на юг, оба головных легких крейсера бросились на неприятеля и в 8 ч. 15 мин. открыли по нем огонь с расстояния 47—41 кабельтовых. Этим крейсерам вполне можно было бы предоставить уничтожение английских судов; однако, германский адмирал отозвал их обратно, вероятно опасаясь прибрежных минных заграждений или подводных лодок. Оба легкие крейсера заняли место в голове линии; флагманскому кораблю „Зейдлиц“ было приказано открыть огонь по неприятельским судам. Приказание это, переданное флагами и по радио, было неверно понято „Мольтке“ и „Блюхером“: первый успел открыть огонь еще до „Зейдлица“, „Блюхер“ немедленно последовал его примеру. Правила эскадренной стрельбы были в течение нескольких минут забыты. Вплески залпов крупной и средней артиллерии совершенно скрыли противника от глаз стрелявших; суда мешали друг другу стрелять, корректировка стрельбы стала невозможной. Ловко маневрируя, постоянно меняя скорость и ход, английские суда вышли целыми из-под выстрелов германской эскадры. „Мольтке“ стрелял с 8 час. 15 мин. до 8 час. 26 мин. исключительно только по этим судам, не нанося им повреждений; „Зейдлиц“ и „Блюхер“ в 8 час. 15 мин. перенесли огонь на береговые укрепления; вместе с ними открыл огонь по берегу и „Фон-дер-Танн“, ранее не стрелявший. Огонь был сосредоточен по батареям North и South Star и береговой наблюдательной станции. Условия стрельбы были неблагоприятны, ибо, из опасения подводных атак, крейсера шли полным ходом, постоянно меняя курсы, а цели были окутаны туманом. Лишь постепенно на берегу начали открываться удобные точки прицеливания, как, например, высокая колонна Нельсона и т. д. Стрельба велась по вспомогательным целям; „Зейдлиц“ стрелял с расстояния 72—82 каб., „Блюхер“ 107 каб., „Фон-дер-Танн“ 104—110 каб.

Вскоре около „Блюхера“ поднялись всплески неприятельских снарядов. Немцы не знали—стреляли ли с берега или с судов.

Из-за тумана и больших расстояний, действие огня нельзя было наблюдать. В 8 час. 31 мин. „Фон-дер-Танн“ делает последний выстрел с расстояния 76 кабельтовых. Английским судам удается беспрепятственно дойти до внутреннего фарватера. Во время боя англичане дали открытое радио:

„Два линейных и два броненосных крейсера открыли огонь по нашим судам".

„Кольберг" и „Штральзунд" шли, до начала обстрела, в кильватере линейных крейсеров. „Кольберг" должен был вести заградитель и способствовать точности определения места заграждения. Когда выяснилось по лоту, что суда по крайней мере на 2 мили дальше от берега, чем предполагалось, „Кольберг" вышел из строя, чтобы подвести „Штральзунд" ближе к берегу, ибо, согласно плана операции, предполагалось заградить также и внутренние фарватеры. Начальник эскадры по радио приказал им вступить вновь в кильватер, так как опасался под берегом минных заграждений. Гиппер полагал, что можно ограничиться заграждением района Smith-Knoll и Haisborough Gat.

В 8 час. 56 мин. постановка была закончена. Заграждение приняло неправильную форму, согласно линии курса линейных крейсеров; мины были поставлены на 2—$3^1/_2$ метра ниже уровня малой воды. Расположение минного заграждения показано на чертеже 2. Постановка мин была очень быстро обнаружена: в 12 час. 35 мин. немцы приняли открытое радио: „Сегодня утром в районе Smith-Knoll поставлено много мин".

Адмирал отказался от предполагавшегося поиска на юг и пошел сразу же кратчайшим путем к Тершеллингу. Свое решение Гиппер мотивировал поздним временем, а также и большим количеством минных заграждений в южной части Балтийского моря, которые могли стеснить маневрирование при встрече с неприятельскими судами.

Ко времени начала обстрела, германские главные силы пришли в намеченное место, в 60 милях северо-западнее Тершеллинга. Неприятельских судов не встретили; в 4 часа утра головные миноносцы досмотрели 2 парохода—единственные встречные суда. Расстояние между главными силами и обстреливающими крейсерами было около 100 миль. Таким образом, непосредственной защиты крейсера не имели: риск послать самые ценные разведочные отряды вплотную к английскому берегу был велик. Командующий Флотом, однако, впоследствии писал в своих записках: „Не было иного выхода, чтобы дать возможность флоту проявить активность в этот период вечного ожидания, который мог продлиться очень долго". „Риск был бы не столь велик, если бы крейсера на рассвете внезапно появились у английского побережья, продержались бы там $1-1^1/_2$ часа и пошли самым полным ходом обратно. Нужно было бы исключительное невезение, чтобы встретиться в это время года, с его столь короткими днями, с превосходными силами противника до наступления темноты. Даже если бы неприятельские соединения находились в какой-либо из ближних

баз, то наши крейсера могли успеть уйти достаточно далеко, пока неприятель поднял бы пары и вышел из баз. Под превосходными силами подразумеваются соединения линейных крейсеров, т. к. от встречи с линейными кораблями наши крейсера могли бы уклониться, пользуясь преимуществом скорости, а все другие военные корабли были бы слабее их".

Однако же, превосходство в скорости линейных крейсеров не могло почитаться столь обеспечивающим фактором, как указывает Командующий Флотом. Было достаточно одного попадания торпедой, или же подрыва на мине заграждения, или же, наконец, машинной аварии на одном корабле, чтобы скорость всего отряда уменьшилась. Директивы Начальника Морского Генерального Штаба неизменно приводили к полумерам, которые в один прекрасный день могли стать роковыми. Слишком далекое расстояние главных сил создавало на крейсерах нервную атмосферу и неуверенность, которые могли быть избегнуты, при непосредственной поддержке главными силами. Командующий Флотом так мало считался с возможностью каких-либо инцидентов во время обстрела берега, что уже в 8 час. 30 мин. лег на обратный курс, прежде чем пришла телеграмма об окончании обстрела.

С рассвета флот шел в строю, изображенном на черт. 3, который позволял ему быстро перестроиться в боевой строй, в случае появления неприятеля, и обеспечивало охрану от подводных лодок: обе эскадры рядом, в двух кильватерных колоннах; между ними—флагманский линкор; легкие крейсера спереди и сбоку, на пределе видимости; миноносцы, шедшие зигзагами, были распределены кругом эскадры; впереди эскадры шли в строе фронта две флотилии миноносцев, одна в расстоянии 2-х миль, другая в 5 милях от эскадры; расстояние между миноносцами две мили. При такой противолодочной охране, атаки подлодок были до крайности осложнены.

Ход дальнейших событий, согласно донесения командующего флотом, нижеследующий:

„Между 8-ю и 9-ю часами было слышно сильное неприятельское радио-телеграфирование; до того времени радионаблюдение не указывало на что-либо особенное. В 10 часов принято радио Начальника Разведочных Сил: „Поручение исполнено, место 028 х 6 наверху, курс ONO, ход 22 узла". Отсюда сделан вывод, что крейсера, после исполнения поручения, легли, между 8—8.30 часами, на обратный курс. В 10 час. 30 мин. Начальник Разведочных Сил доносит: „Неприятельский крейсер на NNO за нами наблюдает; кроме того, несколько дымов на NNO". Этот крейсер, следовательно, находился

на пути наших крейсеров. Пока нет основания считать, что наши крейсера нуждаются в поддержке главных сил, которые продолжают идти на восток, чтобы подойти своевременно, с наступлением темноты, в район Гельголанда, не подвергаться опасности от минных атак и, кроме того, войти ночью в устье рек, избегнув английских подводных лодок, заходящих в глубину Германской бухты. В 10 час. 56 мин. радио „Штральзунда": „Неприятельские суда идут на OSO, находятся в 046". Легкие крейсера предполагалось иметь впереди линейных на обратном пути. Поэтому следует предполагать, что „Штральзунд" держится впереди линейных крейсеров и что неприятельский крейсер пересекает курс наших крейсеров по направлению на О, для чего он должен располагать большой скоростью. Повидимому, он принадлежит к типу „Undaunted". Плавание главных сил продолжается".

Факты подтвердили взгляд командования, что неприятельские силы должны были запоздать. Но, с другой стороны, командование флотом не представляло себе, до какой степени в этот день германской флот был хозяином южной части Северного моря. Единственно, кого немцы могли в этот день встретить в этом районе моря, были пять устаревших линкоров. Из них: „Majestic", „Jupiter", „Queen", и „Venerable", вернувшийся только что из Дюнкерка, стояли в Норе, „Irresistible" в Дувре; только этот последний линкор и „Venerable" были в готовности выйти из гавани через 2 часа. В открытом море 2-го ноября находились крейсера „Undaunted" и „Aurora", которые, вместе с 3 флотилией истребителей, крейсеровали между маяками Маас и Хаакс для охраны оперировавших у фландрского побережья судов. Еще два легких крейсера принимали топливо в Гарвиче. Вечером „Aurora" была отозвана; ей было поручено, вместе с 6 истребителями, охранять заградители, которые ночью должны были усилить минное заграждение перед устьем Канала. Джеллико, главнокомандующий английским флотом, находился в Лондоне. Там, как раз в это время, обсуждался вопрос об изменении дислокации английских морских сил; было решено усилить флот Канала III и VI линейными эскадрами, так как Адмиралтейство находило совершенно необходимым иметь более надежную защиту южных вод, считаясь даже с риском, что III эскадра уже не будет участвовать в операциях Гранд-Флита. 2-го ноября эта эскадра была на пути в Канал и шла западнее Ирландии. Из состава Гранд-Флита одни лишь линейные и легкие крейсера находились у восточных берегов Англии в Кромарти. Линейные эскадры стояли в своей базе на севере Ирландии.

Теперь осветим операцию с английской точки зрения. Появление немцев перед Ярмутом было совершенно неожиданным. Из дозорных судов, базировавшихся на Ярмут, только лишь „Halcyon“ и оба истребителя „Lively“ и „Leopard“ находились вне гавани. Когда началась стрельба, остальные суда вышли из гавани. Когда они вышли на рейд, то германские крейсера успели уже скрыться в тумане.

Случайно три английских подводных лодки, „Е 10“, „Д 3“ и „Д 5“ находились в полной готовности в Горлестоне, предполагая идти в Категат и к Тершеллингу. Они немедленно вышли в море, чтобы атаковать стреляющие крейсера: как видно, Гиппер был прав, не разрешив своим судам подходить близко к берегу. Лодкам не удалось атаковать, при чем одна из них наткнулась на плавающую мину и погибла.

После первых залпов, истребитель „Lively“ очень ловко положил дымовую завесу между немецкими крейсерами и „Halcyon“, благодаря чему последнему удалось уйти с легкими повреждениями. В 8 час. 45 мин. истребитель донес, что неприятель уходит на SW; определить состав сил ему не удалось, из-за тумана.

По получении первого радио о начале обстрела, Адмиралтейство приказало находившимся на W от Текселя, милях в 30, дозорным крейсера „Aurora“ и „Undaunted“ сосредоточиться у Smith-Knoll. Старший морской начальник в Гарвиче, коммодор Тирвитт, которому крейсера были подчинены, предполагал с одним легким крейсером и флотилией миноносцев идти, самым полным ходом к Тершеллингу, чтобы отрезать немецкие суда при их возвращении. „Aurora“ и „Undaunted“ предполагалось позднее послать туда же. Более подробные сведения о происшедшем английское командование получило, когда „Halcyon“ в 9 час. 30 мин. утра вошел в гавань. По донесению этого корабля, неприятельская эскадра состояла из четырех линкоров и четырех крейсеров. По другим сведениям из Ярмута, неприятельский отряд состоял из одного линейного крейсера и трех или четырех легких крейсеров. В такой редакции Адмиралтейство передало в 10 час. утра это известие адмиралам Худу в Дюнкерк и Битти в Кромарти. Все подводные лодки, стоявшие в Гарвиче и Дувре, вышли на позицию. Соответствующее предупреждение было послано Командующему Флотом Канала, который приказал единственным двум готовым к походу старым линейным кораблям занять выжидательную позицию у юго-восточного берега Англии, на подходах к Темзе. Если бы немцы выполнили предполагавшийся поиск на юг, то, несомненно, англичане понесли бы большой урон.

Около полудня из Ярмута донесли, что эскадра состояла без сомнения из двух линейных крейсеров и четырех легких крейсеров. Начальник Гарвичских сил Тирвитт, в свою

очередь, получил предостережение Адмиралтейства не давать себя отрезать. Битти дано было указание идти в точку севернее Гельголанда, где с ним должны были соединиться легкие крейсера, высланные из Скапа; оттуда англичане должны были попытаться отрезать немцев, при их возвращении. Эскадры дреднаутов вышли из базы на северном берегу Ирландии в Скапа, куда было приказано идти также и III эскадре. Эти мероприятия могли, однако же, повлиять на исход операций лишь в том случае, если бы за обстрелом Ярмута последовали операции германского флота против северных портов или английских блокадных линий. Если бы немцы направились к Каналу, то эскадры дреднаутов не могли успеть их отрезать на обратном пути. Немедленно было сделано распоряжение флоту Канала перейти из Портланда в Спайтхет, а „Venerable“ и пяти подводным лодкам — подкрепить из Норе линкоры, посланные для защиты устья Темзы; у последней должна была сосредоточиться вся V эскадра.

Около 12 часов дня в Ловестовт прибыло рыболовное судно, сообщившее, что немцы поставили у Smith-Knoll заграждение в 5 миль длиною. Адмиралтейство немедленно послало предупреждение всем морским силам. Как оказалось потом, крейсер „Aurora“, около 11 часов утра, благополучно пересек восточную часть минного заграждения; в 9 ч. 43 м. „Undaunted“ и истребители прошли в 3-х милях от этого заграждения.

Тем временем Тирвитт на „Arethusa“ с 6 истребителями прошел вдоль побережья Сюффолька к Smith-Knoll. „Undaunted“ с истребителями пока шел один к Тершеллингу. В 53° с. ш. он увидел за собой четыре немецких крейсера. Самым полным ходом английский крейсер отошел на север, чтобы увлечь за собою германские корабли; но это не удалось. „Undaunted“ лег параллельным курсом с немецкими крейсерами, чтобы следить за их движением.

Тирвитт был в 12 час. 30 мин. у маяка Кортон, дважды пересек благополучно германское минное заграждение и пошел самым полным ходом на соединение с „Undaunted“ и „Aurora“. Вскоре после полудня он получил указание Адмиралтейства отойти, ввиду превосходных сил неприятеля. Поэтому он отозвал „Undaunted“ и „Aurora“ обратно и соединился с ними в широте 53°, на середине между Англией и Голландией. В 4 часа он направился к Тершеллингу со своими тремя крейсерами и 12 истребителями. Соприкосновение с неприятелем, таким образом, было потеряно. Линейные и легкие крейсера, вышедшие под флагом Битти, были по этой же причине отозваны. Тирвитт повернул обратно лишь в полночь; идя широким фронтом, он обследовал море и 4-го ноября, на широте плавучего маяка Маас, выставил дозорную линию.

Германские линейные крейсера, после обстрела берега, убедились, что их место обнаружено и что неприятельские

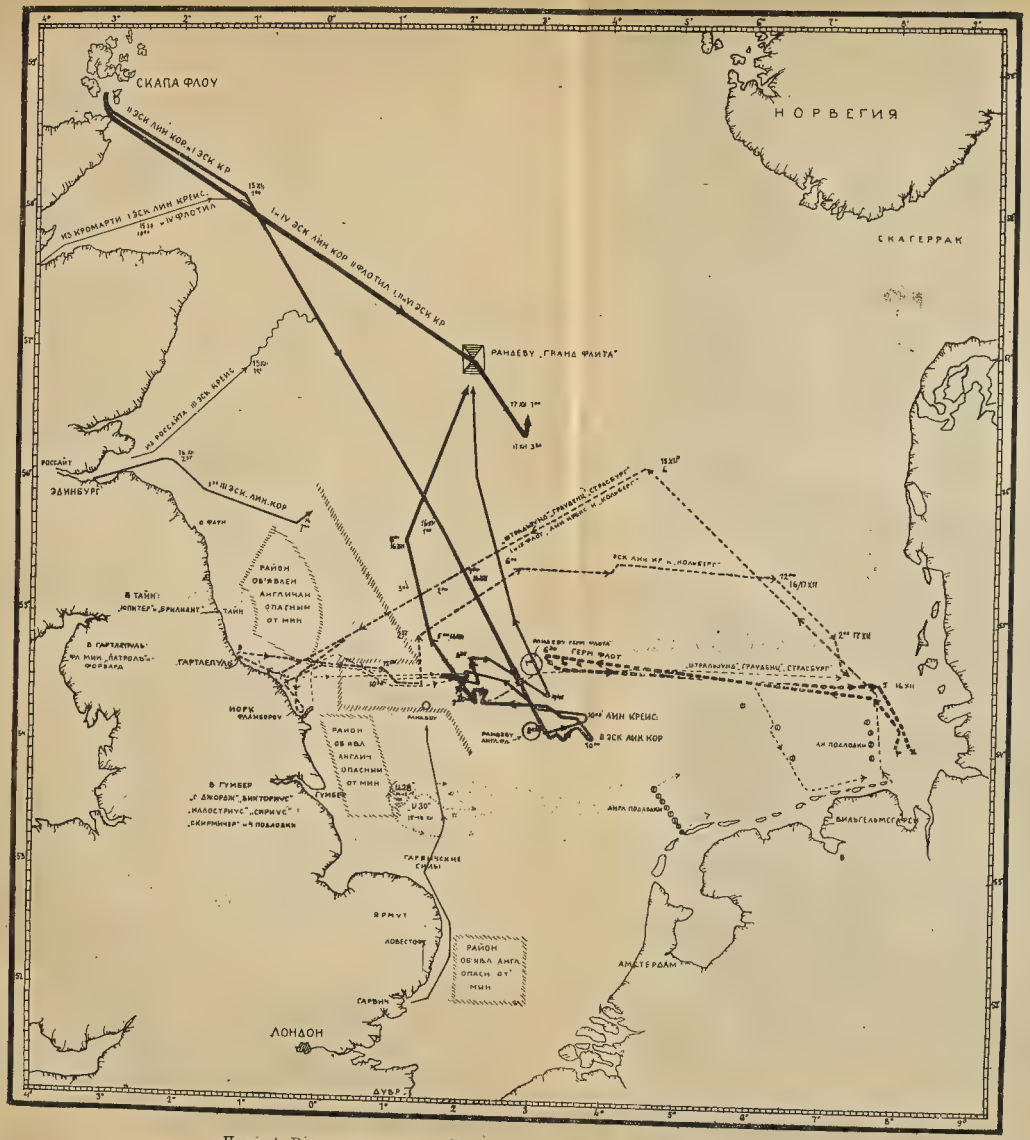
разведчики за ними следят. Вскоре после 9 часов, шедшие впереди в сомкнутом строю легкие крейсера (см. черт. 2), донесли, что видят на севере один английский легкий крейсер („Aurora“). Начальник разведочных сил немедленно приказал дать 23 узла, чтобы как можно скорее соединиться с главными силами: он был убежден, что встреча с превосходными силами англичан неминуема. Около 10 час. на NNO открылся второй крейсер, шедший полным ходом на Ost („Undaunted“); рядом с ним виднелись дымы 3-х истребителей, корпуса которых были видны лишь временами. Немцы повернули на них, англичане отошли на север. Ввиду преимущества в скорости на стороне последних, их нельзя было ни отогнать, ни уничтожить. Около полудня суда эти показались на недолгое время в очень далеком расстоянии, после чего скрылись окончательно; первоначально немцам казалось, что они хотят подтянуть более крупные силы; но их постоянный отход заставил сделать вывод, что за ними нет поддержки.

Около 11 часов выяснилось, что „Кольберг“, а за ним и „Фон-дер-Танн“, не могут держать столь большой скорости: первый, из-за поломки вентилятора в кочегарном отделении, второй—из-за плохого угля. В 1 час. 45 мин. крейсера проходили дозорную линию подводных лодок около Тершеллинга, при чем одна из немецких лодок начала атаку, и лишь в последний момент опознала „Страссбург“. Начиная с 2-х часов дня германские крейсера шли зигзагами, ввиду возможности атак английских подводных лодок. Около 7 час. вечера английские крейсера прошли место, где стояли немецкие подводные лодки; последние, однако, уже покинули свои позиции с наступлением темноты. Вскоре после полночи крейсера стали на внешнем рейде Яде; войти во внутрь не удалось из-за густого тумана. Линейные корабли стали на рейде Шиллинг уже в 10 час. вечера.

Надежды, возлагавшиеся на воздушную разведку, не оправдались; последняя была невозможна: в течение последних дней до операции—из-за свежей погоды, а в день операции—из-за тумана.

Ошибки при передаче сигналов и недостаточная дисциплина огня во время обстрела ясно указывали, что длительная стоянка и бездействие флота вредно отразились на его боеспособности. В Главной Квартире считали, что операция выполнена неудачно.

Закончилась она неожиданной потерей для немцев. Несмотря на густой туман, командир крейсера „Йорк“ все же решил идти в Вильгельмсгафен для срочного ремонта; однако же, в тумане он обошел брандвахтенное судно, стоявшее у прохода через заграждение, не с должной стороны, и крейсер взорвался на собственных минах.



Черт. 4. Развертывание английских и германских сил 15—16/XII 1914 г.

Обстрел германскими крейсерами Гартлепуля, Витби и Скарборо 16 декабря 1914 г.

Командование германским флотом решило повторить операцию обстрела английского побережья. Обстрел Ярмута заставлял предполагать, что англичане будут иметь в готовности крупные силы, чтобы отразить немцев. Командующий Флотом 16-го ноября испросил разрешение Верховного Командования обстрелять батареи Гартлепуля и Скарборо линейными крейсерами I разведочной группы совместно с новейшими крейсерами II разведочной группы, в сопровождении двух самых быстроходных флотилий миноносцев. Для поддержки этих крейсеров, Флот Открытого моря должен был выйти в море и быть в момент обстрела в 130 милях восточнее крейсеров. Предполагалось, что Флот Открытого моря в тот же вечер вернется в Германскую бухту. Такое далекое расположение главных сил от крейсеров, конечно, не может считаться достаточным для оказания действительной поддержки. (Соображение Командующего Флотом, однако же, об'ясняется тем страхом, который царил в Главной Квартире в отношении выхода в море линейных кораблей: если бы Командующий Флотом испросил разрешение на более далекое их продвижение вперед, то отказ Главной Квартиры в разрешении вообще начать операцию был бы более чем обеспечен). Кроме того, предполагалась одновременная постановка мин заграждения не дальше 6 миль от берега в районе обстрелов. Подводные лодки должны были дежурить перед Гумбером и Гарвичем и атаковать выходящие оттуда английские суда. Операция намечалась на 22—29 ноября.

Как уже было сказано, просьба о разрешении произвести операцию была послана в Главную Квартиру 16-го ноября; лишь 19-го ноября было получено согласие. Задержка происходила потому, что Начальник Морского Генерального Штаба, находившийся в Главной Квартире, должен был, перед докладом кайзеру, заручиться предварительно согласием, как Начальника Морского Кабинета, так и статс-секретаря по морским делам Тирпица. Я упоминаю об этом, чтобы подчеркнуть неизбежные проволочки при разработке

операции, которые не могли не отразиться на ее секретности.

Германский официальный труд о войне подробно останавливается на том, допустим ли вообще обстрел указанных портов с точки зрения международного права того времени. По немецким сведениям у Гартлепуля была расположена батарея Heugh, состоявшая из двух 15,2 см. орудий и двух 7,6 см. орудий, батарея у кладбища—из двух 12 см. орудий или гаубиц—и батарея у маяка, для которой были готовы лишь основания для орудий неизвестного калибра. Скарборо еще в мирное время располагал батареей из шести 15,2 см.; там же, по последним сведениям, англичане предполагали установить еще три таких орудия. У Витби находился лишь береговой наблюдательный пост, который обслуживался военно-морской командой. Казалось вероятным, что вооружение этих пунктов во время войны было еще усилено.

Корбетт говорит, что в Гартлепуле было всего три 15-см. орудия: два стояли у возвышенности Heugh, одно у маяка. Скарборо и Витби не были защищены; таким образом, бомбардирование этих портов, согласно ст. 1 главы I Гаагской конвенции 1907, должно было быть признано с точки зрения Германии, подписавшей эту конвенцию, незаконным.

Немцы, кроме того, имели сведения, что перед восточными портами Англии дежурят подводные лодки, вооруженные рыболовные пароходы, яхты и т. п. Имелись еще и сведения о группах из нескольких линейных кораблей или броненосных крейсеров, несших дозорную службу вдоль побережья.

Германское морское командование не было уверено, находятся ли еще на месте заграждения, поставленные ранее немецкими судами у английского побережья, или они уже вытралены, а также поставлены ли действительно англичанами прибрежные минные заграждения, о которых были извещены мореплаватели 2 ноября. Повидимому, германским Генеральным Морским Штабом был организован тщательный опрос агентами разведки голландских, шведских и датских коммерческих капитанов, возвращавшихся от восточного английского побережья. Крайне противоречивые показания создали впечатление, что, кроме поставленных у английских берегов немцами мин, других заграждений там не имеется.

Чтобы получить более достоверные данные, 21-го ноября была послана подводная лодка „U 27“, под командой одного из наиболее опытных капитанов, для обследования фарватеров у берега, которыми должны были пойти линейные крейсера. Она должна была обнаружить буйки или какие-нибудь другие обычные знаки ограждения минных полей. Лодке действительно удалось добыть весьма ценные сведения. Она

наблюдала пути коммерческих кораблей под берегом, при чем выяснилось, что суда беспрепятственно ходят на расстоянии до 12 миль от берега. Для подхода к берегу— курс прямо на Ватби казался наиболее безопасным (см. черт. 13). Командир подводной лодки, кроме того, доставил весьма обстоятельные кроки и рисунки наиболее приметных мест на берегу.

Английская печать была сильно обеспокоена возможностью повторения обстрела побережья; не было сомнения, что флот и прибрежные батареи будут на-чеку.

Погода не благоприятствовала операции; лишь 8 декабря могла быть отправлена та же самая лодка („U 27“) для вторичной разведки берега. Результаты она должна была сообщить по радио. Чтобы выяснить, как англичане ведут ночью наблюдения за Германской бухтой, были посланы 5 легких крейсеров и 2 флотилии миноносцев на NNW, на 100 миль от Гельголанда. Неприятель не был обнаружен, досмотренные нейтральные рыболовные суда не вызывали никаких подозрений. Кроме крейсеров были высланы две подводные лодки, которые заняли позицию в 45 милях восточнее Гумбера, чтобы атаковать суда, которые могли бы выйти в погоню за крейсерами. „U 27“ вторично обследовала прибрежные морские пути, но из-за очень свежей погоды и порчи радио-телеграфа могла передать свои наблюдения лишь 14-го декабря. Немедленно по получении этого радио, командование флотом сделало распоряжение начать операцию.

15-го декабря крейсера, под флагом адмирала Гиппера, вышли, еще до рассвета, с рейда Яде 15-узловым ходом и первоначально взяли курс (см. черт. 6) в точку в 170 милях на NNW от Гельголанда (см. на черт. 6 место в 6 ч. 15 декабря). Состав крейсерских сил: 5 линейных крейсеров I разведочной группы („Seydliz“, „Moltke“, „Blücher“, „Vonder-Tann“ и „Derflinger“), четыре легких крейсера II разведочной группы („Stralsund“, „Graudenz“, „Strassburg“, „Kolberg“) и миноносцы I и IX флотилий. На рассвете две полуфлотилии миноносцев образовали противолодочную защиту впереди линейных крейсеров и по одной флотилии справа и слева крейсеров. В дозор были посланы легкие крейсера: [1]) „Страссбург“ на NW, „Штральзунд“ на W, и „Грауденц“ на N от линейных крейсеров; „Кольберг“ с 100 минами заграждения шел в кильватере последних. В первый день было решено не останавливать нейтральных пароходов, чтобы англичане не могли узнать преждевременно об операции

[1]) Расстояние, на котором эти крейсера держались от линейных крейсеров, не указано.

через своих агентов; более того, эскадра, насколько могла, уклонялась от встречи с нейтральными пароходами.

Вначале дул слабый S при мглистом горизонте. Когда корабли, в 6 часов пополудни, легли на WSW, взяв курс севернее Доггербанки, начались шквалы с дождем и ветер засвежел. Наблюдение неприятельского радио-телеграфирования было поручено непосредственно крейсеру „Мольтке". До 7 час. вечера англичане не проявляли никакой радио-телеграфной деятельности, но позднее, до 8 час. 30 мин., стало наблюдаться усиленное радио-телеграфирование волною 600—900 метров. Можно было предположить, что телеграфирует подводная лодка, заметившая выход Флота Открытого моря.

В 12 час. 30 мин. миноносцы сосредоточились у легких крейсеров, чтобы, с наступлением темноты, вступить в кильватер легким крейсерам. На черт. 7 дан ночной походный строй: „Страссбург" с 2 полуфлотилиями миноносцев в 40 кабельтовых впереди линейных крейсеров: „Штральзунд" и „Грауденц" в 20 кабельтовых на 6 румбов справа и слева от курса. Миноносцы держались в кильватере легких крейсеров.

В тот же день, в 9 часов вечера, германские линейные эскадры, вышедшие частью с Эльбы, частью с Яде, встретились в море, в 20-х милях севернее Гельголанда, и взяли курс на восточный конец Доггербанки. Всего 14 дреднаутов, 8 более старых линкоров, 2 броненосных крейсера, 7 легких крейсеров и 10 полуфлотилий миноносцев.

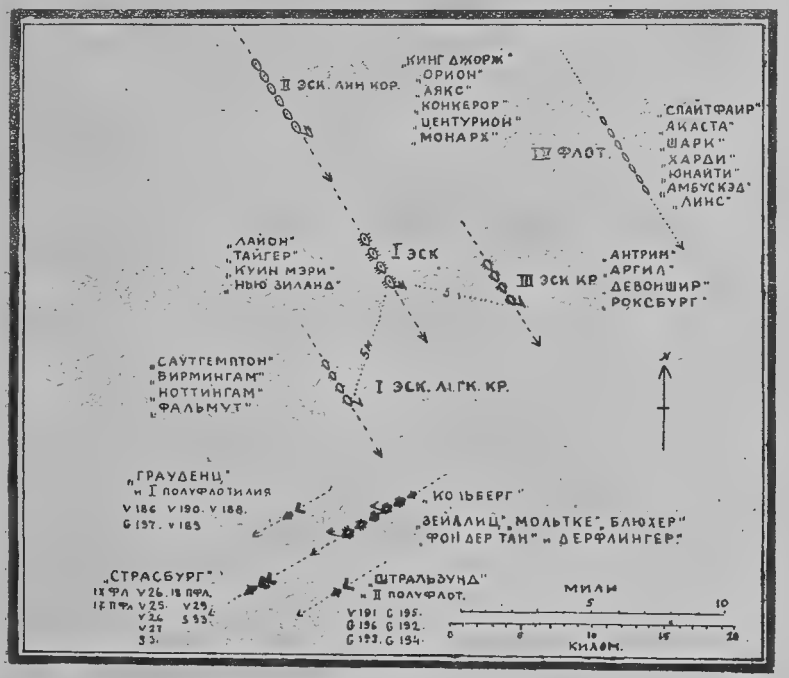
Ночь была благоприятная для приема радио. „Мольтке" отчетливо слышал Берген, Карлскрону, Мадрид, французские и даже русскую станцию; но англичан не было слышно.

На самом же деле, англичане уже 14-го декабря получили сведения, что крупные германские силы 15-го декабря покинут Эмс.[1]) По агентурным сведениям германский флот сопровождает десант, который будет высажен на английском побережьи. Конечно, английское командование не могло придавать серьезного значения слухам о десанте, но считалось с вероятностью повторения немцами обстрела побережья. В то время результаты Фалклендского боя были уже известны. Не было сомнения, что немцы уже знают о посылке в южную Атлантику английских линейных крейсеров и о вызванном этим обстоятельством временном ослаблении английского флота; английскому командованию казалось естественным, что немцы используют время, до возвращения линейных крейсеров к Гранд-Флиту, для каких-нибудь операций. Адмиралтейство поверило сведениям доставленным агентурой, и приняло меры заблаговременно.

[1]) Filson Joung „With the Battle Cruisers", p. 89, Corbett II том, 2 глава.

Куда германцы направят свой удар—оставалось неизвестным. Англичане не могли распределить свои силы по всему восточному британскому побережью, чтобы предотвратить ожидаемый обстрел. Они решили, поэтому, отрезать немцам обратный путь крупными силами и уничтожить противника при его возвращении. Эти соображения легли в основание разработки оперативного плана.

Англичане разделили побережье на два района: один—



Черт. 5. Расположение сил в 1 ч. ночи.

севернее, другой—южнее Фламборо. В южном районе находился отряд судов, под начальством коммодора Тирвитта, состоявший из 3 легких, самых быстроходных, крейсеров и 2 флотилий миноносцев. Отряд этот базировался на Гарвич и должен был следовать за немецкими судами, если бы они появились у английского побережья, с тем, чтобы показывать их места главным силам английского флота. Для поддержки Тирвитта, в устье Темзы была послана V-ая эскадра. Район севернее Фламборо находился

под непосредственной защитой Гранд-Флита. Битти, с оставшимися 4 линейными крейсерами и состоявшими при них 2 дивизионами миноносцев IV флотилии, должен был соединиться в море с 1 эскадрой легких крейсеров, базировавшейся на Скапа. Для поддержки крейсеров была предназначена II эскадра, как самая быстроходная и сильная. Все указанные отряды должны были окончательно соединиться в море,—в точке, откуда легче всего было бы отрезать немцев при их возвращении. Кроме того, Адмиралтейство предписало начальнику подводного плавания послать не менее 8 лодок к Терщеллингу в день выхода германской эскадры, о чем англичане надеялись получить точные сведения.

Непосредственная защита побережья была поручена адмиралу Балларду; последний располагал, однако же, весьма незначительными силами. Его флаг был на транспорте „St George“ на Гумбере. Там же стояли старые линкоры „Victorious“ и „Illustrious“, а также старый легкий крейсер „Sirius“, крейсер „Skirmisher“, по два дивизиона VII и IX флотилий и 4 подлодки. 2 других дивизиона VII флотилии крейсеровали у Ярмута. На Тайне стоял старый линейный корабль „Jupiter“, легкий крейсер „Brilliant“ и семь подводных лодок. В Гартлепуле стоял третий дивизион IX флотилии с крейсерами „Patrol“ и „Forward“ и одной подводной лодкой. В Витби—4-ый дивизион IX флотилии. Севернее Фирт-оф-Форта держалась IX флотилия с крейсером „Sentinel“. Выбор стратегического пункта для первоначального сосредоточения главных сил английского флота был Адмиралтейством предоставлен адмиралу Джеллико.

Задача не легкая, ввиду большой длины побережья (около 400 миль). Англичане полагали, что нападение произойдет в районе Тайна или Гумбера, ввиду его удаления от главных баз флота и сравнительно легкой уязвимости. Перед устьями обеих рек стояли германские заграждения; однако же, расположение последних не было точно известно Адмиралтейству, которое об'явило весь район от острова Фарн до реки Тее и от Фламборо до Гумбера опасным от мин. Между этими двумя районами оставался проход в 25 миль шириною, который вел с моря прямо к Скарборо и Витби. Можно было предположить, что соответствующее об'явление Адмиралтейства не было тайной для германского командования, и что последнее им воспользуется для приближения к берегу. Верно учитывая обстановку, Джеллико решил сосредоточить свои силы непосредственно перед этим проходом, в широте 54°10′ и долготе 3° Ost,—на середине между Гельголандом и Фламборо, почти на равном расстоянии от прямых путей, ведущих от Тайны и Гумбера к германским базам.

15-го декабря дежурила II эскадра. Было обнаружено такое количество плавающих мин восточнее об'явленных опасными районов, что Джеллико приказал дреднаутам не приближаться ближе 80 миль к берегу. Это было об'явлено начальнику II эскадры адмиралу Уоррендер перед его выходом в море. Его эскадра, после гибели „Audacious", состояла только из 6 кораблей, так как один дреднаут ремонтировался. I эскадра легких крейсеров состояла всего лишь из 4-х крейсеров: один крейсер был в ремонте, а другой грузил уголь, вернувшись с дозора. Адмиралтейство само назначило состав сил, но Джеллико, по собственной инициативе, приказал выйти в море из Росайта еще и III крейсерской эскадре. При выходе из Скапа, II эскадра линейных кораблей встретила в Пентланд-Фирте крупную зыбь, оставшуюся после жестоких штормов, дувших в продолжение нескольких дней. Легкие крейсера, состоявшие при эскадре, должны были вернуться, так как на одном из них волною снесло мостик, и несколько человек были смыты за борт. Истребители не могли вовсе выйти. С I эскадрой линейных крейсеров было приказано выйти в море истребителям, стоявшим в Кромарти. Казалось сомнительным, смогут ли они держаться на столь сильной волне; к тому же там находилось всего 7 истребителей. В южной части моря волна и ветер были не столь сильны; поэтому Джеллико просил Адмиралтейство немедленно послать к месту рандеву (к Доггербанке) легкие силы Тирвитта из Гарвича. Адмиралтейство не исполнило его просьбы и оставило в силе приказание Тирвитту идти в район Ярмута.

Насколько хорошо англичане были осведомлены относительно намерений немцев, видно из нижеследующей телеграммы, которую, в виде директивы, Битти получил от Уоррендера. (Filson Youngs, With the Battle Cruisers. p. 91): „Германская эскадра в составе 4-х линейных крейсеров, 5 легких крейсеров и 3-х флотилий сегодня на рассвете вышла с Яде; возвращается в среду ночью. Намерен 16 декабря в 8 час. 30 мин. утра быть в 54°10′ сев. ш. и 3°0′. Надеюсь получить сведения от коммодора Тирвитта и с ним соединиться. Если до 8 час. 30 мин. ничего о нем не услышу, буду идти курсом 90° до 11 час. 30 м. и курсом 270° до 2 час. 30 мин., ход 14 узлов; затем поверну на север. Ввиду вашей слабости, держитесь от меня не далее 5 миль. На курсе 90° прошу быть позади меня, в других случаях впереди, вместе с III крейсерской эскадрой и I эскадрой легких крейсеров, находящихся под вашей командой. Считаю операции немцев против Гарвича или Гумбера вероятными. Если вступите в бой, наведите неприятеля на эскадру линейных кораблей. Если Тирвитт с нами не соединится, буду опасаться лишь неприятельских истре-

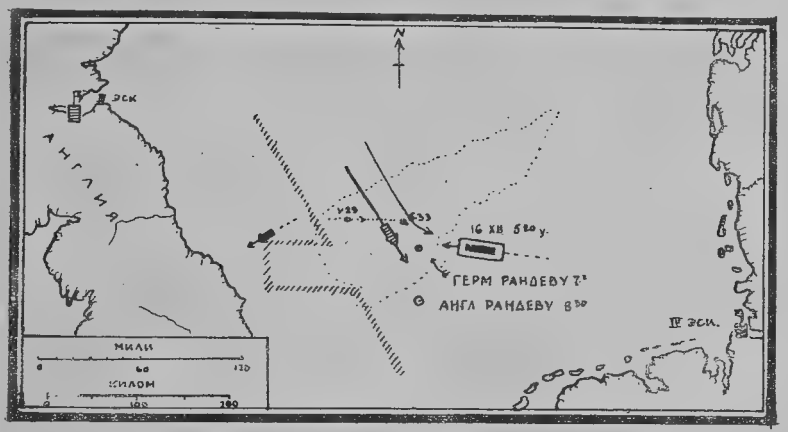
бителей. Когда III эскадра крейсеров соединится с вами, поставьте ее в одной линии слева и впереди ваших крейсеров; I эскадру легких крейсеров в одной миле справа, ночью в 5-ти милях. Эти силы в вашем распоряжении для действия против легких крейсеров и истребителей по вашим указаниям. С 8 часов утра боевая вахта, с полночи пары для полного хода. Предостерегите крейсера от плавучих мин или же мин заграждения, которые неприятель может бросать за собой в кильватере. Имеете ли предложения? Когда разберете радио, займите место в 5-ти милях впереди. Если эта погода продержится, старайтесь в бою занять наветренное положение. При отражении атак миноносцев, держитесь против волны и ветра".

Телеграмма была подана в 12 час. 41 мин. дня. Согласно этой телеграммы, на английских линейных крейсерах ожидали встречу с неприятелем на следующее утро. Англичане считали себя сильнее немцев в предстоящем бою, ибо о выходе в море главных германских сил они ничего не знали. В течение ночи линейные крейсера шли в 5 милях впереди дреднаутов, имея в 5-ти милях слева и справа броненосные и легкие крейсера. Семь истребителей из Кромарти получили приказание держаться в 10-ти милях западнее линейных крейсеров и лишь с рассветом подойти к последним для противолодочной защиты. Англичане не подозревали, что в течение ночи они с каждым часом приближались к значительно превосходным силам германского флота. Англичане шли в точку рандеву, расположенную всего лишь в 30-ти милях южнее точки, в которую должен был около того же времени прибыть германский Флот Открытого моря. Немецкие крейсера пересекли курс указанных выше английских сил вскоре после полночи. Из сопоставления курсов тех и других явствует, что в 1 час. ночи немцы прошли всего лишь в 10-ти милях впереди англичан (черт. 8).

Теперь вернемся к германским крейсерам.

Ночь была необыкновенно темная. Легким крейсерам было трудно держаться впереди линейных крейсеров. Концевой миноносец, шедший впереди IX флотилии, получил приказание—не терять из виду флагманского корабля. Однако же, вскоре после часу ночи, этот миноносец потерял из виду „Зейдлиц" и стал вызывать по радио, несмотря на категорический запрет пользоваться радио-телеграфом, свой головной легкий крейсер „Страссбург". Эти вызовы, повторенные 4 раза, могли выдать всю операцию: они были излишни и потому, что курсы были точно известны, и с рассветом миноносцы соединились бы с линейными крейсерами без каких-либо затруднений. „Страссбургу" ничего не оставалось иного, как приказать, самой малой волною, ми-

носцу замолчать. После этого миноносец („S 33“) попытался полным ходом присоединиться к своей флотилии, но это ему не удалось, и тогда, в 3 часа ночи, командир решил возвращаться, взяв курс на остров Сильт. В 3 час. 25 мин. ночи другой миноносец („V 29“) был отпущен главными силами, ввиду повреждения в холодильнике. В 5 час. утра „S 33“ заметил впереди, лишь в 150 метрах слева, 4 истребителя, шедших малым ходом на юг. Германский миноносец немедленно лег на тот же курс и, повидимому, был принят англичанами за английский истребитель. Через двадцать минут „S 33“ повернул на восток, сделал радио, что видит неприятеля и указал его место.



Черт. 6. Расположение сил в 5 ч. 20 м. утра 16/XII.

Тем временем „V 155“ был послан крейсером „Роон“, шедшим во главе главных сил флота, для осмотра парохода и при этом, конечно, оторвался от своей полуфлотилии. В 6 ч. 15 м. он заметил на один румб вправо несколько судов, шедших курсом SO. „V 155“ принял их за свои и сделал опознательный сигнал. Убедившись, что встречные миноносцы английские „V 155“ лег на Ost, дал самый полный ход и сделал радио „вижу неприятельские миноносцы“. Завязался бой. Английские миноносцы погнались за уходящим „V 155“. Два английских миноносца получили значительные повреждения от удачно маневрировавшего „V 155“. В 7 час. 30 м. англичане прекратили погоню. Благодаря этой встрече, Флот Открытого моря получил точные сведения о приближавшихся миноносцах и мог своевременно уклониться от встречи с ними. „V 155“ утром присоединился к своей части.

После первого радио от „V 155“, ближайший легкий крейсер „Гамбург“ и два миноносца немедленно повернули по направлению выстрелов, чтобы оказать поддержку „V 155“ и отогнать англичан от главных сил германского флота. Через 1/4 часа „Гамбург“ увидел сначала один, затем еще другой английский миноносец. В последующем артиллерийском бою „Гамбург“ получил два попадания; выпущенная по нем торпеда не попала. Немцы стреляли, освещая неприятеля прожекторами; английские миноносцы прожекторов не открывали. Английские миноносцы отошли. Цель была достигнута; их удалось не допустить до главных сил. Таким образом, англичане не узнали о близости последних.

Первая телеграмма от „S 33“ была получена Командующим Флотом в 5 час. 24 мин., за два часа до рассвета. Понятно, что у него создалось впечатление о возможности и вероятности встречи с миноносцами.

В своем донесении от 18 декабря 1914 г. Командующий Флотом пишет: „Сначала не было никаких данных о курсе английских истребителей, а также о том, был ли наш миноносец замечен. Было непонятно, по каким причинам шедший с линейными крейсерами „S 33“ отстал так далеко, что вызвало сомнение в правильности показания квадрата; казалось, однако же, возможным, что миноносец был задержан осмотром пароходов, встречавшихся на пути также и главных сил“. Неизвестность раз'яснилась часом позже, благодаря донесению „V 155“. Несмотря на близость рассвета и, следовательно, уменьшение возможности торпедных атак, Командующий Флотом все же решил уклониться от возможных встреч с неприятельскими миноносцами и в 6 ч. 30 м. повернул всеми эскадрами вдруг на SO (см. черт. 6). В то же время обнаружилась сильная помеха радио-телеграфированию со стороны английских истребителей, благодаря чему сигнал о повороте был отрепетован и выполнен лишь в 6 ч. 40 м. В начале поворота справа впереди слышался гул выстрелов.

В 6 ч. 52 м. крейсер „Роон“ повернул, согласно сигналу, вместе со своими миноносцами на юго-восток. Через 20 минут он увидел впереди себя, всего лишь в 6 кабельтовых, 2 миноносца. Так как они шли по направлению от главных германских сил, и командир не был уверен свои ли это миноносцы или неприятельские—рассвет только что начинался—„Роон“ отвернул, чтобы сделать позывные и получить ответ. Шедшие с „Роном“ германские миноносцы не пошли в атаку из опасения помешать стрельбе крейсера. Миноносцы оказались английскими; они шли на подмогу поврежденному в бою миноносцу, просившему помощи по радио. Оба ми-

Черт. 7. Ночной походный строй германского флота в ночь на 16/XII 1914 г.

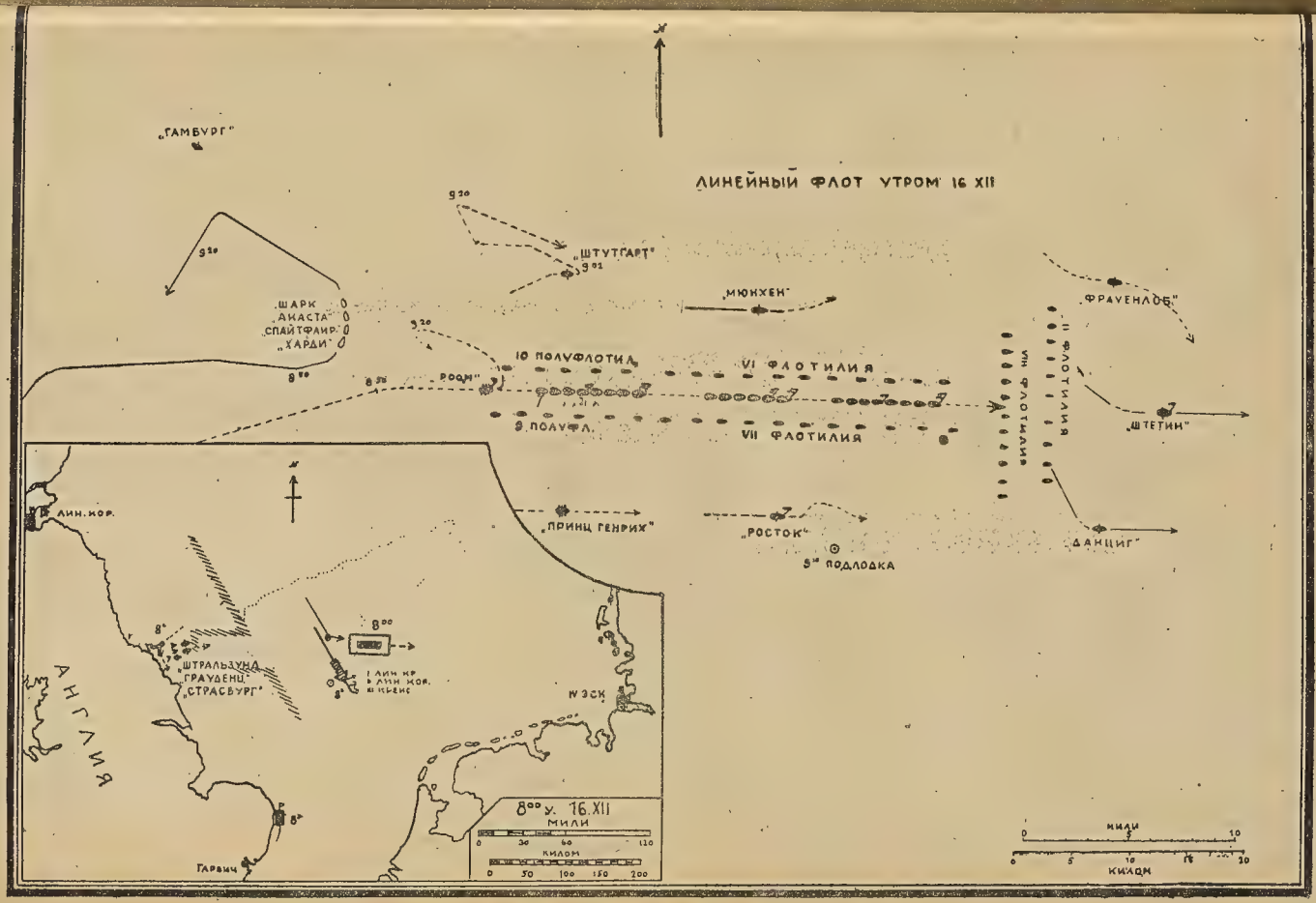
носца отвернули полным ходом и скрылись во мгле. Сравнительно тихоходный „Роон“ догнать их не мог.

Уже в 7 ч. 20 м. эскадры, по приказанию Командующего Флотом, повернули еще на восток и легли на OSO $^1/_2$O. Командующий Флотом хотел с рассветом иметь флот сосредоточенным, на случай, если бы за неприятельскими истребителями оказались крупные неприятельские силы. Действия „Роона“ были неизвестны Ингенолю; командир об них не доносил, считая, что истребители уже более не опасны главным силам. В то же время, в 7 ч. 20 м., было принято донесение „V 155“, сильно запоздавшее, что неприятельские миноносцы прекратили преследование и скрылись из виду. На самом деле несколько английских миноносцев в то время находились еще между авангардом и главными германскими силами. В 8 ч. 12 м. шедшие за „Роном“ миноносцы телеграфировали, что слева за ними, в 33-х кабельтовых, идут неприятельские истребители параллельным (см. черт. 7) курсом и делают опознательные. Как только английские истребители обнаружили в утренней мгле „Роон“, они тотчас же полным ходом отошли на север, где были замечены „Штуттгартом“, который в 8 ч. 50 м. донес что видит 6 истребителей. Прожектором „Штуттгарт“ передал о том же „Мюнхену“ и „Роону“: все три крейсера начали погоню. При этом „Штуттгарт“ и „Росток“ доносили, что видят подводную лодку. В 9 час. 07 мин. концевые линкоры II эскадры также увидели мнимую подводную лодку и даже открыли по ней огонь. В 9 час. 20 мин. концевые крейсера прекратили преследование и вступили в свои места (см. черт. 7). Германские крейсера, как оказалось, преследовали группу английских миноносцев, которую вел „Shark“. Старшему английскому командиру, после столкновения с „Гамбургом“ и „V 155“, стало ясным, что за этими судами идут крупные силы. Когда миноносцы в 7 час. 54 мин. увидели другие германские суда, они решили с ними войти в соприкосновение. Вскоре они увидели 5 немецких миноносцев и открыли по ним огонь, вдруг заметили „Роон“ и поспешно отвернули от него на север. Старший командир на „Shark“ решил во что бы то ни стало не терять немецкие суда из виду и всячески старался передать по радио начальнику II эскадры о своих крайне важных наблюдениях. Видимость все ухудшалась, ее дальность колебалась от 1 до 4 миль. В 8 час. 48 мин. положение этих миноносцев было очень опасным, когда их гнали три германских крейсера. Им не оставалось ничего иного, как круто повернуть 38-узловым ходом на север, чтобы затем попытаться навести крейсера на английские главные силы. В 9 ч. 15 м. немецкие крейсера, однако же, повернули на восток; вторично истребители уже не старались возобно-

вить наблюдение за неприятелем. Связь была окончательно потеряна. Тем временем, оба миноносца, отошедшие в 7 час. 15 мин. от „Роона“ на юг, пытались присоединиться к английским линейным крейсерам, но безуспешно. Английских подводных лодок не было вблизи. Однако, донесения о них в значительной степени повлияли на решения Командующего Флотом.

Свой преждевременный поворот на восток—до того, что были получены хоть какие-нибудь сведения от линейных крейсеров, приближавшихся к тому времени к берегу и, следовательно, находившихся в наибольшей опасности,— Командующий Флотом мотивирует нижеследующим образом: „Нужно было считаться с тем, что главные силы обнаружены; вследствие большого хода (15 узлов) над флотом держалось облако дыма, далеко видимое, указывавшее на большое число германских судов. III и IV разведочные группы были слабы и не могли бы днем бороться с сильными разведчиками неприятеля. Поэтому на следующую ночь можно было с достоверностью ждать атак английских миноносцев на возвращающийся в Германскую бухту флот, что, ввиду темноты ночи, могло привести к потерям в судовом составе“. „Продолжение похода днем для соединения с крейсерами адмирала Гиппера, без крайней на то необходимости, не соответствовало директивам Главной Квартиры. Соединение Флота Открытого моря с линейными крейсерами могло иметь место в 1 час. дня в 250 милях от Яде. Войти в устье рек в этом случае удалось бы лишь на следующее утро в 7 ч. Кроме того, казалось невероятным, чтобы внезапно появившиеся у неприятельского побережья наши крейсера встретили превосходные силы неприятеля. Это предположение впоследствии оказалось не правильным“.

Это предположение противоречило, кроме того, и доводам, которыми Ингеноль об'ясняет свой поворот на Ost; тогда он опасался, что за миноносцами следуют крупные силы и поэтому решил повернуть, чтобы сосредоточить свои силы. Донесений от адмирала Гиппера о выполнении им задачи все еще не было получено. Не было веских оснований считать, что присутствие Флота Открытого моря обнаружено. Последний обладал достаточным количеством разведчиков, дабы точнее установить состав неприятельских сил, встреченных до рассвета. Решение Ингеноль принял на основании одних только предположений. Связанный данными ему директивами беречь крупные суда и обеспокоенный появлением неприятельских миноносцев Командующий Флотом принял решение, которое поставило крейсера Гиппера в крайне опасное положение и лишило Флот Открытого моря верного и крупного успеха. Чтобы добиться последнего,—не требовалось какого-либо сложного маневрирова-



Черт. 8. Главные силы германского флота в 9 ч. утра 16/XII.

ния; нужно было оставаться на условленном месте и проявить волю вступить в решительный бой. Даже донесение Гиппера, полученное в 9 час. 32 мин. утра, о том, что, вследствие свежей погоды, легкие крейсера и миноносцы им посланы для соединения с главными силами, не изменило решение Командующего Флотом начать обратный путь. Правда, Командующий Флотом не мог знать причины отсылки легких крейсеров к главным силам, так как погода в восточной части Северного моря не ухудшилась в такой степени, как в западной.

Эта операция ясно показывает как трудно решается вопрос о поддержке главными силами отряда, имеющего отдельную задачу, напр., обстрел дальнего побережья, благодаря быстроте передвижения современных судов и быстро меняющимся условиям видимости и погоды.

Замеченные английские истребители составляли боковое (левое) охранение 1 английской эскадры линейных крейсеров. Лишь в нескольких милях за последней следовала II-ая английская эскадра линейных кораблей. На рассвете должна была произойти встреча Флота Открытого моря с значительно более слабыми английскими силами. Во время упомянутых выше боев истребителей, англичане оставались в полной неизвестности об обстановке.

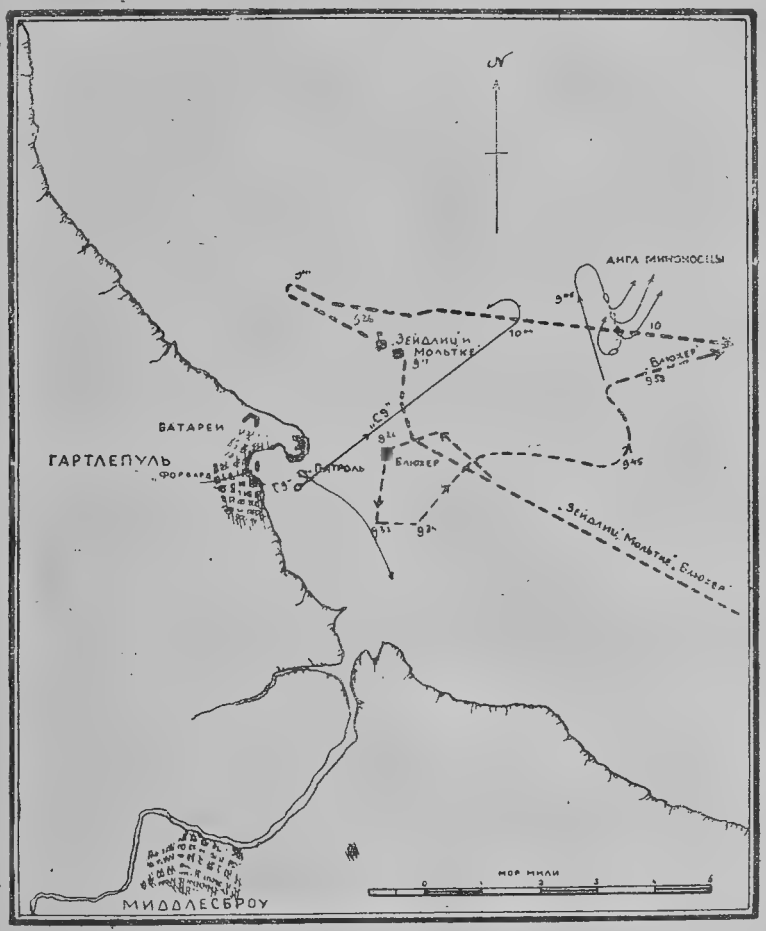
Немцы весьма успешно мешали радио-телеграфированию истребителей. Ни Битти, ни Уоррендер ничего не знали о происшедшем, почему и не было послано подкреплений истребителям. У Корбетта есть указание, что в 7 час. 30 мин. на флагманском корабле Битти слышали германское радиотелеграфирование и видели вспышки орудий и прожекторов в северо-восточном направлении; однако же, единственное, что Битти узнал до 8 часов об этом столкновении,—были радио, что „Lynx“ гонит немецкий истребитель и что „Ambuscade“ требует помощи. Возможно, что Битти и с своей стороны не хотел подвергать свои суда опасности ночных торпедных атак; во всяком случае, он оставался на прежнем курсе; в 8 час. 30 м. [1]) все британские эскадры достигли намеченной точки рандеву. Взаимное расположение сил в это время указано на черт. 6. Тирвитт туда не прибыл, ибо находился в районе Ярмута и был связан инструкциями Адмиралтейства. Лишь в 8 час. 30 м. начальник II эскадры получил радио истребителя „Shark“, поданное в 7 ч. 50 м. II эскадра немедленно двинулась на восток; Битти также лег на ONO и дал 24 узла хода, чтобы отрезать „Роон“, о котором доносил „Shark“. Легкие крейсера держались севернее линейных; английские суда образовали разведоч-

[1]) Время, которое указывает Corbett, увеличено на 1 ч., чтобы привести его в соответствие с немецким официальным трудом.

ную линию в 12 миль шириною, двигающуюся на восток. Уоррендер приказал крейсерам не удаляться слишком далеко, т. к. в 3 час. 30 мин. он намерен идти обратно на север. Сам он двинулся на юг, чтобы соединиться с III крейсерской эскадрой. Ввиду запоздания радио с „Shark", надежды догнать неприятеля было мало. Но вот получилось новое радио от того же истребителя. Он доносил, что в широте 54°34' и долготе 3°48' его преследуют 3 легких крейсера. Несколько позже эта группа истребителей встретилась с легким крейсером „Falmouth" и лишь теперь выяснилось, что соприкосновение с неприятелем давно уже потеряно и последний сигнал значительно запоздал. Битти в это время не имел представления, что гонится за всем германским Флотом Открытого моря. Положение стало еще более запутанным, когда в 9 час. 50 мин. было разобрано радио без указания точного места, что флагманский корабль дозорной флотилии, базировавшийся на Гартлепуль, находится в бою с двумя немецкими линейными крейсерами; телеграмма была адресована стоявшему в устье реки Тайны линкору „Jupiter". Через несколько минут было разобрано радио Адмиралтейства, адресованное Командующему Флотом, что Скарборо был обстрелян.

Обстрел побережья. Тем временем, германские линейные крейсера подошли к восточному побережью. Ветер, после прохода Доггербанки, настолько засвежел, что возможность совместного плавания с миноносцами стала сомнительной. Однако же, радио с „S 33" пояснило, что между линейными крейсерами и главными силами германского флота находятся неприятельские суда. Посылать миноносцы одни, без поддержки крейсеров, было слишком рисковано, так как, при начавшейся буре, они стали бы жертвой любого неприятельского корабля. В 7 час. Гиппер получил радио „Страссбурга", что из-за сильной волны под берегом нельзя будет стрелять, что теперь он уже не может держаться на курсе и поворачивает на Ost; „Страссбург" доносил, что на западе виднеются огни, но берега до сих пор не видно. Гиппер предстояло тяжелое решение: отказаться ли вовсе от операции или же обстрелять берег без помощи легких крейсеров и миноносцев, особенно необходимой для точного определения места и для охраны от подводных лодок. Гиппер решился на последнее. В 7 час. 35 мин., в непосредственной близости от Витби, он отпустил легкие крейсера и обе флотилии миноносцев и послал их, под начальством командира „Штральзунда", в условленное (7-часовое) место рандеву главных сил. Здесь надо подчеркнуть, что Гиппер был уверен в нахождении флота в условленном месте. Вскоре после ухода легких крейсеров и миноносцев, в 7 час. 40 мин., открылись высоты севернее

Витби. Гиппер отпустил „Фон-дер-Танн“ „Дерфлингер“ и „Кольберг“ (последний с минами) на юг, а сам с „Зейдлиц“, „Мольтке“ и „Блюхер“ пошел на север. Суда испытывали



Черт. 9. Обстрел Гартлепуля 16 XII 1914 г.

очень сильную качку. Точное определение места было крайне затруднено туманом; ориентироваться можно было лишь по отдельным, ярко освещенным местечкам на берегу. Опасаясь минных заграждений, суда шли вплотную под бере-

гом и в 8 часов 14 мин. открыли полуостров, на котором расположена северная часть Гартлепуля. Под берегом были видны пароходы, дальше в море—рыбачьи суда. В 8 ч. 45 м. с берега заметили подходившие корабли; с сигнальной станции в южной части города, а вслед за ней и с входного маяка—были сделаны опознательные. Тем временем буря разыгралась во-всю. Видимость в направлении на море становилась все хуже. Вдруг, внезапно, перед самым Гартлепулем, со стороны моря показались 4 истребителя класса „River", они вынырнули из мглы в то время, когда все внимание личного состава крейсеров было направлено на берег. Как только они показались, „Зейдлиц" и вскоре за ним „Мольтке" открыли огонь с расстояния от 38—28 кабельтовых. На германских судах создалось впечатление, что после двух-трех залпов первый миноносец уничтожен, а второй, шедший на „Мольтке", тонет с развороченной кормой. По третьему и четвертому миноносцу открыл огонь „Блюхер". Когда на одном из них показался столб дыма, оба последних миноносца отвернули. Но вскоре за тем один из них с выдающимся хладнокровием повернул на контркурс для атаки, но принужден был отойти, повидимому, тяжело поврежденный. Радио-телеграфированию их успешно мешали германские судовые радио-станции. Так дело происходило по германским донесениям.

По английским данным, все это происходило несколько иначе. Это были истребители „Doon", „Waveney", „Fest" и „Moy", которые, согласно приказанию Адмиралтейства, посланному всем судам, назначенным для береговой обороны, вышли в море в разведку. Заметив приближающиеся суда и не имея возможности во мгле различить их национальность, они пошли на сближение. Немцы открыли беглый огонь. Миноносцы не могли рассчитывать на удачную атаку, отвернули и рассыпались в северо-восточном направлении. Трое из них были повреждены осколками гранат; на головном было трое убитых и шесть раненых. В тот момент, когда линейные крейсера, во избежание попадания мин, повернули на N и вслед за этим на NNO, на „Зейдлице" был замечен торпедо, всплывший в 20 метрах от борта; на „Блюхере" заметили две торпеды, одну, прошедшую перед носом, а другую—под кормой. Если бы попал хоть один торпедо и один из крейсеров утратил бы свою скорость, то положение крейсеров становилось крайне тяжелым.

Стрельба по миноносцам продолжалась всего лишь 7 мин. за это время „Зейдлиц" выпустил 100, а „Мольтке" 54—15-см. снарядов. Огонь, из-за сильной качки, не мог быть точным. Гиппер не преследовал миноносцев и в 9 ч. 21 м. приказал своим крейсерам занять указанные для бомбардировки места. „Зейдлиц" бомбардировал от NO батарею

у кладбища и расположенный рядом проволочный завод; „Мольтке“ обстреливал с Ost батарею у маяка „Heugh“, а также сигнальную станцию Town-Moor; „Блюхер“ от SO обстреливал оба машинные завода в северной части гавани, доки и газовый завод. Оба первые крейсера стреляли средней и легкой артиллерией; крупные орудия были наготове действовать уменьшенными зарядами против подводных лодок. Ввести в действие крупную артиллерию предполагалось лишь в том случае, если бы с берега открыли огонь батареи крупного калибра. Атака миноносцев задержала начало обстрела. Гарнизон, в составе 11 офицеров и 150 солдат, был еще в полночь извещен, что ожидается обстрел, и за час до рассвета занял места у орудий. Когда „Блюхер“ (см. черт. 9), повернул влево и начал стрелять по указанным ему целям с расстояния 30—35 кабельтовых, береговые батареи ответили немедленно. „Блюхер“ им не отвечал, чтобы не мешать пристрелке обоих других крейсеров, и направил огонь только лишь на указанные ему цели. Однако, прежде чем британские орудия были приведены к молчанию, „Блюхер“ получил четыре попадания. Сначала разорвалась 15-см. граната под мостиком и были выведены из строя третье и четвертое 8,8 см. орудия, при чем убито 9 человек и тяжело ранено 2. Второй снаряд попал в крышку 21-см. башни; осколками были разрушены дальномеры и прицелы. Третий снаряд разбился о бортовую броню. Четвертый разорвался около наблюдательного поста на фор-марсе, оборвал радио-сеть и уничтожил сигнальные и другие приспособления.

Тем временем „Зейдлиц“ и „Мольтке“ открыли огонь по батарее у кладбища. Батарея стреляла на недолетах; она была быстро приведена к молчанию. Когда корабли в 9 час. 37 мин. легли на обратный курс, три залпа с батареи „Heugh“ попали в „Зейдлиц“. Первый залп разрушил на баке вентиляционные трубы, второй попал в дымовую трубу в 2-х метрах над палубой и сделал дыру в 4—5 метров длиною; третий снаряд попал в корму и повредил проводку прожекторов и дальномеров. Загорелось несколько спасательных поясов; осколки проникли в отделение турбин низкого давления. Потерь в людях не было. Лишь один матрос был легко ранен.

Когда „Мольтке“ получил одно попадание, командир приказал открыть огонь из тяжелых орудий, чтобы было легче корректировать стрельбу. По английским источникам [1]), столь серьезное сопротивление оказали всего лишь три 15,2 см. орудия (6″ BLMK VII Gun), из которых одно стояло вплотную у маяка, а два других—южнее—соста-

[1]) Корбетт том II, стр. 32.

вляли батарею Heugh. Стрельбе береговых орудий сильно мешали облака пыли и мусора, подымаемые германскими снарядами при попадании в дома, а также малые углы обстрела береговых орудий. Главный телефонный провод был разрушен первым же снарядом. Дальномерами, из-за сотрясений почвы, нельзя было пользоваться; комендоры стреляли самостоятельно. Всего батареи выпустили 123 снаряда; потери—9 убитых и 12 раненых. Попаданий непосредственно в орудия не было. Английский командир батареи был того мнения, что если бы германские снаряды были снаряжены не затяжными трубками, рассчитанными на стрельбу по судовой броне, то батарея была бы уничтожена совершенно.

В особенно тяжелом положении оказались стоявшие в гавани легкие крейсера „Patrol“ и „Forward“ и подводная лодка „C 9“. Вышедшие в 6 час. 30 мин. утра истребители донесли, что волна очень сильна; крейсера сочли для себя слишком опасным проходить через бар в малую воду. Они поэтому оставались в гавани и начали сниматься со швартовов лишь после начала обстрела, при чем „Patrol“ получил два попадания, а подводная лодка могла спастись от немецких снарядов, лишь уйдя под воду. Она при этом сильно стукнулась о дно, так как глубина не превышала $5^1/_2$ метров. „Patrol“ сел на мель и, вероятно, был бы уничтожен, если бы крейсера не прекратили бой. По английским источникам, „C 9“ к концу обстрела находилась в 4-х милях на ONO от батареи Heugh, и германские крейсера легко могли быть атакованы.

Немцы лишь очень поздно заметили „Patrol“, и то только с марса; из-за мглы комендоры и управляющие огнем его не могли видеть. При тогдашнем расположении на крейсерах приборов управления огнем, управлять стрельбой с марса было еще невозможно. В 9 час. 46 мин. крейсера прекратили стрельбу, длившуюся всего лишь 16 минут; всего было выпущено 1150 снарядов крупного, среднего и мелкого калибра. Разрушения порта были значительны. Три газомера сгорели, водокачалка и машинное отделение газового завода были частью разрушены. Склады дерева горели. Особенно тяжело пострадали судостроительные заводы Ричардсона, Вестгарда, Роннера и другие. Два судна, стоявшие на эллингах, получили значительные повреждения; у одного из них была оторвана корма. Были попадания в несколько пароходов, стоявших на якоре. Около железнодорожной станции снаряд разорвал 10 рельсов; свыше 300 домов пострадали более или менее сильно. Много немецких снарядов не разорвалось. Всего в городе было убито 86 человек и 424 ранено.

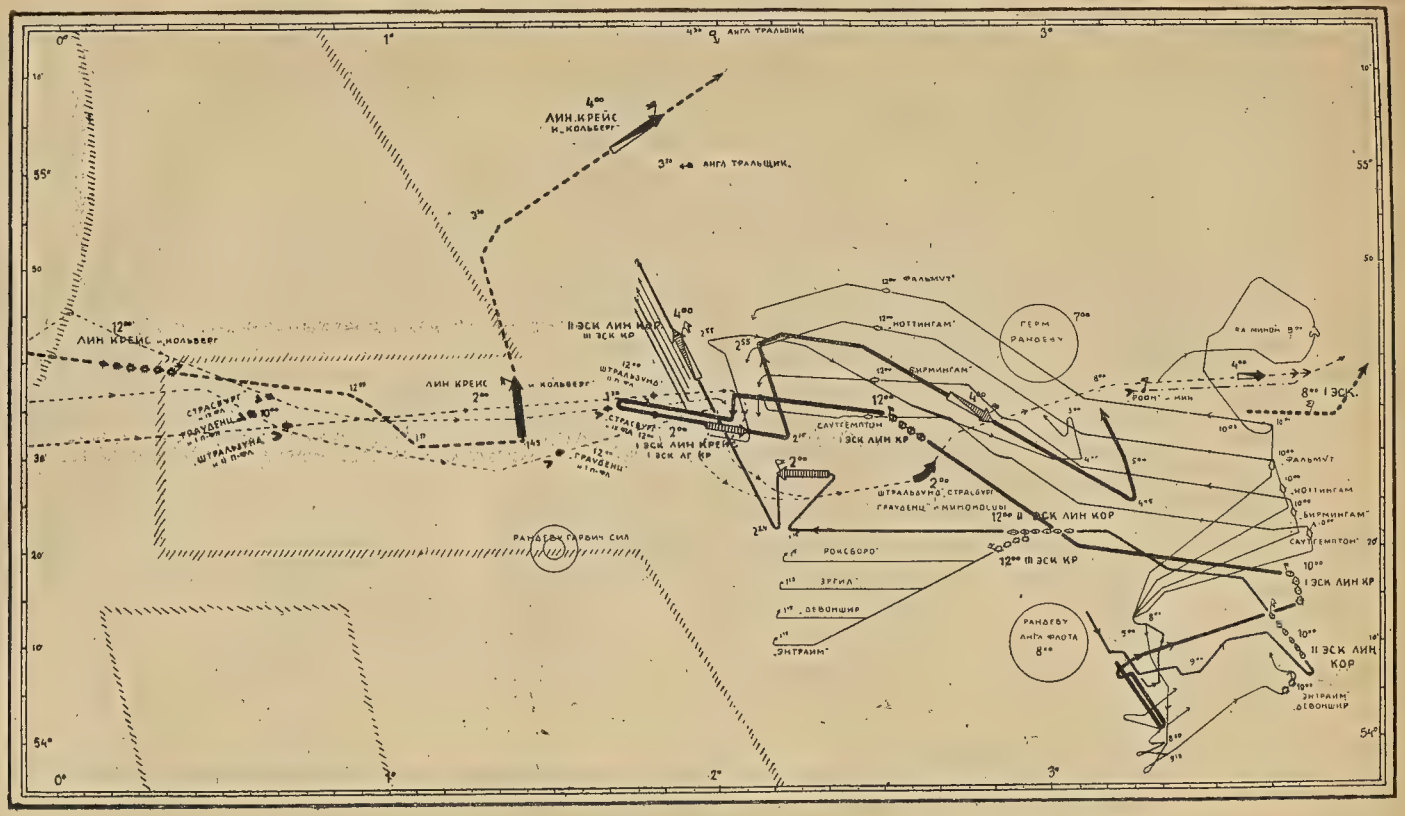
Черт. 10. Расположение флотов днем 16 XII 1914 г.

Обстрел Скарборо. Тем временем, южная группа линейных крейсеров успешно выполнила свою задачу. Все маяки были потушены; однако же, высоты, окружавшие бухту Робин-Гуд, дали возможность настолько точно определить место, что крейсера проложили курс в 1 мили от берега (черт. 13). Рядом с крейсерами, на высоком берегу, шел ярко освещенный поезд, который прибыл в Скарборо несколько ранее крейсеров. Около 9 часов начался обстрел города. Суда обстреляли проволочные заграждения, протянутые впереди войсковых бараков. Огонь был открыт с расстояния 13 кабельтовых. Крейсера обстреливали газовый завод и водокачку, железнодорожную станцию и морские наблюдательные посты. Стрельба окончилась в 9 час. 23 мин.; всего было выпущено 333—15-см. и 443—8,8 см. снарядов. По английским данным, город пострадал очень сильно, и впечатление от обстрела на население было большое.

Тем временем „Кольберг“ прошел мористее линейных крейсеров и в 3,6 милях южнее Скарборо начал в 9 час. 41 мин. ставить мины. Качка крейсера доходила до 12° на каждую сторону; концы рельсовых путей все время окатывались волнами; курсы пришлось располагать в зависимости от направления волн. В 9 час 41 мин. постановка была закончена; всего было поставлено 100 мин. Заграждение закрывало путь между берегом и районом моря, об'явленным англичанами опасным от мин (перед Гумбером, см. черт. 4). Все заграждение стояло не далее 10 миль от берега.

Обстрел Витби. По окончании постановки, „Кольберг“ пошел в указанное место рандеву, а „Фон-дер-Танн“ и „Дерфлингер„ повернули 23 узловым ходом на север, чтобы обстрелять наблюдательные посты Витби. Со второго залпа линейного крейсера „Фон-дер-Танн“ было разрушено здание Службы Связи и сломана сигнальная мачта с развивавшимся на ней английским флагом. Противоминная артиллерия обстреливала с расстояния 20—25 кабельтовых сигнальную стандию за западным молом. „Дерфлингер“ стрелял по тем же целям. Всего было выпущено по Витби 106—15-см. и 82—8,8 см. снарядов. В 10 час. 13 мин. крейсера прекратили огонь и пошли к месту рандеву. В 10 час. 31 мин. крейсера обеих групп соединились, а в 11 час. Гиппер донес, что поручение исполнено, и дал свое место и курс. Что между ним и Флотом Открытого моря тем временем сосредоточились значительные неприятельские силы он не знал.

Оранизация погони за крейсерами Гиппера настолько интересна, что на ней стоит остановиться несколько подробнее. К тому же она характеризует положение линейных



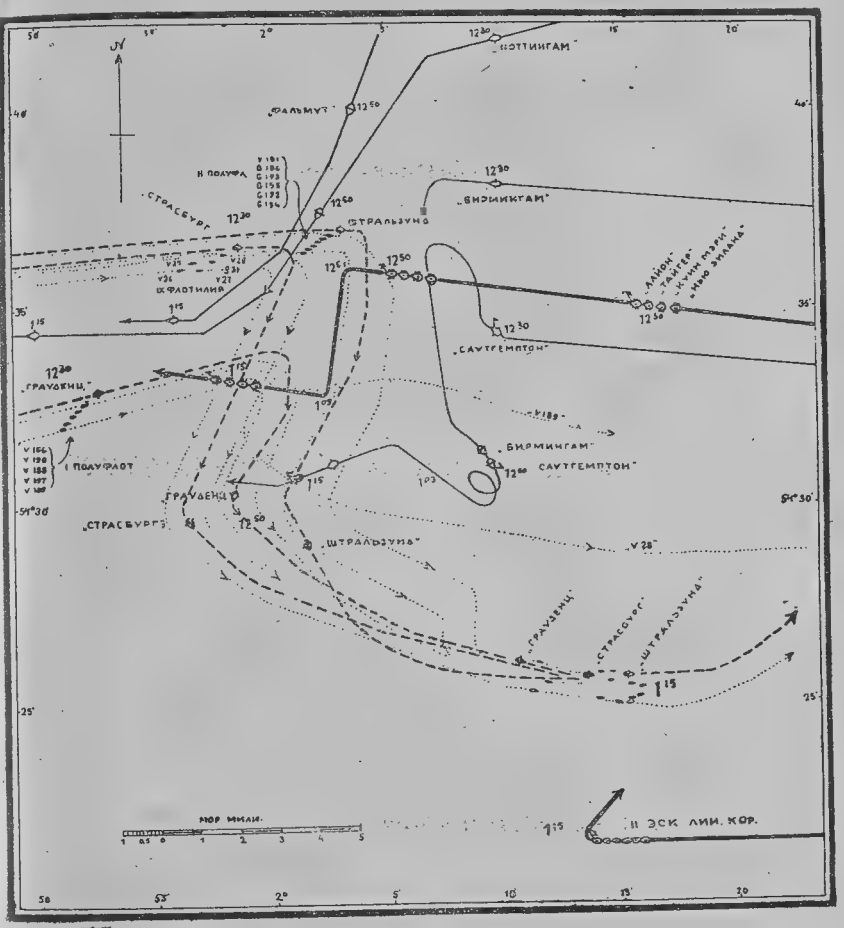
Черт. 11. Обратный путь крейсеров и расположение англ. эскадр до 2-х час. дня 16 XII.

крейсеров, в котором они очутились, благодаря отсутствию поддержки со стороны главных сил флота.

Английское Адмиралтейство узнало о выходе германского флота за 20 час. Тем не менее, оно не позаботилось, чтобы находящиеся в непосредственной близости от неприятеля отряды судов были поддержаны Гранд-Флитом. Как только Джеллико получил радио о начавшемся обстреле, он приказал III эскадре линейных кораблей, стоявшей в Россайте в полной готовности, выйти немедленно в море и преградить путь немецким судам, если бы немцы задумали отойти от берега, обогнув с севера поставленное им заграждение перед устьем Тайны. Туда III эскадра (см. черт. 4) могла подоспеть лишь часам к 4 дня. Гиппер это место прошел бы не позже 3 часов. К проходу между об'явленными опасными от мин районами перед Тайн и Гумбером пошел Тирвитт немедленно по получении первого радио. Курсы его показаны на черт. 4. Из-за свежей погоды, ему пришлось вернуть истребители в Ярмут. Гранд-Флит был готов к выходу только лишь в 1 час. 15 мин. дня. По получении сигнала от „Patrol“ об обстреле Гартлепуля, Уоррендер повернул немедленно на NW, чтобы выйти как можно скорее в район моря между немецкими заграждениями перед р.р. Тайной и Гумбером (9 час. 54 мин.), откуда ожидалось появление германских крейсеров. Битти счел это радио недостаточно убедительным, чтобы отказаться от погони за „Рооном“; поэтому до 10 час. утра Битти оставался на северо-восточных курсах. Все это происходило в то время, когда немцы начали обстрел Витби; Гиппера и его преследователей отделяло в это время пространство в 150 миль. I эскадра английских линейных крейсеров (Битти) и его разведочная завеса (см. черт. 11) повернула в 10 ч. на W^{st}, с намерением преградить германским судам выход между заграждениями. Английским разведчикам было приказано уклониться от новых встреч с появившимися в этом районе немецкими крейсерами, чтобы не выдать присутствия крупных английских сил пред указанным выше выходом между заграждениями. Уоррендер и Битти ставили себе определенную задачу отрезать и уничтожить крейсера, обстрелявшие берег. Встреченные в море суда они предоставили самим себе. В 11 час. 10 мин. Джеллико дал радио: „Проход между заграждениями в долготе 0°20′ между 54°40′ и 54°20′. Неприятель, вероятно, появится оттуда“.

Как раз восточнее этого места расположена юго-западная отмель Доггербанки, на которой волнение было особенно сильно. Линейные и легкие крейсера обошли это место с севера, а дреднауты и броненосные крейсера с юга, таким образом, между Уоррендером и Битти образовался интервал в 13 миль шириною, которому было суждено

сделаться роковым. Севернее линейных крейсеров и южнее дреднаутов крейсерские эскадры образовали дозорные линии около 35 миль длиною (см. черт. 11).



Черт. 12. Бой и прорыв герм. мелких крейсеров 16 XII.

Уоррендер приказал Тирвитту прибыть в 54°20′ с. ш. и 1°30′ в. д.

Казалось, что англичане все сделали, чтобы пресечь немецким крейсерам путь, когда последние будут выхо-

дить из прохода между заграждениями. Видимость не превышала нескольких миль; налетавшие временами шквалы с дождем уменьшали ее еще больше. Волнение было столь сильным, что использование артиллерии на малых судах становилось все более и более затруднительным. Вдруг в 12 час. 30 мин., на „Southampton“, шедшем в 3—4 милях впереди Битти, был открыт огонь. Казалось, маневр англичан удался.

Теперь нам нужно вернуться к легким крейсерам, отправленным в 7 час. 40 мин. на соединение с главными силами. Они испытывали столь сильную качку, что несколько миноносцев потеряли мачты. В 10 час. утра крейсера „Грауденц“, „Страссбург“ и „Штральзунд“ пришли на видимость друг друга. До того они шли в темноте раздельно. Ввиду чрезвычайно сильной волны и плохой видимости, колебавшейся между 8—20 кабельтовыми, удержание места в строю представляло не мало затруднений. В 12 час. 30 мин. „Штральзунд“ заметил впереди себя во мгле неприятельский корабль. Это был „Southampton“; „Штральзунд“ немедленно повернул на юг и открыл огонь с расстояния 26 кабельтовых. За первым крейсером вскоре показался второй; немцам сначала показалось, что это броненосные крейсера; старший командир в 12 час. 38 м. дал радио, что видит броненосные крейсера. Затем он убедился, что это „Southampton“ и „Birmingham“, но радио не отменил. Дальнейшее маневрирование крейсеров легко проследить по черт. 12. За „Штральзундом“ повернули „Страссбург“ и „Грауденц“; оба последних выполнили поворот, следуя движениям старшего командира, но не видя неприятеля. Маневрирование англичан видно на чертеже: до 12 час. 55 мин. бой велся на параллельных курсах, на расстоянии 66—61 кабельтовых. „Штральзунд“ выпустил за 20 минут всего только 38 снарядов, так как стрельба была затруднена качкой и дымовыми завесами, которые клали миноносцы между „Штральзундом“ и англичанами. Миноносцы не могли идти в атаку, так как для этого им пришлось бы идти против чрезвычайно крупной волны, а „Штральзунд“ стал понемногу уклоняться к SO. Внезапно „Southampton“ повернул на W. Между ним и „Грауденц“ произошел короткий бой на контр-курсах. Вскоре „Southampton“ скрылся во мгле.

Но вдруг, в 1 час. 10 мин., в расстоянии 35—59 кабельтовых, близко к траверзу, миноносцы, шедшие самыми южными, опознали II эскадру линейных кораблей.

Как раз в это время „Штральзунд“ начал поворот на 16 румбов, чтобы идти на поддержку „Грауденцу“. Он оставил руль на борту и описал полную окружность, делая в то же время англичанам, чтобы ввести их в заблуждение, опознательный сигнал, который до того ему сделали англи-

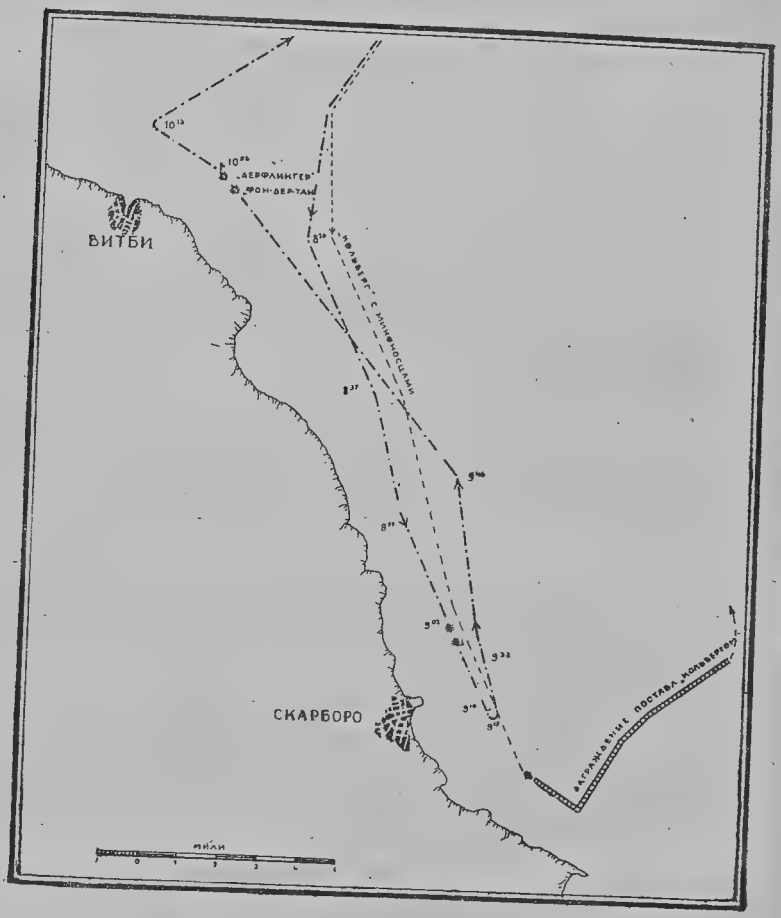
чане. Ответа не последовало. Крейсера самым полным ходом повернули сначала на NO, а через 20 минут на Ost. Нашел туман.

Легким крейсерам, как видно на чертеже 12, удалось прорваться между линейными крейсерами и линейными кораблями II эскадры. Старший командир все время доносил о движениях неприятеля по радио. Возбуждает удивление, почему миноносцы не атаковали II эскадры; немецкий официальный труд о войне это об'ясняет, главным образом, тяжелыми условиями погоды и недостатком топлива на миноносцах; начальники флотилий опасались, что его может не хватить, в случае развития самого полного хода для атаки, на обратный путь в свои базы.

Обратимся к английскому освещению этой встречи.

Когда „Southampton", флагманский корабль начальника легких крейсеров, увидел в 12 час. 25 мин. неприятельский крейсер и несколько истребителей, он сначала повернул на север для встречного боя, а затем на юг, для боя на параллельных курсах (см. черт. 12). Начальник эскадры донес Битти о появлении неприятеля. Следующий крейсер, „Birmingham", повернул за флагманским кораблем; оба более северных крейсера „Nottingham" и „Falmouth" не успели подойти во время. На „Lion" (флагманском корабле Битти) „Southampton" потеряли из виду еще в самом начале боя. Из радио начальника эскадры легких крейсеров Битти сделал вывод, что встреченные крейсера являются авангардом линейных крейсеров, которые должны появиться из района моря между заграждениями, поэтому он остался на прежнем курсе. При эскадре Битти не было миноносцев, он решил, поэтому, поручить отражение неприятельских миноносцев своим легким крейсерам. Когда один из них, не принимавший участия в бою, появился впереди курса линейных крейсеров, Битти сделал ему сигнал прожектором быть головным. Так как в тумане нельзя было различить „Nottingham" и „Birmingham", сигнал был сделан с общими позывными „легкие крейсера". Сигнал, однако же, был разобран на „Southampton". Естественно, что начальник легких крейсеров счел сигнал относящимся до всех его судов и понял его в том смысле, что Битти хочет сам вступить в бой с неприятельскими крейсерами, но опасается, чтобы английские легкие крейсера не оказались между ним и неприятелем. Поэтому начальник легких крейсеров исполнил сигнал беспрекословно. Тем временем, в 12 час. 54 м., Битти повернул на юг, чтобы обойти флотилию рыболовных судов, в которых Битти заподозрил неприятельских заградителей. В 1 час 5 мин. Битти снова лег на W. Через несколько минут показался „Southampton"; и лишь теперь начальник эскадры узнал, что сигнал относился

только лишь до его двух кондевых крейсеров. Повернуть за немцами было поздно, так как последние уже скрылись в тумане.



Черт. 13. Обстрел Скарборо и Витби 16 XII.

Битти решил продолжать путь на W, в промежуток между заграждениями. Однако же, в 1 час 25 мин. было получено радио с II-й эскадры линейных кораблей, что они преследуют неприятельские легкие крейсера и миноносцы на NO. Битти был сбит с толку этим радио; ему ничего не оставалось другого, как снова повернуть на восток,

чтобы отрезать неприятельские крейсера. Следует отметить, что в 1 час 30 мин. расстояние между Гиппером и Битти было всего лишь 15 миль; если бы Битти оставался на курсе, то через каких-нибудь 15 минут обе эскадры должны были встретиться.

II эскадра дреднаутов увидела в 1 час. 15 мин. вправо от себя германские легкие крейсера и миноносцы. Как было уже сказано, немцы сделали английский опознательный сигнал, подсмотренный ранее. Последний, однако же, не обманул англичан, и Уоррендер немедленно повернул на NO, пытаясь догнать немцев. Они скрылись в туманной мгле прежде, чем англичане открыли огонь из своих 34,5 орудий. Расстояние было всего 40—50 кабельтовых. Английские суда из-за тумана оказались также в опасном положении; если бы при встрече они находились немного восточнее и севернее, то весьма вероятно, подверглись бы минной атаке. Дреднауты сразу же отстали от крейсеров, т. к. были связаны тихоходными крейсерами III эскадры.

На II эскадре успели разглядеть, что среди встреченных неприятельских судов не было линейных крейсеров. Поэтому в 1 час. 40 мин. (см. черт. 11), Уоррендер повернул снова на W, навстречу линейным крейсерам. Как видно на карте, англичане и немцы действительно в это время шли друг другу навстречу; расстояние между ними было около 35 миль.

Битти повернул вскоре (в 2 час. 15 мин.) на север, чтобы перехватить Гиппера, если бы тот решил обходить Доггербанку с севера.

В 2 час. 43 мин. было получено радио Адмиралтейства; там успели расшифровать посланное в 1 час. 15 мин. радио Гиппера, сообщавшее место и курс линейных крейсеров. Курс германской эскадры вел прямо через юго-западную часть Доггербанки. Это показалось Битти невероятным, и он счел, что курс расшифрован неверно. Принимая место германских крейсеров верным, он в 2 час. 55 мин. повернул на восток, чтобы остаться между германскими крейсерами и их базами.

Уоррендер сделал иные выводы из этого радио; он предположил, что немцы обогнут банку с севера и последовал за ними.

Теперь посмотрим, что делали германские линейные крейсера после обстрела. Во время столкновения „Штральзунда“ с разведчиками Битти, германские крейсера Гиппера находились в 50 милях восточнее Витби и в 40 милях западнее своих легких крейсеров. Около 12 час. Гиппер получил радио Ингеноля, что главные силы 15-узловым ходом отходят курсом OSO$^1/_2$O. Радио это вызвало понятное изумление на линейных крейсерах. Гиппер был совершенно

уверен, что главные силы будут поджидать его в месте 7 ч. рандеву. К тому же Командующий Флотом был еще в 9 ч. 23 мин. оповещен Гиппером, что легкие крейсера и миноносцы посылаются на соединение с главными силами. Когда около $12^1/_2$ часов было получено радио „Штральзунда“ о встрече с неприятелем, Гиппер пошел самым полным ходом на поддержку легких крейсеров. Было очень трудно разобраться в многочисленных радио легких крейсеров, наспех составленных и частью ошибочно зашифрованных. Когда было принято радио „Штральзунда“, что неприятель скрылся из виду, и Гиппер получил более или менее ясное представление о месте нахождения английских эскадр, он в 1 час. 45 мин. круто повернул на север, чтобы обойти с севера поджидавшего его более сильного врага.

В 4 час. 20 мин. англичане получили от Адмиралтейства последующие расшифрованные немецкие радио, по которым можно было точно установить места и курсы немецких линейных крейсеров. Однако, в это же время Гиппер уже находился в 20 милях севернее Уоррендера и в 60 милях северо-западнее Битти и шел с последним расходящимися курсами.

По странной случайности, англичане расшифровали лишь радио Гиппера, а присутствие в море германских главных сил оставалось для них неизвестным.

Главные силы англичан, их Гранд-Флит, вышел в море 26-го декабря; его путь показан на черт. 10. На следующий день Уоррендер и Битти соединились с Гранд-Флитом в 56°65′ с. ш. и 2° в.д.

Нельзя не указать на громадный промах германского Командующего Флотом, не подождавшего своих линейных крейсеров и повернувшего слишком рано обратно. Он не повернул снова на запад даже и тогда, когда ему было донесено о присутствии между ним и Гиппером II-й эскадры британских дреднаутов.

Через несколько минут после получения этого донесения, Комфлот разделил флот (черт. 10), послав I и II эскадры северным входом, а III эскадру южным входом в Гельголандскую бухту. Ингеноль считал, что положение линейных крейсеров не может быть опасным, „ибо они обладают преимуществом в скорости перед английскими дреднаутами, а о близости английских линейных крейсеров ему не было донесено“.

Обстрел Гартлепуля, Витби и Скарборо в военном отношении не нанес англичанам значительного ущерба; но морскому престижу англичан был нанесен существенный удар. Страховые премии после обстрела значительно поднялись.

Обстрел англичанами Фландрского побережья и организация обороны этого побережья.

Организация обороны Фландрского побережья находилась всецело в руках Морской Дивизии, укомплектованной из морских команд. Создателем этой дивизии был Тирпиц. Он первый, еще в августе 1914 г., указал на военное, политическое и экономическое значение Фландрии. Тирпиц уже тогда был убежден, что Германии придется бороться, главным образом, не с Россией или Францией, а с Англией. Когда, в начале войны, главное операционное направление сухопутных войск было проложено на Париж, он неоднократно высказывал опасения за бельгийские и французские порты, остававшиеся в стороне: „ворота для английских войск оставались открытыми". В Англии Тирпиц видел противника, обладавшего наибольшей волей к победе и, вместе с тем, наибольшей способностью к сопротивлению. Тирпиц настаивал, чтобы Фландрское побережье было занято флотскими частями, дабы можно было наилучшим образом организовать его активную оборону. В первоначальной инструкции определенно говорилось, что организация Морской Дивизии должна иметь в виду „активные цели [1]) против английского побережья". При создании Морской Дивизии играла роль, правда, еще и другая точка зрения: Тирпиц не мог мириться с тем, что в начале войны, когда велись на сухопутном фронте решительные операции, моряки бездействовали совершенно. Лишь в середине августа в Морском Министерстве возник вопрос о наиболее целесообразном применении излишка призванных из запаса матросов. Как видно, вопрос этот не был предрешен мобилизационными планами; несмотря на то, что в первые же дни войны часть запасных была послана в Турцию, все же оставалось еще большое их количество, которым надо было найти применение.

---

[1]) Zwecke.

В состав Морской Дивизии вошли: все батальоны морской пехоты, несколько батальонов артиллерии и полки, укомплектованные матросами,—всего около 20 тысяч человек. Дивизии предполагалось придать катера, пригодные для постановки мин, а также буксиры, рыболовные пароходы и проч. Предполагалось также использовать запасные 15-см. морские орудия. Начальником дивизии был назначен адмирал Шредер, призванный из отставки.

Сухопутный Генеральный Штаб настаивал на применении этой дивизии лишь в качестве оккупационных войск, которые должны были сменять войска первой линии, при их движении вперед, в занятых неприятельских городах и областях. Но мнение Тирпица взяло верх; Морской Дивизии было дано самостоятельное задание—организовать защиту побережья. Порты получили приказание приготовить для дивизии 70 торпедных аппаратов, с соответствующим комплектом торпед для вооружения небольших пароходов; 6 подвижных радио-станций; рельсовые пути для мин; несколько водолазных аппаратов; подрывные патроны и сигнальные приспособления. 20 тысяч ружей, 20 пулеметов, около 20 шлюпочных и десантных пушек, хранившихся в морских арсеналах, предполагалось использовать на побережьи, а также крупные орудия, заказанные для Киля и Вильгельмсгафена, и 28-см. орудия, заготовленные Круппом для Бельгии.

Необходимое для воздушных операций оборудование было отставлено во вторую очередь, за недостатком технических средств.

Морская Дивизия принимала участие в операциях германских войск в Бельгии. Подготовка моряков к сухопутному бою была недостаточна; они не успели предварительно пройти курса обучения; учиться им приходилось уже на фронте. Сначала Морская Дивизия шла за первой линией войск; однако, при осаде Антверпена, она уже играла активную роль.

В Бельгии, в августе—октябре 1914 г., разыгрались интересные совместные операции армий и флотов, предшествовавшие окончательному укреплению немцев на побережьи. 15 октября немцы заняли без боя Остенде и Зеебрюгге. Оба порта достались им совершенно целыми, ибо англичане были убеждены, что отберут их обратно.

Бельгийская армия, стоявшая на левом фланге союзных войск, заняла позицию Ньюпорт—Диксундэ—Бозингхе. Шесть слабых, обессиленных бельгийских дивизий должны были удерживать фронт в 30 километров длиною. Английская армия находилась в состоянии перегруппировки: ее части, по настоянию высшего английского командования, переправлялись на левый морской фланг, для облегчения

их снабжения из Англии. Немцы сильно теснили противника; спасти положение могли энергичные операции во фланг немцам со стороны моря. Английское Адмиралтейство ясно сознавало необходимость сохранить себе порты Канала и проявляло максимум энергии.

Защита восточного выхода из Канала была вновь организована, значительно усилена и поручена энергичному адмиралу Худ (Hood). Ему была подчинена Дуврская флотилия в составе 24-х истребителей (типа „Tribe"), четырех легких крейсеров: „Attentive", „Adventure", „Foresight", „Sapphire", двух флотилий подлодок (13 лодок класса B и C), а также большого числа вооруженных рыболовных и вспомогательных судов. Но все эти суда не предназначались для обстрела побережья; Адмиралтейство также не решалось, пока не разбит германский флот, употреблять для этой цели старые линейные корабли, опасаясь, что они станут жертвою подводных лодок, и ограничилось посылкой трех мониторов „Mersey" „Severn" и „Humber". Французское сухопутное командование считало посылку этих судов недостаточной и поручило командующему левофланговыми французскими армиями войти в связь с английским морским командованием и составить план совместных операций морских и сухопутных сил. Положение во Фландрии становилось все более угрожающим для союзников.

Остановимся несколько ближе на обстрелах побережья, имевших место во второй половине октября.

17-го октября стало известным, что крупные германские части идут вдоль моря из Остенде в Ньюпорт. Лишь тогда, по настоятельному требованию французов, англичане решили послать два старых линейных корабля „Queen" и „Implacable", с противоминными сетями. Эти корабли обладали достаточно большим углом возвышения крупных орудий. Вместе с тем, англичане требовали замены в ближайшее время этих судов французскими броненосцами береговой обороны класса „Furieux". Последние еще находились в резерве; вместо них французы предложили крейсера „Kleber" и „Desaix". На это англичане не соглашались, так как оба крейсера несли дозорную службу у западного выхода из Канала. Осторожность англичан об'ясняется еще и тем, что как раз около этого времени германские подлодки имели новый успех в Северном море: был уничтожен английский крейсер „Hawke"—четвертый в течение одного месяца; из опасения подводных лодок Гранд-Флит был в это время переведен из Скапа в западные порты.

17-го октября вновь назначенный адмирал Худ прибыл на легком крейсере „Attentive" в Ньюпорт и немедленно вошел в связь с сухопутными властями. Бельгийская армия стояла на левом берегу Изера; главная квартира—в La

Panne. Задача английских морских сил здесь сводилась к тому, чтобы, во-первых, воспрепятствовать высадке немцев между этим городом и Ньюпортом, почему-то считавшейся возможной, несмотря на безусловное господство англичан на море, и, во-вторых, к обстрелу побережья, чтобы воспрепятствовать продвижению немцев вдоль берега. Флоту было придано 11 гидропланов, 10 сухопутных аэропланов и два привязных гидростата, базировавшихся на Дюнкерк.

18-го октября прибыли мониторы под конвоем четырех истребителей. Худ отослал все свои суда, кроме мониторов и одного крейсера, обратно в Дувр, для защиты входа в Канал. Между тем, ожидавшееся наступление немцев вдоль берега действительно началось; у деревни Вестэнде была обнаружена немецкая пехота и полевая батарея. Против них мониторы открыли огонь, но сами оказались под градом шрапнелей. В 11 часов утра мониторы перенесли огонь дальше от берега. Высокие дюны и отсутствие возможности корректировать стрельбу с берега не давали возможность вести точный огонь. В обстреле приняли участие также французские миноносцы. Немцы не могли за этот день продвинуться дальше Ломбардзиде; французское и английское командование это приписывало действию судового огня. Вскоре после этого, по приказанию Адмиралтейства, у побережья были оставлены одни лишь мониторы, так как агентура донесла, что германские крейсера в свою очередь готовятся выйти в море для обстрела побережья,— вследствие чего сочтено было необходимым дозоры в устье Канала усилить.

Германское Морское Командование не рисковало высылать в море крупные суда: походы же подводных лодок в Канал оно считало весьма опасными, ввиду того, что навигационные условия плавания в Канале еще не были выяснены, в связи с новыми английскими минными заграждениями. Некоторый свет на последние пролили ценные донесения посланной для разведки в Канал 16-го октября германской подводной лодки. Таким образом, в начале упорных боев за Фландрское побережье, у последнего не появлялось не только германских крупных судов, но даже и подлодок. Лишь одна лодка („U 21“) 13-го октября пошла к Остенде, где, по сведениям воздушной разведки, стояло 5 английских военных судов и 20 транспортов. Несколько раз подводная лодка должна была уходить на глубину от преследований миноносца и лишь 18-го октября, под самым берегом, ей удалось проникнуть к Остенде. Рейд оказался совершенно пустым, ибо большие суда оттуда ушли уже 14-го октября. Запросить по радио—кем Остенде занят—не было возможности, ввиду поломки мачты. Авария в ма-

шине заставила командира 19-го октября отправиться в обратный путь. Германские войска к этому времени продвинулись западнее Остенде к Миделькерке. С моря германские позиции обстреливались английскими мониторами и истребителями. 18-го октября начальник двигавшейся вдоль берега дивизии донес, что, ввиду сильного огня с английских судов, продвинуться дальше вперед нет возможности. Тогда дивизии было приказано оставить побережье и спуститься к югу, для глубокого обхода; одновременно, в распоряжение начальника дивизии был командирован один из моряков, знаток морской стрельбы; под его руководством сухопутные артиллеристы были обучены стрельбе по подвижной цели, в результате чего несколько 15-см. и 10-см. полевых орудий успешно начали препятствовать английским кораблям подходить близко к берегу. Начиная с 19 октября, корабли стреляли беспрерывно. Корректировка стрельбы производилась с берега сигналами. Главные усилия английских мониторов были направлены против ряда батарей, установленных за Вестенде, в 5 километрах от берега. Однако, уже в тот же день на мониторах обнаружился недостаток в снарядах. Кроме них в распоряжении Худа находилось 7 английских и 5 французских миноносцев. Несмотря на критическое положение, британское Адмиралтейство все еще не могло решиться на посылку крупных кораблей или хотя бы легких крейсеров, стоявших в Дувре. Англичане послали старые канонерские лодки „Hazard“ и „Bustard“ (постройки 1893 г. около 1000 тонн водоизмещения, имеющих по два 12-см. орудий); кроме того, было приказано срочно вооружить еще четыре канонерки—„Vestal“ (1898 г.), „Rinaldi“ (1898 г.), „Wilfaer“ (1888 г.), а также „Excellent“; на последнем было установлено одно 23,5 см. орудие.

20-го октября главный удар немцев был направлен на Ломбардзиде и Гамбург (тет-де-пон Ньюпорта). По Корбетту, немецкое наступление поддерживалось тяжелыми батареями, установленными в Вестэнде—Слипэ—Миделькерке; эти три пункта английские корабли и избрали своими мишенями. Мониторам удалось заставить замолчать одну германскую батарею. Когда атака немцев достигла высшего напряжения и их батарея у Вестенде развила особенно сильный огонь,—английский адмирал подошел на флагманском миноносце вплотную к берегу, чтобы отвлечь огонь батареи хотя бы от сухопутных целей. Это ему удалось, но зато флагманский миноносец получил несколько тяжелых попаданий и был выведен из строя.

Немцы продолжали энергичный натиск. С берега требовали усиления судового огня; однако же, к вечеру все суда расстреляли свои запасы, вследствие чего отход бельгийцев

к Ньюпорту стал неизбежным. В связи с этим пришлось очистить все позиции на Ипрском канале.

На рассвете прибыл легкий крейсер, одна канонерка и четыре истребителя; адмирал поднял флаг на крейсере. С 8-ми часов утра англичане вновь открыли огонь, который корректировался с привязного шара. Ряд немецких батарей был приведен к молчанию. Когда немцы делали приготовления, чтобы перейти реку, англичане открыли с судов по ним беглый огонь. Суда стреляли непрерывно в течение 11 часов; один только легкий крейсер выпустил 1100 гранат.

В разгаре боя распространился слух о близости немецких подводных лодок. Повидимому, стало известным о появлении лодки 18-го октября у плавучего маяка Вилинген. Немедленно были приняты особые меры для защиты подвоза боевых припасов; истребители образовали противолодочную охрану стрелявших судов; канонерская лодка была отослана обратно, а легкому крейсеру приказано уходить, как только вернутся мониторы. Французы поставили минное заграждение восточнее Остенде. Тревога, однако, оказалась ложной.

Следующий день, 22-го октября, прошел на берегу спокойнее, ибо немцы перенесли свои атаки вглубь страны. Около берега бельгийдам удалось даже продвинуться вперед, а 23-го октября огонь вновь прибывших мониторов и канонерской лодки „Bustard“ помог им вновь овладеть Ломбардзиде. Английские источники указывают, что, только благодаря участию морских сил, союзникам удалось удержать за собою шлюзы Ньюпорта, имевшие большое стратегическое значение: тот кто владел последними мог не пустить неприятеля дальше. Вечером 22-го октября состоялось совещание французских и английских адмиралов с представителями бельгийского сухопутного командования. Прибыла французская дивизия, которая должна была двинуться вдоль берега на восток и, при поддержке морских сил, вновь овладеть Остенде. В то же время два английских корпуса и одна кавалерийская дивизия пытались со стороны Иперна продвинуться на Брюгге. 21-го октября немцам удалось это продвижение задержать; однако же, Жоффр сосредоточил в Иперне свежие силы и намеревался возобновить наступление 24-го октября. Операция должна была начаться наступлением вдоль берега. Приготовления были сохранены в полной тайне. Утром 23-го английский адмирал был извещен, что французы до 10 часов утра будут продвигаться от Ньюпорта на NO, а затем повернут на север, и что при этом потребуется помощь судовой артиллерии. Однако, в то же время немцы повели наступление на Ломбардзиде; лишь когда последнее было отбито, французы могли, после полудня, двинуться вперед на Остенде. Казалось, что про-

движение вдоль берега будет удачным, но огонь судовой артиллерии пришлось перенести далее вглубь страны, где немцы начали сильно нажимать между С-т Жоржем и Тервааты. Немцы вели наступление при поддержке двух тяжелых батарей. Успех боя зависел от того, удастся ли английским морякам привести к молчанию эти батареи. Огонь с судов оказался недостаточно действительным, и наступление французов было приостановлено на линии Вестенде. Англичане тогда еще не знали о приближении двух немецких подводных лодок.

Немцы с самого начала операций во Фландрии считались с вероятностью участия английских морских сил. Из газетных сообщений им стало известным, что 16-го октября английские суда крейсеровали между Дюнкерком и Калэ. Далее немцы были извещены своей разведкой, что канадские транспорта прибыли в Димут, но войска не высажены; это указывало на их предстоящую перевозку в Гавр. 20-го октября Морской Генеральный Штаб телеграфировал Командующему Флотом, что в ближайшие дни предполагается занятие Дюнкерка, а затем и Булони; требовалась посылка подводных лодок в Канал, для действий против английских судов, которые будут обстреливать фланг немцев; далее требовалось подготовить все для перевода полуфлотилии подлодок в Зеебрюгге, как только вход в этот порт будет очищен от мин.

21-го октября, согласно требованию сухопутного командования, 3 подводных лодки („U 27“, „U 24“ и „U 30“) были посланы: первая в Калэ, вторая в Булонь и третья в Гавр. 23-го октября „U 24“ подошла к Ньюпорту, видела под берегом легкий крейсер и два миноносца, но не могла к ним приблизиться из-за отмелей; вскоре суда эти скрылись. На следующее утро подлодка пошла к Булони. „U 27“, которая должна была крейсеровать между Дюнкерком и Калэ, прибыла в район последнего 23-го вечером и легла на грунт в 9 милях от Калэ. В эту же ночь третья подводная лодка, „U 30“, легла на грунт около мыса Гри-Нец. Таким образом, к вечеру 23-го октября, 3 подводных лодки подошли к месту разгара боя. Радио-связь между ними и берегом тогда еще не была налажена, и поэтому инструкции им не могли быть даны.

Уже 22-го вечером одна из канонерок и один из истребителей ошибочно сочли себя атакованными подводными лодками. Вследствие их донесения, Адмиралтейство приказало всем судам, присутствие коих у берега не безусловно необходимо, немедленно зайти в Дюнкерк. Одновременно с этим, были посланы в угрожаемый район три рыболовных парохода с противолодочными средствами, один дивизион истребителей из Гарвича, а также лихтера, снабженные се-

тями для защиты больших кораблей во время обстрела от подводных лодок. Все эти меры англичане считали, однако, мало действительными, пока Остенде останется в немецких руках и сможет быть использован как база для подводных лодок.

По настоянию Адмиралтейства, английский адмирал получил приказание обстрелять этот порт и закупорить выход из его гавани пароходами. Когда приказание это было получено, известие об удачном наступлении французов позволило надеяться, что Остенде будет взято с сухого пути, вследствие чего обстрел был отложен до получения точных сведений с берега. 24-го октября английские корабли поддерживали наступление французов вдоль берега. Один из мониторов был отправлен в Англию для замены поврежденного орудия; несмотря на это англичане в этот день располагали, не считая двух других мониторов и канонерки „Bustard“— двумя старыми крейсерами „Brilliant“ и „Sirius“, канонерками „Rinaldo“ и „Wildfire“, 8 британскими и французскими миноносцами. К вечеру, после беспрерывной канонады в течение целого дня, французам удалось отбросить немцев и начать продвижение к Вестенде.

В сухопутных операциях на немецкой стороне принимали видное участие части Морской Дивизии.

Успехи союзников на побережьи давали возможность надеяться, что им в конце концов удастся завладеть Остенде. Поэтому, как сказано выше, обстрел его портовых сооружений был 23 октября отменен, но приказано разрушить железнодорожную станцию и под'ездные пути. В это время нашел туман. По сведениям воздушной разведки, в порту не наблюдалось никакой деятельности.

Тогда решено было вновь начать обстрел фланга наступающих немцев. Это оказалось крайне насущным, ибо положение союзников с 24-го октября стало ухудшаться. Попытки немцев прорвать фронт становились все более и более энергичными, войска их все прибывали. Союзные войска, несмотря на яростные контр-атаки, должны были отойти и сосредоточить силы в центре, где атаки немцев были особенно интенсивными.

25-го октября нашел густой туман, сделавший корректировку стрельбы невозможной; тяжелые батареи, огонь которых был наиболее действительным, немцы расположили вдали от берега; единственная батарея, которую англичанам удалось обнаружить, находилась столь близко от французских передовых постов, что судовой огонь мог быть опасным и этим последним. В то же время немцы успели установить несколько орудий в дюнах, недопускавших приближения английских судов близко к берегу.

Ночью задуло настолько сильно, что мониторам, принимавшим боевой запас в Дюнкерке, пришлось остаться в этом порту вместе со всеми малыми судами.

К 26-му октября союзные войска отошли западнее Изера; лишь на небольшой полосе, длиною $1^1/_2$ километра, им удалось удержаться севернее Ньюпорта. На рассвете 26-го октября немцы по всей линии возобновили наступление с такой энергией, что положение бельгийцев становилось критическим; английским морским силам было приказано проявить максимум энергии. К 3 часам суда развили весьма сильный огонь; только лишь благодаря ему можно было удерживать прибрежный сектор; продвигавшаяся вдоль берега германская дивизия была лишена возможности атаковать Ньюпорт. Атаки немцев, однако, еще не достигли своего апогея; союзному командованию становилось ясным, что главный удар последует со стороны Ломбардзиде. Корабли развили ураганный огонь по этой деревне. Немцы были бессильны против судового огня; их наступление здесь приостановилось, но зато нажим германской армии в центре, где ее батареи находились вне досягаемости судового огня, заставил союзное командование отвести левый фланг за железнодорожную насыпь Ньюпорт-Диксмуйден. Эта была последняя позиция, на которой еще можно было защищаться; она стала бы неприступной, если бы удалось наводнить часть берега восточнее этой позиции.

Пришлось прибегнуть к старому, исторически испытанному средству защиты Фландрии: решено было открыть шлюзы; вливающейся через них воде требовалось два дня, чтобы затопить всю местность. Вопрос, таким образом, сводился к тому — смогут ли истомленные боем бельгийцы выдерживать атаки немцев в течение этих двух дней. Понятно, сколь существенна, при данных условиях, была помощь судового огня.

Англичане решились, наконец, послать старый линейный корабль „Venerable“, который 27-го утром прибыл к месту боя. Обстрел сосредоточился главным образом по Вестенде, Слипэ и Ломбардзиде. 12-дюйм. снаряды производили большие разрушения, моральный эффект их был потрясающим, несмотря на сравнительно незначительные потери в людях. Немцы успели установить в дюнах большое число орудий, которые не подпускали корабли ближе, чем на 20 кабельтовых к берегу. Огонь немецких орудий заставил все мелкие английские суда отойти от берега; остался один „Venerable“, который стал на якорь; защищенный опущенными сетями, он стрелял непрерывно с 8 утра до 9 вечера. Корабль этот совершенно связывал движение германских войск, действовавших в пределах дальности его огня. В 9 час. 15 мин. вечера один из охранных истребителей сообщил о появле-

нии подводной лодки. Тогда и этот корабль покинул свою позицию, несмотря на малую вероятность атаки подводной лодки. вследствие небольших глубин. Германские войска на берегу сразу же почувствовали облегчение. Тревога была вызвана появлением „U 24“ и „U 27“, которые действительно в это время находились вблизи в Канале и были обнаружены английскими дозорами.

Еще 23-го октября германское морское командование получило телеграмму Главной Квартиры, требовавшую действий против английских мониторов. Подводные лодки вследствие этого были посланы специально для атаки стрелявших по берегу судов; около Остенде к этому времени только что была установлена радио-станция, специально для переговоров с подводными лодками. Заход в Остенде и Зеебрюгге был пока еще категорически запрещен, ввиду невозможности обеспечить безопасность входных фарватеров: не было ни тральщиков, ни приморских батарей, которые могли бы отгонять приближающиеся для обстрела неприятельские суда. Обе лодки, направленные для атаки английских судов, не имели успеха: одна столкнулась ночью в море с английским миноносцем; другая—потерпела аварию в машине. Обе вернулись с пути в свои базы.

Таким образом, в этот период, фактически ни одно из обстреливавших судов не подверглось подводной атаке.

Какое значение могла бы иметь такая атака, видно из приведенного выше факта, что 27-го октября донесения о появлении подводной лодки было достаточно, чтобы заставить „Venerable“ уйти и лишить войска ценной поддержки огнем его тяжелой артиллерии. Союзники в это время, как выше было изложено, перешли к обороне. Вопрос о захвате вновь Остенде уже отпал. Накопление крупных немецких сил указывало на твердое намерение прорваться к Кале. От моря до французской границы разгорелась первая битва под Иперном. Задача судов осложнялась недостатком снарядов; их приходилось экономить. Все должно было решиться в течение ближайших двух суток; протоки для воды в железнодорожной дамбе были заделаны, шлюзы Ньюпорта должны были быть открыты 27 октября в полную воду. В эти критические дни все зависело от удачи судовой артиллерии. Когда 28-го октября атаки германских войск возобновились, „Venerable“, три монитора и канонерская лодка „Bustard“ вновь вышли на позиции. Они обстреливали не только свои прежние цели между Вестенде и Ломбардзиде, но распространили огонь и значительно дальше к югу, где воздушная разведка обнаружила тяжелую германскую батарею и группу из четырех других батарей. Фланговая немецкая дивизия была парализована судовым огнем. Германские прибрежные батареи начали стрелять, главным об-

разом, по судам, а не по береговым целям. На одном из истребителей, действовавшем около Вестенде, было попадание в судовое орудие, были убиты командир и семь матросов, 16 ранено; корабль был выведен из строя. Его с трудом удалось довести до Дюнкерка. Несмотря на то, что все суда стреляли, все время меняя курсы и скорости, в них было много попаданий. В это время вновь было получено донесение о появлении немецкой подлодки и суда прекратили огонь. Миноносцам было приказано уничтожить подлодку, а „Venerable", спешно снимаясь с якоря, стал на мель, к счастью для англичан в недосягаемости от германских орудий. Когда начался прилив, линкор был стащен одним из судов и перешел на рейд Ла-Панн. Тем временем бои у берега уже перевалили через кульминационную точку.

Медленно, но с убийственной последовательностью, распространялась вода через открытые шлюзы. 30-го октября корабли снова открыли огонь против германских батарей. Немцам вновь удалось вывести из строя один английский истребитель. Атаки немцев в этот день были отбиты, бой на время затих. Худ считал положение судов тягостным, ввиду все более усиливавшейся меткости германских береговых батарей и участившегося появления поблизости подводных лодок. Донесения о последних по большей части оказывались ложной тревогой; все же они сильно нервировали личный состав, тем более, что 31-го октября утром, в 8 милях от Дувра, была потоплена авио-матка „Гермес"; вследствие этого „Venerable" был отправлен в Англию, а его место должен был занять давно исключенный из списка судов флота корабль „Revenge", специально приспособленный для обстрелов побережья.

Операции у Фландрского побережья закончились. Хотя немцы и продолжали свои атаки против Рамскапелле еще в течение двух последующих дней, но взять железнодорожную дамбу и открыть в ней протоки для воды им не удалось. 2-го ноября германские войска должны были отойти от левого берега Изера, оставив орудия и боевые припасы в наводненной местности.

Исход боя на Изере разрушил их надежды пробиться к портам Канала. Огонь судовой артиллерии не причинил больших потерь германским войскам; но его моральный эффект был громадным, благодаря большой скорострельности и дальности, а также и крупному калибру судовых орудий. Немцы были вынуждены стрелять по судам, чем ослаблялась артиллерийская подготовка их атак на сухом пути. Присутствие английских морских сил и опасения десанта себе в тыл, заставили немцев держать вдоль берега бо́льшее количество войск, чем это требовалось обстоятельствами боя.

Союзникам не удалось продвинуться вдоль берега к Остенде, так как южнее их сильно теснили немцы. С другой стороны и немцы не могли двигаться вдоль берега; донесения начальника дивизии, оперировшей под самым берегом, определенно говорят, что только из-за судового огня англичан нельзя было взять Ньюпорт, захватить своевременно шлюзы и воспрепятствовать затоплению местности впереди бельгийского фронта. Успешное вначале наступление правофлангового немецкого корпуса в этом случае не было бы так быстро остановлено. Прорыв у Ньюпорта существенно улучшил бы положение немцев на побережьи и создал бы серьезную угрозу неприятельскому левому флангу. Указанное только что значение участия в бою английских морских сил и влияние этого участия на исход боя на Изере заставляют обратить внимание на отсутствие активности со стороны германского флота. Первую крупную операцию германского флота, которая могла оказать хотя бы косвенное влияние и на фландрские бои, обстрел Ярмута, немцы предприняли лишь после того, как участь боя была решена. Адмиралтейство потребовало немедленного отхода английских судов от Фландрского побережья для защиты линии Дувр-Кале, как только узнало, что германские крейсера вышли в море.

Германское морское командование, в лице Начальника Морского Генерального Штаба, находившегося в Ставке и, казалось бы, хорошо осведомленного о положении на фронте, не отдавало себе ясного отчета в значении, которое могли иметь на исход боев во Фландрии энергичные морские операции крупных надводных сил. Тяжелое положение сухопутного фронта оставалось на флоте неизвестным, ввиду недостаточного осведомления Командующего Флотом. Последний был связан в своей деятельности и действовал только лишь по указаниям Главной Квартиры. Даже известие, что англичане намерены перевести из Дувра 15 тысяч человек для высадки, в ночь на 31 октября, в Остенде, не могло побудить верховное командование дать флоту более активные задачи.

Периодом, когда необходимость в помощи германского флота ощущалась особенно остро, следует признать время после исхода сражения на Марне (в середине сентября) и до исхода боев у Кале. Но в этот период времени Начальник Морского Генерального Штаба настаивал лишь на заградительных операциях у английского побережья, которые, по его мнению, должны были предприниматься отдельными легкими крейсерами или заградителями даже без поддержки флота.

В день обстрела Ярмута, 4-го ноября, командование флотом запросило Главную Квартиру, нужно ли послать

подлодки к Фландрскому побережью; оттуда последовал ответ, что немецкие войска сильно страдают от судового огня и крайне важно отогнать английские корабли. Вследствие этого были посланы две подводные лодки, „U 12“ и „U 29“; первой было приказано оставаться в районе Остенде-Булонь, а второй—пройти туда же, но, если в этом районе не оказалось бы неприятельских судов, перейти к западному выходу из Канала и крейсеровать у южного входа в Ирландское море.

В ночь на 4-ое ноября, адмирал Худ, с четырьмя истребителями, вернулся из Дувра для поддержки бельгийцев, наступавших со стороны Изера. Немцы также перешли в наступление, пытаясь занять восточный тет-де-пон шлюзов; но, с наступлением темноты, немцы были принуждены отойти в исходные позиции у Ломбардзиде. Видимо, союзники не жалели усилий, чтобы распространиться восточнее устья Изера. Поэтому непонятно, почему уже 7-го ноября англичане вернулись в Дувр, обстреляв в последний раз германские позиции. У берега остались „Vestale“, „Humber“, „Rinaldo“, „Bustard“, а также вновь прибывший линкор „Excellent“. На следующий день 8-го ноября бельгийцы после упорных атак заняли Ломбардзиде. Английские корабли в этот день должны были принять участие в бою, но на рейде Ньюпорта появилась немецкая подводная лодка „U 12“. Последняя запросила по радио у Остенде сведений о неприятеле. Это был первый случай переговоров подлодки с новой базой. В 1 час. 30 мин. „U 12“ увидела под берегом небольшие корабли, повидимому мониторы, услышала гул выстрелов и убедилась, что эти суда обстреливают берег. Лодка пыталась выйти на позицию для атаки, но несколько раз, проходя отмели, садилась на мель и в конце концов от атаки отказалась. Лодка была обнаружена; все суда отошли от берега. Тем временем другая подлодка „U 29“ также подходила к берегу и убедилась, что неприятельские корабли отошли.

Возвращением этих подлодок ознаменовался конец попыток германского командования оказать влияние на исход сухопутных боев во Фландрии. Отошли и англичане. Бои временно затихли; однако же, немцам было чрезвычайно важно оттеснить неприятеля дальше к западу, дабы Остенде не находилось в районе обстрела неприятельской артиллерии, для этого нужно было во что бы то ни стало взять Ломбардзиде. После упорных боев это удалось на рассвете 12-го ноября. Немцы заняли побережье до устья самого Канала.

Организация обороны Фландрского побережья.

Остенде, таким образом, было обеспечено со стороны суши. Пришлось организовать оборону занятого немцами участка Фландрского побережья, длиною около 50 километ-

ров [1]), со стороны моря. Вдоль самого берега тянется полоса дюн, ширина которой нигде не превосходит нескольких сот метров, а высота—35 метров. Дюны вплотную подходят к берегу. За ними лежат плодородные земли с лугами и пастбищами, многочисленными каналами и низкими кустарниками; местность весьма сырая, болотистая.

Два водных пути соединяют Брюгге с морем. Канал, ведущий в Остенде, сооружен еще в начале 17-го века и впоследствии углублен и расширен; он, так же как и портовые сооружения и шлюзы Остенде, пригоден для судов средней величины, миноносцев и подводных лодок. Большие корабли им пользоваться не могут. После длительных колебаний и рассуждений, в 1895 году было решено соорудить новую гавань в Зеебрюгге, а также прокопать канал между Брюгге и Зеебрюгге; работы были закончены в 1905 г. Предположение, что Зеебрюгге построен отчасти на английские деньги, кажется вероятным, ибо Англия несомненно была заинтересована в том, чтобы иметь на бельгийской территории удобный порт для высадки своих войск.

Гавань Зеебрюгге закрыта с моря большим широким волноломом, расположенном в виде дуги, длиною 2.500 метров; вершина волнолома—в 6 кабельтовых от берега. Чтобы воспрепятствовать обмелению, каменный мол прерывается у своего основания железным мостом в 300 метров длиною. Наружная сторона волнолома обделана в виде высокой стенки из бетона. Причальная линия на внутренней стороне мола имеет длину в 1500 метров; глубина гавани в 1914 г. была в среднем 7 метров в малую воду. За время войны гавань значительно обмелела. Перерыв каменного мола железным мостом оказался вредным, ибо идущее вдоль берега течение наносило в гавань массу песку. Имевшихся землечерпалок было недостаточно, чтобы воспрепятствовать обмелению. Мол еще в мирное время был оборудован железнодорожными путями, пакгаузами и т. п.

Шлюз в Зеебрюгге 150 метров длиною; глубина на пороге 6 метров в малую воду; шлюз, следовательно, доступен военным судам до размера легкого крейсера. То же относится и к каналу, который по прямой линии (10 километров длиною) ведет в город Брюгге, где заканчивается, разветвляясь в три бассейна. Особым каналом, идущим через город, упомянутый только что канал соединяется с Остендским. Имеется еще внутренний канал из Брюгге на Гент, пригодный для судов, размером не больше крупных истребителей, если они не в полном грузу. Из Гента водный путь идет по Шельде до Антверпена. Однако, путь этот,

[1]) Это соответствует участку берега от устья Невы приблизительно до Лебяжьего.

ввиду кривизны фарватера, пригоден лишь для малых судов. Один из рукавов устья Шельды, фарватер Виннинген, ведет непосредственно под восточным берегом Фландрии. Из прочих фарватеров устья Шельды, лишь только Остгат, проходящий под самым островом Вальхерен мимо Флиссингена, пригоден для глубоко сидящих судов. Остальными двумя фарватерами пользовались в мирное время только рыболовные суда. От меридиана Кадзанда до бельгийской границы (северо-западнее Антверпена) устье Шельды входит в территориальные воды Голландии и, следовательно, во время войны считалось недоступным для военных судов, и проход коммерческих судов здесь был несколько ограничен. Вследствие этого, портовые сооружения, доки и мастерские Антверпена могли быть использованы лишь в незначительной степени для нужд военного флота. Несколько раз командование морскими силами поднимало вопрос о расширении водного пути между Антверпеном — Гентом и Брюгге. Однако, в 1914—1915 г. немцы считали, что война будет скоро окончена, а позднее — не хватило рабочих рук и средств. Тем не менее, с самого начала, Антверпен был использован немцами для постройки малых подводных лодок и тральщиков, для которых путь через открытое море из германских баз считался опасным.

Нельзя не упомянуть, хотя бы кратко, об организации ремонтных баз. Первоначально немцы воспользовались в Остенде ремонтными мастерскими пароходства Дувр-Остенде, которые впоследствии были значительно расширены. Вскоре старый бельгийский арсенал в Остенде превратился в новую германскую верфь. Осенью 1916 г. порт из Остенде был переведен в Брюгге; 6 марта 1917 г. верфь в Брюгге насчитывала 2000 рабочих. Летом 1917 г. открылись обширные кораблестроительные мастерские в Генте. В марте 1917 г. в Остенде были открыты портовые мастерские, насчитывавшие до 300 чел. рабочих. Особенно сложно обстоял вопрос с доками, которых почти совсем не было вначале. В Остенде был построен 2000-тонный плавучий док, почти что на глазах неприятеля, и впоследствии переведен в Брюгге. Другой плавучий док был собран из лихтеров-понтонов. Два сухих дока, с соответствующим покрытием для защиты от воздушных атак, были построены в Брюгге. Старый сухой док в Остенде был удлинен. К осени 1918 г. немцы располагали 12 доками.

Стратегическое значение фландрских портов обуславливалось их близостью к английскому юго-восточному побережью, — главным образом к устью Темзы и важнейшим путям снабжения английской армии (Дувр-Кале). Расстояние от Зеебрюгге до устья Темзы и узкости Дувр-Кале—всего лишь около 70 морских миль, что составляет одну четверть

расстоянии от устья Эльбы до тех же пунктов. Таким образом, миноносцы могли в одну ночь пройти туда, произвести атаку или поставить заграждения, и вернуться до рассвета. Понятно, что и для подводных лодок географическое положение фландрских баз давало серьезное сокращение операционной линии. Что операции германских фландрских морских сил были в то же время осложнены близостью английского флота—не требует пояснений. Пока не было установлено в достаточном количестве батарей крупного калибра, побережье Фландрии с его базами находилось под обстрелом английской судовой артиллерии. Конечно, от случайных обстрелов с больших расстояний, или же от ночных обстрелов, не могли оберечь даже самые сильные батареи. Постановка минных заграждений для защиты берега была возможна в широких размерах, поскольку только эти заграждения не являлись помехой для операций своих собственных морских сил. Но сначала не хватало плавучих средств для дальних постановок; к тому же такие постановки могли безнаказанно протраливаться англичанами вне досягаемости германской артиллерии.

Для высадки крупных войсковых частей побережье было неудобно. Расположение перед берегом отмелей, с почти постоянным прибоем на них, и сильное течение, идущее параллельно берегу, препятствовали высадкам. Войсковые транспорта должны были бы останавливаться далеко от берега, войска пришлось бы перевозить на многочисленных ботах и шлюпках, для которых даже пулеметный огонь защитников берега был бы губителен,—не говоря уже о трудности управления шлюпками на прибое. Даже самые мелкие плоскодонные бота не могли приставать вплотную к берегу, войскам пришлось бы часть пути идти в брод и после этого еще перебираться через высокие дюны с их глубокими песками. Высадки в портах Остенде и Зеебрюгге, однако, могли иметь успех. Положение Командующего Морской Дивизии, ввиду недостатка технических и плавучих средств и артиллерии, было не из легких. Ниже привожу сокращенный перевод директив Начальника Сухопутного Генерального Штаба от 25-го октября 1914 г., которые проливают некоторый свет на организацию командования на морском побережьи Фландрии.

1) После занятия портов бельгийского северного побережья, главная задача Морской Дивизии—малая война против англичан. Порта бельгийского и северо-французского побережья должны, по мере продвижения правого фланга армии, быть заняты частями Морской Дивизии.

2) Прибрежная полоса образует Морскую Станцию. Границы этой станции устанавливаются совместно с генерал-губернатором Бельгии.

3) Начальник Морской Станции непосредственно подчинен кайзеру, но обязан немедленно исполнять требования генерал-губернатора касательно посылки войск для подавления внутренних беспорядков или же для отражения наступления неприятеля.

4) Гражданские власти в районе станции подчинены генерал-губернатору.

Тогда же предполагалось организовать на побережьи воздушную базу для операций против Лондона, при чем начальник воздушных сил подчинялся непосредственно Главной Квартире.

В ноябре дивизия была расширена в корпус, а командующий корпусом адмирал Шредер был непосредственно подчинен кайзеру.

В начале февраля 1915 года были установлены нижеследующие границы этой станции:

на востоке — старая граница между Бельгией и Голландией,
на юге — линия Мергуизен—Мальдегем—Ернегем,
на севере — море,
на западе — фронтовая линия.

В течение войны эти границы несколько раз менялись. Менялись также права и обязанности начальника Морской Станции. Особенно в хозяйственном отношении его самостоятельность подвергалась сильным изменениям. Но в течение всей войны командир корпуса оставался подчиненным непосредственно кайзеру. Главная цель, которую преследовал Тирпиц, создавая этот корпус и обеспечивая его командиру большие полномочия, оставалась неизменной: дать в руки флота укрепление берега, организацию его обороны и создание новой базы для подлодок, миноносцев и мелких заградителей.

До конца войны, до эвакуации в октябре 1918 г., защита морского фронта станции находилась в руках I Морской Дивизии, а сухопутного фронта—II Морской Дивизии.

Подводя итоги первому периоду боевых операций во Фландрии, необходимо отметить, что цели обеих сторон не были достигнуты: союзникам не удалось отвоевать обратно бельгийское побережье, а немцам — пробиться к Кале. Обе стороны считали себя не вправе рисковать более крупными морскими силами для поддержки флангов армий, опасаясь потерь до генерального морского сражения, в неминуемость которого тогда еще они верили. Поэтому, участие морских сил в качественном и количественном отношении совершенно не соответствовало серьезности задачи. Географические условия были менее благоприятны для германского

флота, чем для английского, ибо операции развертывались непосредственно перед английскими базами в районе, об'явленном англичанами опасным от мин. Тем не менее, как мы видели из случая набега германских крейсеров на Ярмут, одного их приближения к Фландрскому побережью, было достаточно, чтобы заставить, в самые критические дни, английские суда отойти от берега.

С начала декабря в Зеебрюгге неизменно находилось по несколько лодок. В это время участились донесения о приготовлении англичан к новым операциям против фландрских портов. В районе Зеебрюгге было поставлено ими несколько минных заграждений. 18-го декабря пропала без вести подводная лодка, вышедшая к фландрскому побережью. Вероятно, гибель ее последовала на одном из минных заграждений. Опасность от последних начиналась уже в расстоянии 5,5 кабельтовых от конца мола, ибо там стояло полукругом бельгийское заграждение, через которое был протрален фарватер всего лишь в 1 кабельтов шириною. Северо-западнее находилось только что поставленное немецкое минное заграждение на линии Бланкенберг-Уиткерке, которое позднее было дополнено заграждением, доходившим до банки—Шуневельт. Еще западнее предполагалось второе бельгийское заграждение,—от места плавучего маяка Ванделаяр до банки Вендуине. Понятно, насколько плавание подводных лодок было затруднено в этом районе.

Англичане все более и более чувствовали опасность, которая для них создавалась близостью германских подводных баз. Еще в связи с переносом на юг базирования линейных крейсеров Гранд-Флита, был усилен также и флот Канала. В состав последнего были за последнее время включены два линкора типа „Lord Nelson“ и семь „Formidable“ (V эскадра). Теперь-же флот Канала был еще усилен VI эскадрой, с ее семью „Duncans“ и „Revenge“. Все эти суда должны были базироваться на Дувр. Вновь назначенный Командующий Флотом Канала спросил разрешение обстрелять Фландрское побережье, в отместку за обстрел Скарборо, но Адмиралтейство не разрешило этой операции. В этот период времени (декабрь 1914 г.) Адмиралтейство энергично настаивало на совместных операциях армии и флота для овладения вновь Остенде и Зеебрюгге. Потопление английского линейного корабля „Formidable“ в Канале немецкой подводной лодкой произвело сильное впечатление на общественное мнение. Адмиралтейство не могло мириться с близостью к Каналу германских баз для подлодок.

Указанные операции, однако, не состоялись, из-за невозможности сосредоточить у побережья достаточное количество войск.

В начале 1915 г. стала с особенной для немцев остротой ощущаться необходимость создать помеху беспрепятственному почти движению английских транспортов в Канале. Командование Морским Корпусом настаивало на срочной организации базы для подлодок во Фландрии. Пока оборудование приморских батарей еще не было закончено, единственным средством борьбы с обстреливавшими берег английскими и французскими судами были подлодки.

Еще в начале декабря 1914 г. предполагалось создать „Отряд обороны Фландрского побережья“ („Kustenschutzverband Flandern“), состоящий из полуфлотилии подлодок (5 подлодок), и непосредственно подчинить его адмиралу, командовавшему Морским Корпусом. Подлодки эти, как специально было оговорено, могли быть использованы также и Командующим Флотом Открытого моря для операций главных сил. Намечался тогда же перевод в фландрские базы еще и миноносцев и даже легких крейсеров; осуществить это предполагалось по окончании установки крупных батарей на берегу. Однако же, Командование Флотом не хотело давать крупных подлодок и настаивало на том, чтобы организация обороны подлодками была приведена в жизнь лишь после того, когда будут готовы специально строящиеся для фландрских баз малые подводные лодки и миноносцы. Кроме того, Флоту Открытого моря, по тому времени, было трудно уделить Фландрии более 3 подлодок.

Официальный германский труд о войне подчеркивает, что немцы, конечно, держали бы большее количество лодок во Фландрии, если бы уничтожение транспортов в Канале было вообще возможно в широком масштабе. Но тогда еще разрешалось топить транспорта лишь в том случае, если не подлежало сомнению, что пароход везет войска: например, если бы на палубе было замечено большое количество войск. Предварительная остановка судов и их досмотр, конечно, были невозможны, благодаря прекрасно организованной англичанами противолодочной охране. В таких условиях Начальник Подводного Плавания считал вероятность успеха операций против транспорта столь незначительной, что всячески препятствовал посылке подлодок в Канал.

Но вот обстановка меняется. Требования сухопутного Командования начать энергичное уничтожение войсковых транспортов в Канале становится настолько властным, что Морской Генеральный Штаб 15 января сделал распоряжение „начать топить при операциях в Канале все большие пароходы, которые ночью будут подходить к Гавру, Диепп, Дюнкерку, Булони и Шербургу, — без досмотров и предупреждений“.

Это приказание заставило германское командование озаботиться скорейшим оборудованием фландрских баз, так

как отныне операции подлодок в Канале сулили успех. В первое время, однако, подводные лодки неохотно заходили в Остенде и Зеебрюгге, вследствие постоянных воздушных налётов, становившихся весьма опасными для них. Для примера, приведу атаки на „U 14“ в последних числах января: как только лодка ошвартовилась, неприятельский аэроплан сбросил на неё 3 бомбы, не попавших; в полночь атака была повторена, при чем одна из бомб попала в корму лодки; во время предварительного ремонта в Брюгге и Остенде и на пути туда, атаки продолжались; лишь после того, что лодка была замаскирована сверху брезентами, можно было на ней работать. Когда лодка была готова, следствием новой атаки явилось поранение 9 человек.

4-го февраля Германия об'явила воды вокруг Англии и Ирландии, включая Английский Канал, военной зоной, в пределах которой предполагалось топить все неприятельские коммерческие суда; началась подводная блокада Англии.

В связи с этим, вновь выплыл вопрос об укреплении фландрских баз и оборудовании их для базирования миноносцев и подлодок. Командование Морским Корпусом настаивало на посылке туда миноносцев и подлодок. Командование Флотом Открытого моря возражало, полагая слишком опасным держать подлодки в базах, при недостаточной противоаэропланной защите; миноносцы, при выходах из баз, легко могли становиться жертвой неприятельских дозоров; держать там миноносцы только для минных постановок у неприятельских берегов не имело смысла, ибо постановки эти могли быть выполнены почти безопасно подводными заградителями. К тому же, при постановке ночью с миноносцев, было трудно определить точно место заграждения, благодаря прекращению освещения маяков, подводные же заградители могли днем ориентироваться более точно.

При организации обороны Фландрского побережья и создании на нем баз, мы вновь сталкиваемся с болезненно для немцев ощутимым отсутствием единого морского командования. Начальник Морского Генерального Штаба, ближайший советник кайзера в Ставке, не дает определенных директив. Средства и судовой состав для защиты побережья должен давать Командующий Флотом, совершенно отстраненный от дела организации Фландрского побережья. Заинтересованный в укреплении фландрских баз Начальник Фландрской Морской Станции адмирал Шредер, непосредственно подчиненный кайзеру, настаивал на предоставлении ему необходимых средств; он тщетно доказывал, что, благодаря фланкирующему положению Фландрского побережья по отношению к морским путям в устье Темзы и в Канал,

могли развиться в юго-западной части Северного моря весьма серьезные для англичан операции, которые даже могли бы заставить их изменить своей выжидательной стратегии.

Частые поиски фландрских сил в районе восточного выхода из Канала и внезапные нападения на дозоры между Дувр и Кале заставили бы английское командование усилить последние и выдвинуть их как можно дальше в Говды (юго-западная часть Северного моря), обеспечивая этим дозорам поддержку в виде линейных кораблей; против них могли представиться возможности удачных операций, как со стороны Фландрии, так и со стороны Германской бухты. Чем сильнее была бы угроза со стороны Зеебрюгге и Остенде, тем больше Англия должна была бы уделять сил для надежного наблюдения за фландрским побережьем.

Все стратегические возможности сводились на нет незначительным, по качеству и количеству, составом сил, который был дан в распоряжение Шредера. Последний, в своем дневнике, даже выражает сомнение в целесообразности столь крупных затрат на оборудование побережья, у которого не будет сосредоточено достаточных морских сил. Заметно сказывалось то обстоятельство, что в планах войны совершенно не были разработаны возможности базирования каких-либо сил на фландрские порта. Даже еще в начале 1915 г. Высшее Морское Командование не отказалось от мысли, что англичане придут в Гельголандскую бухту дать решительный бой, для которого там нужно иметь сосредоточенными все силы. Морской Генеральный Штаб весьма долго не приходил к ясному решению вопроса об использовании фландрских баз. Начальник его не мог согласиться с отказом Командующего Флотом дать во Фландрию одну полуфлотилию миноносцев, тем более, что защита баз от неприятельских воздушных атак к тому времени уже была обеспечена. Главные возражения Командующего Флотом сводились к тому, что в самый канал фландрские миноносцы не будут допущены сильными дозорами, а в Говдах движение неприятельских судов настолько незначительно, что там нечего ждать благоприятных возможностей атак. Хотя Командование Флотом в то время само не готовило крупных морских операций, оно, тем не менее, отказывало в посылке миноносцев во Фландрию.

Приблизительно в тот же период времени началась перегруппировка английских сил для предстоящей Дарданелльской операции; из старых линкоров, для возможного обстрела Фландрского побережья, был оставлен один „Venerable".

В декабре 1914 года в Зеебрюгге была оборудована первая гидро-авиационная станция. Дирижаблей там не держали в течение всей войны, после неудачного полета одного из

них, попавшего под сильный обстрел неприятеля. Для доставления сведений о неприятеле, фландрские гидропланы сначала пользовались голубиной почтой; лишь в июле были впервые на аэропланах установлены радио-телеграфы, после чего они могли быть использованы для корректировки стрельбы береговых батарей.

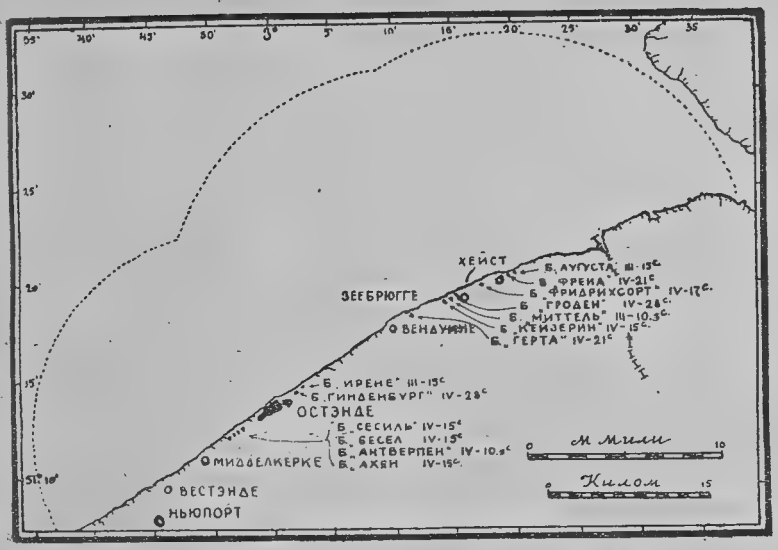
Англичане устроили гидро-авио-станцию в Дюнкерке. Расстояние Дюнкерка от Зеебрюгге—35 миль. Понятно, что борьба воздушных сил здесь должна была быть ожесточенной.

В конце марта в Брюгге прибыла первая немецкая подводная лодка („UB 10"), собранная в Антверпене. Длина этой подводной лодки была 32 метра, водоизмещение 127 куб. метров, надводная скорость $6^1/_2$ узлов, подводная скорость $5^1/_2$ узлов, вооружение—2 минных аппарата, запас мин—2, личный состав один офицер и 11 матросов. Двигатели подлодок предварительно предназначались для моторных катеров. Постепенно начали прибывать и другие подводные лодки. После спуска требовалось всего 10 дней на окончание пробных испытаний на Шельде и для перехода в Гент, откуда лодки доставлялись на плавучем доке по мелководному каналу в Брюгге. Этот переход занимал 20 часов. В Брюгге, в Морском Канале, лодки пристреливали свои мины; еще через 7 дней, после испытаний их на погружение в море, лодки бывали готовы к операциям. Восемь лодок были доставлены таким образом, остальные прибывали морем из германских портов. В октябре 1915 года фландрская флотилия состояла из 16 лодок. Лодки обычно стояли в Брюгге. Служба подводных лодок была организована следующим образом: три дня лодки несли дозорную службу для охраны побережья, после чего 5 дней они отдыхали, затем на 5 дней они уходили в операции к английскому побережью или в Канал. Подводные заградители посылались раз в неделю для постановки мин в район между Гумбером и Портсмутом.

Нам нужно было упомянуть о миноносцах, подлодках и подводных заградителях, базировавшихся на Фландрию, чтобы указать на возможность противодействия обстрелом с моря.

Появление этих немецких морских сил у берегов Фландрии заставило англичан принять с своей стороны меры. В жестоких боях за обладание Ломбардзиде, в середине декабря, принимали участие, как было сказано, один линейный корабль, один крейсер и несколько истребителей. Затем обстрелы с моря прекратились до весны.

12-го марта 1915 г. все германские батареи на фландрском побережьи были в полной готовности. Расположение батарей к этому сроку дано на черт. 14. Полный перечень батарей к августу 1918 г. см. на стр. 75.



Черт. 14. Расположение батарей к марту 1915 г.

Германские батареи, установленные на Фландрском побережьи к марту 1915 г.

№№	Названия.	Число орудий и их калибр.	Дальность.
1	Августа	3—15 см.	12600 метров
2	Фрейя	4—21 »	22650 »
3	Фридрихсорт	4—17 »	21300 »
4	Гроден	4—28 »	10400 »
5	Миттель	3—10,5 »	12700 »
6	Кайзерин	4—15 »	18700 »
7	Герта	4—21 »	22650 »
8	Ирене	3—15 »	12600 »
9	Гинденбург	4—28 »	12300 »
10	Цецилия	4—15 »	15800 »
11	Безелер	4—15 »	18700 »
12	Антверпен	4—10,5 »	12700 »
13	Аахен	4—15 »	18700 »

В дальнейшем дано краткое описание обстрелов до весны 1916 г. [1]).

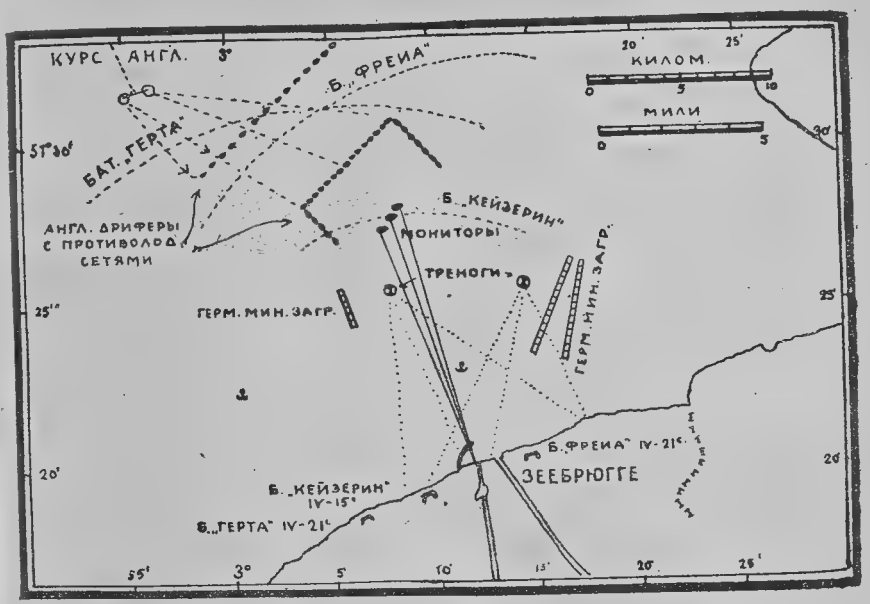
11 марта в виду побережья появились два английских корабля в сопровождении 3-х истребителей. Они обстреляли Вестенде с дальних расстояний, не причинив ему особенного вреда; англичанам отвечали две немецкие батареи. Обстрел продолжался 14-го марта двумя мониторами с тем же результатом. В ближайшее время англичане производили разведку у берега, но держались далеко, повидимому, опасаясь минных заграждений.

7-го мая один английский истребитель взорвался на немецком заграждении перед Зеебрюгге; подошел другой, чтобы спасти команды. Германские батареи открыли по обоим огонь, а летчики вылетели для воздушной атаки; второму истребителю пришлось отойти. Немецкие рыбачие суда выходили из гавани, чтобы спасти утопающих. Через несколько дней к берегу подошел английский линкор „Revenge“ и обстрелял из четырех 35,5 см. и пяти 15-см. орудий, с расстояния около 70 кабельтовых, дорогу между Вестенде и Мидделькерке. Корабль стрелял с искусственным креном. После этого обстрела англичане не появлялись до конца июля.

С середины августа их деятельность у Фландрского побережья вновь оживилась. К тому времени англичане завершили ряд специальных приготовлений для обстрела побережья. До войны все флоты практиковались лишь в стрельбе в море; последняя, благодаря далеко видимым всплескам, корректировалась легко. При стрельбе по берегу—корректировка чрезвычайно трудна, особенно при наличии дюн, закрывавших собою с моря побережье; стрелять же приходилось с самых дальних расстояний, так как подходить к берегу было опасно из-за мин и подводных лодок. Тогда еще было трудно пользоваться для корректировки аэропланами, ибо радио-телеграфирование с них находилось в зачатке; к тому же английские гидропланы могли подниматься с воды только лишь в абсолютно тихую погоду. Англичане нашли своеобразный выход, который мог быть осуществим только лишь благодаря равномерно уменьшающимся глубинам очень мелких прибрежных вод: из железнодорожных рельс были сделаны треноги, весом по 5 тонн и вышиной около 14 метров; треноги эти должны были опускаться на дно, в непосредственной близости от берега, на такую глубину, чтобы платформа на вершине треноги еле-еле возвышалась над уровнем воды и была бы с берега едва заметна. На этих платформах помещалось несколько наблюдателей с их приборами (по Corbett, III т., стр. 149:

[1]) По вышедшим из печати данным официальных трудов о войне.

„an observation party and their instrument“ [1]). Опыты, произведенные на Темзе, доказали возможность такого способа управления огнем. Подробностей об указанном методе управления огнем найти не удалось (см. черт. 15).



Черт. 15. Обстрел Зеебрюгге англ. мониторами 23 авг. 1915 г.

Встретились осложнения и при испытании первых больших мониторов: 30,5 см. башни мониторов были сняты с старых линейных кораблей класса „Magnificent“ и проявили столь явные признаки устарелости, что потребовалось не мало времени прежде, чем недостатки были устранены. Для учебных стрельб в устье Темзы устроили точное изображение побережья Зеебрюгге с главнейшими береговыми знаками. Англичане свои обстрелы вели всегда на ходу.

Обстрел был намечен на 22 августа, но, вследствие свежей погоды, был отложен на 23-е. Тем временем, 6 немецких фландрских миноносцев, имея по 4 мины на палубе, поставили заграждение (21-го августа) между Ньюпортом и банкой Jmal, чтобы затруднить оттуда подход неприятеля. Англичанам удалось незаметно установить две платформы

[1]) Bacon. The Dover Patrol, p. 78; Gross, т. IV, стр. 305 и далее; Corbett, т. III, стр. 149.

для наблюдения (см. чертеж 15). Состороны Дюнкерка поднялись пять английских аэропланов-истребителей для отражения воздушных атак на мониторы. В операции приняли участие около 80 английских судов, из них: 5 мониторов, 2 канонерских лодки, 10 истребителей, 10 мелкосидящих колесных тральщиков, до 40—50 рыболовных судов, четыре судна для наблюдения за стрельбой и обслуживания треног, 1 авио-матка и т. д. Командовал этими судами адм. Бэкон (Bacon).

Корбетт упоминает, что один из французских авторитетов эскадру Бэкона назвал „Siege-Fleet“ (осадный флот).

Немедленно все немецкие аэропланы вылетели для воздушной атаки на приближающиеся суда. Однако же, низкие облака заставили их лететь очень низко, вследствие чего противоаэропланная артиллерия судов могла действовать столь успешно, что атака не удалась. Тем не менее, сведения, доставленные воздушными аппаратами, о составе неприятельских сил, были весьма ценны.

Когда британские корабли приблизились до 70 кабельтовых к Зеебрюгге (курс Ost), рыболовные суда начали обозначать границу дальности германских батарей буйками и приступили к тралению, другие рыболовные суда ставили противолодочные сети. В 6 час. 35 мин. береговые батареи Freya и Hertha открыли огонь по уходящим пароходам в течение $^1/_4$ часа, выпустив при этом 19—21-см. и 63—15-см. гранат.

С 6 час. 41 мин. три монитора, под охраной мелких судов, открыли огонь с дистанции 100—110 кабельтовых по батапортам шлюзов Зеебрюгге и по зданию, в котором находились электрические двигатели для обслуживания шлюзов. Английские суда при этом держались вне пределов дальности стрельбы береговых батарей, а аэропланы их летали над молом, для корректировки стрельбы.

Англичане выпустили около 70 снарядов, почти сплошь крупного калибра; из них 8 разорвалось в непосредственной близости шлюзов, два других—во внутреннем бассейне; тем не менее, повреждения были несерьезные. Они ограничились порчей проводки телефонной и телеграфной сети и разрушением нескольких старых домов; один матрос был убит, 14 немцев и бельгийцев было ранено. Весь ценный материал авио-станции, при приближении английских судов, успели погрузить в поезд и отвезти внутрь страны.

Германские подводные лодки находились в это время в Брюгге; три из них: „UB 5“, „UB 10“ и „UB 17“—получили немедленно приказание атаковать противника. Однако же, приемка торпед задержалась, ибо подвижные краны питались энергией от станции, находившейся под обстрелом, и не получали тока. Когда удалось дать кранам ток от бата-

рей подводных лодок, стало уже слишком поздно: подводные лодки могли выйти из Остенде лишь в полдень, когда неприятеля уже не было. Ранний отход об'ясняется, главным образом, неисправностью станков на некоторых мониторах.

В 8 час. 30 мин. суда прекратили огонь, убрали треноги, подняли сети и пошли обратно. Вышедшие подводные лодки заняли позиции у бакана Ванделаяр, у буя Мидделькерке и южнее банки Торнтон в ожидании появления вновь неприятеля.

Обстрел был прежде всего направлен на шлюзы Зеебрюгге. Повреждение последних было-бы крайне опасно для немцев: если бы неприятелю действительно удалось их повредить, то при малой воде канал, ведущий в Брюгге, оказался бы почти без воды.

Следствием этого обстрела было решение Германского Командования приступить к постройке еще одной батареи из четырех 30,5 см. орудий в 50 калибров; место батареи было намечено западнее Кноке. Закончить ее удалось лишь в мае 1916 г.

В своем донесении об обстреле, Командующий Морским Корпусом указывал, что обстрел является „классическим примером, насколько береговая оборона, несмотря на сильные батареи, должна быть пассивной, если не имеет в своем распоряжении достаточной морской силы".

7-го сентября дозорный германский миноносец донес о приближении неприятельских судов с севера от Остендской банки. Тотчас же после рассвета, воздушная разведка обнаружила перед Мидделькерке три монитора, авио-матку, 38 истребителей и рыболовных пароходов, которые, повидимому, готовились начать обстрел берега подобно тому, как это было 23-го августа. Немедленно были посланы подводные лодки: одна — на позицию в 10 милях западнее банки Норд-Хиндер, другая — на позицию в 6 милях севернее банки Торнтон, чтобы атаковать неприятельские корабли при их возвращении; третья подводная лодка находилась уже с предыдущего вечера на позиции между Мидделькерке и банкой Торнтон.

День начался жестоким боем между шестью германскими и десятью английскими аэропланами. Одна из подводных лодок безуспешно атаковала английский крейсер. Море было тихо, но, из-за легкого тумана под берегом, англичане не могли начать обстрела и держались на месте. Яростные атаки германских воздушных сил заставили их около 11 час. утра уйти в море. Около Ньюпорта была сброшена бомба на легкий крейсер: это было единственное попадание (по английским источникам) с аэроплана в корабль во время всех обстрелов берега.

До подхода англичан к побережью, дозорные германские подводные лодки впервые обнаружили английские треноги с платформами, служившие для управления огнем мониторов (см. выше). Две платформы были уничтожены подрывными патронами.

Около 2 час. 30 мин., когда прояснило, Бэкон вернулся к побережью, при чем состав его сил приблизительно был тот же. Атаки двух германских лодок, находившихся на позиции, не удались, вследствие сильной противолодочной защиты и гладкого, как зеркало, моря. Одна из подводных лодок, уже вышедшая на позицию для атаки, должна была нырнуть под выстрелами, заставившими ее думать, что она обнаружена. На самом же деле она оказалась под огнем своих же батарей.

Обстрел берега в этот день длился не долго: с 4 ч. 45 м. до 5 ч. 30 м.; мониторы обстреливали Остенде и прилегающую местность, не причинив особенного вреда.

В начале стрельбы немцы взорвали маяк, опасаясь, чтобы он не был использован, как удобная точка прицеливания. Англичане, со своей стороны, думали, что маяк разрушен их снарядами и что они разрушили лучший наблюдательный пост германской батареи. Стрелявшие корабли каждый раз отходили, как только попадали под обстрел германских береговых батарей. Впервые с берега стреляла новая 28-см. батарея „Тирпиц“, выпустившая 28 снарядов.

Англичане этому обстрелу придают разведочный характер; по их описаниям, он имел целью лишь установить дальность стрельбы береговых батарей. В 4 час. 50 мин. один залп батареи „Тирпица“ попал в флагманский монитор, при чем один снаряд скинул на нем легкое орудие, а второй и третий попали в подводную часть. Бэкон решил прекратить обстрел, ибо, по его собственным словам, „германская батарея стреляла слишком хорошо, чтобы мониторы могли иметь надежду пережить обстрел“.

В то же время со стороны Вест-Дипа [1]), линейный корабль „Revenge“ и канонерские лодки „Excellent“ и „Bustard“ открыли огонь по батарее в Вестенде. Два 15-см. снаряда попали в линкор, один снаряд задел за платформу наблюдателя, которую пришлось покинуть. Потом английский рыболовный пароход разрушил эту платформу. Треноги перед Остенде не успели быть убраны; англичане поэтому считали, что их методы стрельбы стали известны немцам. Немцы действительно обнаружили платформы, но не уяснили себе цели их установки.

В ожидании дальнейших обстрелов, у берега все время держались дозоры германских подводных лодок и мино-

[1]) Прибрежный фарватер северо-западнее Ньюпорта.

носцев. Была установлена планомерная воздушная разведка до Дюнкерка (25 миль от Остенде) и до английского берега (56 миль от Остенде). Она давала возможность заблаговременно узнавать о приближении англичан. Сухопутные аэропланы были использованы для пристрелки батарей и для отражения неприятельских аппаратов, с которых велась корректировка стрельбы.

На этом приходится закончить описание обстрелов побережья, имевших место в первый период войны до осени 1915 г. Все эти обстрелы весьма схожи. Они бывали, в некоторые периоды времени, почти ежедневно.

В официальных иностранных источниках пока еще не появилось полных описаний дальнейших обстрелов [1]). Поэтому остается лишь кратко упомянуть, что 12 мая 1917 г. англичане впервые применили при обстреле Зеебрюгге искусственный туман: на этот раз лишь через час после начала обстрела немцы получили донесение летчиков о приблизительном местонахождении стреляющих судов. Старые методы стрельбы с берега оказались негодными по противнику, совершенно невидимому, которому корректируют стрельбу самолеты. Германское командование со своей стороны разработало новые методы управления огнем с самолетов, начав применять искусственный туман для скрытия батарей. Обстрел Остенде в сентябре 1917 г., весьма удачный для англичан в отношении числа попаданий, не имел серьезных последствий, т. к. уже осенью 1916 г. все главные портовые сооружения были переведены из Остенде в Брюгге: это было сделано, ввиду угрозы обстрелов Остенде не только с моря, но и с суши. Во время обстрела 9 июня 1918 года портовых сооружений Зеебрюгге, было попадание в шлюз; однако, повреждение удалось исправить уже через несколько дней. Нельзя не отметить, что начальник штаба Начальника Обороны в своем труде о защите Фландрского побережья [2]), откровенно признает, что незначительные результаты обстрелов об'ясняются не только хорошей организацией обороны, но в равной мере и боязнью англичан рисковать своими судами.

Подводные лодки неизменно выходили для атак, но большей части неудачно, ибо если даже им удавалось выйти на позицию для атаки, то выпущенные мины проходили под мониторами. Каждый раз, когда дальнобойная батарея „Тирпиц“ открывала огонь, мониторы удалялись. Ночью мониторы обычно отстаивались у Дюнкерке под охраной истре-

---

[1]) Официальные труды Corbett'a и Groos'a доведены пока лишь до Ютландского боя.

[2]) Schulzé, Das Marinekorps in Flandern.

бителей и рыболовных судов. Было предположено уничтожить мониторы во время их якорной стоянки; для этого гидропланам приказано было выяснить расположение вех и баканов, ограждавших фарватер, дабы можно было послать в атаку подводные лодки. Воздушная разведка выяснила полностью систему ограждения, но сама атака подводных лодок не могла состояться. Причины не указаны в германском официальном труде. Атака малых миноносцев была запрещена Высшим Командованием. Постановки минных заграждений на путях мониторов к якорной стоянке не удавались из-за условий погоды: надо было ждать туманной погоды, чтобы подойти на 3 кабельтова к берегу, освещаемому прожекторами и светящимися гранатами. Туманная же погода, с другой стороны, затрудняла кораблевождение в этих мелких водах.

Заслуживает интерес отзыв Командующего Германским Морским Корпусом о деятельности английских мониторов: „Они (т. е. мониторы) неизменно старались держаться вне дальности наших батарей, ибо вероятность для них получить попадание была значительно больше, чем попасть самим. Как только получалось накрытие, мониторы сейчас же отходили. При стрельбе на столь больших расстояниях, наблюдение крайне затруднено, и вероятность попадания незначительна; возможны лишь случайные попадания. Дальнобойные приморские батареи почти сводят на нет навигационные преимущества малой осадки мониторов". „Безопасность мониторов от мин и торпед—условная". „Со своими старыми крейсерами и линкорами англичане достигали лучших результатов, чем с этим новым типом судов".

Полный список батарей к августу 1918 г. дан ниже. Самые крупные батареи: „Тирпиц", западнее Остенде (четыре 28-см. в 45 кал., готовность осень 1915 г.), „Вильгельм II" у Кноке, восточнее Зеебрюгге (четыре 30,5 см. в 50 калибров, готовность весна 1916 г.) и „Дейчланд" восточнее Остенде (четыре 38-см. в 45 кал., готовность весною 1917 г.).

Непрерывная цепь более старых крупных орудий и гаубиц, а также современных орудий средних и мелких калибров тянулась от голландской границы до Мидделькерке. Особенно густо батареи были сгруппированы у Остенде и Зеебрюгге. К этому надо прибавить подвижную оборону, состоявшую из 28-см. орудий новейшей конструкции на железнодорожных платформах. Вдоль всего побережья— прожектора, сигнальные станции и разработанная до мельчайших подробностей система передачи приказаний; центральная станция в Брюгге.

НАЗВАНИЕ БАТАРЕЙ.	Число орудий и их калибров.	Дальность в метрах.
I. Восточный сектор — Матросский артиллерийский полк № 1 (Штаб в Дуинбергене).		
1. Дальнобойная группа Дуинберген:		
«Вильгельм II»	4—30,5 см.	37.500
«Гессен»	4—28 »	27.700
«Брауншвейг»	4—28 »	27.700
«Фрейя»	4—21 »	22 600
«Герта»	4—21 »	22.600
2. Группа ближнего боя Кноке:		
«Шлезвиг»	2—17 см.	24.000
«Августа»	3—15 »	12.600
«Гамбург»	4—10,5 »	12.700
«Бремен»	4—10,5 »	12.200
«Лекербек»	2—8,8 »	7.000
«Шюценнест»	6—5 »	3.000
3а. Группа, защищающая гавань Зеебрюгге.		
«Фридрихсорт»	4.17	21.300
«Любек»	2.15	18.700
На молу	2.15	18.700
»	4.10,5	12.700
»	2.8,8	7.000
»	4.5	6.800
У Канала	4.8,8	9.100
У Канала «Леопольда»	2.5,2	7.100

НАЗВАНИЕ БАТАРЕЙ.	Число орудий и их калибров.	Дальность в метрах.
3б. Группа, защищающая гавань Бланкенберге.		
«Гроден»	4.2,8	10.400
«Саксен»	4.17	24.000
«Кайзерин»	4.15	18.700
«Средняя»	3.10,5	12.700
В Гавани	4.8,8	7.000
II. Западный сектор — Матросский артиллерийский полк № 2 (Штаб в Остенде)		
1. Дальнобойная группа Остенде W.		
«Дейчланд»	4.38	38.000
«Поммери»	1.38	47.000
«Тирпиц»	4.28	35.000
«Пруссия»	4.28	27.000
«Ганновер»	3.28	27.000
2. Группа ближнего боя Марианерке.		
«Ольденбург»	4,17	18.300
«Гнейзенау II»	4.17	18.300
«Цецилия»	4.15	15.800
«Аахен»	4.15	18.700
«Безелер»	4.15	18 700
«Антверпен»	4.10,5	12.200
3. Группа для защиты гавани Остенде Ost.		
«Гинденбург»	4.28	12.300
«Силезия»	4.17	24.000

НАЗВАНИЕ БАТАРЕЙ.	Число орудий и их калибров.	Дальность в метрах.
«Лудендорф»	4.15	18.700
«Ирене»	3.15	12.600
«Блюхер»	3.15	18.700
«Эйлау»	1.10,5	12.200
»	5.8,8	9.100
»	2.5,2	7.100
»	3.3,7	3.800
«Фридрих»	4.8,8	7.000
«Гнейзенау»	4.17	18.300

Все эти батареи расположены на прибрежной полосе в 26 миль длиною.

Для обстрела высадившихся частей с флангов и для стрельбы вдоль побережья было установлено у батарей и в базах двенадцать 6-см. шлюпочных орудий и сорок восемь 3,7 револьверных пушек. Для освещения фарватера 8,8 см., 10,5 см. и 15-см. батареи были снабжены светящимися снарядами и установлено около двух дюжин прожекторов.

Легкие и средние батареи до 15-см. калибра, а также батареи „Гнейзенау“ и „Фридрихсорт“ (17-см.), „Герта“ и „Фрейя“ (21-см.) стояли у самого берега и стреляли по видимой цели; батареи крупного калибра были расположены до 3 килом. от берега (Поммерн 13 кил.) и стреляли по невидимой цели.

Все батареи включены в прибрежный кабель. Дальнобойные батареи имели свои радиотелеграфы.

Прибрежные батареи должны были обеспечить побережье от десанта и обстрела с моря. Как мы знаем теперь, англичане не раз разрабатывали десантные операции на Фландрское побережье. Операции эти были задуманы в крупном масштабе, для подготовки сделаны большие затраты,—но провести свои намерения в жизнь им не удалось.

В апреле 1916 г. англичане поставили первое большое минное заграждение перед Фландрским побережьем, от

устья Шельды до Дюнкеркских отмелей. Заграждение состояло из нескольких линий и постоянно возобновлялось и дополнялось. Оно охранялось от восхода до захода солнца большим числом мониторов, истребителей, рыболовных пароходов, тральщиков и моторных катеров. Вечером и ночью немцы тралили заграждения фарватеров. Очень редко случалось, что возвращающиеся с моря подлодки в ответ на радио с просьбой о разрешении выйти в гавань не получали тотчас же утвердительного ответа с указанием точного курса.

Лишь в течение последнего года англичане стали проявлять более энергичную деятельность также и по ночам, чем сильно затруднили несение дозорной службы. С весны 1917 г. они начали посылать быстроходные минные катера, которые были весьма опасны как для дозорных миноносцев, так и для возвращающихся в надводном положении подводных лодок. Обычные дозоры на подходах к гаваням пришлось заменять выходами миноносцев самым полным ходом на разведку в разнообразных направлениях.

Немцы избегали ставить для защиты Фландрского побережья минные заграждения из опасения стеснить активную деятельность своих миноносцев и подлодок. Минные заграждения у берега были поставлены ими лишь в 1914—15 г. в то время, когда защита побережья еще не была достаточно сильной, и позднее на подходах к устьям Шельды—на случай, если бы Англия решилась нарушить нейтралитет Бельгии и послать десант в эту реку. В мае 1917 г. было поставлено небольшое минное заграждение севернее банки Торнтон, на котором взорвался английский миноносец. Его гибель создала преувеличенное представление о величине и серьезности германских минных заграждений.

Авиации пришлось в обороне Фландрского побережья сыграть выдающуюся роль; за последние годы войны эта роль стала почти решающей. Береговые батареи без летчиков могли стать слепыми. 5-го декабря 1914 г. была закончена первая гидроавиационная станция на молу Зеебрюгге. Летом 1915 был оборудован аэродром в Ньюмюнстере. В 1916 была расширена I гидро-авио-станция в Зеебрюгге и устроена новая II гидро-авио-станция в Остенде.

При обстрелах побережья успешность обороны зависела от быстроты завоевания господства в воздухе. Тяжелым батареям приходилось, ввиду применения англичанами искусственного тумана, опираться на помощь летчиков.

К батареям крупных калибров были прикомандированы постоянные летчики. Совместная работа артиллеристов, летчиков и радиотелеграфистов все более и более совершенствовалась.

Безусловно все преимущества были на стороне судов, внезапно появляющихся с моря. Поэтому немцам приходилось иметь в воздухе дозоры беспрерывно. К концу войны на Фландрском побережьи находилось 45 морских и 75 сухопутных самолетов.

Применение искусственного тумана для отражения воздушных атак не дало ожидаемых результатов, особенно в отношении больших площадей (напр. территория порта), т. к. такой туман скорее указывал летчикам скрываемое место, чем укрывал его: ярко сквозь туман просвечивали серебристые линии каналов Остенде и Зеебрюгге, помогая летчикам ориентироваться.

Сколь серьезны были требования, пред'являвшиеся к противоаэропланной артиллерии, видно из того, что в 1918 г. англичане и французы делали на побережье налеты в среднем через каждые два часа.

Немцы в трудах своих делают англичанам упрек за то, что они не использовали более широко свои силы для операций у Фландрского побережья. Англичане же подчеркивают, что немецкий адмирал во Фландрии не использовал близости фландрских баз от английского побережья, для более энергичных операций. Нам же кажется, что энергичнее действовать Шредеру было трудно, из-за незначительного количества и малой мореходности судов, данных в его распоряжение, и неограниченной возможности англичан затруднять выходы этих последних различными средствами.

В заключение следует еще раз отметить, что обстрелы Фландрского побережья были особенно сложны, ввиду многочисленных навигационных трудностей. С другой же стороны, мелководье затрудняло применение для защиты побережья подводных лодок и минных заграждений.

Обстрелы Варны и Дедеагача в октябре 1915 г.

В первых числах октября 1915 года Командующий Черноморским Флотом был извещен Ставкой о состоявшемся с англо-французским командованием соглашении—бомбардировать болгарское побережье одновременно со стороны Черного и Эгейского морей.

Командующему Черноморским Флотом было предоставлено бомбардировать Варну или Бургас по своему усмотрению, известив о дне бомбардировки адмирала Робека, командовавшего англо-французскими морскими силами у Дарданелл; предполагалось, что в день обстрела русским флотом Варны англичане будут бомбардировать болгарский порт Дедеагач в Эгейском море.

20 октября н/ст. Черноморский флот вышел из Севастополя к Варне. Погода стала портиться. К утру 21 октября ветер достиг 7 баллов. Даже дреднаут „Мария“ сильно качало. Ввиду безнадежности рассчитывать на улучшение погоды, операция была отложена.

Несколько дней держались очень свежие NO ветры, наиболее неблагоприятные для бомбардировки. Наконец, 25 октября, начало стихать. Ветер перешел на SW. В тот же день Черноморский флот снова вышел в море. Бомбардировка была намечена на 27 октября.

Перед 6 часами утра флот и пароходы-тральщики подошли к Варне. Вместе с флотом шла авио-матка „Николай I“ с 7 гидроаэропланами.

В 7 ч. 10 м. утра направился к берегу, имея впереди три пары тральщиков, весь действующий отряд, в составе линейных кораблей „Златоуст“, „Евстафий“, и „Пантелеймон“. Противоподочную охрану составляли эсминцы „Беспокойный“ и „Пронзительный“, шедшие справа и слева впереди головного линкора, и эсминцы „Гневный“ „Поспешный“, „Баранов“ и „Шестаков“, прикрывавшие линкоры справа, т. е. со стороны моря.

Ход отряда был 5—7 миль, из-за тральщиков.

В 8 час. 58 мин. начался обстрел батарей у Галаты; стрельба велась по площади вокруг маяка и левее, где по

сведениям находились болгарские батареи. В различных местах этой площади были видны разрывы снарядов. Всего было выпущено 40—12″ и 25—8″ снарядов.

В 9 час. 7 мин. огонь был перенесен на порт Варну. Дистанция 90 кабельтовых.

Дистанции оказались несколько большими, чем предполагалось при разработке плана операции, вследствие ошибки в определении места тралящего каравана, повернувшего слишком рано. Однако, погода была столь ясной, что большие расстояния не отразились на успешности стрельбы [1]). Было ясно видно, как ложатся снаряды сначала в гавани, затем на территории порта, как в гавани метались два болгарских миноносца и один пароход. Летчики доносили, что снаряды ложатся точно на подлежавшей обстрелу площади порта.

Около 9 ч. 10 м. с линейных кораблей „Евстафий“ и „Златоуст“ был усмотрен перископ подводной лодки. Корабли открыли по ней огонь из 6″ пушек. Многие видели следы двух мин, из которых одна прошла под носом корабля „Златоуста“ настолько близко, что он дал полный задний ход. Повидимому, было две подводных лодки. „Златоуст“ и „Пантелеймон“ дважды уклонялись от их атак. Вследствие этого, централизованная вначале стрельба пресеклась, и суда закончили бомбардировку самостоятельно. Она была прекращена в 9 ч. 35 м. в расстоянии 102 кабельтовых и длилась 9 минут по Галате и 28 минут по Варне, при чем стрельба кораблей по порту велась беспрерывно и не прекращалась ими при уклонении от курса, во время атак. Неприятельские батареи не отвечали, повидимому, из-за слишком большого расстояния.

Лин. кор. „Мария“ участия в бомбардировке не принимал, прикрывая с моря бомбардирующий отряд, на случай появления Гебена. Крейсера „Память Меркурия“ и „Кагул“ находились в дозоре в северной и южной части горизонта.

Гидропланы вылетали попарно. Все шесть летавших гидроплана были снабжены бомбами. Каждая пара имела приказание охранять флот от подводных лодок до тех пор, пока на смену не появится следующая пара, после чего первая совершала налет на береговые и портовые сооружения. Гидропланы не обнаружили подводных лодок. Всего летчики сбросили 21 бомбу; из них пять бомб в железнодорожные пути, три в портовые склады, несколько в строящиеся полевые укрепления и т. д.

---

[1]) См. Дела Архива Морской Академии №№ 796, стр. 158, 49, 683; стр. 407—410, 701; стр. 309; № 18869 стр. 49 и далее.

Обстрел Дедеагача.

21 октября [1]) союзные суда бомбардировали Дедеагач. У этого порта железная дорога Салоники—Константинополь подходит вплотную к берегу и может быть легко разрушена судовым огнем на протяжении 10 миль. Болгары провели добавочный путь в 5 милях севернее порта через местечко Бадома. Последнее также предполагалось обстрелять.

Английские суда для обстрела были разделены на два отряда: один отряд („Doris“, „Theseus“, 3 монитора, авио-матка для наблюдения, 4 миноносца и 10 тральщиков) должен был обстреливать берег до устья реки Марицы; этот отряд имел специальное назначение—разрушить прибрежные железнодорожные склады и пути. Второй отряд („Аскольд“, „Kleva“, 4 английских миноносца и 4 тральщика), под общей командой командира „Аскольда“ Иванова, должен был обстрелять порт Лагос, среднее течение Марицы, обойти побережье и уничтожить все прибрежные батареи.

21-го октября английские миноносцы и тральщики внезапно появились перед Дедеагачем. Мин не было найдено. Видимость была настолько плоха, что корректировка с аэропланов оказалась невозможной. Пришлось отказаться от обстрела Бадома. Мониторы запоздали подойти из-за свежей погоды; „Doris“ и „Theseus“ в 1 ч. дня открыли огонь с расстояния 24 кабельтовых. Стрельба длилась до 4-х часов дня. Войсковые бараки, склады с маслом, железнодорожные пути были разрушены на большом протяжении. Несколько миноносцев подходили вплотную к берегу для обстрела. Одному из подошедших мониторов было приказано разрушить мост восточнее города.

Другой отряд также успешно обстрелял склады в порту Лагос и прибрежные наблюдательные посты. Ночью была сделана демонстративная высадка, не встретившая сопротивления.

---

[1]) Corbett, том III.

Обстрел Ловестофта и Ярмута 25 апреля 1916 г.

Решение немцев обстрелять Ловестофт и Ярмут возникло под влиянием следующих обстоятельств.

Ирландские революционеры обратились к германскому Верховному Командованию с просьбой прислать им оружия к намеченному на 1-й день пасхи 23 апреля 1916 г. всеобщему восстанию. После длительных переговоров с одним из руководителей этого восстания, Кэзементом, приехавшим в Германию, Генеральный Штаб решил переправить в Ирландию 20.000 ружей и 10 пулеметов, с соответствующим запасом патронов. Кроме того, ирландцы просили, в день восстания, произвести демонстрацию крупными силами германского флота у английского побережья и, одновременно с этим, сделать налет воздушных сил на английские города. Германское Верховное Командование полагало, что ирландским инсургентам не удастся долго продержаться и что восстание будет быстро подавлено. Тем не менее, Главная Квартира решила пойти навстречу пожеланиям ирландцев, т. к. ожидала от восстания сильного морального эффекта. Хотя бы тот факт, что крупное восстание в Ирландии возможно во время войны, и что германскому флоту, несмотря на блокаду, удастся ввезти в Ирландию боевые запасы, должно было произвести сильное впечатление на нейтральные страны. Кроме того, ожидалось, что англичанам придется снять крупные части войск с французского фронта для подавления восстания. Высшее командование решило, поэтому, одновременно с обстрелом английского побережья, доставить оружие в Ирландию.

Для выполнения этой сложной задачи был оборудован один из захваченных во время войны английских пароходов, по наружному виду чрезвычайно похожий на норвежский пароход „Ауд“. Все трюмы парохода заполнили боевым снаряжением; сверху оно было покрыто грузом досок. Пароход, получивший название „Либава“, вышел из Варнемюнде 10-го апреля. Поднявшись вдоль норвежского берега до 65° сев. шир. и пройдя затем на запад почти до Исландии, пароход спустился к Ирландскому побережью. Не-

сколько раз его встречали английские вспомогательные крейсера, но не останавливали для досмотра. Тогда еще командиру „Либавы“ не могло придти в голову, что англичане прекрасно осведомлены о назначении парохода.

Одновременно с тем, находившиеся в Германии руководители восстания были отправлены на подводной лодке „U 19“ в ту же бухту на юго-западном берегу Ирландии, в которую должен был прибыть пароход „Либава“. Я не буду более подробно останавливаться на чрезвычайно интересном походе „Либавы“. В указанное время он прибыл к месту назначения, но был обнаружен англичанами и затоплен своей командой, которая целиком была взята в плен. Подводная лодка благополучно высадила руководителей восстания, которые вскоре были пойманы на берегу и казнены. Таким образом, подвоз оружия восставшим не удался.

Обстрел побережья должен был состояться 23-го апреля. Однако же, сведения о приближении к германским берегам крупных английских сил заставили Командующего германским Флотом отложить операцию на несколько дней. 24-го апреля утром 1-я и 2-я группа разведочных судов [1]) вышли с Яде и направились на запад. Около полдня командующий морским корпусом во Фландрии адмирал Шредер донес, что к побережью приближается значительное количество английских судов. Это донесение имело большое значение потому, что, до приближения германских крейсеров к английским берегам, 7 подводных заградителей, базировавшихся на фландрские базы, должны были поставить мины в устье Темзы и перед Гарвичем; 4 подводных лодки должны были занять дозорную линию, протяжением 17 миль, южнее Ярмута и 2 подводные лодки—занять позиции южнее поставленного 3-го ноября 1914 года крейсером „Штральзунд“ заграждения. Выход подводных лодок сильно задержался появлением перед Фландрским побережьем английских судов, которое сопровождалось ожесточенными боями в воздухе.

24-го апреля, в 3 часа дня, вышли в море главные силы германского флота в составе 22-х дреднаутов, 5-ти старых линейных кораблей, 12-ти легких крейсеров и 48-ми миноносцев. Тем временем, линейные немецкие крейсера благополучно миновали сильно загражденную германскую бухту; но, около 4-х часов дня, „Зейдлиц“ нарвался на мину заграждения и получил столь сильное повреждение, что должен был вернуться в базу. Остальные крейсера продолжали путь (черт. 16). В 10 часов вечера они повернули на юго-

---

[1]) Лин. крейсеры: «Зейдлиц», «Лютцов», «Дерфлингер», «Мольтке», «Фон-дер-Танн»; легкие крейсера «Франкфурт», «Пиллау», «Эльбинг», «Висбаден», «Грауденц», «Штральзунд».

запад. Главные силы шли за ними в расстоянии около 90 миль.

С вечера наблюдалось чрезвычайно интенсивное радиотелеграфирование англичан. Немцы из этого должны были сделать вывод, что выход главных их сил в море обнаружен неприятелем. Германское морское командование считалось с вероятностью встретить в море хотя бы часть английского флота. Незадолго до этого, командующим германскими морскими силами был назначен адмирал Шеер,—ярый сторонник более активной деятельности германского флота. Шеер надеялся, что англичане вышлют в море свои линейные крейсера для преследования немцев и что, таким образом, удастся неприятеля разбить по частям. Бомбардировка берега, не повторявшаяся с 1914 года, являлась, поэтому, как бы вызовом английскому командованию. Оба намеченные для обстрела порта имели большое военное значение: Ловестофт—как база для заградителей и тральщиков, а Ярмут—как база для подводных лодок. Разрушение портовых сооружений, воздушной станции, фабрик и т. д. само по себе нанесло бы англичанам большой вред, не говоря уже о моральном эффекте.

Англичане вполне считались с возможностью германских операций как раз в эти дни; только лишь необходимость пополнить запасы топлива заставила их главные силы вернуться в Скапа.

24-го апреля адмирал Джеллико получил сообщение из Лондона, что ирландские повстанцы захватили Дублин и что, повидимому, германский Флот Открытого моря произведет демонстрацию у английского побережья. Флот получил приказание быть в 2-час. боевой готовности. Командующий крейсерским флотом адмирал Битти находился в Росайте. Эскадры дреднаутов, грузившие уголь, не могли быть готовы ранее 9-ти часов вечера. В 7 часов вечера Джеллико получил первые сведения о выходе Флота Открытого моря. Повреждение „Зейдлица“ и отправленные в связи с этим радио дали англичанам возможность из расшифрованных телеграмм, довольно обстоятельно ознакомиться с намерениями немцев. Английское командование знало, что в 4 часа вечера германские крейсера находились в 40 милях западнее Гельголанда и шли на северо-запад, в то время как линейные эскадры следовали за ними на некотором расстоянии. Джеллико немедленно приказал развести пары во всех котлах; Битти был послан западнее Доггербанки навстречу немцам. 5-я эскадра (Queen Elizabeth) должна была следовать за ним полным ходом. Все побережье было приведено в состояние обороны. Все сторожевые и дозорные суда, а также тральщики,—отозваны в свои порта. Дозорные линии были заняты миноносцами и

подводными лодками. На рассвете предполагалось усилить воздушную разведку и атаковать немецкие корабли. Вскоре после 9-ти часов вечера были получены дальнейшие сведения о движении и намерениях германского флота. Англичане узнали из расшифрованных радио, что 3-я германская эскадра дреднаутов идет вдоль Голландских берегов и в 35-ти милях севернее Тершеллинга повернет на курс зюйд-вест. Вместе с тем сообщались благоприятные сведения о погоде в южной части моря. Адмиралтейство приказало Джеллико выйти навстречу немцам со всем флотом.

Можно было предположить, что демонстрация, предпринятая с целью поддержать восстание в Ирландии, превратится в весьма серьезную операцию. Англичане опасались не только за побережье между Ярмутом и Темзой, но даже и за Дувр. Предполагалось не невозможным, что немецкие корабли обстреляют те сотни коммерческих судов, которые каждую ночь собираются в Доунах, что могло иметь крайне серьезные последствия для подвоза в Англию продуктов питания, сырья и т. п. Высказывались даже предположения, что немцы будут пытаться затопить в французских гаванях Канала пароходы или, может быть, попробуют сделать высадку между Нью-Портом и Дюнкерком. Последнее предположение высказывалось весьма серьезно сухопутным командованием; ввиду накопления большого числа лихтеров в германских и фландрских базах.

Каждый поход германского флота в направлении на Английский Канал заставлял английское командование остро чувствовать отрицательные стороны базирования флота далеко на севере. Планы обороны предусматривали такое расположение дозоров миноносцев и подводных лодок на подходах к Каналу, что повреждения одного или нескольких германских судов казались вероятными. Если бы один из германских кораблей был поврежден, то эскадренная скорость уменьшилась бы, и англичане могли успеть отрезать немцам обратный путь в германские базы. Вечером 24 апр., поэтому, было приказано выставить дозорную линию из подводных лодок между голландским и английским берегом, приблизительно в 52° сев. шир. Около 1 часу ночи Адмиралтейство узнало, что германские линейные крейсера через два часа подойдут к району (см. черт. 16), об'явленному опасным от германских мин, и что Флот Открытого моря за ними следует в расстоянии 50 миль. Адмирал Бэкон, руководивший операцией у Фландрского побережья, получил приказание немедленно ее прекратить и вернуться в Дувр. Истребителю „Мелампус" с 5-ю подводными лодками было приказано занять позицию между Ярмутом и голландским побережьем, для встречи подходящих немецких судов. В 11 ч. вечера Гранд-Флит, окончив погрузку

угля, вышел из Шотландских баз; таким образом, вся оборона юго-восточного участка побережья была всецело сосредоточена в руках местных начальников.

Операция началась с появления германских воздушных судов над побережьем. В 11 час. 10 мин. „L 16“ „L 17“ „L 20“ „L 21“ „L 23“ „L 13“ „L 11“ пролетели над английским берегом, который был усыпан противоаэропланными батареями и прожекторами. Воздушные корабли попали под сильный обстрел. Свежий юго-западный ветер заставил немецкие воздушные корабли отказаться от намеченной атаки Лондона. Туман, дождь и все увеличивающаяся облачность принудили большинство воздушных судов повернуть обратно, не сбросив бомб. Только лишь „L 13“ смог атаковать Норрич, а „L 16“—Кембридж. На обратном пути воздушные корабли снова попали под обстрел береговых батарей.

Для их преследования английское командование не послало военных судов, т. к. было поставлено в известность о приближении 1-й и 2-й разведочных групп германского флота. Начальник Гарвичских легких сил коммодор Тирвитт собрал свои силы в 10-ти милях от Гарвича и пошел на N. Несомненно, подходящий неприятель был сильнее его 3-х легких крейсеров; на успешную же ночную атаку шедших с ним миноносцев не было надежды, т. к. в 3 часа взошла луна, а через час начинался рассвет. Все, что Тирвитт мог сделать,—попытаться отвлечь германские суда от берега и не дать им таким образом выполнить своей задачи.

Тем временем германские крейсера подходили к английскому побережью показанными на черт. 16 курсами. С полночи 2 подводных лодки „UB 18“ и „UB 29“ стали на якорь южнее минного заграждения Штральзунда; одна из них показывала на восток красный огонь, вторая—зеленый, обозначая, таким образом, безопасные для подхода к берегу ворота. Южнее линейных крейсеров („Лютцов“, „Дерфлингер“, „Мольтке„, „Фон-Дер-Танн“) держались легкие крейсера „Росток“ и „Эльбинг“ с миноносцами. В 5 часов утра эта группа, в 6-ти румбах слева впереди курса, увидела некоторое количество судов, сначала принятых за другую группу немецких разведчиков („Франкфурт“ и „Висбаден“). Около того же времени линейные крейсера увидели прямо по курсу маяк Кортон и повернули, чтобы приблизиться к Ловестофту, а затем лечь вновь на север, для начала обстрела берега. Полагая, что поворот влево линейных крейсеров вызван желанием атаковать замеченные неприятельские корабли, „Росток“ и „Эльбинг“ уклонились к северу, дабы не мешать стрельбе линейных крейсеров. Когда недоразумение обнаружилось, оба крейсера повернули снова на юг, чтобы не терять из вида неприятельские суда. Другие легкие крейсера и миноносцы, во время обстрела, дер-

жались в дозоре в восточном и северо-восточном направлении. Начальник 1-й группы линейных крейсеров (Бедикер) решил вступить в бой с английскими судами после окончания обстрела.

В районе Ярмута англичане поставили 6 подводных лодок, но на самом деле, на позицию вышла только одна из них; остальные 5 поняли неверно приказание Адмиралтейства и расположились таким образом, чтобы быть на северных подходах к Ярмуту. Еще 2 лодки „Е 53“ и „Е 37“ выходили в это время из Гарвича.

Линейные крейсера „Лютцов“, „Дерфлингер“, „Мольтке“ и „Фон-Дер-Танн“, тем временем, шли вдоль линии красных баканов, установленных в 3 кабельтовых от линии маяков Кортон и Кросс, повидимому, для обозначения чистого от мин фарватера. В 5 часов 11 мин. крейсера открыли огонь по Ловестофту. Немедленно же две береговые батареи начали отвечать; их 6-дюймовые снаряды падали вблизи судов. Несколько залпов крупных орудий оказалось достаточным, чтобы привести береговые батареи к молчанию.

Условия обстрела были так же неблагоприятны, как и в ноябре 1914 года. Над берегом расстилался густой туман. Дым из труб крейсеров относило восточным ветром к побережью. Все же было видно несколько больших зданий, которые и были взяты за точки прицеливания. Сначала стрельба (38—50 кабельтовых) велась на недолетах, но затем снаряды начали попадать в берег при расстоянии 55-ти—72-х кабельтовых. Всего „Лютцов“ по городу выпустил 18 двенадцатидюймовых и 45 шестидюймовых снарядов; „Дерфлингер“ — 16 двенадцатидюймовых и 32 шестидюймовых снарядов. Приблизительно такой же расход снарядов был на „Мольтке“ и „Фон-Дер-Танн“. Стрельба длилась около 6-ти минут; всего было разрушено около 200 зданий.

Стрельба по Ярмуту оказалась еще более трудной, главным образом, потому, что из-за прибрежных отмелей пришлось взять курс еще дальше от берега. На берегу можно было различить лишь колонну Нельсона и маяк. „Лютцов“ в 5 час. 24 мин. открыл огонь, дал один залп на недолете и прекратил стрельбу. Другие крейсера также выпустили всего лишь по несколько снарядов. При таких условиях, разрушения на берегу были самые незначительные. Над линейными крейсерами показались неприятельские аэропланы. Они не пытались атаковать германские суда, и, под огнем судовых зенитных батарей, повернули к берегу. Начальник группы линейных крейсеров, тем временем, повернул на обратный курс, чтобы повторить обстрел. Как мы уже знаем, севернее Ярмута стояли английские подводные лодки. Ближайшая из них, „Н 5“, произвела атаку на

подходящие крейсера, но, вследствие поворота линейных крейсеров на юг, атака не удалась. Расположенные далее на север подводные лодки „H 10“ и „V I“ также пробовали выйти на позицию, но были атакованы и отжаты под воду своими же летчиками, принявшими их за германские лодки. В 5 час. 42 мин. „Лютцов“ снова открыл огонь по направлению на маяк Ярмут; все восемь снарядов крупной артиллерии, выпущенные с расстояния 77—71 кабельтовых, попали в город. Прежде чем другие крейсера могли принять участие в обстреле, на юге показались английские корабли, обратившие на себя все внимание линейных крейсеров.

В 5 час. 30 мин. завязался бой между крейсерами „Росток“, „Эльбинг“ и 3-мя легкими крейсерами и 18 истребителями Тирвитта. Англичане стреляли на недолетах, немецкие легкие крейсера не могли отвечать из-за малой дальности стрельбы их 4-дюймовых пушек. Немецкие легкие крейсера повернули на север, чтобы навести англичан на эскадру линейных крейсеров. Тирвитт сначала последовал за немцами, но затем, когда приблизились все крейсера II разведочной группы, он снова повернул на юг и принял бой на параллельных курсах. Преимущество в скорости было на стороне англичан и позволило им уйти от преследования.

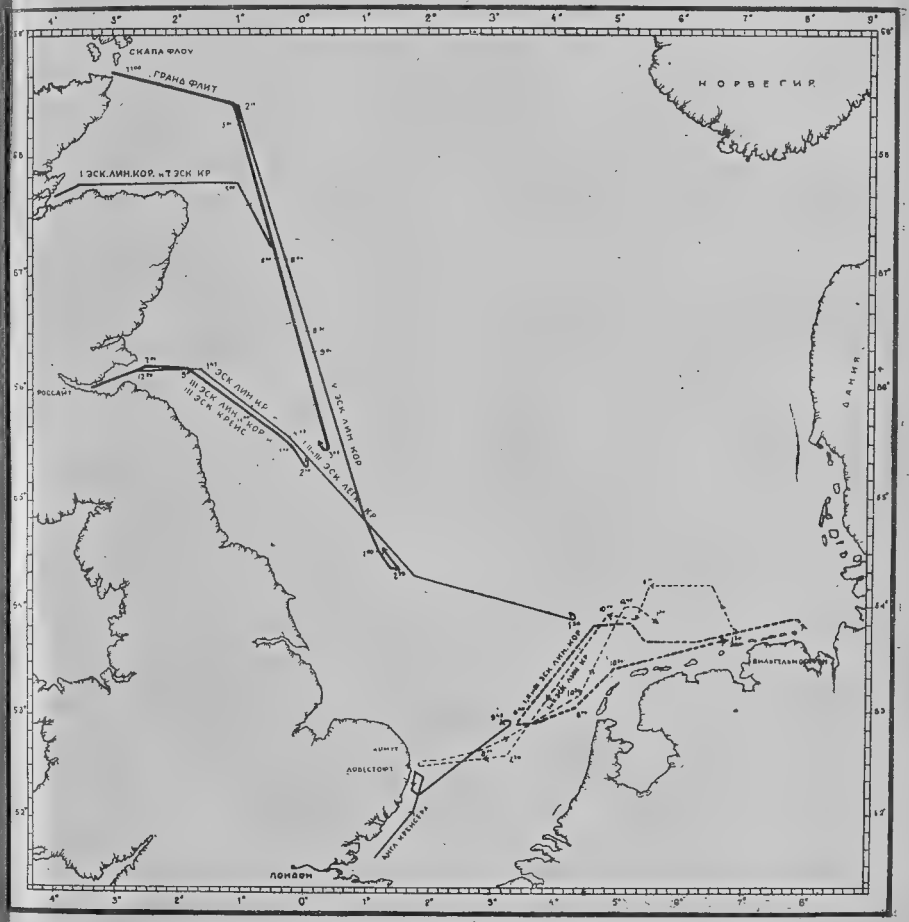
Тем временем Бедикер прекратил в 5 час. 43 мин. обстрел берега и начал преследование крейсеров Тирвитта. С 5 час. 49 мин. до 6 час. 56 мин. „Лютцов“ и „Дерфлингер“ обстреливали с расстояния 69—77 кабельтовых неприятельские крейсера, в то время как их средняя артиллерия стреляла по английским истребителям. Всего оба крейсера выпустили 60 двенадцатидюймовых снарядов. По английским официальным источникам, попадания были только в один крейсер и в один миноносец. Во время боя крейсера подверглись атаке 2-х аэропланов, удалившихся после короткого обстрела их из судовых зенитных орудий. Несмотря на большое накопление подводных лодок, английских и немецких, они не проявляли себя. Из четырех германских подводных лодок, расположившихся юго-восточнее Заутвальда, одна, по ошибке зашедшая слишком далеко на север, попала под обстрел своих и неприятельских судов. Пройти на юг этой лодке не удалось, т. к. летчики заставляли ее все время уходить на глубину. Подводные лодки „B 6“ и „B 10“ стали точно на указанное им место, но только лишь вторая из них усмотрела приближение сражающихся групп. В 6 час. 22 мин. она вошла в связь с подходившей с севера лодкой „B 12“, чтобы совместно пойти на север, но атаки воздушных сил заставили ее уйти на глубину и отказаться от намерения. Четвертая лодка „B 13“ из операции не вернулась. Место ее гибели осталось неизвестным. В 5 ч. 55 м. Бедикер со своими линейными крейсерами повернул на

восток, ибо преследование Тирвитта, имевшего преимущество в скорости, не имело смысла. Крейсера вплотную прошли мимо заграждения Штральзунда, обозначенного буями. Бедикер взял курс на главные силы германского флота, находившиеся в это время в расстоянии 70 миль. Для усиления разведки, командующий флотом приказал, чтобы один воздушный корабль держался над главными силами, второй над Доггербанкой, а третий—перед входом в Английский Канал. Воздушный корабль, назначенный состоять при главных силах, запоздал; другой был отнесен слишком далеко на север. Лишь один дирижабль „L 9“ мог обследовать район моря между линейными крейсерами и главными силами. Он подвергся атаке двух неприятельских аэропланов. Во время воздушного боя эти аэропланы не могли не усмотреть главных сил немцев.

В 6 час. 20 м. Шеер повернул с главными силами на обратный курс, чтобы пройти в точку рандеву с линейными крейсерами, севернее Терхеллинга. Тем временем воздушная разведка прекратилась по приказанию начальника воздушных сил, опасавшегося усиления юго-западного ветра. Если бы дирижабли оставались над флотом, то Шеер должен бы был получить сведения о движениях английских судов. Тирвитт, справившись с пробоинами на своем флагманском корабле, в 6 ч. 40 направился вслед уходящим германским линейным крейсерам. В то же время один из его легких крейсеров с дивизионом миноносцев прошел южнее заграждения, поставленного перед Гарвичем, чтобы затем соединиться с Тирвиттом. Четыре подводные лодки „E 55“ „E 29“ „E 22“, и „4“, вместе с истребителем „Мелампус“, заняли позиции восточнее выхода между заграждениями, чтобы атаковать линейные крейсера при их возвращении. Подводные лодки как раз выходили на позицию, когда было получено приказание отойти севернее широты плавучего маяка Хаакс. Но, в то же время, из перехваченного радио можно было заключить, что немцы находятся в 25-ти милях западнее и приближаются полным ходом. Поэтому подводные лодки остались на первоначальной позиции. Около 7 часов утра далеко на севере показались германские суда; даже самая северная лодка „E 55“ не могла успеть продвинуться на север, чтобы их атаковать.

Тирвитт в 9.45 видел одни лишь дымы немецких судов. Около 10 часов он получил радио прекратить преследование и вернуться. Курс, которым шел Тирвитт, был несомненно опасен: не подлежало сомнению, что немцы на своем обратном пути расставили подводные лодки. Таковые еще раньше были обнаружены английскими крейсерами. Не успели подводные лодки повернуть обратно, как одно из судов Тирвитта „Penelope“ получило попадание торпедой. Пови-

димому, торпеда была выпущена с очень большого расстояния, т. к. шла по поверхности; поэтому повреждения крейсера были, сравнительно, незначительными. В 4 часа Тирвитт, со всеми своими кораблями, вернулся в Гарвич.



Черт. 16. Развертывание сил при обстреле Ловестофта, 25 апр. 1916 г.

Атака на „Penelope“ была произведена „UB 29“, одной из двух подводных лодок, стоявших, как было сказано выше, в 20 милях восточнее Ярмута, чтобы показать условные огни подходящим крейсерам. Таким образом, немецкие подводные лодки оказались на курсе возвращающихся англий-

ских судов. При этом произошло любопытное столкновение между английскими и германскими подводными лодками. Положение последних было довольно трудным, ибо лодкам неоднократно приходилось уходить в глубину при появлении английских летчиков. „UB 18“ обнаружила около 7 час. утра английский истребитель и недалеко от него 2 подводные лодки с поднятыми радио-телеграфными мачтами. Много раз „UB 18“ пробовала атаковать эти подводные лодки, но тщетно; одна из английских лодок пыталась ее таранить в надводном положении. Около 12.40 германской лодке все же удалось потопить английскую, выпустив торпеду с расстояния 2-х кабельтовых.

Только что описанные боевые столкновения подводных лодок были единственными, после встречи под самым берегом Тирвитта с германскими крейсерами. Когда I и II группы германских разведочных судов направились на восток, к Тершеллингу, они заметили несколько подводных лодок на далеком расстоянии. Это были единственные встреченные ими на обратном пути неприятельские суда.

В 7.30 командующий германским флотом получил радио от командующего расположенным во Фландрии морским корпусом, которое в значительной степени повлияло на решение Шеера. На радио-станции Брюгге было расшифровано английское радио, которым приказывалось всем английским судам отойти от Фландрского побережья. В связи с тем, что Тирвитт прекратил преследование, командующий флотом решил, что английское командование не будет в этот день искать боя. Оставаться германскому флоту у Тершеллинга не было смысла; поэтому, в 10 ч. 20 м. Шеер приказал своим судам вернуться в базу. Тут сказались недостатки воздушной разведки. Если бы дирижабль „L 6“, которому было приказано держаться над Флотом Открытого моря, не покинул своей позиции, то несомненно германское командование было бы извещено о приближении английского крейсерского флота. Вероятно, дирижабль донес бы германскому командованию, еще и то, что за крейсерским флотом не видно дреднаутов. Таким образом, Шееру представился бы случай со своим флотом, в полном составе, вступить в выгодный для себя бой с английскими линейными крейсерами.

Радио-пеленгаторная служба и расшифрование неприятельских телеграмм у немцев тогда еще было налажено гораздо хуже, чем у англичан.

Едва также не произошел бой между английскими и немецкими линейными крейсерами. Когда, на обратном пути, Бедикер заметил на пути своего следования подводные лодки, идущие со стороны прибрежных голландских островов, он повернул на север, чтобы с севера обогнуть ряд

поставленных англичанами минных заграждений. Он тогда не знал, что взятый им курс NNW приведет к непосредственной близости с англичанами: в 12.45 дня немецкие крейсера находились всего лишь в 45 милях от английских; главные силы немцев в это время шли в 45 милях юго-восточнее крейсеров Бедикера. В то же время V английская эскадра линейных кораблей шла в 100 милях северо-западнее своих линейных крейсеров, а Гранд-Флит находился еще только в 100 милях восточнее Фирт-оф-Форта. Английское Адмиралтейство располагало всеми сведениями, касавшимися движения германских судов, ясно представляло себе их местонахождение и поэтому в 1.30 минут приказало своим крейсерам вернуться. На этом закончилось преследование германских судов после обстрела Ярмута.

Обстрел Дарданелльских укреплений осенью и зимою 1914—15 г.

Турция начала войну против России и ее союзников в последних числах октября 1914 г. Определенного плана войны с Турцией не было разработано ни в английском, ни во французском Генеральном Штабе.

Вскоре после начала мировой войны, в августе 1914 г., греческий премьер Венизелос уведомил английское правительство, что греки готовы предоставить в распоряжение союзников свою армию и флот для десанта на Галлипольском полуострове и занятия Константинополя. Их армия насчитывала 250.000 ч. Военные суды и морские базы могли оказать существенную помощь. На Галлипольском полуострове тогда было незначительное количество войск; полуостров вовсе не был подготовлен к обороне. Греческим Генеральным Штабом был разработан обстоятельный план операций для овладения полуостровом. Высаживаться предполагалось на Булаирский перешеек.

Английское правительство отклонило предложение Венизелоса, желая всячески предотвратить возможность войны с Турцией. Союзные правительства гарантировали турецкому полную неприкосновенность в случае сохранения последним благожелательного нейтралитета. Кроме того, успех греческих армий и занятие ими Константинополя были противны интересам России. В случае же неуспеха греков, им не могло быть оказано поддержки; это было за несколько недель до сражения на Марне, когда победоносные германские армии теснили французов в Бельгии и на севере Франции—ни один человек не мог быть снят с главного театра.

Тем не менее 1-го сентября по инициативе главы английского адмиралтейства Черчилля было созвано совещание из представителей Адмиралтейства и сухопутного Генерального Штаба, чтобы обсудить этот вопрос. Запрошенный Начальник Оперативного Управления генерал Кальвель ответил, что считает операцию чрезвычайно трудной: пришлось бы высадить не менее 60.000 чел.; из них 30.000 в первую очередь для занятия необходимого плацдарма, оборудо-

вания базы высадки и т. д. Этим войскам надо было продержаться неделю, пока транспорта вернутся в Грецию и доставят оставшиеся 30.000. Как видно, для выполнения операции наличия греческих войск было достаточно.

В то время в Греции находилась английская миссия, руководившая реорганизацией греческого флота. Во главе миссии стоял контр-адмирал Керр (Kerr). 4-го сентября Адмиралтейство ему предписало войти в связь с греческим генеральным и морским штабами и детально обсудить возможность операции против Галлиполи. Требовалось также выяснить обойдется ли Греция своим морским транспортом или таковой должна будет ей предоставить Англия. 9-го сентября Керр ответил, что греческий Генеральный Штаб считает возможным захват Галлипольского полуострова наличными силами греческой армии при условии, что Болгария не выступит на стороне Турции. Греция не доверяла Болгарии и требовала, чтобы последняя выступила одновременно с нею. Гарантия болгарского нейтралитета считалась недостаточной. Греческое правительство брало на себя перевозку десанта и его снаряжения. От английского флота лишь ожидалась присылка двух линейных крейсеров, одного броненосного крейсера, трех легких крейсеров и флотилии миноносцев. Кроме того, Керр сообщал, что, ввиду мобилизации Турции и присутствия в Константинополе германских судов, обстановка усложнилась.

6-го сентября Венизелос сказал английскому послу, что хотя болгары и заявили в категорической форме о своем нейтралитете, но он им не верит.

Как раз в это время немцы начали усиливать свой восточный фронт; стало очевидным, что от русских тоже нельзя было ждать помощи.

9 сентября была отозвана из Константинополя английская морская миссия, руководившая до того времени реорганизацией турецкого флота. Таким образом, организация обороны Дарданелл, расположение батарей, их оборудование, личный состав, запасы снарядов—все это было детально известно англичанам. 10 августа в Константинополь прибыли германские крейсера „Гебен“ и „Бреслау“. Они плавали до войны в Средиземном море под флагом контр-адмирала Сушон (Souchon) и удачно ускользнули от наблюдения и погони английского флота в столицу Турции. Там они были фиктивно куплены Турцией, при чем адмирал Сушон был назначен Командующим Турецким Флотом. Это назначение состоялось через несколько дней после прибытия крейсеров. По требованию Сушона, 21-го августа из Берлина было послано 23 офицера, 12 палубных офицеров и 425

старшин разных специальностей в качестве инструкторов для турецкого флота.

Немцы приступили к работе в буквальном смысле на глазах посольств враждебных держав и английской морской миссии, отозванной, как сказано выше, только лишь 9-го сентября. [1])

Начальника английской миссии адмирала Лимпуса Адмиралтейство хотело назначить начальником английской Средиземноморской эскадры, как прекрасно знающего местную обстановку. Но правительство Англии этому воспротивилось, не желая обострять отношений с Турцией.

20-го сентября командующим эскадрой Средиземного моря был назначен вице-адмирал Карден. Ему были даны нижеследующие инструкции:

„Вы назначаетесь командовать Дарданелльской эскадрой. Если „Гебен“ и „Бреслау“ выйдут из Дарданелл, безразлично под каким флагом, вы должны их потопить. Мы не находимся в состоянии войны с Турцией, но германский адмирал Сушон вступил в обязанности главнокомандующего турецким флотом. Турки были предупреждены, что, в случае выхода с германскими судами турецких кораблей, последние будут атакованы. Если турецкие военные суда выйдут из Дарданелл одни, без немцев, вам предоставляется, в зависимости от обстановки, либо вернуть их обратно, либо разрешить следовать далее, памятуя, что мы не хотим начинать войны с Турцией, пока ее враждебные намерения не станут очевидными“.

Первый обстрел Дарданелльских укреплений был вызван следующими обстоятельствами:

Большинство руководителей турецкой политики стояло за сохранение нейтралитета в начавшейся европейской войне, между тем, как германская дипломатия вела энергичную кампанию за то, чтобы вовлечь Турцию в войну.

Ввиду трудности склонить Турцию к выступлению на стороне Германии, Сушон прибегнул к следующей уловке.

29 октября он донес, что встретил, недалеко от устья Босфора, русский заградитель в сопровождении трех миноносцев и одного угольщика, имевших, повидимому, поручение поставить перед Босфором минное заграждение. После жестокого боя, заградитель был потоплен, угольный транспорт захвачен, а один из миноносцев тяжело поврежден [2]). После этого боя, Сушон пошел к русским берегам и обстрелял Севастополь и Новороссийск.

---

[1]) По Schwarte, том IV, стр. 303—15-го сентября.

[2]) Эта сказка повторяется до сих пор в некоторых серьезных германских трудах о войне.

На самом же деле, как известно, война началась с того, что „Гебен“ и „Бреслау“ обстреляли, до об'явления войны, Севастополь и Новороссийск, чем спровоцировали войну. Минный транспорт „Прут“ был обстрелян вблизи Севастополя; на нем открыли кингстоны, и транспорт был затоплен своей командой. Все это происходило в расстоянии нескольких сот миль от Босфора. Никакого боя вблизи Босфора не было.

После возвращения „Гебена“ и „Бреслау“ из Черного моря, ложь Сушона обнаружилась. В Кабинете Министров произошло бурное заседание, на котором великий визирь и его сторонники всячески боролись за то, чтобы восстановить положение и не начинать войны. По мнению английских дипломатов, тогда еще была надежда удержать Турцию от войны. Однако, русское правительство 31-го октября об'явило войну Турции, не уведомив об этом предварительно своих союзников. Послы союзных держав должны были покинуть Константинополь. Но в Англии все еще надеялись на то, что немедленная демонстрация у Дарданелл даст возможность сторонникам нейтралитета Турции вновь возвысить голос, и что тем или иным способом удастся избежать войны с Турцией.

1-го ноября командующему эскадрой Средиземного моря в.-адм. Кардену было приказано, при первой возможности, обстрелять крупной артиллерией внешние укрепления Дарданелл с безопасной для судов дистанции. Под флагом Кардена находились: линейные крейсера „Indomitable“ и „Indefatigable“, французские линейные корабли „Verité“ и „Suffren“, легкие английские крейсера „Dublin“ и „Glocester“, 3 подводные лодки с маткой „Blenheim“ и 12 эск. миноносцев.

Обстрел 3-го ноября. 3-го ноября, с рассветом, Карден подошел к входу в Дарданеллы. Сам он, с 2-мя линейными крейсерами, начал бомбардировку входных фортов европейского берега, а французским линейным кораблям поручил обстрел наружных фортов азиатского берега. Каждая группа судов сделала по одному галсу: англичане выпустили 64, французы 30—12-дюймовых снарядов. Турецкие батареи стреляли на недолетах; снаряды ложились близко у борта. В конце галса, на форту Седд-эль-Бар произошел сильнейший взрыв — взорвался пороховой погреб; форт был обращен в развалины. Английский снаряд (по германским источникам) попал в главный снарядный погреб; взорвалось 360 снарядов и 10.800 килограмм пороха, убито 66 человек и 20 ранено. Впредь прислуге орудий было приказано находиться за пределами батарей, пока неприятельские корабли не подойдут

на дальность стрельбы орудий батареи. Все шесть орудий батареи были выведены из строя; из них четыре были готовы к бою через несколько дней, а два через много недель. В Кум-Кале (главный форт на азиатском берегу) и других фортах особых повреждений не было. В Кум-Кале было 4 попадания и 2 снаряда разорвались перед самым фортом. По английским источникам, потери в личном составе в Кум-Кале—600 человек, в том числе 40 немцев. Бомбардировка ожидаемого политического успеха не имела. В Константинополе создалось впечатление скорее обратное: будто турецкие батареи своим огнем отогнали английские суда. Это впечатление углубилось благодаря тому, что в ближайшие дни англичане не возобновили обстрела. Единственным практическим результатом бомбардировки могло быть выяснение предела дальности турецких батарей, в том случае, если бы немцы успели установить новые батареи. Все, что касалось старых батарей, англичанам, ведь, было точно известно. Распоряжения о бомбардировке исходили исключительно только от Адмиралтейства; Военный Совет, руководивший из Лондона военными действиями, не был запрошен. Не подлежит сомнению, что бомбардировка эта заставила турок быть на-чеку и приложить все старания для усиления защиты Дарданелл.

25-го ноября в Лондоне обсуждался в Военном Совете (War Council) вопрос о крупной операции против Дарданелл. Англичане были сильно обеспокоены сведениями о подготовке турками операций против Египта. Черчилль, заявил, что лучшей защитой Египта была бы атака какого-либо пункта азиатского побережья Турции. Он предложил десантную операцию на Галлипольский полуостров, которая, в случае удачи, могла бы обеспечить союзникам владение Дарданеллами и позволила бы диктовать свои условия Константинополю. Китченер тогда возражал, что необходимость в такой операции может в будущем встретиться, но что момент для нее еще не настал.

Однако, около того же времени приходила к концу боевая подготовка вновь сформированных в Англии и Франции войсковых частей; естественно возникал вопрос, где найти им наилучшее применение.

Чтобы основательно разобраться в причинах, приведших к началу Дарданелльской операции, нам придется вспомнить, как в то время сложилась обстановка на главных театрах.

Базы германских подводных лодок на Фландрском побережьи сильно беспокоили английское Адмиралтейство. Оно не переставало энергично настаивать на операциях, которые вернули бы эти базы союзникам.

Френч представил Высшему Военному Совету меморандум, в котором настаивал на присылке в его распоряжение решительно всех боеспособных войск, до последнего человека,—дабы нанести немцам сокрушающий удар прежде, чем вступят в строй вновь формируемые в Германии корпуса. Френчу были необходимы подкрепления, дабы заменить войска, снятые французским главнокомандующим Жоффром для сосредоточения их в районе Реймса и Арраса, откуда французы подготовляли одновременный удар против германского фронта. Вместе с тем, Френч писал Китченеру, что он не сомневается в возможности прорвать германский фронт, если ему обеспечат достаточное количество войск, но что решающего значения это не будет иметь,—даже если немцы отступят до Реймса; быстрое решение могло быть достигнуто, по его мнению, исключительно только на русском фронте.

Английское Высшее Командование стояло перед вопросом — где было бы целесообразнее использовать новые английские армии: во Франции, или на каком-нибудь вспомогательном театре. Англичане и в предыдущие свои войны были склонны, пользуясь неограниченным господством на море, перебрасывать войска на второстепенные театры, добиваясь при этом крупных успехов. Френч энергично возражал против образования таких второстепенных театров, считая, что ослабление французского фронта может кончиться трудно поправимым поражением союзников на главном театре. Кроме того, он полагал, что для намеченных десантных операций требовались бы первоклассные войска, без которых ему не обойтись на главном театре.

Какие-либо английские десанты на датском или голландском побережьи были невозможны, ибо операционная линия проходила в непосредственной близости от баз германского флота. Англичане были связаны еще и тем, что в свое время использовали нарушение немцами бельгийского нейтралитета, как повод для начала войны; теперь самим нарушить нейтралитет Дании или Голландии они считали невозможным. Операции против Австрии со стороны Адриатического моря были слишком опасны из-за угрозы со стороны австрийского флота. Обсуждалась также и возможность высадки в Салониках и наступления оттуда совместно с сербами и греками; однако же, длинная коммуникационная линия и недостаток транспортов делали эту операцию в условиях того периода времени весьма трудной. При этом требовалась помощь Греции, которая дала ясно понять, что примет участие в военных действиях лишь в том случае, если нейтралитет Болгарии будет вне всяких сомнений.

Оставалась Турция. Но почти все военные авторитеты держались того мнения, что успех на турецком фронте не

будет иметь решающего влияния: вовлечение Германией в войну Турции они рассматривали как диверсию, имевшую целью раздробить силы союзников; по их мнению, отправить войска в Турцию значило бы играть в руку Германии. Высший Военный Совет начал склоняться к мнению, что вновь сформированные войсковые части следует использовать во Фландрии, дабы отвоевать себе вновь Зеебрюгге и Остенде и отогнать немцев от побережья.

Таким образом, от намечавшейся в ноябре и в декабре 1914 года операции против Дарданелл было решено отказаться.

Обстановка в январе 1915 г.

В наступившем 1915 г. положение на фронтах резко изменилось. Во второй половине декабря турецкий Верховный Главнокомандующий Энвер-Паша прибыл на кавказский фронт и лично вступил в командование 3 турецкой армией. Вскоре началось наступление этой армии на Саракамыш, имевшее конечной целью завладеть Карсом. Турки понесли жестокое поражение под Саракамышем, но в первых числах января успели восстановить положение, подтянули свежие силы и начали в свою очередь теснить наши передовые части. 2 января в Лондоне была получена телеграмма английского посла в Петрограде, в которой указывалось на тяжелое положение русских войск на Кавказе. Английскому представителю в русской Ставке было официально заявлено, что Верховное Командование посылает IV сибирский и гвардейский корпуса на Варшаву и намерено продолжать наступательные операции, чтобы облегчить положение союзников на западном фронте, хотя следовало бы послать эти войска на Кавказский фронт. Верховное Командование спрашивало не может ли Китченер сделать демонстрацию против турок, морскую или сухопутную, с тем, чтобы турки сняли часть войск с кавказского фронта.

На следующий день, 3 января, английское правительство ответило русскому о своей готовности произвести демонстрацию против турок.

Теперь надо кратко выяснить вопрос, каким образом возникла мысль произвести чисто морскую атаку Дарданелл. [1])

Обычно считают виновником того, что операция была начата одними морскими силами, без поддержки войск,—первого лорда Адмиралтейства, Черчилля. Однако же, как выяснило следствие, Черчилль был, правда, на стороне морской атаки, но поддержанной сухопутными войсками. Первый морской лорд Адмиралтейства, адмирал Фишер, говорил о чисто морской операции, как о предложении Китченера. Однако, как это тоже было выяснено следствием, Китченер,

[1]) В дальнейшем изложении я придерживался главным образом Corbett'a.

от которого фактически исходили все военные решения, лишь настаивал в то время на демонстрации, которую считал необходимой, чтобы удержать турок от посылки войск на Кавказ; тогда еще, когда операция зарождалась, он не думал, что демонстрация разрастается в актуальную попытку форсирования пролива.

3-го января 1915 г. Адмиралтейство послало телеграмму Кардену, считает ли он практически осуществимым форсирование Дарданелл одними кораблями; через два дня Карден ответил: „Я не думаю, что через Дарданеллы можно прорваться сразу же, но они могут быть форсированы продолжительными операциями, при участии большого количества судов". 6-го января Кардену было приказано прислать детальный план операции.

Одновременно, Черчилль предложил адмиралу Джексону, начальнику оперативного отдела Морского Штаба, изложить свои взгляды на возможность форсирования Дарданелл без участия армии. Джексон указывал на трудное положение, в котором оказались бы суда, если бы им удалось проникнуть в Константинополь и при них не было большой сухопутной силы для оккупации города. Он считался с вероятностью больших потерь, которые флот понесет при форсировании пролива, и подчеркивал, что действительный захват Константинополя оправдал бы жертвы, но что одна только бомбардировка этого города не могла бы иметь серьезных последствий. Даже если бы город сдался флоту, он не мог бы быть удержан без войск.

На телеграмму от 6 января, Карден ответил 14-го января; он предложил четыре последовательные операции:

1) разрушение наружных укреплений при входе в Дарданеллы;

2) действия внутри пролива по очистке оборонительных сооружений;

3) разрушение батарей в узкой части пролива;

4) траление и расчистка канала сквозь минное поле, продвижение флота через узкую часть пролива, после чего разрушение фортов, стоящих выше узкости, и проход флота в Мраморное море.

Карден считал, что операция займет около месяца времени.

13-го января состоялось заседание Военного Совета, посвященное Дарданелльскому вопросу.

На этом заседании Черчилль доложил подробно план Кардена. Последний считал возможным форсировать Дарданеллы, разрушая форты один за другим, считаясь со слабостью этих фортов, вооруженных старыми орудиями в 35 кал., которые могли быть выведены из строя огнем судов, держащихся вне пределов дальности стрельбы береговых батарей. Карден требовал три самых современных корабля,

чтобы справиться с самыми сильными фортами, и около 12 старых линейных кораблей для борьбы с остальными. Два линейных крейсера к тому времени уже были в Средиземном море, третий современный корабль, „Queen Elizabeth“, готовился в это время к отправлению из Англии в Гибралтар, для испытания установок и учебных стрельб; „ему можно было разрешить эти испытания произвести не по щитам, а по Дарданелльским фортам“.

Китченер счел план заслуживающим исполнения; если бы попытка прорыва не удалась, то бомбардировка, по его мнению, могла быть прекращена в любой момент, без ущерба для престижа Англии.

Первый морской лорд Фишер не высказывал на этом заседании своих взглядов. Молчание Фишера на заседании 13 января, однако же, произвело на других членов Совета впечатление, что он не против чисто морской операции.

13 января было решено, что Адмиралтейство должно подготовить к февралю морскую операцию для бомбардировки и занятия Галлипольского полуострова и Константинополя. Заседание это не носило окончательного характера, а было как бы инструктивным, но члены Военного Совета, повидимому, вынесли определенное мнение, что с технической точки зрения, моряки считают постепенное форсирование пролива, без помощи войск, вполне возможным. Однако же, решаясь на морскую операцию, Военный Совет должен был иметь в виду, что даже в случае успешного форсирования Дарданелл, сухопутные войска потребуются впоследствии для занятия Константинополя.

Таким образом, после просьбы о помощи русского командования, Китченер 3-го января дал обещание произвести „демонстрацию“, но 13-го января идея демонстрации была оставлена и было решено начать против Дарданелл чисто морскую операцию.

Тогда же, путем непосредственных переговоров с французским морским министром, посетившим Лондон, было достигнуто полное соглашение о совместных действиях французских и английских судов; французскую эскадру было решено подчинить Кардену.

15 января Джексон подал меморандум, в котором принципиально соглашался с планом Кардена. Он предлагал начать немедленно бомбардировку внешних фортов, дабы выяснить обстановку и „накопить опыт“. Расход снарядов Джексон рассчитал в 300 выстрелов для средней и столько же для крупной артиллерии. Расчет был сделан, исходя из следующих соображений: во время обстрела 3 ноября английскими линейными крейсерами, было сделано по 4 выстрела из 12-дм. орудий—всего 64 выстрела. Этого оказалось достаточным, чтобы вывести из строя 6 крупных орудий Седд-

эль-Бара. Следовательно, чтобы вывести из строя орудие, достаточно 10 выстрелов. На 200 орудий Дарданелльских укреплений калибра в 15 см. и выше, таким образом, нужно 2000 выстрелов. После обстрела с дальних расстояний, пришлось бы окончательно разрушить батареи с близких расстояний. В этом примут участие как крупные, так и средние калибры; последние нужны еще и против полевых орудий. В итоге Джексон считал, что понадобится 3000 выстрелов крупных и 3000 выстрелов средних калибров [1]).

План операции был рассмотрен и одобрен французским Морским Министерством.

Приведу кратко те доводы, которые тогда приводились в пользу чисто морской операции:

а) Китченер и другие настаивали на том, что чисто морская атака могла быть прекращена в любой момент; без серьезного ущерба для престижа, а вопросу о престиже на Ближнем Востоке Китченер придавал большое значение.

б) Быстрое уничтожение фортов Льежа—Намюра привело к ложному выводу, что современные орудия крупных калибров легко справятся и с приморскими фортами: крепости, считавшиеся неприступными, брались неприятелем в течение нескольких дней.

в) Развитие воздушной силы давало право надеяться, что особенно трудная стрельба судовой артиллерии по скрытым в складках местности батареям, в высокой степени будет облегчена возможностью корректировки этой стрельбы с аэропланов.

24-го января английские и германские крейсера встретились на Доггербанке; происшедший бой доказал Адмиралтейству целесообразность и действительность новой дислокации английских морских сил для обеспечения господства англичан на Северном море и фактически уменьшил вероятность попытки нового набега германского флота на английское побережье. В Адмиралтействе создалось по этому поводу мнение, что господство на Северном море теперь прочно в английских руках и что не является чрезмерно рискованным уделить часть судов на Дарданелльскую операцию.

28-го января состоялось заседание Военного Совета, на котором было принято окончательное решение начать Дарданелльскую операцию. Перед заседанием состоялось частное совещание между Фишером, Черчиллем и премьер-министром Асквитом. Фишер говорил в пользу совместной атаки Дарданелл флотом и армией;

---

[1]) Не можем не отметить всю неосновательность подобных расчетов, основанных на единичном опыте одной только бомбардировки, имевшей место 3 ноября. Б. Ж.

он был определенно против чисто морской операции и считал, что британский флот мог бы лучше быть использован в другом месте. Но на самом заседании, 28 января, Фишер молчал, не желая, по его выражению, вступать в пререкания со своим начальником. У членов совещания опять-таки создалось мнение, что Фишер и другие эксперты-моряки считают чисто морскую операцию вполне возможной. Идею последней горячо защищал Черчилль. Видя, что мнение последнего встречает сочувствие, Фишер встал из-за стола и направился в комнату секретаря премьер-министра с тем, чтобы подать в отставку. Китченер правильно понял его намерение, последовал за ним и уговорил его этого не делать. На следующий день Черчиллю удалось уговорить Фишера не возражать против чисто морской операции. На заседании Военного Совета 30-го января Черчилль об'явил от лица Адмиралтейства, с согласия Фишера, что возражений против чисто морской операции не имеется. Таким образом, решение начать чисто морскую операцию было окончательно принято 30-го января. Обращает внимание, что на заседаниях Совета не было заслушано обстоятельного мнения моряков специалистов и что от имени Адмиралтейства говорил не специалист, не моряк, Черчилль.

Тогда же, в конце января, вновь возник вопрос о применении новых армий, заканчивающих боевую подготовку в Англии. Не подлежало сомнению, что на французском фронте наступает затишье и что в продолжение значительного времени ни одна из сторон не будет в состоянии начать решительных действий. В то же время ощущалась острая необходимость, как можно скорее послать подкрепления Сербии, при чем портом высадки намечались Салоники. Однако, все новые формирования были обещаны Френчу, для захвата вновь Зеебрюгге. Операция эта, в силу ряда причин, не состоялась; казалось, поэтому, что необходимость в посылке подкреплений на французский фронт в данный момент отпала; от обстрелов с моря Зеебрюгге и Остенде было решено временно отказаться. Обещанные Френчу войска пока оставались в Англии, в готовности—либо к переправке во Францию, либо для использования по какому-нибудь другому назначению. Черчиллю было поручено отправиться к Френчу и об'яснить ему положение вещей, другими словами—убедить его в том громадном значении, которое правительство придавало диверсии на Ближнем Востоке, и решить вместе с ним, как сообщить обо всем французскому правительству, дабы заручиться его помощью и сотрудничеством.

Френч категорически запротестовал: он не считал возможным отказаться от нового соглашения, состоявшегося

между ним и Жоффром в расчете на присылку четырех новых дивизий из Англии. В то время, как Жоффр занял двумя корпусами фронт на правом крыле англичан, Френч должен был занять Ипрский выступ, что давало союзникам большие тактические преимущества. Для этого обещанные Френчу четыре дивизии ему были совершенно необходимы. В конце концов, Френч согласился уступить две из обещанных ему дивизий, но не ранее, чем 15-го марта.

После заседания 28 января, взгляды на возможность атаки Дарданелл стали постепенно меняться; необходимость применения больших сухопутных сил становилась очевиднее со дня на день. Но Китченер продолжал настаивать еще 28 января, что войск для этого нет возможности уделить.

Обстановка в начале февраля.

Тем временем, в начале февраля, турки сделали попытку овладеть Суэцким каналом, но были отбиты и отошли. Англичане не сумели эксплоатировать своей победы в полной мере. Необходимость добиться решительного успеха на Ближнем Востоке стала более насущной, чем когда-либо. Египет не мог считаться совершенно безопасным; было очевидно, что после всего шума, поднятого турками вокруг своего наступления на Египет, они начнут новые операции против Суэцкого канала,—одной из главнейших артерий Великобритании. Были сведения, что германцы настаивали на новых попытках наступления на Египет, которые должны начаться в конце февраля. В свою очередь, турки слишком опасались за свой кавказский фронт и Месопотамию и не желали быть втянутыми в новую авантюру, несмотря на уговоры своих германских учителей. Все же некоторое количество турецких войск было обнаружено на границе турецких владений в Катма, Бир-эль-абд (милях в 25—35 восточнее П. Саида) и Некль (милях в 60 восточнее Суэца). Некоторое количество войск находилось, кроме того, около порта Тур в Суэцком заливе; порт этот мог служить неприятелю прекрасной базой для заградительных операций на путях к Суэцкому каналу. 11-го февраля была сделана высадка в этом порту; наступавшие турки были отбиты и должны были отступить.

Агентурные сведения того времени давали право думать, что непосредственной опасности для Египта ожидать нельзя.

Большое беспокойство возбуждал наш русский фронт. Там, в первую неделю февраля, дела повернулись для нас в худшую сторону. Немцы продолжали развивать наступление (начатое в январе) на Варшаву. Атаки русских на флангах своего длинного фронта, в восточной Пруссии и Буковине, отбивались с большими потерями. Успех немцев не был следствием исключительно только превосходства их

стратегии, об'ясняется он, главным образом, недостатком у русских боевого снаряжения. На быстрое его пополнение средствами неразвитой в промышленном отношении страны не было надежды. Восстановить положение и дать возможность русским вновь развить наступление мог лишь энергичный подвоз русским войскам боевых запасов. Единственный для этого путь—Дарданеллы.

Отступление русских ощущалось особенно остро в связи с событиями, назревавшими на Ближнем Востоке. Болгария получила крупный заем в Германии; цель этого займа не подлежала сомнению. Из-за отступления русских в Буковине, Румыния повисла в воздухе. Попытка Венизелоса организовать помощь Сербии, над которой был занесен удар с севера, потерпела в Бухаресте неудачу. Этот удар Дарданелльская операция, конечно, не могла отвести, но она могла ослабить давление на русских на Кавказе и повлиять на решимость Греции или Румынии.

Китченер продолжал стоять на своей точке зрения, что Дарданелльская операция лишь диверсия, от которой можно отказаться в любой момент. Этого же взгляда держались и французы, выражая окончательное согласие на операцию. Они обещали четыре линейных корабля и флотилию тральщиков и согласились отдать эти силы под команду английского адмирала. Состав англо-французских морских сил будет указан ниже. Французский морской министр, в одном из своих отношений, специально указывал на то, что операция может быть прекращена в любой момент и что поэтому престижу союзников не угрожает ничего. Именно это соображение оправдывало в глазах многих деятелей того времени, политических и военных, риск, на который шло союзное командование. Различные мнения продолжали существовать и далее. Видные сухопутные английские военные деятели считали, что все силы, до последнего солдата, должны быть сосредоточены на главном театре, во Франции; зато министры, в большинстве, держались взгляда, что в тот период войны Балканский театр приобретает первенствующее значение—тем более, что, несмотря на затишье на французском фронте, на нем не хватило бы у союзников сил взять инициативу в свои руки и нанести германской армии решительный удар.

Сами французы в то время не настаивали на решительных операциях на французском театре. Французский министр иностранных дел Делькассе ездил 6-го февраля в Англию, чтобы договориться о возможности спасти положение на Балканах; Румыния была зажата между Болгарией и победоносной австро-германской армией и не могла двинуться; Сербия не могла пойти на территориальные уступки, затребованные Болгарией за ее предстоящее выступление,

катастрофа на Балканах казалась неминуемой. Надо было немедленно что-нибудь предпринять для спасения Сербии. Единственно Греция могла выступить немедленно, но при условии помощи со стороны Антанты. Опять всплыл вопрос о высадке войск в Салониках. Предполагалось, что Россия, Франция и Англия пошлют по одной дивизии; если бы у России не оказалось свободных войск, в демонстрации согласились участвовать только французы и англичане. В случае высадки в Салониках, нейтралитет Греции, конечно, был бы нарушен. Венизелос, однако же, сказал, что считаться с этим не будет. Китченер решил послать в Салоники XXIX дивизию, только что сформированную из войск дальних гарнизонов, при условии, что французы также пошлют одну дивизию.

9-го февраля Адмиралтейство узнало об обещании Венизелоса эвакуировать остров Лемнос. В тот же день было сделано распоряжение послать туда два батальона морской пехоты. Они должны были составить гарнизон Лемноса; кроме того, их назначением во время Дарданелльской операции, было — подрывными работами окончательно уничтожать форты, приведенные к молчанию судовой артиллерией. Китченер обещал, в случае надобности, усилить эти батальоны линейными войсками.

15-го февраля предполагалось сделать первый выстрел: время года не позволяло медлить.

Около 15-го февраля Франция дала согласие на посылку дивизии в Салоники, но греческое правительство категорически отказалось выступить на стороне Антанты, если не выступит Румыния; а последняя не могла шевельнуться. Русские, после поражения на Мазурских озерах, отошли из восточной Пруссии; они также отступали из Буковины и Галиции. Таким образом, диверсия в Дарданеллах оставалась единственным средством принудить балканские государства принять окончательное решение.

В то же время, из русских агентурных сведений стало известным, что в середине января находившийся на турецкой службе германский генерал, маршал Гольц, осматривал Дарданеллы и пришел к тому же заключению, как и Карден, что проливы, в их тогдашнем состоянии, могут быть форсированы флотом. Благодаря тому, что Болгария была куплена Германией, турецкая граница с нею оказалась, таким образом, в безопасности: тогда же было решено начать переправку в Дарданеллы орудий из Чаталджи и Адрианополя.

В середине февраля с полной ясностью обнаружилось, что немцы пока отказались от попытки пробиться к Английскому Каналу и что их наступательный порыв будет направлен на русский фронт. В то же время стало известным, что турки перебросили большие силы на Кавказ и, отчасти,

на Багдад; в Константинопольском районе (включая в него и Дарданеллы), по агентурным сведениям, было оставлено всего лишь три дивизии, и то не перворазрядных войск. Египет для англичан был вне опасности. Таким образом, для поддержки операции тогда еще было достаточно сравнительно небольшого количества войск, которые отчасти могли быть взяты из Египта.

Корбетт пишет в своем труде, что в то время начинало казаться, будто идеи пангерманизма, рисовавшего себе Германскую Империю от Гамбурга до Персидского залива, уже не мечты экзальтированных шовинистов, а вполне осуществимая действительность. Германия вела на поводу своих послушных союзников—Австрию и Турцию, раздула рознь балканских государств и окончательно разделила их, сделав тем самым, беспомощными. Казалось, что близок к завершению какой-то глубоко продуманный план, начавшийся исполнением в момент прорыва „Гебена" в Босфор. Соображения эти делали вопрос о Дарданеллах все более насущным и серьезным.

15-го февраля адмирал Джексон подал длинный меморандум; приводим из него некоторые выдержки: „Для окончательного разрушения фортов, приведенных к молчанию судовой артиллерией, понадобятся сильные десантные отряды с соответствующими прикрытиями. Присутствие на полуострове сильной полевой турецкой армии не только помешает операции, но сделает проход пролива какими-либо судами невыполнимым, даже если бы все постоянные укрепления были приведены к молчанию; поэтому, полного успеха можно ждать лишь в случае занятия полуострова сухопутной силой, действующей в контакте с флотом". „Морская бомбардировка не рекомендуется, если только большие сухопутные силы не будут готовы ее поддержать, или, по крайней мере, если последние не будут немедленно занимать части территории, на которой форты приведены к молчанию". „Транспорты, предназначенные для перевозки сухопутных сил, должны быть готовы войти в пролив, как только батареи в узкой части будут приведены к молчанию".

16-го февраля состоялось весьма важное заседание английских министров, на котором было решено иметь наготове некоторую часть сухопутных сил для Средиземного моря, дабы употребить их там, где потребуют обстоятельства. Тогда же было решено: послать на Лемнос XXIX дивизию в самом непродолжительном времени и сделать приготовления к отправке войск в Египет, при чем эти войска должны быть наготове, на случай необходимости, поддержать атаку Дарданелл. Адмиралтейству было поручено оборудовать специальные транспорты, лихтеры, десантные

бота и т. п. для перевозки 50 тысяч войск и высадки их в любом пункте, „где они понадобятся".

Таким образом, было решено приготовить войска и сосредоточить их таким образом, чтобы они были наготове, если помощь их потребуется; однако же, на распоряжение это еще никоим образом нельзя было смотреть, как на решение начать в широком масштабе совместную операцию морских и сухопутных сил против Дарданелл.

Прежде, чем перейти к описанию бомбардировок фортов, ознакомимся с вооружением и укреплением проливов, с географией местности и организацией командования обеих сторон.

Артиллерийское вооружение Дарданелльского пролива. Длина всего пролива, от южного входа до Мраморного моря,—36 миль; средняя ширина—около двух миль. В самом узком месте, около Чанака, ширина всего лишь 1300 метров (7 кабельтовых). Эту часть пролива мы в дальнейшем будем кратко называть „узкостью". К западному европейскому берегу суда почти повсюду могут подходить вплотную; азиатский берег более отмелый. Глубина в середине пролива—от 25 до 50 сажен. В проливе наблюдается южное поверхностное течение, со скоростью от $1^1/_2$ до 3-х узлов, при чем после сильных северных ветров скорость доходит до 5 узлов. У восточного берега, в некоторых местах, заметно контр-течение. В придонных водных слоях пролива образуется контр-течение, идущее в обратном, т. е. в северном, направлении. В Эгейском море, вне пролива, глубины не превышают 50 сажен; лишь севернее линии Сувла—Имброс глубины быстро увеличиваются. Зимой господствуют северные ветра. Особенно сильны штормы от SW, но они недолговременны и, через W и N, обычно переходят в длительные NO. Перечень фортов на обоих берегах пролива, составленный по германским данным[1]):

Наружные форты.

Европейский берег.		Азиатский берег.	
Ортогул (Хеллес).		**Оркание**	
2 длинных	24 см. ор. в 35 кал.	2 длинных	24 см. ор. в 35 кал.
Седд-эль-Бар		**Кум-Калэ.**	
2 коротких	28-см. ор. в 22 кал.	2 коротких	28-см. ор. в 22 кал.
2 »	26 » » » 22 »	2 »	26 » » » 22 »
2 »	24 » » » 22 »	2 »	24 » » » 22 »
		1 »	21 » » » 22 »
		1 »	15 » » » 22 »

[1]) по Weningerʼу. См. черт. 19 (стр. 143).

В узкости у Чанака.

Ильдис.

6 коротких 15-см. в 26 кал.

Румели Меджидие

4 длинных 24-см. в 35 кал.
2 коротких 28-см. » 22 »

Анатоли Гамидие I

2 длинных 35,5 см. в 35 кал.
7 » 24 » » 35 »

Гамидие II

2 длинных 35,5 см. в 35 кал.

Намазие

2 длинных 24-см. в 35 кал.
2 коротких 26-см. » 22 »
5 » 24-см. » 22 »
7 » 21 » » 22 »

Чеменлик

1 длинное 35,5 см. в 35 кал.
1 короткое » » 22 »
1 » 24 » » 22 »
1 » 21 » » 22 »

Выше Чанака.

Дегермен

6 коротких 24-см. в 22 кал.
1 » 21 » » 22 кал.

Анатоли-Меджидие

3 коротких 28-см. в 22 кал.
3 » 26 » » 22 »
3 » 24 » » 22 »
1 » 21 » » 22 »

Нагара.

1 короткое 26-см. в 22 кал.
6 » 24 » » 22 »

Кроме того, вблизи Ильдиса были установлены четыре 21-см. мортиры и вблизи Анатоли-Меджидие—шесть 21-см. мортир; у Седд-эль-Бара в середине февраля было установлено еще пятнадцать мортир. Бросается в глаза отсутствие единого плана при создании фортов; иначе нельзя об'яснить разнообразия калибров в одном и том же форту. Все форты представляли собой открытые земляные укрепления на каменном фундаменте, при чем орудия друг от друга были разделены траверзами. Почти все форты были расположены в непосредственной близости от берега и видны с дальних расстояний.

Общее число пушек было 101: из них—85 орудий и 16 мортир. Из 85 орудий—78 большого калибра (21 см. и выше); из последних—лишь 22 орудия длинные, остальные 56—короткие; они стреляли старыми снарядами, снаряженными черным дымным порохом; дальность их не превышала 38 кабельтовых. Понятно, что эти орудия не могли быть опасны линейным кораблям. Длинные орудия, кроме старых снарядов, имели и новые, слабодымные,—бронебойные и фугасные. Дальность 35,5 см. орудий, при стрельбе новыми

снарядами и зарядами—96 кабельтовых (17500 метров), а 24 см. орудий—80 кабельтовых (14500 метров). Запасы снарядов были чрезвычайно ограничены: на каждую длинную пушку приходилось около 25 новых и 50 старых снарядов; для коротких пушек боевой запас ограничивался: для 28-см. орудий — 45 выстрелами, для 26-см. и 24-см. орудий — 85 выстрелами, а для 21-см.—220 выстрелами на орудие. Выделка снарядов в самой Турции была невозможна, доставка же их из-за границы могла быть осуществлена лишь после разгрома в 1916 г. Сербии, когда открылся путь из Германии через Сербию и Болгарию. В то время количество снарядов могло пополняться единственно только Босфорскими батареями, которые в феврале и марте должны были передать Дарданеллам все свои запасы новых снарядов. Механической подачи снарядов на фортах не было, равно как оптических прицелов и современных приборов управления огнем.

На флангах минных заграждений и несколько южнее стояло несколько батарей средней и легкой артиллерии, специально предназначенных для защиты этих заграждений. В батарее Дарданос было расположено пять 15-см. скорострельных орудий в 40 кал., а в батареи Бейкуш три 15,2 см. скорострельных орудий в 45 кал.; третья батарея из восьми 15-см. орудий в 26 кал. строилась вблизи Белого Утеса и к 18 марту еще не была готова. Кроме указанных батарей, минные заграждения защищались еще и мелкими скорострельными орудиями, от 4,7 до 8,8 см.; углы их обстрела были не велики, так как орудия устанавливались в складках местности, в целях защиты их от судового огня и могли стрелять лишь по заграждению. К 18 марта было готово 11 батарей с 48 легкими орудиями; 4 батареи с 17 орудиями находились еще в периоде оборудования.

Между батареями, специально защищавшими минные заграждения, и наружными фортами находились промежуточные батареи, установленные, не считая нескольких мортир, зимою 1914—15 года. К середине марта было установлено таких батарей:

На европейском берегу:	На азиатском берегу:
12—15-см. тяж. пол. гаубиц	20—15-см. тяж. пол. гаубиц
10—21-см. мортир	2—12-см. легк. » »
12—12-см. орудий 24 кал.	12—12-см. орудий в 30 кал.
	4—7,5 см. полев. орудий

Все вновь установленные промежуточные батареи находились под начальством германского майора Верле, штаб которого был расположен в Эренкиой, на азиатском берегу. Дальнобойность мортир не превосходила 17 кабельтовых

(3000 метров). Мортиры эти и короткие 12-см. орудия, установленные на Галлиполи, не сделали ни одного выстрела во время атаки английских судов. Дальность стрельбы гаубиц — 33 кабельтова (6050 мет.). Четыре гаубицы, установленные на азиатском берегу, имели дальность стрельбы до 40 кабельтовых (7200 мет.); дальность 12-см. орудий в 30 кал. была также около 40 кабельтовых (7200 метров). Для каждой гаубичной батареи было предусмотрено несколько позиций; менять эти позиции во время боя считалось невозможным из опасения потерь; гаубицы перевозились на новые позиции только лишь ночью, после боя. Турецкие командиры батарей были не знакомы с приемами стрельбы по невидимой цели, поэтому гаубичные батареи стреляли по судам только в том случае, если последние были на виду. Кроме того, турки установили ложные батареи, состоявшие из небольшого числа старых орудий, стрелявших слабодымным порохом, чтобы отвлечь огонь от настоящих батарей. Эта военная хитрость во многих случаях давала хорошие результаты.

Ниже дана сводка всех орудий, установленных до 18-го марта:

Орудия.	В фортах.	В промежуточных батареях.	В батареях, защищающих минные заграждения.	Итого.
Тяжелых длинных орудий	22	—	—	22
» коротких »	56	—	—	56
» мортир	10	10	—	20
Средних орудий	7	24	8	39
» гаубиц	—	34	—	34
» мортир	6	—	—	6
Легких орудий	—	4	48	52
Итого	101	72	56	229 [1])

[1]) По германским данным.

Около Килид-Бара была расположена книжальная торпедная батарея с тремя 45-см. аппаратами и запасом всего 5 торпед. До начала февраля 1915 года было южнее узкости поставлено 334 мины в девять рядов. Самый северный, десятый ряд, был поставлен 26 февраля во время боев, а мины у Эренкиой—лишь 8-го марта. Характерно, что часть заграждения ставилась еще в августе 1914 г., когда во главе турецкого флота были английские офицеры. Расстояние между минами доходило до 80 метров; в последующих заграждениях это расстояние было уменьшено до 45 метров. Часть мин оказалась к началу февраля унесенной; запас мин—незначительный. Новых мин Турция не выделывала. Мины заграждения были снаряжены взрывчатым веществом весом около 90 кгр. Кроме того, турки располагали запасом в 50 так называемых плавучих мин—подарок Турецкой Морской Лиги. Эти плавучие мины были подвешены на поплавках на глубине одного метра и спускались по течению на неприятельские корабли. Немецкое командование считало их никуда негодными. Мины были пущены по течению только один раз, в количестве 6 штук, 14-го марта 1915 г. Ими опасались пользоваться, ибо они могли попасть в прибрежное контр-течение и стать опасными для турецких же прибрежных мелких судов.

Турки располагали нижеследующими крупными судами:

Лин. крейсер	«Султан Селим» («Гебен»)	1911 г.	10—28-см.;	12—15-см.
» корабль	«Барбаросса Хайредин»	1891 »	6—28 »	8—10,5 »
» »	«Торгуд Рейс»	» »	» »	» »
Лег. крейсер	«Медилли» («Бреслау»)	1911 »		12—10,5 »
» »	«Гамидие»	1903 »	2—15 »	8—12 »
» »	«Меджидие»	1903 »	» »	» »

Кроме того, в составе турецкого флота находилось 12 больших и 12 малых миноносцев,—по большей части не в боевой готовности.

Для отражения неприятельского десанта, на берегах Дарданелл к началу февраля было расположено 3 пехотных полка и 6 полевых батарей. В феврале число этих войск было увеличено до 3-х дивизий, а к середине марта—до 5 дивизий. В распоряжении крепости находилось два аэроплана, один немецкий, другой турецкий; к 17 марта был доставлен еще один германский гидроплан. Артиллерия фортов обслуживалась 4 артиллерийскими полками, в составе 15.000 человек.

В сентябре 1914 года на главные форты было назначено 5 германских офицеров и 165 германских матросов. Из-за трудности об'ясняться, все немцы были собраны на форту Гамидие I, обращенном в учебную батарею. Зимой 1915 г.

некоторые батареи прошли учебные стрельбы; для большинства турецких офицеров и солдат это были первые учебные стрельбы, в которых они принимали участие. С 15. февраля 1915 г. форт Оркание обслуживался исключительно немецкими моряками.

Пути сообщения. Одно из преимуществ защиты Дарданелл — короткая коммуникационная линия между Константинополем и Дарданеллами, всего лишь 100 миль длиной. Железные дороги проходили в стороне от Дарданелл. Ближайший пункт Фракийской железной дороги, Узункепри, расположен в 65 милях от Булаира (на Галлипольском перешейке) и соединен с последним сравнительно хорошим военным шоссе. Пересекая перешеек, дорога местами проходит у западного побережья Галлипольского полуострова и, таким образом, была открыта для обстрела с союзных судов.

Позднее была проведена еще другая добавочная дорога, вдоль восточного побережья.

На азиатском берегу ближайший железнодорожный пункт Баллкесри расположен в 100 милях по прямому пути от Чанака. Там не было мощеных шоссе; лишь от местечка Карабига, на берегу Мраморного моря, до Чанака шла прямая дорога в 60 миль длиною.

Таким образом, турки располагали тремя коммуникационными линиями: 1) морем из Константинополя; 2) по железной дороге до Узункепри и далее по шоссе до Булаира и 3) по жел. дороге и по шоссе—на азиатском берегу, и там, поперек пролива, либо из Чанака, либо из Лапсики. Морские пути сообщения находились под угрозой подводных лодок, но никогда ими не были окончательно прерваны. Пути сообщения через азиатский берег были в полной безопасности от судового огня союзников.

Нечего говорить, насколько вопрос о коммуникационной линии был сложен у англичан и французов. Главная база англо-французов—Александрия—удалена на 600 миль от места высадки. Остров Мальта, прекрасно оборудованный порт и база средиземноморской эскадры, удалена от Дарданелл более, чем на 700 миль. Англо-французским эскадрам пришлось придвинуть свои базы ближе, расположив их на островах Лемнос, Тенедос и Имброс. Об этом подробнее будет сказано ниже.

Большое преимущество турок на Дарданелльском театре заключалось в том, что театр этот для них являлся главным. В марте 1915 года турки имели под ружьем около 450 тысяч человек, число это увеличилось последующей весной и летом. Плохая организация и недостаточность путей сообщений не давали им, однако, возможности быстро сосредоточить в Галлиполи армию, в несколько раз более сильную, чем

союзную. С другой стороны, и союзники не могли уделить Дарданеллам более 110 тысяч человек. Сомнительно, превышала ли 5-я турецкая армия, защищавшая полуостров, когда-либо 125 тысяч штыков.

Организация командования. Организация командования на турецкой стороне была следующая. Военному Министру и вице-генералиссимусу Энверу был, в качестве генерал-инспектора прибрежной артиллерии и минного дела, подчинен германский адмирал Узедом, состоявший в то же время при Главной Турецкой Квартире. Как в Дарданеллах, так и на Босфоре, при турецком командовании находилось по германскому адмиралу, являвшимися делегатами Главной Квартиры. Комендант крепости полковник Джевад получал приказания непосредственно от Главной Квартиры и Военного Министра, а, кроме того, должен был следовать указаниям, упомянутых германских делегатов.

Весь личный состав судов и плавучих средств (турки и немцы), несший сторожевую службу, обслуживавший минные заграждения и т. д., был непосредственно подчинен делегату. Таковым в Дарданеллах являлся вице-адмирал Мертен. Как видно, схема командования сложна и запутана. Особых трений, однако же, не наблюдалось, так как во время атак в районе крепости всегда находился адмирал Узедом, которому, как инспектору прибрежной артиллерии, был подчинен комендант крепости. Сухопутные силы турок были подчинены с 24-го марта германскому генералу, маршалу Лиману Сандерс. Последний и Узедом находились оба в подчинении Энвера; между ними происходило не мало трений, так как фактически каждый распоряжался самостоятельно.

Состав сил англичан и организация английского командования. К середине февраля состав сил адмирала Кардена был значительно изменен и увеличен.

Флаг Кардена находился на „Inflexible“, успевшем исправить повреждения после Фалклендского боя.

Союзные суда были сведены в то время в три отряда:

I отряд.

Inflexible (флаг Кардена) .	1907	8—30,5 см.	16—10,2 см.
Agamemnon.	1906	4—30,5	10—23,4 см.
Queen Elizabeth.	1913	8—38,1	16—15,2 см.

II отряд.

Vengeance (флаг де-Робека)	1899	4—30,5 см.	12—15,2 см.
Albion	1898	» »	» »
Cornwallis	1901	» »	» »
Irresistible	1898	» »	» »
Triumph.	1903	4—25,4 см.	14—19 см.

III отряд (французы).

Suffren. (флаг Гепратта)	1899	4—30,5 см.	16—16,4 см.
Bouvet.	1896	2—30,5 см. 2—27,1 см.	8—13,8 см.
Charlemagne	1895	4—30,5 см.	10—13,8 см.
Gaulois.	1896	» »	» »

К началу операции Карден располагал нижеследующими легкими силами: легкие крейсера: „Doublin“, „Darmouth“, „Amethyst“ и „Sapphire“; 16 истребителей класса „Beagle“ и „River“; 5 английских + 2 французских подлодки; матка для истребителей „Blenheim“; авио-матка „Arc Royal“ с 6 гидропланами; канонерская лодка „Hussar“. Кардену были посланы 3 группы, по 7 тральщиков, но из всех 21 тральщиков, к началу операций, прибыло только 7. Французы обещали дать еще 14 тральщиков, 6 истребителей и авио-матку.

Вопрос о командовании вызвал затруднения. По конвенции 6 августа 1914 г., главное руководство операциями в Средиземном море принадлежало Франции. Но, после выступления Турции, большинство судов в восточной части Средиземного моря оказалось английским. Французы склонились поручить Высшее Командование в Дарданеллах английскому адмиралу, но потребовали оставить за ними охрану сирийского побережья до Яффы. Старший морской начальник в этом районе моря, английский адмирал Пирс, должен был работать либо совместно, либо в подчинении французскому адмиралу. Все выступления на этом побережьи англичане обязались вести совместно и с согласия французов. Французы там образовали 3-ю эскадру (адм. Dartige du Fournet) из линкоров „S-t Louis“ и „Jaureguiberry“, крейсера „d'Entrecasteaux“ и броненосца береговой обороны „Henry IV“.

Инструкции английского Адмиралтейства Кардену были составлены очень подробно. Предписывалось особенно беречь „Queen Elizabeth“ и посылать ее только в районы безусловно безопасные от мин. Требовалось экономить ее боевой запас, беречь орудия и стрелять по возможности уменьшенными зарядами. Так как германские 38-см. [1]) гаубицы, при атаке Антверпена, пристреливались по бельгийским фортам пятью выстрелами, а дальнейшими пятью — уже разрушали форт, то тех же результатов ожидали и от 38-см. орудий „Queen Elizabeth“. Корабль этот должен был стрелять, стоя на якоре; самая точная корректировка стрельбы ему должна была быть обеспечена. Предписывалось соблюдать экономию также и с 30,5 см. снарядами. Требовалось наружные укрепления сначала обстреливать с дальних рас-

[1]) На самом деле это были 42-см. мортиры, которым некоторые форты вовсе не удавалось разрушить.

стояний, после чего более старые корабли могли подходить для уничтожения оставшихся орудий; однако, кораблям этим предписывалось немедленно отходить, если бы неприятельский огонь оказался действительным. В последнем случае нужно было снова начинать стрельбу с дальних расстояний. Для тральных работ внутри пролива требовалось прикрытие из больших судов, которые своими орудиями могли бы уничтожить батареи, защищавшие заграждение. Указывалось на необходимость разработать особую защиту судов от плавучих мин. Адмиралтейство не настаивало на срочности операции, из опасения значительных потерь: предполагалось, что медленное, но упорное движение вперед произведет достаточно сильное моральное действие на дух защитников и на население Константинополя. Базу предлагалось устроить на одном из близ лежащих островов, для чего Адмиралтейство, как уже сказано выше, посылало два батальона морской пехоты, в качестве гарнизона. Батальоны эти могли быть использованы и для мелких десантных операций, но всегда при поддержке судовой артиллерии и не против превосходных сил. Настойчивые требования Адмиралтейства экономить снаряды наводит на мысль, что Фишер проявлял некоторое пассивное сопротивление. Последний не хотел оставлять у Дарданелл новейшие суда: мы знаем, что „Queen Elizabeth“ был туда послан для прохождения курсов стрельб, а „Inflexible“ оставлен, чтобы иметь хотя бы один линейный крейсер для преследования Гебена, на случай прорыва последнего в Средиземное море.

После обстрела 3-го ноября (см. стр. 97) имели место, до начала Дарданелльской операции, лишь две операции подводных лодок в проливе: 13-го декабря английской подводной лодке „B II“ удалось благополучно пройти под заграждениями и потопить в проливе старый линейный корабль „Мессудие“, стоявший в одной из бухт севернее Дарданоса. Корабль стоял на мелкой воде и должен был своей артиллерией защищать минные заграждения. Он опрокинулся и лег под углом 90° на левый борт. Без особого труда удалось снять орудия правого борта и установить три 15-см. орудия у Бейкуша, а остальные на флангах заграждения. 11-го января прорвалась французская подводная лодка „Sapphire“, но была потоплена у Нагары огнем береговых батарей.

Бомбардировка наружных фортов 19 февраля. Первая бомбардировка фортов была назначена на 19-е февраля. План атаки, подробно разработанный адмиралом Карденом, состоял из семи пунктов:

1) Обстрел наружных фортов у входа в пролив, в бухте Башика и на северном берегу Галлиполи.

2) Траление минного поля и разрушение фортов между входом и узкостью.

3) Разрушение фортов в узкости.

4) Траление главного заграждения около Кефеда.

5) Приведение к молчанию фортов выше узкости.

6) Проход флота в Мраморное море.

7) Операции в Мраморном море и дозоры в Дарданеллах.

Обстрел фортов намечался в нижеследующей последовательности: а) обстрел фортов с дальних расстояний вне досягаемости неприятельских батарей; в) обстрел на средних расстояниях средней артиллерией; с) окончательное разрушение фортов беглым огнем с расстояния 15—20 кабельтовых.

В случае попадания в суда, последние должны были отходить и начинать вновь бомбардировку с дальних расстояний.

Для первой фазы боя были назначены: „Suffren“, „Albion“, „Triumph“, „Cornwallis“, „Inflexible“.

В 9 час. 51 мин. раздался первый выстрел с „Cornwallis“ по форту Оркание. Через 10 минут „Triumph“ открыл огонь по Хеллес, а в 10 час. 32 мин. „Suffren“ по Кум-Калэ. Форты не отвечали. Карден приказал всем судам стать на якорь. Флагманский корабль „Inflexible“ стал на якорь в 10 час. 50 мин. в 7 милях на W от мыса Хеллес и дал два залпа по форту, расположенному на этом мысу; получая недолеты, „Inflexible“ подошел несколько ближе и в 12 час. 20 мин. открыл вновь огонь. Наблюдение было очень затруднено из-за дальности расстояния. „Triumph“ сделал только 14 залпов с 10 час. до 12 час. 15 мин. по Хеллес и затем перенес огонь на появившиеся на берегу людей. „Inflexible“ обстреливал Хеллес видимо успешно, а в 1 час. дня перенес огонь на Седд-эль-Бар; „Gaulois“ донес, что уже с 6-го выстрела получил попадания. „Suffren“ стал на якорь в 60 кабельтовых от Кум-Калэ и стрелял через мыс Иени-Шер перекидным огнем по Кум-Калэ, по донесению „Bouvet“, удачно. „Vengeance“ стрелял по Оркание.

В полдень гидро донес, что все орудия на Кум-Калэ, Седд-эль-Бар и Оркание целы. Тем не менее, Карден счел успех первой фазы боя удовлетворительным и в 2 ч. дня приказал начать вторую фазу обстрела. Теперь суда должны были стрелять на ходу. „Suffren“ пошел на NW и держался вне обстрела Оркание, стараясь сначала разрушить Кум-Калэ, а затем перенести огонь на Оркание. „Vengeance“ должен был оказать поддержку „Suffren'у“, а „Bouvet“— „Inflexibl'у“.

В 3 часа „Inflexible“ подошел несколько ближе к Седд-эль-Вару, стал на якорь и дал еще несколько залпов по форту. Ответа не было. К 3 час. 50 мин. „Suffren“ успел сделать 3 галса, стреляя по Кум-Калэ. Ответа не было. В 4 час. 10 мин. „Suffren“ подошел ближе и открыл беглый огонь. Через 20 мин. южный фас форта был в развалинах, трех орудий этого фаса уже не было видно; все кругом черно от мелинита. „Vengeance“ стрелял по тому же форту. „Vengeance“ и „Cornwallis“ получили приказание начать решительный обстрел, стреляя крупной артиллерией по Седд-эль-Бар и Кум-Калэ, а средней по Оркание и Хеллес. Форты были окутаны дымом и облаками пыли, жизни не проявляли и казались совершенно разрушенными. В 4 ч. 40 мин. Карден сделал сигнал „Suffren'у“ подойти ближе к фортам, а „Vengeance'у“ прекратить огонь и осмотреть форты. На „Suffren“ неверно разобрали сигнал и поняли, что кораблю приказано прекратить огонь и вступить в кильватер „Inflexibl'у“. Как раз в это время „Suffren“ находился на очень выгодной позиции, чтобы разрушить Оркание, на котором пушки стояли не тронутыми. Однако, французский адмирал счел для себя обязательным исполнить приказание. Тем временем „Vengeance“ приблизился к входу, чтобы присмотреться к фортам; но вдруг совершенно неожиданно Хеллес и Кум-Калэ по нем открыли настолько сильный и энергичный огонь, будто вовсе и не подвергались до того обстрелу. Это было совершенно неожиданно. „Vengeance“ не отступил, а немедленно открыл беглый огонь по Хеллесу. „Bouvet“ стрелял через „Vengeance“ и „Cornwallis“, „Suffren“ открыл огонь по Хеллес, а „Gaulois“ подошел до 45 кабельтовых и открыл огонь по Оркание. Кум-Калэ не открывал огня. Седд-эль-Бар дал несколько одиночных выстрелов. Огонь Оркание был очень точен, и вскоре „Vengeance“ был накрыт его снарядами. Попадания в корпус не было, но четыре снаряда попали в рангоут. „Cornwallis“ также попал под огонь фортов, но не пострадал. В 5 час. 15 мин. „Inflexible“ открыл столь меткий огонь по Оркание, что стрельба последнего стала беспорядочной.

В это время с моря подошли „Agamemnon“ и „Queen-Elizabeth“.

Стало темнеть, и в 5 час. 20 мин. Карден дал „отбой“.

Робек просил разрешения продолжать обстрел, но Карден не разрешил, так как освещение было неблагоприятным, суда резко выделялись на западном фоне неба, тогда как берег начинал погружаться во тьму; кроме того, следовало беречь снаряды и старые орудия старых кораблей, кончавших срок службы, а также опасаться ночных минных атак. Казалось, что Хеллес приведен к молчанию, Оркание продолжал стрелять.

В 7 час. к эскадре присоединились тральщики с „Albion“ и „Amethyst“. Они тралили от точки на 52° в 5⅓ мили от Хеллес до Габа-Тепе, по западную сторону полуострова, и донесли, что мин не найдено. На берегу ими было замечено лишь несколько полевых укреплений.

В общем, результаты первого дня казались благоприятными; создалось впечатление, что лишний час светлого времени дал бы возможность покончить с фортами. С другой стороны, стало ясным, что преимущества флота, с его более дальнобойными орудиями, не могут быть использованы, ввиду трудности корректировать стрельбу на дальних расстояниях. Орудия фортов могут быть повреждены лишь в случае непосредственного попадания в тело орудия, а добиться этого, конечно, крайне трудно. По германо-турецким сведениям на самом деле повреждены были только лишь орудия в Кум-Кале: одно—28-см. орудие было надолго выведено из строя, еще одно 15-см. орудие было готово к бою в тот же вечер. Потери незначительные: всего четыре убитых (в числе их немецкий лейтенант, комендант форта Оркание) и 9 легко раненых. Пока корабли держались вне предела досягаемости орудий фортов, на последних оставляли лишь несколько наблюдателей. Оркание сделал 24 выстрела, а Хеллес—всего 6.

В Адмиралтействе полагали, что первый обстрел позволяет надеяться на благоприятный исход операции. Было решено послать еще два батальона морской пехоты, в дополнение к посланным ранее двум. В то же время заканчивали боевое обучение еще 10 батальонов морской дивизии; их тоже предполагалось отправить в конце месяца. Военное Ведомство пока еще не приступало к отправке войск, согласно решения 16-го февраля.

В то время, когда впервые заговорили судовые орудия у Дарданелл, в Лондоне, на Военных Советах, происходили острые споры (19, 24 и 26 февраля). Во второй половине февраля взгляды Китченера подверглись значительным изменениям. Он стал высказываться против посылки XXIX дивизии. Русские в это время потеряли Черновицы, эвакуировали всю Буковину и после крупного поражения в Восточной Пруссии, потеряли большое количество и без того скудного снаряжения и до 100 тысяч пленными. Явилось предположение, что еще до апреля, срока готовности новых войсковых формирований, так наз. „армий Китченера“, немцы перекинут большое число войск на французский фронт. Китченер считал, что сейчас посылать XXIX дивизию нельзя, дабы не ослаблять главного фронта. Следует, в то же время, особенно отметить, что в этот период времени Китченер с каждым днем все более и более менял взгляды на возможность прекращения операции в любое время. 24-го

февраля он заявил, что эффект поражения на Востоке был бы настолько серьезным, что об отступлении не может быть речи и что, если флоту не удастся прорваться, то армия должна будет помочь. Руководители политики Англии соглашались с Главнокомандующим, что бросить операцию было бы равносильно крупному поражению.

Из высказанных на Военных Советах взглядов явствует, что идея чисто морской операции хотя и не была оставлена, но взгляды на нее менялись. Однако, ясного и точного плана, долженствовавшего заменить план прорыва судов без поддержки сухопутной силы, выработано не было. Китченер и другие все еще держались за надежду, что успеха можно было бы достигнуть чисто морской операцией.

Обмен телеграммами между Китченером и Главнокомандующим английскими войсками в Египте генералом Максвелем указывает, что первый был сильно озабочен вопросом о посылке войск к Дарданеллам. Китченер приказал послать к Кардену генерала Бердвуда, прибывшего в Египет с австралийскими и новозеландскими войсками, для совместного обсуждения возможности применения сухопутных войск. Содержание инструкций, посланных Китченером Бердвуду, сводились к нижеследующему: „Форсирование Дарданелл предпринимается флотом, и, насколько теперь можно предвидеть, обязанность ваших войск, вплоть до того момента, когда пролив фактически будет обеспечен за нами, сведется к малым операциям, как-то, например,—к окончательному разрушению батарей, после того, как они будут приведены к молчанию судовой артиллерией. Возможно наличие запрятанных в складках местности гаубичных батарей, которым флот не сможет нанести существенного вреда; вам может быть придется, по предложению адмирала Кардена, предпринять малые операции для уничтожения этих батарей. Помните, однако, что на обоих берегах пролива расположены крупные неприятельские силы, и вы не должны решаться на такого рода предприятия без воздушной разведки и без уверенности в действительности прикрывающего вас огня флота. В течение всего времени бомбардировки Дарданелл, вы, конечно, можете рассчитывать на подкрепления из Египта, откуда, если понадобится, могут быть посланы находящиеся там войска".

Неясность положения сильно тревожила Адмиралтейство. Решение Китченера использовать австралийские войска и гарнизоны Египта не могло считаться удовлетворительным, так как, по мнению Адмиралтейства, для десантной операции требовались первоклассные войска с боевым опытом. Адмиралтейство, а также и гражданские министры, считали положение на французском фронте удовлетворительным и настаивали на сильном ударе по Дарданеллам, чтобы помочь

русским. По их мнению, освободившиеся на русском фронте немецкие войска будут переброшены не во Францию, а в Сербию, чтобы пробить дорогу на Балканы и обеспечить снабжение Дарданелльским укреплениям. В то время, вместе с XXIX дивизией, морской дивизией, морской пехотой и австралийскими войсками, 15.000 французов и, может быть, 10.000 русских,—можно было набрать до 100 тысяч человек. Адмиралтейство указывало, что использовать находящиеся в Египте войска не значит выиграть время, ибо транспорты для перевозки войск приходилось бы высылать в Египет из Англии; транспорты эти могли прибыть в Александрию не ранее, чем через три недели.

В результате, Китченер обещал дать XXIX дивизию, но лишь в том случае, если выяснится, что без нее можно обойтись на французском фронте. Он считал, что на первых порах 33-х тысяч человек (морская дивизия, морская пехота, австралийцы и новозеландцы) будет достаточно для поддержки флота.

Транспорты для находящихся в Египте войск должны были прибыть в Александрию 9-го марта.

Тем временем, Главнокомандующий в Египте, генерал Максвель, вошел в сношения с адмиралом Карденом. Последний настаивал на необходимости занять войсками южный конец полуострова Галлиполи до линии Соганли-Дере, шириною, от воды до воды, немного более 5 миль. Занятие этого участка давало в руки англичан возвышенность Ачи-Баба, с которой можно было бы корректировать перекидную стрельбу кораблей.

Максвель уже 23-го февраля решил отправить одну бригаду австралийской пехоты на Лемнос.

На заседании 26-го февраля были сделаны серьезные попытки помирить взгляды Военного Совета и Адмиралтейства. Спор теперь касался, главным образом, XXIX дивизии. Может казаться странным, что о посылке одной дивизии так много спорили и говорили. Однако, тут встретились два враждебных друг другу направления стратегической мысли. Корбетт указывает, что разрешить посылку XXIX дивизии означало бы принципиальное признание Дарданелл вспомогательным театром, а военные в то время считали, что Дарданелльская операция не может быть ни чем другим, как только диверсией. Одни настаивали на том, что во что бы то ни стало неприятеля надо атаковать в его слабом месте, пользуясь господством на море и возможностью перебрасывать легко войска; другие же упорно стояли на том, что с главного театра нельзя снять ни одного человека. Адмиралтейство, кроме того, настаивало на необходимости иметь войска достаточно сильными для занятия главного об'екта атаки—Константинополя.

Военный Совет полагал, что нет надобности удовлетворить требование Кардена занять южную часть полуострова „ибо это не необходимо для приведения к молчанию фортов". Однако, корректировка стрельбы могла быть при имеющихся в распоряжении Кардена средствах, удовлетворительной лишь в том случае, если бы возвышенность Ачи-Баба перешла в руки англичан. Кардена известили, что на сухопутные войска ему нечего рассчитывать, что Дарданеллы он должен форсировать без их помощи, а десанты он может высаживать только лишь для окончательного разрушения фортов; его известили также, что 10.000 человек войск готовы для оказания ему поддержки и находятся частью в Египте, частью будут посланы на Лемнос.

Тем временем, положение на русском фронте продолжало ухудшаться все более и более. Немцы перешли Неман, железная дорога Петроград—Варшава была в опасности; недостаток в боевых запасах ощущался все острее. Положение на русском фронте могло быть быстро и прочно восстановлено только лишь в том случае, если бы англичане прорвались через Дарданеллы, открыли пролив и обеспечили бы Россию боевым снабжением. Мурманская дорога тогда еще не была готова, и снабжение через север находилось в зачаточном состоянии.

Как мы знаем теперь, до 25-го февраля турки располагали в районе Дарданелл только лишь двумя дивизиями. Из статьи майора Miles, бывшего американского военного агента в Константинополе, видно, что турецкий Генеральный Штаб полагал в то время возможным „высадку в любом месте полуострова; овладение проливами путем сухопутных операций тогда было бы делом легким".

„В последних числах февраля", пишет генерал Лиман Сандерс, „турецкая главная квартира определенно считалась с возможностью форсирования Дарданелл союзным флотом. Все было готово для отъезда султана, его двора и гарема, и для эвакуации гражданских и военных властей". Далее Сандерс указывает, что ряд ошибок в дислокации турецких войск в то время в высокой степени облегчил бы операции англичан.

Бомбардировка 25-го февраля.

Начиная с 20-го февраля стояла штормовая погода. Только лишь 24-го она улучшилась настолько, что Карден мог продолжать начатые операции. Накануне прибыло два батальона морской пехоты под начальством ген. Тротмана; было решено их использовать для прикрытия работ судовых подрывных партий.

25-го февраля стихло настолько, что суда могли стрелять, но для высадки и воздушной разведки было еще слишком свежо. В этот день предполагалось закончить вторую

часть плана операций—разрушить наружные форты с близких расстояний и протралить входы в пролив. План операции на этот день сводился к тому, что четыре корабля должны были попарно подойти к устью пролива и обстрелять форты Хеллес и Оркание с расстояний ближе 15 кабельтовых. После опыта первого дня теперь требовалось „разрушить каждое отдельное орудие прямым выстрелом". Первый галс был поручен „Vengeance" и „Cornwallis", второй „Suffren'y" и „Charlemagne". В то же время „Agamemnon", „Irresistible", „Queen Elizabeth" и „Gaulois" должны были стрелять с дальних расстояний, с якоря, по фортам Хеллес, Седд-эль-Бар, Кум-Кале и Оркание.

„Queen Elizabeth" стал на якорь на SW, в 85 кабельтовых от маяка Хеллес, и открыл огонь по Седд-эль-Бар; ему корректировал стрельбу „Dublin", стоявший на якоре в одной мили на SW от мыса Деметриос. „Inflexible" стал севернее „Queen Elizabeth" на NW от Хеллес, в расстоянии 57 кабельтовых, „Agamemnon"—между „Queen Elizabeth" и берегом, в 25 кабельтовых на WSW от мыса Иени-Шер. Хеллес в 10 час. 17 мин. открыл огонь по этому кораблю с расстояния 50 кабельтовых. Стало очевидным, что форт этот далеко не был разрушен в первый день стрельбы. Стреляли обе его 9,4 дюймовых пушки и через четверть часа дали накрытие; „Agamemnon" немедленно стал сниматься, но в течение 10 мин. получил 7 попаданий бронебойными снарядами; на нем было 3 убитых и 5 тяжело раненых; большинство снарядов не разрывалось при попадании. Карден приказал „Queen Elizabeth" открыть огонь по Хеллес. Последний в это время перенес огонь на „Dublin". Крейсер до того находился под обстрелом полевого орудия с берега, но переменил место лишь после приказания адмирала. Корректировку стрельбы „Queen Elizabeth" взял на себя „Inflexible". „Queen Elizabeth" тогда еще только вступил в строй; управление огнем у него еще не было налажено; он пристрелялся по форту лишь через $1^1/_2$ часа после 17-го выстрела. Тем временем „Agamemnon" снова открыл огонь по Хеллес и разрушил бараки около батареи.

В течение этого времени „Gaulois" стрелял по Кум-Кале. Он стал на якорь между „Agamemnon" и мысом Деметрисом; его стрельбу корректировал „Bouvet", стоявший в 4 милях северо-западнее Хеллес. „Irresistible" стрелял по Оркание; ему корректировал стрельбу „Agamemnon" „Irresistible" открыл огонь в 10 час. 27 мин., пристрелялся через полчаса и вскоре привел батарею к молчанию.

После того, что батарея Хеллес согнала с места „Agamemnon" и „Dublin", она сосредоточила огонь по „Gaulois". Последний сразу же открыл огонь по форту, забросал его снарядами и благодаря этому мог сняться с якоря без по-

вреждений. Вскоре после 11 часов „Gaulois“ увеличил расстояние до 50 кабельтовых и вновь обстрелял Хеллес. Когда „Queen Elizabeth“ начал класть свои 15-дюйм. снаряды в Хеллес, „Gaulois“ перенес огонь на Кум-Калэ.

Около полудня ни один из фортов не стрелял больше. Карден приказал сигналом „Vengeance“ и Cornwallis“ начать обстрел фортов с хода. Курсы обоих кораблей показаны на черт. 18. Незадолго до 1 часа дня, они открыли огонь по Оркание и Хеллес, приблизившись к ним до расстояния 20 кабельтовых, после чего повернули на 16 румбов и отошли. Седд-эль-Бар сделал 4 беспорядочных залпа в догонку. Кроме того, стреляла одна пушка Кум-Калэ, одна из форта Хеллес, одна из Оркание и несколько полевых пушек. В 2 часа начали галс „Suffren“ и „Charlemagne“ (см. черт. 18), „Suffren“ сначала открыл огонь по Оркание с расстояния 45 каб.; он стрелял четверть часа идя 12-узловым ходом; ответа не было. Корабли подходили до расстояния в 14 кабельтовых к Кум-Калэ; повернув затем на 16 румбов „Suffren“ еще 6 минут стрелял по Седд-эль-Бар. „Charlemagne“ стрелял по Кум-Калэ несколько дольше. По нему Кум-Калэ сделал один выстрел.

На союзной эскадре не было сомнения, что форты разрушены.

Около 3-х час. Карден приказал протралить вход в пролив под охраной истребителей. В то же время „Albion“ должен был приблизиться к южным фортам, а „Triumph“ к северным и докончить их разрушение. По „Albion“ открыло огонь орудие с Оркание. Немедленно „Agamemnon“ и „Albion“ сосредоточили огонь по форту; последний смолк. Хеллес и Кум-Калэ дали еще по одному залпу. На Седд-эль-Бар все пушки были разрушены. В 4 часа, когда огонь прекратился окончательно, тральщики начали работать под прикрытием „Vengeance“, „Triumph“ и „Albion“; остальные суда ушли на ночь на Тенедос.

По английским источникам, англичане за этот день выпустили 31—38-см. снарядов, 81—30,5 см., а французы 50—30,5 см. снарядов; сведений о расходе снарядов средних калибров не имеется.

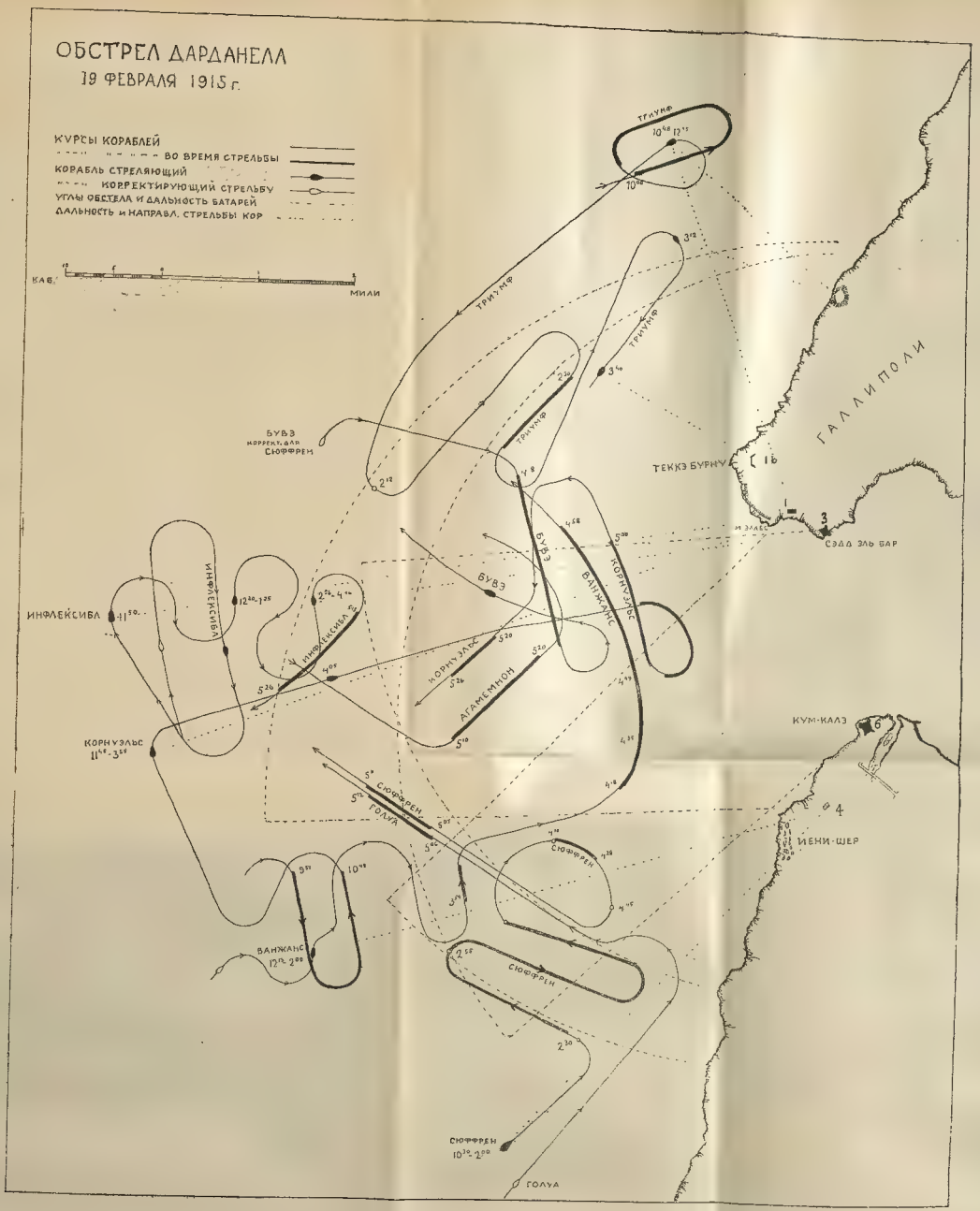
Почти все орудия на фортах были выведены из строя и около одной трети приведены надолго в негодность; потери в личном составе были незначительны. На форту Оркание утром одно орудие было приведено в негодность прямым выстрелом, другое настолько сильно занесено песком при разрыве перед ним снаряда, что потребовалась почти часовая работа, чтобы привести его в порядок. Это орудие днем сделало один выстрел и затем вновь не могло стрелять, ввиду повреждения компрессора; позднее оно было выведено из строя прямым попаданием.

Турецкое командование в этот день считало, что союзники не дадут времени исправить повреждения на фортах. Поэтому эти форты были оставлены, и в ближайшие дни с них были увезены запасы снарядов. Турки считали вероятным, что союзники на следующий день предпримут решительные операции и попытаются осуществить прорыв. Чтобы затруднить последний, у Чанака в этот день была выставлена десятая линия мин заграждения (53 мины). На случай прорыва судов, последней линией защиты был намечен Босфор; там неприятеля должен был встретить Гебен, исправлявший свои повреждения; оба линейных корабля должны были защищать вход в Мраморное море, а миноносцам было приказано ночью произвести минные атаки.

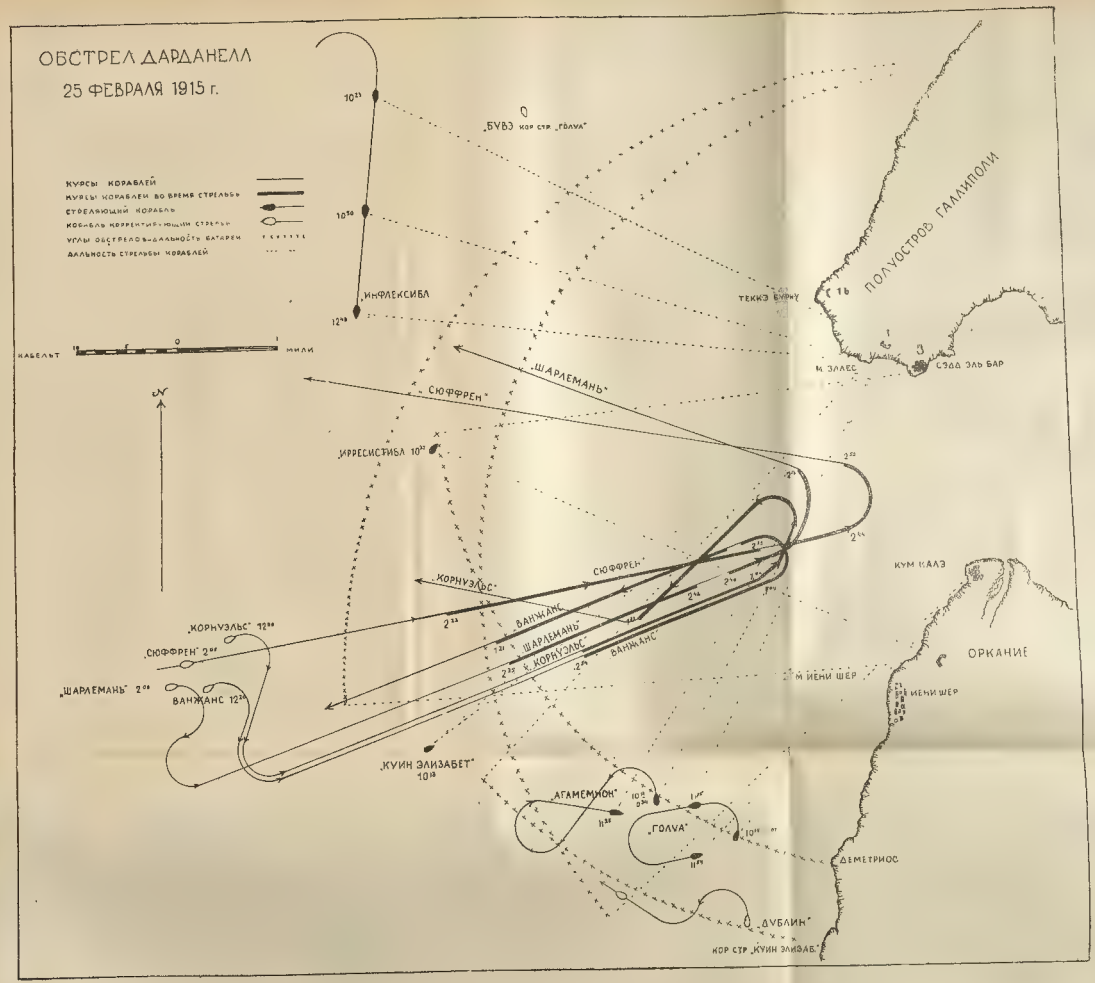
26-го февраля 1915 г.

На следующий день, 26-го февраля предполагалось начать атаку группы фортов Дарданос, защищавших минные заграждения.

Первоначальный план этой операции состоял в том, чтобы вдоль каждого берега шло по одному линейному кораблю, имея впереди тральщиков; линкорам было приказано разрушить все батареи до мыса Кефеца. Задача эта была возложена на „Albion“ и „Triumph“, вместе с прибывшим накануне „Majestic“, имевшим на каждой башне по гаубице. В течение ночи тральщики, в сопровождении миноносцев, протралили пролив на 4 мили вверх от входа. В 8 часов утра указанные выше линейные корабли двинулись по протраленному пути. Прежде всего им надлежало окончательно разрушить Седд-эль-Бар и Кум-Калэ с внутренней стороны, наблюдательный пост и минную станцию около прежней батареи Де-Тот, а также мост через реку Мендере, на шоссе между Кум-Калэ и Чанак. Все это линкоры выполнили своими 6-дюймовыми орудиями, не получив ответа с берега. В сопровождении тральщиков „Albion“ и „Majestic“ продвинулись до границы протраленного пути. Незадолго до полудня „Albion“ открыл огонь по форту Дарданос из 30,5 см. орудий с расстояния 60 кабельтовых. „Majestic“ тоже открыл огонь по Дарданосу и в то же время обстреливал открывшую огонь полевую батарею. Миноносцы обстреливали полевые батареи на северном берегу. Все это почти безнаказанно продолжалось до 3-х часов, когда оба корабля попали под огонь гаубиц и полевых орудий, месторасположение коих невозможно было заметить. Казалось, что они стреляют с холма юго-западнее Эренкиой, но летчики не могли их найти. Орудия стреляли с самых близких расстояний. Англичане знали точно расположение фортов, установленных до ноября; но расположение гаубичных батарей им было неизвестно. Главное назначение этих подвижных гаубичных батарей, помимо защиты минных полей, заключалось в том, чтобы обстреливать суда на тех местах,


ОБСТРЕЛ ДАРДАНЕЛА
19 ФЕВРАЛЯ 1915 г.
КУРСЫ КОРАБЛЕЙ
ВО ВРЕМЯ СТРЕЛЬБЫ
КОРАБЛЬ СТРЕЛЯЮЩИЙ
КОРРЕКТИРУЮЩИЙ СТРЕЛЬБУ
УГЛЫ ОБСТРЕЛА И ДАЛЬНОСТЬ БАТАРЕЙ
ДАЛЬНОСТЬ И НАПРАВЛ. СТРЕЛЬБЫ КОР
КАБ.
МИЛИ
ТРИУМФ
БУВЭ
КОРРЕКТ. ФЛ. СЮФФРЕН
ТЕККЕ БУРНУ
ГАЛЛИПОЛИ
СЭДД ЭЛЬ БАР
ИНФЛЕКСИБЛ
ИНДЕФАТИГЭБЛ
КОРНУЭЛЬС
ВАНЖАНС
АГАМЕМНОН
КУМ-КАЛЭ
ИЕНИ-ШЕР
СЮФФРЕН
ГОЛУА

Черт. 17.


ОБСТРЕЛ ДАРДАНЕЛЛ
25 ФЕВРАЛЯ 1915 г.
КУРСЫ КОРАБЛЕЙ
КУРСЫ КОРАБЛЕЙ ВО ВРЕМЯ СТРЕЛЬБЫ
СТРЕЛЯЮЩИЙ КОРАБЛЬ
КОРАБЛЬ КОРРЕКТИРУЮЩИЙ СТРЕЛЬБУ
УГЛЫ ОБСТРЕЛОВ-ДАЛЬНОСТЬ БАТАРЕИ
ДАЛЬНОСТЬ СТРЕЛЬБЫ КОРАБЛЕЙ
КАБЕЛЬТ
МИЛИ
„БУВЭ" кор стр „ГОЛУА"
„ИНФЛЕКСИБЛ"
„ШАРЛЕМАНЬ"
„СЮФФРЕН"
„ИРРЕСИСТИБЛ"
„КОРНУЭЛЬС"
„ВАНЖАНС"
„КУИН ЭЛИЗАБЕТ"
„АГАМЕМНОН"
„ГОЛУА"
„ДУБЛИН"
кор стр „КУИН ЭЛИЗАБ"
ПОЛУОСТРОВ ГАЛЛИПОЛИ
ТЕККЭ БУРНУ
М ЗЛЕС
СЭДД ЭЛЬ БАР
КУМ КАЛЭ
ОРКАНИЕ
М ИЕНИ ШЕР
ИЕНИ ШЕР
ДЕМЕТРИОС

Черт. 18.

где они будут становиться на якорь для обстрела внутренних фортов. Вскоре „Albion“ и „Majestic“ должны были убедиться, что они могут избежать потерь только лишь постоянно меняя место. „Majestic“ получил пробоину ниже ватерлинии в тот момент, когда в 4 часа Робек сделал сигнал—„отбой“.

Робек, тем временем, обыскивал с утра азиатский берег, чтобы найти там уцелевшие батареи и уничтожить их. Около 12 часов, вблизи Кум-Калэ, он увидел оставленную полевую батарею и получил разрешение Кардена ее уничтожить судовым десантом. Около 2-х час. „Vengeance“ свез десант в 50 человек и подрывную партию; десанту было приказано разрушить батарею Кум-Калэ, Оркание и две аэро-пушки у гробницы Ахилесса, а также закончить разрушение моста через Мендерэ. С моря операция прикрывалась огнем „Vengeance“, „Cornwallis“, „Dublin“, „Racoon“ и „Basilisk“.

Десант „Vengeance“ высадился на пристань недалеко от разрушенного форта. Англичане прошли через деревню, не встретив сопротивления. Однако, за деревней у кладбища по ним был открыт огонь. Немедленно „Dublin“ обстрелял все места, откуда стреляли турки; несколько мельниц, из которых велась энергичная стрельба, были превращены в развалины через 3 мин. Подрывные партии, при своем продвижении, встречали все больше сопротивления и вскоре оказались под сильным перекрестным ружейным огнем. Пробиться к форту Оркание в таких условиях оказалось невозможным. Не желая подвергать матросов опасности, начальник подрывной партии, английский лейтенант, пробрался в форт один и взорвал там противоаэропланную пушку. Тем временем, „Dublin“ удачно обстрелял Иени-Шер и прекратил стрельбу оттуда. Тогда подрывная партия пробралась к Оркание в полном составе и уничтожила все оставшиеся орудия. После этого десант „Vengeance“ вернулся на корабль.

На европейском берегу был высажен десант с „Irresistible“. И там подрывная партия встретила значительное сопротивление на берегу. Под прикрытием средней артиллерии линейного корабля, удалось уничтожить 4 еще оставшихся целыми орудия форта. Покончить таким же образом с фортом Хеллес, не удалось, так как он был занят значительными силами. Разрушение фортов предполагалось продолжить на следующий день.

Ночь с 26-го на 27-е февраля. С наступлением ночи, тральщики под прикрытием истребителей начали работу. Для окончательного разрушения фортов, Карден намеревался послать транспорта с морской пехотой. Однако же, погода испортилась вновь.

27-го февраля. 27-го февраля задул жестокий шторм; дождь настолько уменьшал видимость, что стрельба, даже в проливе, оказалась невозможной. Намеченную высадку пришлось отложить. Значительно позднее, к вечеру, удалось у Седд-эль-Бар высадить подрывную партию с линкора „Irresistible“; последняя взорвала 6 современных мортир Круппа; работа проводилась на виду неприятеля, находившегося на расстоянии всего лишь 500 метров. Тем не менее, подрывная партия вернулась на корабль без потерь.

28-го февраля. 28-го февраля погода еще ухудшилась. Шторм от NO дул с такой силой, что операции даже в проливе были совершенно невозможны.

1-го марта. На следующий день Карден послал „Albion“ и „Triumph“ обстрелять форт Дарданос и произвести разведку новых батарей в его районе. „Ocean“ и „Majestic“ должны были обнаружить и уничтожить подвижные гаубичные батареи. Оба корабля попали под сильный огонь гаубиц в районе Эренкиой. Им на поддержку пошел „Irresistible“ (флаг Робека). Через полчаса эти три корабля заставили замолчать гаубицы, и Робек сделал сигнал „Ocean'у“ и „Triumph'у“ начать обстрел Дарданос. Как только оба корабля прошли вперед, огонь скрытых в складках местности орудий стал настолько действительным, что Робеку пришлось отменить сигнал и приказать кораблям вновь сосредоточить огонь по скрытым батареям. Стрельба последних вскоре утихла.

Тем временем „Albion“ и „Triumph“ потихоньку двигались вверх по проливу. Огонь береговых батарей был настолько метким, что кораблям пришлось описывать циркуляции, дабы сбивать стрельбу турецких комендоров. Конечно, при таких условиях не могло быть речи о действительной стрельбе по форту Дарданос, и оба корабля направили свой огонь против батарей европейского берега и района Эренкиой. Корабли получили несколько попаданий, но не серьезных. Стрельба линкоров не могла быть действительной, так как все время они находились на ходу, меняя места и циркулируя; стрельба сводилась к непроизводительному расходованию боевого запаса. Поэтому корабли были отозваны обратно.

Тем временем улучшившиеся условия погоды позволили сделать высадку у Кум-Кале. Подрывная партия с „Irresistible“ направилась к форту, где обнаружила, что 7 из 9 орудий были не тронуты и только одно разрушено. Все эти орудия, а также 6 полевых пушек, расположенных вблизи батареи, были взорваны. Подрывная партия вернулась на корабль без потерь.

В результате этот день показал, что операции внутри залива встретят сильное сопротивление. Воздушная разведка

доносила о значительных работах по усилению фортов и подготовке оснований для новых батарей.

Результаты первых бомбардировок указывали с полной ясностью, что могут быть лишь два решения: либо немедленно вовсе отказаться от всей операции, либо, не теряя ни минуты, вести войска. Момент для прекращения операций был чрезвычайно удобным, так как успешное разрушение наружных фортов могло быть об'яснено желанием сделать блокаду Дарданелл более действительной и удобной, и потеря престижа не была бы столь серьезной. Однако же, о прекращении операции в Лондоне и Париже тогда еще не было и речи: 1-го марта генерал Пэрис с 7 батальонами моряков вышел из Англии на Лемнос.

По турецким данным, глубинные батареи за этот день выпустили 300 снарядов; сами они не пострадали серьезно и понесли незначительные потери в личном составе.

К ночи тральщики, под прикрытием четырех истребителей и легкого крейсера „Amethyst", отправились в пролив, где должны были протралить путь до мыса Кефез. Однако же, около 11 часов вечера, находясь в 15 кабельтовых от указанного мыса, тральщики перед самой первой линией заграждения попали в лучи прожекторов, установленных на берегу. Все батареи, защищавшие заграждение, немедленно открыли огонь. Пришлось бросить тралы; миноносцы впереди тральщиков образовали дымовую завесу и открыли огонь по вспышкам и прожекторам на берегу. Тральщикам удалось отойти без потерь; работа до крайности была осложнена их тихоходностью, которая особенно сказывалась на сильном течении (до 5 узлов).

2-го марта. На следующее утро задул шторм.

В начале марта, морские силы, находившиеся под флагом Кардена, были организованы нижеследующим образом:

I Дивизия.

1 бригада:

«Inflexible» (флаг. адм. Кардена),
«Queen Elizabeth».

2 бригада:

«Agamemnon»,
« Lord Nelson».

II Дивизия.

«Vengeance» (флаг. адм. Робека),

3 бригада:

«Ocean»,
«Irresistible»,
«Majestic».

4 бригада:

«Canopus»,
«Cornwallis»,
«Swiftsure».

5 бригада:

«Albion»,
«Triumph»,
«Prince George».

III Дивизия (французы).
(флаг. адм. Генратта).

«Suffren»,
«Bouvet»,
«Gaulois»,
«Charlemagne».

Кроме того, легкие крейсера: „Dublin“, „Sapphire“, „Minerwa“, „Amethyst“.

Было выяснено, что в проливе, под самым европейским берегом, имеется мертвое водное пространство, которое не может быть обстреливаемо орудиями и гаубицами с европейского берега. Пространство это находилось вне выстрелов также и фортов Эренкиой и Дарданос. Туда были посланы „Canopus“ и „Swiftsure“. „Cornwallis“ должен был обстреливать мелкие батареи, начаная от Ин-Тепе до Эренкиой.

В 1 час. 30 м. „Canopus“ и „Swiftsure“, идя вдоль северного берега, подошли к северному пределу мертвого пространства. Там они застопорили машины в расстоянии 5 кабельтовых от берега и открыли огонь через пролив по форту Дарданос (расстояние 38 кабельтовых). Дарданос не отвечал в течение двух часов, пока „Canopus“ не вышел, уклоняясь от гаубичной батареи, из мертвого пространства. Немедленно же Дарданос открыл огонь настолько меткий, что тотчас же „Canopus“ получил несколько попаданий: была разрушена кают-компания, снесена за борт грот-мачта, разворочено несколько шлюпок. „Canopus“ перешел ближе к выходу, чтобы иметь свободное пространство для маневрирования.

По „Cornwallis“ был открыт сильный огонь из гаубиц. Маневрируя на переменных курсах переменными ходами, ему удалось избегнуть попаданий. Насколько серьезны повреждения береговых батарей, нельзя было определить за отсутствием воздушной разведки. Как выяснилось впоследствии, в Дарданос не было попаданий, а гаубичные батареи почти не пострадали.

Ночью тральщики вновь пытались протралить пролив, но были встречены жестоким огнем и должны были отступить. В тот же день французские суда обстреливали форты Булаирского перешейка и пытались разрушить мост через Кавак, на шоссе между Адрианополем и Галлиполи. Тральщики тралили побережье, но мин не нашли.

3-го марта. На следующий день Карден приказал повторить обстрел 5-ой бригаде линейных кораблей; позднее предполагалось высадить судовые десанты у Седд-эль-Бар и закончить разрушение батарей. Однако, погода не позволила это сделать. Подрывные партии уничтожили еще несколько полевых орудий, не встретив сопротивления. В течение дня погода улучшилась,

и линкору „Prince George“ было приказано зайти в мертвое пространство под европейским берегом и обстрелять Дарданос. Четыре галса было сделано; форты не отвечали. Но как только после четвертого галса „Prince George“ вышел из мертвого пространства, он попал под огонь глубинных батарей и форта Месудие. Англичане не могли установить местонахождение батарей и должны были отойти вновь в мертвое пространство.

Результаты бомбардировки. Благодаря энергии адмирала Робека, наружные форты были почти разрушены. Казалось, что впечатление, произведенное на турок бомбардировкой, было настолько сильным, что они бросили на произвол судьбы большое количество орудий, которые могли бы еще стрелять. Но, вместе с тем, с каждым днем все более и более сказывались трудности предстоящего прорыва. Болезненно ощущалась недостаточная воздушная разведка и отсутствие возможности точной корректировки стрельбы. Необходимость в помощи армии становилась все более и более очевидной. Опыт обстрела японцами германской крепости Тсинтау показал, что обстрел с моря был недействительным до тех пор, пока японцам не удалось взять гору, господствовавшую над крепостью (Prinz Heiurich Berg). Адмиралтейство рекомендовало Кардену прислушиваться к указаниям командира „Triumph“, только что прибывшего из Тихого океана и принимавшего участие в операциях против Тсинтау. В Адмиралтействе имелись донесения английского морского агента в Японии, указывавшего на безнадежность стрельбы по береговым батареям при отсутствии на берегу наблюдательных пунктов, с которых можно было корректировать стрельбу. То же самое и подтверждал опыт бомбардировки Порт-Артура: адмирал Того указывал настойчиво сухопутному командованию, что все усилия должны быть в первую очередь направлены на занятие высокой горы, без чего обстрел с моря не может быть действительным.

В этот период времени еще можно было высадить войска без особенно серьезного сопротивления, но, конечно, нужно было высадить первоклассные войска. Тогда еще, кроме прибывших на Лемнос морских батальонов, могла быть использована австралийская бригада, вышедшая туда 2-го марта из Александрии. Но—это были не обстрелянные войска, наспех обученные; веры в их стойкость не было. Как мы знаем, разумный план Кардена—прочно занять южную часть полуострова—был отклонен потому, что, по мнению Военного Ведомства, это „не было необходимо для разрушения береговых батарей“.

Необходимо отметить, что в телеграммах, которыми обменивались в то время Бердвуд и Китченер, ни слова не

упоминалось о необходимости занять гору Ачи-Баба. Бердвуд сделал рекогносцировку пролива и пришел к убеждению, что помощь войск необходима. Он выразил мнение, что нужно было решить: „будет ли флот пробовать прорываться, не считаясь с опасностью от спрятанных в складках местности промежуточных подвижных батарей, или же будет ждать помощи армии, чтобы разрушить эти батареи". Бердвуд пришел к заключению, что самая большая опасность заключается именно в этих батареях. Какое принять решение, зависело, по его мнению, от степени срочности выполнения задач. Он считал необходимым довести количество войск до 30 тысяч, что, однако, не могло быть выполнено раньше 18-го марта. Немедленно после прибытия этих войск, Бердвуд предлагал высадить крупные силы у мыса Хеллес, сделав, в то же время, диверсию у Булаира. Бердвуд хотел продвинуться до линии Габа-Тепе—Килид-Бар. Таким образом, возвышенности на берегу пролива были бы в руках англичан и являлась бы возможность упорядочить стрельбу и по неприятельским скрытым батареям. Взгляды Бердвуда выливались в идею помочь флоту путем постепенного разрушения фортов совместными операциями армии и флота: явный отказ от первоначальной, чисто морской, операции. Возникал вопрос—удастся ли удержать высоты Ачи-Баба. По данным английской разведки, турки на полуострове располагали от 30 до 40 тысячами войск; у англичан в то время было сосредоточено около 12 тысяч человек. Но нужно иметь в виду, что туркам пришлось бы выделить часть сил для отражения демонстративной высадки у Булаира. Кроме того, на стороне англичан были все выгоды поддержки с моря крупными орудиями флота, стрельба коих действовала деморализующе на турок. Турки могли подвести подкрепление со стороны Босфора, где, по данным разведки, войска были наготове, и уже даже посажены на транспорта. Но, ведь, и англичане имели все возможности усилить свои войска: кроме частей австралийского корпуса, оставшихся еще в Египте, на пути из Англии находились части морской дивизии, а французский Генеральный Штаб телеграфировал, что дивизия, предназначенная для Салоник, будет направлена на остров Мителену. Бердвуд показал Следственной Комиссии, что высадка у Булаира или в бухте Сувла ему казалась менее выгодной, чем занятие южного носка полуострова, ибо там фланги войск были обеспечены судовым огнем. Он считал, что высоты Ачи-Баба могли бы быть заняты в три дня.

К сожалению, нет данных судить о том, насколько серьезно в то время обсуждались в Лондоне выгоды занятия южной позиции.

3-го марта. 3-го марта, когда Бердвуд отбыл в Александрию, погода изменилась; начало стихать. В распоряжении Кардена была оставлена 3-я австралийская бригада, но она только еще приблизилась к Мудросу и не была готова для немедленной высадки. К тому же, Кардену были разрешены только лишь высадки подрывных партий.

Вечером, 3-го марта, Робек предложил на следующее утро войти в пролив и покончить с фортом Массудие; форт Дарданос он считал выведенным из строя, хотя бы не надолго. Вместо этого, Карден решил высадить морскую пехоту у входа в пролив, чтобы окончательно разрушить форты Хеллес и Оркание.

4-го марта Утром, 4-го марта, стихло. Впервые после недельного перерыва, приказания о высадке не были отменены. Предполагалось свести на берег две роты морской пехоты: одну на северный берег, другую на южный. Прикрывавшие операцию суда были разделены на два отряда: „Ocean“ должен был действовать против Седд-эль-Бар, „Lord Nelson“ — против Хеллес, а „Majestic“—в бухте Морто. Суда южного берега были под непосредственным начальством Робека; „Irresistible“ должен был действовать против Кум-Калэ, „Cornwallis“—войти во внутрь и стать около устья реки Мендерэ, а „Agamemnon“ и „Dublin“—держаться около Иени-Шера. „Canopus'у“ было приказано сделать демонстрацию в районе бухты Башика (против острова Тенедос). Транспорт с морской пехотой стоял на острове Имброс. Рано на рассвете обе роты перешли с транспорта на миноносцы и были перевезены в устье пролива.

С первых шагов десанта выяснилось, что турки использовали данную им передышку и приготовились к отражению высадки. С кораблей было видно в районе Иени-Шер значительное количество войск, а также полевые и гаубичные батареи. Общий план атаки сводился к захвату и удержанию района Кум-Калэ—Иени-Шер в течение 3-х часов, пока подрывные партии уничтожат окончательно орудия фортов. Десант был встречен сильным огнем с берега, но, тем не менее, успешно высадился. Мы не будем останавливаться на подробностях этой операции. Обе роты были отбиты с потерями (20 убитых, 25 раненых, 3 без вести пропавших). По немецким данным, турки располагали на каждом берегу по батальону пехоты и по горной батареи и потеряли 6 человек убитыми и 35 ранеными. Лишь один форт мог обстреливать английские корабли, и то не долго.

Кажется несколько непонятным, почему высадка вообще была произведена. Корабли могли подойти к форту Хеллес на $1^1/_2$ каб., а к форту Оркание на 7 кабельтовых. На таком

расстояний легко было высмотреть состояние фортов и разрушить их окончательно. Непонятно также, почему бездействовавшие в этот день корабли не предприняли операции для уничтожения батарей внутри пролива.

Необходимо отметить, что в то время, как на месте участники операции все больше и больше убеждались в невозможности достигнуть успеха одними только морскими силами, английское правительство было преисполнено надеждой на скорое окончание прорыва.

Политическая обстановка.

На Балканах стали ощущаться новые веяния. Венизелос старался убедить греческого короля выступить на стороне союзников и послать одну дивизию к Дарданеллам. Болгария, как обычно, держала нос по ветру, и, казалось, ее отношения с Румынией были готовы наладиться. В первых числах марта Италия начала делать шаги навстречу союзникам; при этом решение последних начать Дарданелльскую операцию, сыграло если не решающую роль, то все-таки имело большое значение. Россия приветствовала первоначальные успехи союзного флота. 28 февраля союзное командование пригласило русских послать Черноморский флот с десантными войсками к Босфору. К Кардену прибыл русский офицер, для связи с Командующим Черноморским флотом. Русское командование официально уведомило англичан, что в Одессе и Батуме будет погружен на суда целый армейский корпус, как только союзники прорвутся через Дарданеллы. Готовность этого корпуса намечалась через две-три недели.

1-го марта Венизелос предложил послать греческий корпус в составе трех дивизий на помощь союзникам. Англичане тотчас же дали согласие. Но русское правительство категорически высказалось против участия греков в занятии Константинополя, дабы последние не могли претендовать после войны на проливы. Если бы Греция тогда приняла участие в войне, Дарданелльская операция могла принять иной оборот.

Тем не менее, Корбетт говорит, что союзные правительства были преисполнены самыми радужными надеждами; они с полной энергией занимались вопросом, как разделить шкуру убитого льва, прежде чем хорошенько обсудить средства, каким образом его убить.

На заседании 3-го марта спорили, главным образом, о будущем плане кампании совместно с Россией, после того, что проливы будут форсированы и что Дунай позволит создать новую операционную линию против центральных держав. На следующий день, Кардену были посланы инструкции, касающиеся его боевой деятельности после прорыва Дарданелл, когда он уже будет в Мраморном море; трем

первым английским мониторам „Severn", „Humber", „Mersey" было приказано приготовиться к походу на Дунай.

Взгляды Военного Совета в тот период времени выразились в инструкции Китченера, посланной генералу Бердвуду 4-го марта. В этой инструкции попрежнему господствовал взгляд, что флот, без помощи армии, сумеет пробиться в Мраморное море: прибытие туда Кардена намечалось около 20-го марта. К этому времени предполагалось сосредоточить на Лемносе более 60 тысяч войск. Разрешалось использование небольших количеств войск для десантных операций, если Карден того потребует. Операционная линия сосредоточенных на Лемносе войск была направлена прямо на Константинополь. После разрушения флотом фортов, войска должны были следовать через проливы; высадка их предполагалась севернее последних, для непосредственных операций против столицы Турции. Таким образом, войска посылались не для захвата полуострова Галлиполи, а для совместных действий с русскими войсками непосредственно против Константинополя. Новые инструкции Китченера подтверждали и дополняли таковые от 24-го февраля. Генерал Бердвуд телеграфировал в ответ, что у флота мало надежды форсировать проливы и что, даже в случае прохода военных судов в Мраморное море,—им не удастся покончить со скрытыми на берегах пролива батареями, которые потом с легкостью будут топить проходящие по проливу беззащитные транспорта. Посещение флота убедило Бердвуда в необходимости высадить войска у Седд-эль-Бара и двинуть их вперед, для уничтожения батарей с сухого пути, при помощи флота. Взгляды Бердвуда не встретили сочувствия в Лондоне. Войска на Лемносе оставались в бездействии; присутствие их лишь помогало местному немецкому командованию убеждать турок в необходимости предпринять самые энергичные меры для обороны пролива и сосредоточения там возможно большего количества войск.

Таким образом, в течение последующих двух недель, операции оказались только лишь морскими. Никаких мер к окончательному разрушению наружных фортов и к занятию для корректировки судового огня береговых высот не было предпринято.

5-го марта. 5-го марта предполагалось начать бомбардировку внутренних фортов, главная роль при этом была предназначена впервые «Queen Elizabeth». Корабль этот должен был стать на якорь у западного берега полуострова, на заранее протраленном месте, в $2^1/_2$ милях западнее Габа-Тепе, и обстрелять батареи в районе Килид-Бар. Точкой наводки для перекидного огня служил могильный памятник на вершине одной из гор, расположенной приблизительно на линии между якорной стоянкой

и батареями Килид-Бар. Вследствие большой дистанции, около 72 кабельтовых, требовалась особо тщательная корректировка стрельбы. Количество наличных гидропланов было недостаточно; поэтому, для корректировки нужно было пользоваться еще и судами, вошедшими во внутрь пролива. Однако же, суда эти не могли там стать на якорь, ввиду опасности от береговых глубин. Тогда было назначено три корабля „Cornwallis", „Irresistible" и „Canopus", которые должны были по очереди, через 12 минут один после другого, делать галсы от входа приблизительно до Эренкиой, и затем поворачивать обратно, в готовности открыть огонь против фортов Мессудие, Дарданос и т. п., если бы те проявили активность. Таким образом, корректировка должна была производиться с расстояния 7—8 миль. „Agamemnon" должен был держаться у входа, „Dartmouth" у Булаирских дорог, для наблюдения за передвижением войск, а „Prince George" находиться вблизи „Queen Elisabeth" для защиты ее от береговых батарей. Около полудня „Queen Elisabeth" сделал первый выстрел по группе фортов Килид-Бар. Корректировка стрельбы с аэропланов оказалась невозможной: на первом из них был поврежден двигатель, и он с высоты 900 метров упал в море и разбился. На втором гидроплане летчик был ранен и должен был вернуться; третий летчик поднялся, когда стрельба уже была кончена. В „Queen Elizabeth" было 17 попаданий, несмотря на то, что находившиеся при ней корабли делали все, что от них зависело, для уничтожения стрелявших полевых батарей: они, вероятно, были привлечены тральными работами. После 18 пристрелочных залпов, „Queen Elizabeth" положил следующие 10 снарядов в форт Румели и затем перенес огонь на форт Намазие. Условия видимости становились, однако же, все хуже. После пяти выстрелов в форт Намазие пришлось прекратить огонь. Повреждения на турецких фортах оказались незначительными: разрушена казарма и повреждено одно 24-см. орудие. В суда, входившие для корректировки стрельбы в пролив, попаданий не было.

Опыт этого дня показал, что нельзя менять во время стрельбы корректирующих артиллеристов: это сильно сказывалось на стрельбе „Queen Elizabeth". Кроме того, выяснилась необходимость в замене гидропланов аэропланами, т. к. первые не могли подняться достаточно высоко, чтобы избежать ружейного и пулеметного огня.

6-го марта. На следующий день опыт был повторен, но, для наблюдения, в пролив был послан один корабль „Albion", который должен был держаться в мертвом пространстве под северным берегом. Три линейных корабля были посланы в пролив для прикрытия

„Albion'a“. „Queen Elizabeth“ должна была обстреливать форт Чеменлик на азиатском берегу.

Корректировка стрельбы оказалась крайне затрудненной из-за сильного огня береговых батарей; „Albion“ доносил, что всплески снарядов вокруг него не дают возможности корректировать. Как только „Queen Elizabeth“ стал на якорь, он тотчас же попал под сильный обстрел гаубичных батарей. Корабль переменил место, но через час попал, как думали англичане, под обстрел другой гаубичной батареи: на самом деле стрелял турецкий броненосец „Барбаросса-Хайредин“. Участие этого корабля тщательно скрывалось, дабы англичане думали, что имеют дело только лишь с гаубицами. „Queen Elizabeth“ отошел еще дальше, увеличив расстояние от цели до 100 кабельтовых. Однако, к этому времени видимость настолько испортилась, что пришлось стрельбу прекратить. Черчилль и Корбетт утверждают, что, по турецким данным, опубликованным после войны, 5 и 6 марта было 11 попаданий в Румели и 7 — в Намазие. „Барбаросса“ выпустил 20 снарядов с расстояния 77 кабельтовых.

Ночью тральщики снова пробовали тралить пролив. Они были встречены столь сильным огнем, что и на этот раз не могли работать.

Результаты этих двух дней были для англичан неудовлетворительны. Карден просил разрешения послать „Queen Elizabeth“ в пролив; Адмиралтейство ответило согласием, но требовало исключительных мер для безопасности этого ценного корабля.

7-го марта. На следующий день внутрь пролива были посланы „Lord Nelson“ и „Agamemnon“. Они должны были покончить с Румели и взяться за Гамидие. Четыре французских линейных корабля составляли прикрытие. Оба названные выше английские корабля оставались на ходу и описывали треугольники. Румели и Гамидие отвечали лишь временами. „Agamemnon“ получил 8 попаданий, „Nelson“—7. Стрельба продолжалась с 12 час. 30 мин. до 3 час. 10 мин. В течение последних 27 минут форты не отвечали, почему англичане сочли их разрушенными и отошли. Гамидие получил 14 попаданий. Потерь в людях не было, равно как и повреждений, не считая разрушенной ранее казармы. Форт стрелял в три приема, в первый раз в течение 13 мин., второй раз—4 мин. и третий раз—2 мин., с расстояния от 72 до 77 кабельтовых. Было выпущено 4—35,5-см. снарядов и 17—24-см. снаряда. Промежутки стрельбы были вызваны тем, что англичане заходили в мертвые углы, или же отходили слишком далеко. Данных о форте Румели не имеется.

В этот день „Dublin“ обстреливал укрепления Булаира. Ночью французские тральщики сделали попытку тралить заграждения у Кефеца, но тоже безуспешно.

8-го марта. На рассвете 8-го марта турецкий пароход, незамеченный союзниками, поставил 26 мин заграждения в бухте Эренкиой, в районе, в котором часто наблюдались английские суда. В ту же ночь старый турецкий миноносец „Демир—Хисар“ (97 тонн) незаметно вышел из пролива и пытался найти и атаковать у Тенедоса английские корабли; встреченный дозорами, он уклонился от последних и прошел в залив Смирну. В ночь на 11 марта этот же миноносец сильно повредил торпедой английскую авиоматку „Анна-Рикмерс“.

В Дарданеллах положение оставалось все тем-же; не было сомнений в том, что более энергичные меры совершенно необходимы. Пришлось убедиться, что если форты молчат, то это не значит, что они выведены из строя: комендоры временно уходили под прикрытие с тем, чтобы вернуться к орудиям, когда представится возможность успешной стрельбы. Карден решил послать „Queen Elizabeth“ во внутрь пролива, надеясь, что крупные орудия этого корабля смогут более успешно бороться с батареями. „Queen Elizabeth“ должен был держаться середины пролива и начать стрельбу по форту Румели; покончив с ним, перенести огонь на Гамидие I, затем на Гамидие II и Намазие и закончить день разрушением форта Чеменлик. Четыре линейных корабля должны были держаться около „Queen Elizabeth“ (два на траверзе и два на крамболе), чтобы защищать ее от береговых батарей.

Серьезные затруднения начали возникать из-за недостатка боевого запаса.

Карден перенес свой флаг на „Queen Elizabeth“. Однако, англичанам опять не повезло в отношении погоды; видимость была настолько плоха, что цель едва можно было различить; корректировка стрельбы являлась невозможной. Облака шли очень низко; поэтому гидропланы не могли быть использованы. „Queen Elizabeth“ выпустил за три галса 11 залпов по Румели, после чего огонь пришлось прекратить.

Выводы за 3 недели. За три недели (из четырех, предположенных Карденом) не удалось осуществить еще и 2-ой фазы его плана операции. Продолжать дальше таким образом казалось бесполезным. Карден доносил, что необходима более действительная воздушная разведка; пока скрытые на берегу промежуточные батареи не будут обнаружены, борьба с ними невозможна: стрельба этих батарей становилась лучше с каждым днем. До прибытия аэропланов, он считал продолжение операции невоз-

можной. Независимо от трудности корректировки, стрельба на дальних расстояниях сама по себе не могла дать хороших результатов. Для действительно точной стрельбы необходимо подходить близко к фортам, а это невозможно, пока минные поля не протралены. Карден намеревался послать тральщиков ночью, при поддержке нескольких линейных кораблей.

Адмиралтейство известило Кардена, что французская дивизия выйдет из Бизерты в 2 приема, 10-го и 13-го марта, а английская морская дивизия прибудет на Лемнос 12-го: туда же, в течение ближайшей недели, будут перевезены из Египта австралийские войска. Если этих войск окажется недостаточным для овладения необходимыми для корректировки стрельбы высотами в южной части полуострова, то их предполагалось использовать для операций либо у Александреты, в связи с начавшимися операциями англичан в Персидском заливе, либо в Смирнском заливе, где опасались устройства базы для немецких подводных лодок.

10-го марта. 10-го марта Китченер заявил в Военном Совете, что находит военное положение на французском фронте достаточно обеспеченным, чтобы послать в Дарданеллы XXIX дивизию. Таким образом, решение, принятое 16-го февраля и отложенное 20 февраля, вошло в силу 10-го марта. Три недели драгоценного времени было потеряно. Войска, которые фактически могли выйти 22-го февраля, не были отправлены до 16-го марта.

Упомянем кратко обстановку на сухопутных фронтах. На западном фронте союзники не были еще достаточно сильны, ни в отношении количества войск, ни в отношении боевых запасов, чтобы начать намеченный прорыв германского фронта; но, в то же время, они были достаточно сильны, чтоб не бояться прорыва своего фронта. Верховное Командование во Франции, однако, не соглашалось с этой точкой зрения. Френч 10-го марта хотел начать энергичные операции в районе Neuve Chapelle. Операции эти были необходимы, чтобы не позволить немцам перебрасывать войска на русский фронт и чтобы оживить боевой дух своих войск, застывших в обороне. В результате начатых операций, союзникам пришлось окончательно убедиться в невозможности прорвать фронт.

Причины, по которым Китченер изменил свои взгляды, остаются невыясненными. Возможно, что на решимость его повлияла возможность крупной наступательной операции против Австрии, благодаря обещанию русских послать к Босфору целый армейский корпус. Конечно, при таких условиях, немцам пришлось бы сосредоточить все силы на востоке, и решительных операций с их стороны нельзя было ожидать на западном фронте. Понятно, что никогда серьез-

ность операции против Дарданелл не оценивалась так высоко, как именно в те дни.

Китченер заявил, что союзники будут располагать нижеследующими силами:

Английская Морская Дивизия . . .	11.000 чел.	6	орудий
Австралийская пехота	34.100 „	76	„
XXIX дивизия	18.000 „	56	„
Французская дивизия	18.000 „	40	„
Русский корпус	47.600 „	120	„
Всего . . .	128.700 чел.	298	орудий

По данным разведки, турки могли выставить в Дарданеллах только лишь 60.000 человек, а в районе Константинополя—120.000.

10-го марта Карден получил новые инструкции, которые обязывали его принять самые энергичные меры для достижения цели, не останавливаясь перед риском потерять несколько кораблей. Адмиралтейство требовало, чтобы ближайшая подходящая погода была использована для самых решительных операций; под прикрытием судового огня следовало высадить подрывные партии, а также сделать все, что возможно, для очистки минных полей.

Карден тогда же вновь телеграфировал Адмиралтейству, что главная трудность заключается в невозможности подойти достаточно близко к фортам для их окончательного разрушения, из-за минных полей и защиты их подвижными батареями, и что каждую ночь делаются попытки тралить эти поля. 9-го марта корабли обстреливали Кум-Калэ и мост через реку Мендерэ, чтобы не дать возможности туркам вновь занять оставленные ими форты. Ночью снова была сделана попытка траления, но опять безуспешно.

Дневные операции в этот промежуток времени сводились, главным образом, к обстрелу турецких фортов с западной стороны Галлипольского полуострова.

В ночь на 10-е марта были сделаны первые попытки траления в более крупном масштабе и по новому плану. Предшествовавшие неудачи показали, что слабые машины тральщиков не могут справиться с сильным течением. Тральщикам теперь было приказано пройти выше первого заграждения, там завести тралы и начать траление, идя вниз по течению. Тральщикам удалось это сделать, но одна из затраленных мин взорвалась вблизи парохода, и последний затонул. Турки заметили взрыв, открыли прожектора, и тотчас же тральщики оказались под дождем снарядов. Сопровождавшие тральщиков „Canopus“ и „Amethyst“ открыли сильный огонь по прожекторам и батареям, но огонь послед-

них все усиливался; в два тральщика были попадания 6-дюйм. снарядами. Пришлось бросить тралы и отступить.

На следующую ночь операция была повторена, но также безуспешно. Команда тральщиков, состоявшая из рыбаков, мобилизованных во время войны, отказывалась работать. Карден об них доносил, что „команды не боятся мин заграждения, но не желают выносить орудийного огня".

Тогда было решено укомплектовать тральщики добровольцами с военных судов.

Адмиралтейство, под впечатлением, что Карден действует недостаточно энергично, послало ему вторую телеграмму с требованием продолжать работы днем и ночью, не боясь потерь; его известили, что немецкие офицеры доносят о нехватке боевых запасов и что одна немецкая подводная лодка уже на пути в Дарданеллы; требовалось не терять ни минуты времени; в распоряжение Кардена посылались два последних линейных корабля из состава флота Канала, „Queen" и „Implacable", под флагом контр-адмирала Терсби. Далее Карден извещался, что командовать сухопутными войсками назначен генерал Гамильтон, который должен прибыть 16-го марта. Кроме того, посылались 14 аэропланов, под начальством Самсона, отличившегося при корректировке стрельб английских судов по Фландрскому побережью. Французы обещали перевести 6 эскадрилий аэропланов из Египта. Как видно, английское командование решило, со своей стороны, принять энергичные меры, чтобы ускорить операции.

Карден был так уверен в скором успехе, что просил сделать высадку войск как можно скорее, дабы „обеспечить его сообщения тотчас же после того, что суда войдут в Мраморное море".

14-го марта Карден решил предпринять последнюю попытку ночного траления. В случае неудачи, он решил работать и днем.

Первый опыт траления с командами из добровольцев был выполнен доблестно. Когда тральщики вышли в световую преграду, батареи по ним открыли жестокий огонь, тем не менее, они смело шли вперед и достигли намеченной точки. На двух тральщиках все матросы, работавшие на верхней палубе, были ранены или убиты: на других — повреждения настолько серьезны, что только двум удалось завести тралы. Несколько мин было уничтожено. Все 7 тральщиков вернулись, но потери в людях были очень велики; четыре тральщика были выведены из строя.

Карден окончательно решил отказаться от ночного траления и донес в Лондон, что впредь будет тралить днем, под прикрытием крупных судов, и просил о высылке быстроходных тральщиков. Адмиралтейство немедленно выслало

30 самых быстроходных рыболовных пароходов из Англии и перевело из Египта, для траления, несколько миноносцев; до того они были заняты дозорной службой в Суэцком канале.

Карден решил начать окончательную атаку 17 марта, но 16-го он заболел, и в командование вступил младший флагман Робек, произведенный в вице-адмиралы. Адмиралтейство не хотело связывать нового Командующего мнениями его предшественника и запросило согласен ли он с планом предстоящей атаки; в противном случае ему было предложено откровенно высказать свое мнение. Робек ответил, что он с Карденом совершенно согласен и надеется начать атаку на следующий день.

Бомбардировка 18-го марта. В середине марта организация Дарданельских морских сил была несколько изменена:

I Дивизия.

1 бригада:	**2 бригада:**
«Queen Elizabeth»,	«Agamemnon»,
«Inflexible».	«Lord Nelson».

II Дивизия.

3 бригада:	**4 бригада:**	**5 бригада:**
«Ocean»,	«Swiftsure»,	«Canopus»,
«Irresistible»,	«Majestic».	«Cornwallis».
«Albion»,		
«Vengeance».		

III Дивизия.

6 бригада:	**7 бригада:**
«Suffren»,	«Triumph»,
«Bouvet»,	«Prince George».
«Gaulois»,	
«Charlemagne».	

Бомбардировка 18-го марта. Общая идея плана атаки была следующая: (см. чертеж 19). Суда должны были занять для бомбардировки внутренних фортов две линии. Линию А занимали суда первой дивизии; они должны были стрелять на пределе дальности фортов, с расстояния 70 кабельтовых. Им было приказано разрушить форты Гамидие II, Намазие, Гамидие I и Чеменлик. Суда 6 бригады (французские) должны были первоначально держаться за 1-й дивизией, на расстоянии 80 кабельтовых: как только первой дивизии удастся ослабить огонь главных фортов, французы должны были пройти в интервалы между судами и открыть огонь по фортам с расстояния 40 кабельтовых. За ними первая дивизия должна была продвинуться вперед до расстояния 60 кабельтовых.

Воздушная разведка донесла, и агентурные сведения подтвердили, что 6 главных фортов теперь были вооружены 42 орудиями калибром 8 дюймов и выше; из них 6—14-дюймовых; число орудий в промежуточных батареях, а также

Черт. 19. Атака Дарданелл 18 марта 1915 г. (название и вооружение батарей см. стр. 149).

гаубиц и полевых пушек, было значительно увеличено. Если бы огонь фортов не удалось ослабить, то французским судам надлежало делать галсы кругом судов первой линии, оставаясь таким образом все время на ходу. После 4-х часов

боя, французы должны были быть сменены 3-й и 4-й бригадами. Фланговым судам обоих линий было приказано, кроме того, стрелять по промежуточным гаубичным и полевым батареям, а средним судам второй линии—по батареям, защищавшим минные поля. Робек считал возможным, что траление начнется через 2 часа после начала бомбардировки. Тральщикам надлежало протралить фарватер в расстоянии $4^1/_2$ кабельтовых от мыса Кефец в бухту Сари-Сиглар; войдя в эту бухту, линейные корабли должны были прикончить форты с близких расстояний. Обоим кораблям 5-й бригады поручалось идти с тральщиками. Чтобы отвлечь внимание защитников, предполагалось сделать демонстративную высадку с 7 транспортов на западный берег Галлипольского полуострова; „Dublin'у“ была поручена демонстрация в бухте Башика.

Корректировка стрельбы намечалась исключительно только с аэропланов; через каждый час должен был подниматься один аэроплан. Для расстреливания плавучих мин, каждый линейный корабль должен был иметь спущенной вооруженную судовую шлюпку.

Таков в общих чертах был план атаки.

Погода 18-го марта была исключительно благоприятная, дул южный бриз, небо—безоблачно. Рано утром английские тральщики донесли, что ночью не обнаружили мин между Белым мысом и бухтой Кефец, т. е. до расстояния 40 кабельтовых от узкости; французские тральщики обследовали пролив от входа до Белого мыса.

В 8 час. 15 мин. флот снялся с якоря и в 10 ч. 30 м. вошел в пролив, имея впереди тралящие миноносцы. Через полчаса первая дивизия заняла указанное ей место и открыла огонь, находясь под сильным обстрелом гаубичных батарей. Около Чанака были видны: коммерческий корабль, два небольших буксира и один миноносец. Гаубичный огонь оказался более сильным, чем когда-либо. „Queen Elizabeth“ стрелял по Гамидие I, „Agamemnon“ по Румели, „Lord Nelson“ по Намазие, „Inflexible“—по Гамидие II. Главные форты не отвечали, а промежуточные проявляли все больше и больше активности. Около полудня „Queen Elizabeth“ заметил двойной взрыв на форту Чеменлик.

В 12 ч. 6 м. Робек сделал сигнал французской дивизии выйти вперед и открыть огонь с более близких расстояний. Огонь скрытых батарей и гаубиц становился все более и более метким, хотя до полдня в суда не было серьезных попаданий. Около 12 ч. 45 м., одна из 6 дюймовых гаубичных батарей сосредоточила огонь по „Agamemnon“у. В течение 25 минут в последний было 12 попаданий: 5 в броневой пояс и 7 выше. Чтобы сбить стрельбу батарей, командир развернулся на 32 румба и занял вновь свое место. Бли-

жайший к азиатскому берегу „Inflexible“ сильно страдал от батарей около Эренкиой; в него было 3 попадания, а в 12 ч. 30 мин. на переднем мостике возник пожар; стоявшая у борта вооруженная шлюпка была потоплена. „Inflexible“ пришлось отойти. Лишь через 2 часа он смог занять вновь свое место.

Вышедшие вперед французские суда попали под сильный огонь с берега. Тем не менее, они заняли позицию в 50 кабельтовых от главных фортов.

Воздушная разведка донесла, что Дарданос и Чеменлик покинуты своими командами, а все остальные форты стреляют. Около 1 ч. 45 мин., турецкий огонь ослабел настолько, что Робек счел своевременным выслать вперед тральщики и протралить путь, чтобы можно было подойти на более близкое расстояние. Несмотря на серьезные попадания в суда, в то время казалось, что день кончится успешно для союзников.

Около 2-х часов, рядом с „Bouvet“, был замечен сильный взрыв и тотчас же за ним второй. Когда дым рассеялся, видно было, что у „Bouvet“ значительный крен. Через две минуты он перевернулся и пошел ко дну. Тотчас же к месту гибели подошли миноносцы и две судовые шлюпки, а также „Agamemnon“ и французские суда. Удалось спасти лишь горсть людей.

На смену французам вышли „Ocean“, „Vengeance“, „Albion“ и „Irresistible“; державшиеся на флангах „Prince George“ и „Triumph“ были сменены кораблями „Swiftsure“ и „Majestic“. Корабли эти открыли огонь в 2 час. 39 мин. с расстояния 60 кабельтовых и подошли к фортам на 53 кабельтова. Их средняя артиллерия стреляла по береговым батареям, открывшим огонь по шлюпкам, занятым спасанием команды „Bouvet“. Форты отвечали не энергично, лишь форт Гамидие I развил сильный огонь.

В 3 ч. 14 м.—сильный взрыв около „Irresistible“. Через четверть часа на нем замечен крен. Форты продолжали стрелять все так же энергично, поэтому Робек приказал кораблям увеличить расстояние.

Форты прекращали, время от времени, огонь; было ясно, однако, что они не выведены окончательно из строя. Как потом выяснилось, судовые снаряды поднимали облака дыма и песку, загрязнявшие каналы орудий; требовалось значительное время, чтобы их прочищать и вводить орудия вновь в действие.

Тральщики завели тралы, но уже на линии „А“ в тралах взорвалось 3 мины. Еще одна мина была затралена недалеко от места гибели „Bouvet“, и еще две других всплыли на поверхность и были расстреляны с „Ocean“, „Agamemnon“

и со шлюпок. Кроме того, одна плавучая мина была обнаружена на линии „А“ и там же расстреляна.

Как только поврежденный „Inflexible“, потушив пожар и справившись с пробоиной, вступил в свое место (на линии А), он коснулся мины, справа, в носовой части. Корабль начал садиться носом. „Inflexible“ было приказано идти на Тенедос. Вода все время прибывала. Положение крейсера стало настолько критическим, что раненые были посажены на катера.

У английского командования первоначально создалось впечатление, что турки пустили по течению плавучие мины с судов, замеченных утром в районе Чанака. Около 4 час. 15 мин. на „Irresistible“, дрейфовавшем по течению, чтобы увеличить расстояние, произошел взрыв; капитан сначала думал, что в его корабль попала торпеда, но потом убедился, что это была мина заграждения; правое машинное отделение наполнилось водой чрезвычайно быстро; только 3 человека успели выбежать наверх; диаметральную переборку выпучило; вода быстро заполнила и левое машинное отделение. Корабль получил крен и сел кормою, неприятель усилил по нем огонь. Несмотря на это, истребитель „Wear“ и вооруженная шлюпка немедленно подошли для оказания помощи. Не зная причины аварии, Робек послал „Ocean“, чтобы отбуксировать поврежденный корабль. Остальные суда усилили сколь возможно огонь по фортам. Командир „Irresistible“ убедился, что спасти корабль нельзя и решил его покинуть. Корабль в это время был накрыт градом снарядов. Тем не менее, истребителю удалось снять 28 офиц. и 582 чел. команды. Лишь 10 добровольцев осталось на палубе, чтобы подать буксир на „Ocean“. Около 4 ч. 50 мин. „Wear“ вернулся к флагманскому кораблю, и только теперь Робек узнал, что причина аварии „Irresistible“ —мина заграждения. Он немедленно сделал сигнал передней линии отойти. В 5 час. 10 мин. команда поврежденного корабля перешла на флагманский корабль; адмирал приказал истребителю идти к „Ocean“ и передать приказание отойти от „Irresistible“, если отбуксировать его окажется невозможным. Крен поврежденного корабля увеличивался все больше и больше; „Irresistible“ находился близко у берега, носом к последнему; подать буксиры было почти невозможно. Поэтому командир „Ocean“ решил снять оставшихся людей и отойти. В 5 час. 50 мин. „Irresistible“ был брошен в 50 кабельтовых от форта Румели. Надеялись ночью подойти на тральщиках и миноносцах и попытаться его отбуксировать. Когда Робек узнал, что „Irresistible“ оставлен, он дал отбой и приказал судам вернуться на Тенедос.

Обнаруженное неожиданно турецкое минное заграждение не дало возможности оставить крупные суда на ночь

в проливе для прикрытия тральщиков; таким образом, от ночного траления пришлось отказаться. В 6 час. 5 мин. отходивший „Ocean“ также нарвался на мины, и одновременно в корабль попал снаряд; несколько угольных ям и рулевое отделение заполнились водой. Корабль быстро накренился на 15°. Положение было столь критическим, что командир „Ocean“ подозвал 3 проходивших истребителя, чтобы снять команду. „Ocean“ в это время находился более или менее на середине пролива.

Ночью, командиры кораблей „Ocean“ и „Irresistible“ пошли в пролив, чтобы попытаться выбуксировать оба корабля. Однако, их не удалось найти. По турецким данным известно, что „Ocean“ отнесло в бухту Морто, где он потонул в 10 час. 30 мин. вечера. „Irresistible“ попал в прибрежное контр-течение, был отнесен в район обстрела средних фортов, которые потопили его в 7 час. 30 мин. вечера.

„Inflexible“ благополучно добрался до Тенедоса под своими машинами; там пробоину временно заделали, после чего крейсер был отведен на Мальту. „Suffren“ и „Gaulois“ пришлось также ввести в док; на „Suffren'е“ оказалась большая пробоина от снаряда, а „Gaulois“ был поврежден настолько серьезно, что его, после боя, пришлось поставить на мелкое место около острова Рабит.

Лишь позднее англичане узнали, что турки 8-го марта ночью выставили минное заграждение из 20 мин., в бухте Эренкиой, параллельно берегу. Мины эти были поставлены в районе обычного маневрирования английских судов.

День 18-го марта кончился жестоким поражением: из 16 кораблей, участвовавших в бою, 3 потонуло и 3 других, в их числе единственный линейный крейсер, надолго выведены из строя. Таким образом, союзный флот в один день лишился трети своих крупных судов. Естественно, возник вопрос, следует ли продолжать операцию? Лишь значительно позднее англичане узнали, что и турецкие форты находились в крайне тяжелом положении. Корбетт говорит, что у них оставалось в среднем по 70 снарядов на каждое тяжелое орудие. На самом деле, по немецким источникам, это было не так: на каждое 35,5 см. орудие оставалось 8 новых и 38 старых снарядов, а на каждое 24-см. орудие — по 12 новых и 50 старых снарядов. Потери в личном составе не упоминаются Корбеттом; по английским неофициальным источникам [1]), англичане потеряли убитыми 61 чел.; потери французов были значительно серьезнее, ибо на одном „Bouvet“ погибло свыше 600 чел.

---

[1]) Nevinson, The Dardanelles Campaign 1918.

Повреждения фортов.

Потери защитников незначительны: убито 21 турок и 3 немца, ранено 61 турок и 18 немцев. На форту Гамидие I и Чеменлике были приведены в негодность станки двух 24-см. орудий; на Гамидие II было выведено из строя оба 35,5 см. орудия, на форту Намазие—одно 21-см. орудие; через несколько недель эти орудия были вновь в боевой готовности. Снаряды судовых орудий ложились, по германским данным, в общем хорошо: земляные укрепления, бараки и палатки вблизи фортов сильно страдали. На Гамидие I и на Дарданосе был сосредоточен более сильный огонь; на Гамидие I насчитали 36 попаданий в непосредственной близости от орудий; три—38-см. снаряда пробили траверзы; на Дарданосе был убит батарейный командир; эта батарея особенно сильно страдала от засыпания орудий песком; для отчистки последних требовалась многочасовая работа.

Крупных снарядов было израсходовано:

на Гамидие I	. . . . .	79 выстрелов
„ Румели	. . . . .	93 „
„ Намазие	. . . . .	33 „

Гамидие II, повидимому, не было сделано ни одного выстрела, так как орудия были повреждены в начале боя;

на Дарданосе	. . . . .	115 выстрелов
„ Бейкуше	. . . . .	108 „

Гаубичные батареи израсходовали всего от 1.500 до 1.600 выстрелов и, по немецким данным, получили 139 попаданий.

На английских судах, кроме указанных выше, повреждения были в общем незначительны, не считая поврежденного на „Agamemnon“ 30,5 см. орудия, выведенного на „Nelson“ из строя 23,4 см. орудия, и на „Albion“—выведенной из строя передней башни.

Турецкое командование [1]) было уверено, что атака продолжится на следующий день и считало прорыв английских судов весьма возможным, ввиду того, что новых снарядов на крупные орудия оставалось слишком мало. Турки считали возможным, что англичане пошлют впереди своих кораблей пароходы, которые должны будут взрывать своими корпусами мины, дабы очистить проход через заграждение большим кораблям; они думали, что англичане, таким образом, смогут прорваться мимо главных фортов, разрушить их

[1]) См. заметки начальника штаба адмирала Узедома, Schneider'a «Die Deutsche Marine in den Dardanellen».

окончательно обстрелом с тыла и в ту же ночь высадить десант около Чанака и Килид-Бара. Турки, на основании агентурных сведений, считали, что на Лемносе 25 тысяч войск; этого количества было достаточно, чтобы опрокинуть слабый гарнизон крепости. Прорвавшись в Мраморное море, Робек мог, совершенно безопасно для себя, уничтожить укрепления Босфора с тыла, из бухты Терапия, и затем соединиться с русским флотом.

Корбетт говорит, что вероятность пройти благополучно через минные заграждения, состоявшие из 350 мин, была около 0,07%; другими словами—из 16 кораблей мог бы пройти в Мраморное море только один корабль. Бой показал, что турецкие мины были достаточно сильны, чтобы от взрыва одной мины тонул старый корабль.

18 марта окончательно убедило союзников в невозможности прорыва через Дарданеллы без содействия сухопутных сил. В дальнейшем, Дарданелльская операция превращается в десантную и будет изложена в следующей части этого труда.

Артиллерийское вооружение Дарданелльских укреплений

(по Corbett, том II, см. черт. 19).

Курсивом обозначены батареи, оборудованные после начала войны до 18 марта 1915 г.

НАРУЖНЫЕ БАТАРЕИ:

Европейский берег.		Азиатский берег.	
№ 1. Хеллес	2—24-см/35.	№ 4. Оркание	2—24-см/35.
№ 16. Текке-Бурну	4—12-см. гаубицы.	№ 6. Кум-Калэ	2—28-см/22.
№ 3. Седд-эль-Бар	2—28-см/22.		2—26 » »
	2—26 » »		2—24 » »
	2—24 » »		1—21 » »
	1—8,8 см.		1—15 » »
			1—15 » »

ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ БАТАРЕИ:

Европейский берег.		Азиатский берег.	
№ 7g. *Гаусмар*	*4—12-см. осадн.*	№ 8. Дарданос	2—15-см/40.
7f. Кум-Бурну	6—4,7-см. гаубицы.		3—15 » »
7e.	*4—12-см. осадн.*	№ 8a. Кефец	3—7,5 » /40.
7d. *Мун-и-Даффер*	*4—7,5 см./30.*		3—5,7 » »
6c. *Зуандере сев.*	*3—10,5 см./45.*	№ 8b. »	4—8,7 » полев.
7b. » зап.	*4—12-см. осадн.*	№ 8c. *Мессудие*	4—7,5 »
7a. *Зуандере*	*4—8,8 см./30.*	*Ак-Тепе*	6—5,7 »
	4—7,5 полев.	№ 8d.	4—7,5 » полев.
7 *Мессудие*	*3—15-см./45.*	№ 8e. *Джевад-Паша*	*3—15-см./26.*
M 15. *Южн. Зуандере*	*6—15-см. мортир.*	№ 44. *Карантина*	*4—21-см. морт.*
M 14. *Сев. Теккир-Дере*	*4—12-см. гаубицы.*	№ 44a. »	4—15-см. гауб.
M 13. *Южн. Теккир-Дере*	*6—21* » »	№ 45. *Чамлик*	4— » » »
M 12. *Комак-Теккир-Дере*	*6—15* » »	№ 46. »	4—21 » »
M 10. *Комак-Дере*	*4—21* » »	№ 47. *Коя-Дере*	*4—15* » »
M 3. *Керевец-Дере*	*6—15* » »	№ 53b. *Ин-Тепе*	*4—15* » »

ВНУТРЕННИЕ БАТАРЕИ:

Европейский берег.		Азиатский берег.	
№ 22. Дерма-Бурну	6—24-см/22.	№ 33. Нагдра	2—26-см/22.
№ 17. Намазие	1—28 » /22.		5—24 » »
	1—26 » »		5—15-см/26.
	9—24 » »	№ 24. Анодолу	3—28-см/22.
	2—24-см/35.	Меджидие	4—26-см/22.
	3—21-см/22.		2—24 » »
	3—15-см. гаубицы.		2—21 » »
№ 16. Гамидие II	2—35,5 см/35.		3—15 » »
№ 13. Румели-Меджидие	2—28-см/22.	№ 23. Меджидие-Аван	6—21-см. мортиры.
	4—24-см/35.	№ 20. Чеменлик	1—35,5-см/35.
№ 9. Ильдиз	6—15-см/26.		1—35,5-см/22.
			1—24-см/35.
			1—21-см/35.
			4—15-см. гаубицы.
		№ 19. Гамидие I	2—35,5 см/35.
			7—24 » »

Часть II.

Галлипольская десантная операция.

Накануне неудачной для англичан бомбардировки Дарданелльских укреплений, 18-го марта на Лемнос прибыл генерал Гамильтон, назначенный командовать англо-французскими десантными войсками. Назначение Гамильтона состоялось при следующих обстоятельствах: 12-го марта Китченер пригласил его к себе и сообщил о назначении его командующим союзными десантами в Дарданеллах. До того они виделись в течение шести месяцев почти ежедневно; Китченер дважды намекал Гамильтону, что возможно назначение последнего на Салоникский фронт, но ни разу не упомянул о Дарданеллах. Ни начальник Генерального Штаба, ни другие лица, близко стоявшие к Китченеру, не знали, что это назначение предполагается. Гамильтон должен был уехать на следующий день, будучи совершенно не подготовленным к операции и не имея возможности оказать какого бы то ни было влияния на подготовительные работы по снаряжению войск, их погрузке на транспорты и т. д. Miles, в своем труде о Дарданеллах, пишет, что „вся экспедиция с самого начала походила на прижитого ребенка, назойливого в своих требованиях, постоянно вызывающего к себе заботы и надоедливого уже одним фактом своего существования". Гамильтон, в своих примечаниях к труду Miles, считает эту характеристику совершенно точной [1]).

Инструкции Гамильтону. Иструкции, данные Гамильтону Китченером, сводились, в общих чертах, к следующему:

1) применение сухопутных сил в широком масштабе для операций на берегу допускается только в том случае, если флот, исчерпав все свои усилия, потерпит неудачу при проникновении через пролив;

2) прежде чем приступить к выполнению каких-либо серьезных операций на Галлипольском полуострове, необхо-

---

[1]) Мы упоминаем здесь об этих обстоятельствах, чтобы показать, насколько вся подготовка к Галлипольской операции,—этой величайшей по своим масштабам десантной операции,—имела случайный характер.

димо все сухопутные силы, предназначенные для операции, сосредоточить таким образом, чтобы можно было их бросить в дело все сразу;

3) раз операции начнутся, то уже не может быть мысли об отступлении. Форсирование пролива потребует терпения, времени и методически согласованных действий морского и сухопутного командования. Самое главное — избежать поражения, которое поставило бы в компрометирующее положение шансы союзников на стратегический и политический успех.

4) Разрешаются малые операции, имеющие целью очистить участки, занятые турецкой артиллерией, беспокоющей флот, или же разрушение фортов, уже приведенных флотом к молчанию. Такие операции должны быть ограничены в применении сил и, насколько это осуществимо, не должны переходить в продолжительную оккупацию частей Галлипольского полуострова.

17-го марта к месту операций прибыл последний эшелон французской дивизии, под начальством генерала д'Амад.

Первое совещание Гамильтона с Робеком, а также личная рекогносцировка первого убедили его в невозможности справиться средствами одного только флота с подвижными батареями, скрытыми на побережьи Дарданелл, и в необходимости высадки большого числа сухопутных войск для помощи флоту. Сделать это немедленно оказалось невозможным.

Транспорты в Англии были погружены наспех, без всякой системы; необходимо было предварительно с них все выгрузить и вновь погрузить.

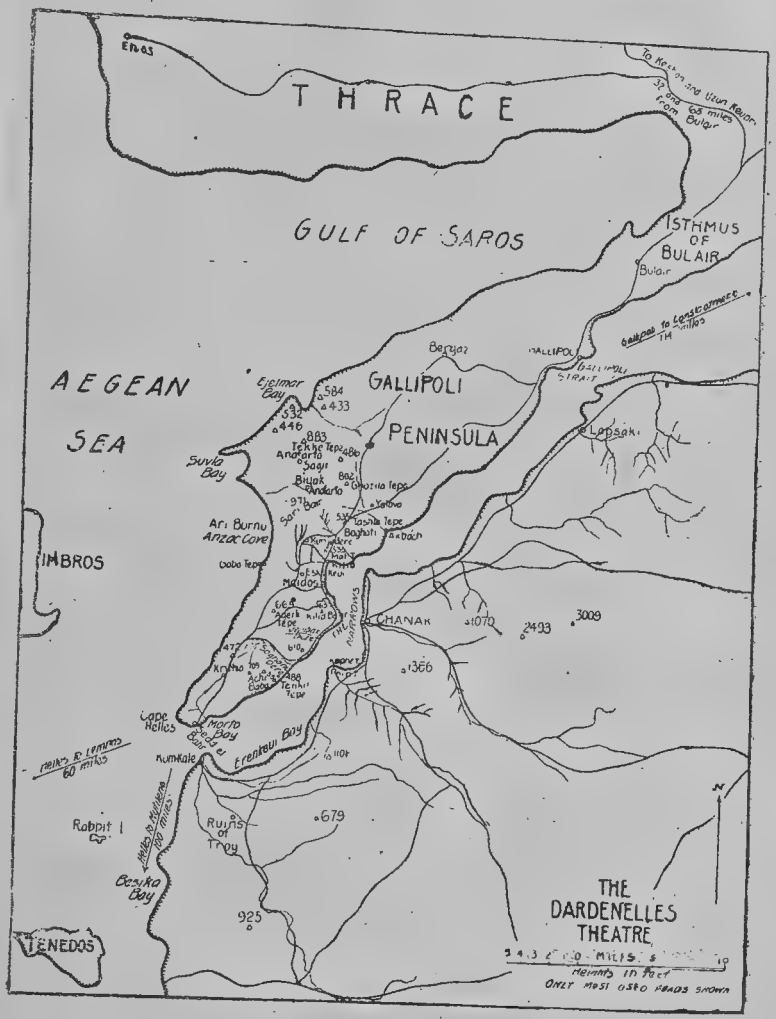
Случай чрезвычайно поучительный.

Высадка десанта считается одной из самых трудных операций в военном деле. Но для успешной высадки, конечно, прежде всего необходима тонко продуманная посадка.

Французы были в этом отношении не в лучшем положении; и для них требовалась основательная реорганизация погрузки транспортов. После ряда совещаний старших сухопутных и морских начальников, было решено все транспорты отправить в Александрию, так как на Лемносе, в новой маневренной базе союзного флота, не было ни пристаней ни выгрузочных средств, чтобы быстро произвести эту работу. О необходимости перегрузки транспортов, генерал Максвель доносил неделей ранее, но решение вопроса было отложено до прибытия Гамильтона.

19-го марта, на следующий день после неудачной бомбардировки, в Лондоне собрался Военный Совет. В Адмиралтействе сначала создалось мнение, что морские операции должны продолжаться, несмотря на тяжелые потери.

Черчилль показывал впоследствии следственной комиссии, что ему ни на минуту не приходила в голову возможность не продолжать операции в тех пределах, в которых было решено



Черт. 20. Общий вид Дарданелл.

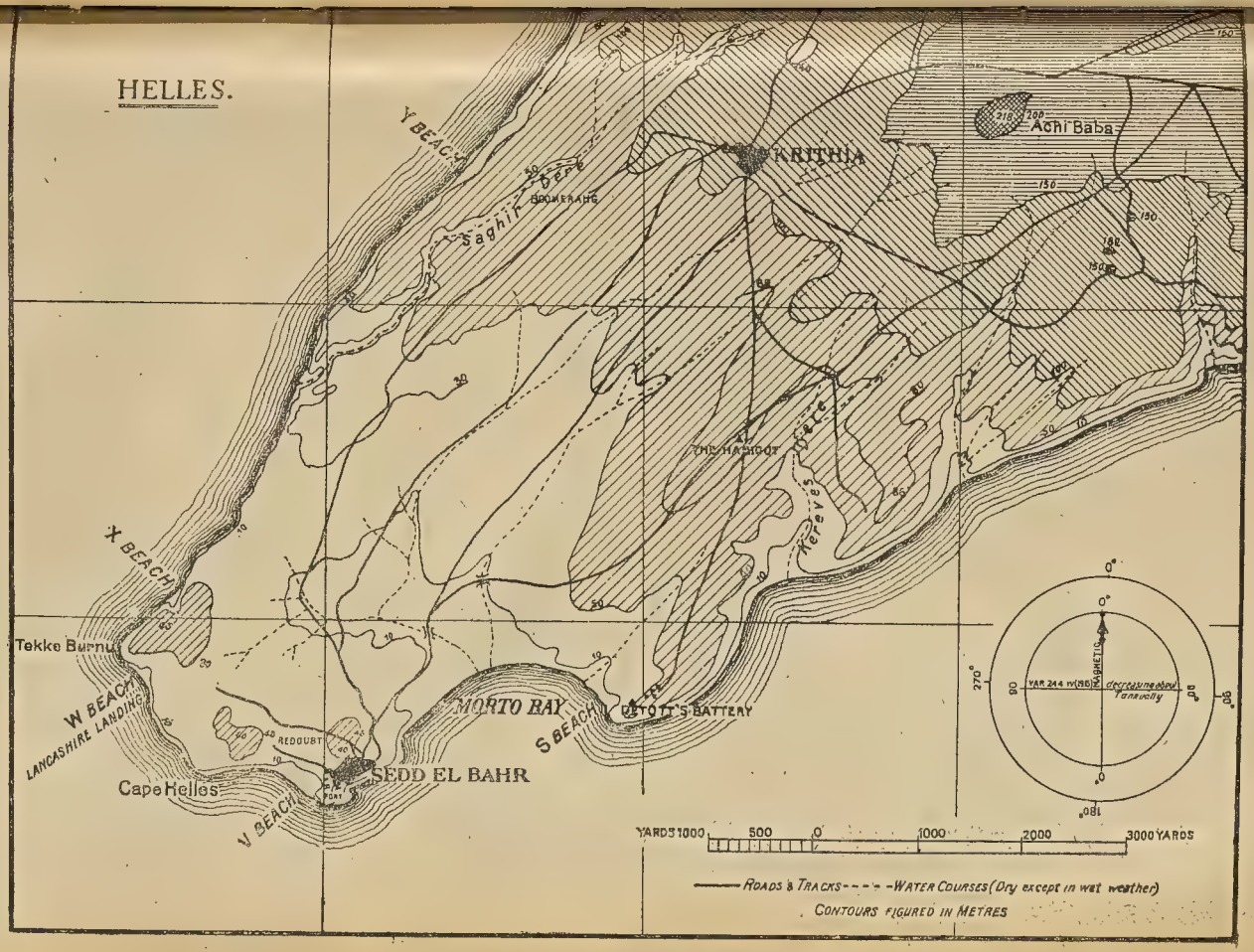
рисковать, пока не будет достигнуто—тем или иным путем—решения. По его словам, Фишер и Вильсон были преисполнены твердой решимости энергично продолжать начатое

дело. Фишер немедленно приказал двум линейным кораблям, „London“ и „Prince of Wales“, идти на подкрепление Робека, для замены погибших кораблей, в дополнение посланным ранее „Queen“ и „Implacable“, бывшим уже на пути туда. Французы решили заменить погибший „Bouvet“ старым линейным кораблем „Henri IV“. Главные споры на Совете 19-го марта сводились к тому,—следовало ли Робеку предложить повторить атаку. Тогда ещё от Робека не было телеграмм с изложением его личного мнения, за исключением краткого извещения о неудаче и потерях. Гамильтон, телеграфируя о необходимости начать перегрузку транспортов в Александрии, упоминал, что Робек хочет исчерпать все возможности, прежде чем призвать помощь армии в широком масштабе. Телеграмма эта была послана до атаки, и, конечно, взгляды после нее могли измениться. С другой стороны, Адмиралтейство имело точные сведения о нехватке боевых запасов и мин у турок; агентурных донесений о повреждениях на фортах и понесенных потерях еще не было получено. Политическая обстановка требовала энергичного продолжения операции. Перегрузка транспортов или реорганизация десантных войск вызывала задержку не менее месяца, что являлось совершенно недопустимым.

Впечатление от поражения союзников было особенно неблагоприятно в Италии. Лишь две недели тому назад ее правительство начало осторожные переговоры о возможностях выступления Италии на стороне союзников. Повидимому, поражение союзников 18 марта усилило позиции противников нарушения нейтралитета. Не менее серьезная реакция должна была произойти в магометанском мире, еще находившемся под впечатлением недавних поражений турок в Египте и Месопотамии. В конце концов, было решено телеграфировать Робеку, „что он может продолжать операцию против Дарданелл, если находит это возможным“. Вместе с тем, ему указывали, что крайне опасно дать туркам время исправить свои повреждения и укрепить их в убеждении, что им удалось победоносно отразить атаку [1]). Робек держался того же мнения. Он хотел немедленно продолжать бомбардировку через полуостров своим сильнейшим кораблем „Queen Elizabeth“. При наличии хорошей воздушной корректировки стрельбы, он считал возможным повредить форты настолько, чтобы продолжение траления стало возможным. Робек был против временного переноса базы сухопутных частей в Александрию, так как считал частичные высадки войск крайне полезными, для отвлечения подвижных береговых батарей от тральных операций.

---

[1]) Полный текст всех этих телеграмм в книге «The World Crisis» Churchill'a, том II, стр. 230.



Черт. 21. Южные участки побережья.

Желания адмирала Робека продолжать обстрел не могли быть осуществлены из-за ухудшившейся погоды: день за днем задувал жестокий шторм от NO; при этом видимость была столь мала, что о стрельбе не могло быть и речи. Ничего нельзя было поделать. Однако же, прежде чем улучшилась погода, некоторые обстоятельства принудили адмирала изменить свои взгляды.

Планы операции Гамильтона. Командующий десантными войсками генерал Гамильтон прибыл с предвзятой мыслью, что высадка должна быть произведена на Булаирском перешейке. В отношении выбора места высадки, в то время существовало несколько мнений. Высадка на азиатском побережьи была запрещена Китченером, ввиду трудности организации там снабжения войск. В распоряжении армии не было ни автомобилей, ни лошадей, ни повозок, которые давали бы возможность армии оторваться от флота дальше, чем на 5—6 миль.

Поход на Константинополь со стороны Эноса был совершенно невозможен по двум причинам: 1) войска были посланы для помощи флота, а не для самостоятельных действий; 2) было совершенно невозможно двигаться вперед из-за указанного выше недостатка в транспортных средствах.

Командовавший турецкими войсками генерал Лиман Сандерс говорил, что на месте командующего союзными войсками, он сделал бы высадку на азиатском берегу, против о-ва Тенедоса. По его мнению, дороги там были сравнительно в хорошем состоянии, крепостные укрепления наиболее слабыми и уязвимыми. В начале апреля генерал Бервуд также высказывался за высадку именно там. Американский военный агент в Константинополе майор Miles, изучавший после войны на месте Дарданелльскую операцию, говорит, что продвижение вперед союзников встретило бы еще большие затруднения на азиатском берегу, чем на Галлипольском полуострове. Скалистые возвышенности там выше, чем на полуострове, и расположены преимущественно перпендикулярно к линии движения войск. Фланги войск были бы подвержены артиллерийскому обстрелу с полуострова и атакам турецких войск со стороны материка.

18-го марта, на следующий день после прибытия, Гамильтон на крейсере прошел вплотную вдоль всего западного, южного и юго-восточного Галлипольского побережья, от Булаира до бухты Морто. Турецкие укрепления у Булаира произвели на него столь сильное впечатление, что он пометил в своем дневнике: „если бы не было другого выхода, как высадиться у Булаира, и мне пришлось бы либо обязательно высаживаться там, либо бросить всю операцию, то я бы избрал не медля второе решение и телеграфировал бы начальству, что меня послали на сумасшедшую аван-

Черт. 22. Анзак и бухта Сувла.

тюру". Существует мнение, что Гамильтон должен был занять именно Булаирский перешеек, так как через последний вели коммуникационные линии турок, которые Гамильзон должен был перерезать. Причины, почему Гамильтон отказался от высадки у Булаира, сводятся к следующему: 1) боевые укрепления турок там были чрезвычайно сильны; 2) снабжение турецких войск, находившихся на полуострове, могло быть обеспечено, как со стороны азиатского берега через пролив, так и со стороны Мраморного моря, независимо от того, в чьих руках находился бы перешеек, 3) флот протестовал против высадки в Булаире вследствие мелководия и значительного расстояния места высадки от Мудроса.

Относительно бухты Сувла, Гамильтон в своих заметках пишет, „что она весьма удобна для высадки, но расположена слишком далеко от одновременной высадки на южном носке полуострова".

„Высадить все наши силы в бухте Сувла было бы невыгодно, так как на ее параллели полуостров наиболее широк и, кроме того, эта бухта была слишком далека от узкости, которой мы хотели овладеть. Чтобы обеспечить наши коммуникационные линии, потребовалось бы несколько лишних дивизий. Берег между бухтой Сувла и расположенным несколько южнее мысом Габа-Тепе весьма удобен для высадки; район Габа-Тепе в этом отношении идеален, но турки не слепы и, в свою очередь, сильно укрепили этот район берега. Участок находится под обстрелом батарей Килид-Бара, а возвышенности севернее его командуют над ним; высадиться там—значило бы расположиться в долине, не обеспечив себе владения окружающими высотами".

Южнее Габа-Тепе берег, на протяжении 11 миль, также удобен для высадки пехоты и артиллерии; он расположен как раз против возвышенности Ачи-Баба, в $2^1/_2$ милях от нее. Гамильтон не решился на высадку на этом участке, ибо, по сведениям разведки, последний был сильно укреплен и совершенно открыт для северных ветров; в случае свежей погоды, сообщение с берегом пришлось бы вовсе прекратить.

После первых же совещаний с Робеком, генералу Гамильтону стало ясно, что флоту не справиться с подвижными турецкими батареями без помощи армии. Уничтожить их было легче всего, заняв высоты Ачи-Баба. Взвесив все преимущества и недостатки отдельных участков побережья, Гамильтон определенно остановился на том, что высаживаться нужно между Теке-Бурну и бухтой Морто.

22-го марта. Все вопросы, касавшиеся дальнейших операций, были решены на совместном заседании морских и сухопутных начальников 22-го марта. До этого, как мы видели, Робек уведомил Адмиралтейство о

своем намерении продолжать попытки прорыва одним только флотом. После указанного заседания, взгляды Робека начали понемногу склоняться к мнению Гамильтона о необходимости прибегнуть к помощи сухопутной силы. Упрямый в проведении в жизнь своих решений Робек долго не мог сознаться в ошибочности своих первоначальных мнений. Робек раньше считал себя связанным полученными инструкциями. Теперь же, узнав, что Гамильтон готов высадить все свои силы для помощи флоту, и выслушав мнения сухопутных специалистов, он пришел к заключению, что операции должны продолжаться рука об руку с армией; главным доводом, убедившим в этом Робека, была очевидность, что транспорты с войсками и снабжением не смогут проходить через пролив, пока Галлипольский полуостров не будет в руках союзников. Только в случае владения последним, можно будет справиться с батареями на азиатском берегу и обеспечить себе безопасные пути через Дарданеллы.

Сухопутные начальники предполагали, что реорганизация войск, т. е. выгрузка из транспортов и погрузка вновь в Александрии, будет закончена не ранее 14-го апреля. Робек считал, что до этого срока флот мог быть с пользой использован для подготовительных операций. Только что прибыли аэропланы; их поместили на удобном аэродроме на острове Тенедос. Аэропланы эти обеспечивали корректировку стрельбы „Queen Elizabeth“, которую предполагалось послать для обстрела расположенных в узкости батарей перекидным огнем через полуостров. Французская эскадра должна была оперировать со стороны залива Сарос и обстреливать расположение войск в районе Галлиполи и Булаира, посылая туда для атаки и воздушные силы; последние должны были совершать налеты на склады около Майдоса и забрасывать бомбами транспорта. Робек считал, что таким образом он сможет держать неприятеля в напряжении до середины апреля, когда войска будут готовы. Об изменении своих взглядов Робек донес 27-го марта Адмиралтейству.

Он телеграфировал, что не считает неудачу 18-го марта решительной и что, по его мнению, часть судов может прорваться в Мраморное море. „21-го марта я был готов вновь двинуться вперед, не опираясь на помощь армии, хотя вполне понимал, что благоприятный исход мог стоить больших потерь. В телеграмме от 26-го февраля (см. выше стр. 123) Военный Совет сообщил, что помощи от армии ждать нечего; поэтому я не считал возможным на нее рассчитывать, хотя всегда держался того мнения, что решительных результатов можно добиться лишь в том случае, если армия и флот будут действовать совместно, что от

чисто морской или чисто сухопутной операции добиться решительных результатов невозможно". „22-го я совещался с Гамильтоном и узнал от последнего, что он считает необходимым совместные действия армии и флота и что он намерен работать в дальнейшем рука об руку с флотом, но что войска его не будут готовы ранее 14-го апреля. План операции, который мы разбирали вместе с Гамильтоном, должен дать решительные результаты. Первоначальный план форсирования Дарданелл одними судами был выработан, исходя из того положения, что судовым огнем можно разрушать береговые форты. Это предположение оказалось неправильным; форт 8 (Гамидие) был обстрелян с дальних и ближних расстояний и возможно что повреждено всего лишь одно орудие. Снаряды, которые попадали в район форта, разрушали обычно сооружения, не имеющие боевого значения. Прямые попадания в орудия невозможны даже с расстояния 3—4 кабельтовых, как это имело место при обстреле фортов № 3 (Седд-эль-Бар) и № 6 (Кум-Калэ). Одно орудие на форте № 4 (Оркание) было найдено заряженным и готовым к действию 26-го февраля, хотя форт и обстреливался в течение 2-х дней с дальних и ближних расстояний. В лучшем случае от судового огня можно ждать, что на фортах, под градом снарядов, люди не смогут обслуживать своих орудий. Но это потребовало бы громадного расхода снарядов". „Было бы неправильно применять опыт обстрела Антверпена крупными германскими гаубицами. При обстреле фортов № 7 и № 8 (Гамидие) с близких расстояний, судам пришлось бы быть самим под обстрелом расположенных в узкости турецких батарей. Кроме того, изнашивание старых орудий меня беспокоит". „Никоим образом нельзя предпринимать бомбардировок, которые не будут приведены к решительному концу. Чтобы разрушить форты, придется высаживать подрывные партии. Обеспечить таким партиям прикрытие в узкостях невозможно. Также невозможно высадить их неожиданно для неприятеля. Опасность от минных заграждений оказалась больше, чем можно было предположить. Число кинжальных торпедных батарей увеличено, при чем места их не могут быть обнаружены. Это обстоятельство еще увеличивает опасность прохода через проливы даже в том случае, если бы форты были приведены к молчанию". „Успех морской операции будет зависеть от эффекта, который произведет появление флота у Константинополя на турецкую армию. Если армия останется боеспособной и будет продолжать занимать берега пролива, то продолжительность времени, в течение которого флот сможет оставаться в Мраморном море, будет зависеть от количества транспортов и угольщиков, которые прорвутся вместе с флотом". „Подвоз снаряжения будет почти

невозможен, если форты останутся не тронутыми. Необходимо, чтобы армия заняла полуостров, т. к. батареи азиатского берега можно будет привести к молчанию со стороны европейского берега. Высадка армии потребовала бы поддержки всех морских сил. Высадка у Булаира вряд ли заставила бы турок бросить полуостров; не может быть двух мнений относительно того, что флот снаружи пролива может оказать бо́льшую поддержку высадке, чем флот прорвавшийся, не имеющий достаточного количества снарядов. Если бы армия овладела Галлипольским полуостровом, то флот мог бы пройти через Дарданеллы, и успех нам был бы обеспечен. Задержка сейчас на две недели сократит в дальнейшем время, потребное для занятия Константинополя, когда флот уже будет в Мраморном море".

Итак перемена во взглядах Робека произошла главным образом потому, что до 21-го веч. он считал, что армии запрещены попытки овладения силой полуостровом, пока флот не прорвется через проливы. Как только он узнал, что армия свободна в своих действиях и что Гамильтон готов сделать высадку всех своих войск на южном конце полуострова—он немедленно высказался за необходимость смешанной операции.

Адмиралтейство телеграфировало Робеку об опасности промедления, так как к Дарданеллам посланы германские подводные лодки. Черчилль настаивал, чтобы Адмиралтейство предписало Робеку возобновить чисто морскую атаку во чтобы то ни стало, согласно предыдущим планам. Однако, Фишер, Вильсон и Джексон протестовали. Фишер говорил, что до сих пор соглашался на предприятие, так как оно рекомендовалось и поддерживалось местным морским начальником, но теперь, когда Робек и Гамильтон убедились в необходимости совместной операции, Адмиралтейство должно встать на их сторону. Асквит и Бальфур были согласны с Черчиллем; но все гражданские министры не считали себя в праве идти против взглядов своих профессиональных советников, а также и местных ответственных начальников.

Все войска, кроме 3 австралийской бригады и морской пехоты, были отправлены 24-го марта из Мудроса в Александрию, куда отправился также и Гамильтон со своим штабом.

Демонстрация турок в Египте в конце марта.

Около 28-го марта обозначилось с полной ясностью, что немцы затевают демонстрацию против Суэцкого канала, чтобы отвлечь союзные войска от Дарданелл. Еще неделей раньше, английские войска вошли в соприкосновение с начавшими проявлять активность турецкими патрулями. Союзники расположили в Канале несколько легких крейсеров и старый французский линкор „Henry IV". К концу месяца агентур-

ная разведка донесла о сосредоточении крупных турецких сил. Около 30-го передовые отряды турок и их разведчики подошли в район канала. 1-го апреля были высажены части морской дивизии для операций против турок, но уже 3-го апреля турки отошли, и английские войска вернулись на транспорта.

28-го марта. В Дарданеллах положение в общем оставалось без перемен, не считая внезапного проявления активности со стороны германского гидроплана, атаковавшего 28-го марта безуспешно плавучую авио-базу Ark-Royal.

Главной работой морского командования стало—не допустить усиления турецких войск на Галлипольском полуострове. Производилась непрерывная разведка со стороны залива Сарос, обстреливался Булаир; в гавань Энос были посланы вооруженные шлюпки с „Swiftsure“ и „Majestic“; пытавшиеся оказать сопротивление турецкие войска были отогнаны судовым огнем.

Робек решил использовать свои подводные лодки и послать их в Мраморное море, для подрыва морских сообщений между Константинополем и полуостровом. Ежедневно турецкие войска тревожились судовым огнем. По наблюдениям воздушной разведки, суда несколько раз удачно обстреливали скрытые турецкие батареи. Однако, флот никак не мог воспрепятствовать ночным работам турок: каждое утро обнаруживались все новые и новые укрепления.

24-го марта германский генерал Лиман Сандерс вступил в командование турецкими войсками, расположенными в Дарданеллах. С этого времени в защите полуострова была проявлена максимальная энергия. Каждое возможное для высадки место было окружено окопами; целые батальоны армян и греков-христиан были привлечены к работам по проводке дорог, для соединения этих районов с главными пунктами сосредоточения войск. Трудность защиты заключалась в том, что никак нельзя было предвидеть, где будет произведена высадка. Немедленно после вступления в должность, Сандерс приступил к реорганизации всей системы защиты, которая теперь была основана на сосредоточении войск в удобных центральных местах, откуда они могли, по вновь проложенным дорогам, быстро перебрасываться к угрожаемым районам.

Дислокация частей 5-й армии, которой командовал Сандерс, состоявшей из 3-го и 15-го армейских корпусов, V-й дивизии и самостоятельной кавалерийской бригады, была нижеследующая:

3-й корпус (командующий Эссад-Паша—VII, IX и XIX дивизии)—на европейском берегу; главная квартира в Галлиполи, в резерве—V дивизия, около Иеникой, и кавалерий-

ская бригада—около Кешан (на северном берегу залива Сарос)—всего 40.000 пехоты и 100 орудий. 15-ый корпус (командующий Вебер-Паша—III и XI дивизии)—на азиатском берегу: один полк III дивизии находился в районе Иени-Шера и два полка около Чиплака в районе Трои; XI дивизия стояла в резерве между Калофатикиой и Чиплак; всего около 20.000 пехоты и 50 орудий.

Дислокация показывает, что турки больше всего опасались за Булаирский перешеек. Там, вдоль реки Кавак, тянулись новые укрепления. Сообщения между южной и северной частью полуострова Галлиполи поддерживались водным транспортом в проливах; также были налажены сообщения с азиатским берегом через пролив в районе Чанак-Нагара.

Последние английские войска были погружены в Египте 16-го апреля. В этот же день первая группа французских войск вышла из Александрии. Английские транспорты шли либо отдельными группами, либо по одиночке, без всякой защиты. Союзное командование было совершенно уверено в полном господстве в восточной части Средиземного моря. Единственная опасность могла грозить со стороны Смирнского залива, в котором, по данным воздушной разведки, находились два или три старых турецких миноносца. Ширина Смирнского залива в устье не превосходит 8 миль. Блокада залива была поручена двум истребителям и крейсеру „Минерва“.

В ночь на 16 апреля, скрывшийся в Смирне, турецкий миноносец Демир-Хасар незаметно, под северным берегом, вышел из залива и успешно пробрался на линию движения транспортов. Миноносец остановил английский транспорт „Manitou“, приказал войскам перейти в шлюпки, дав им на это 10 минут, и затем выпустил по транспорту мину, которая не попала. В суматохе, во время посадки на шлюпки, погибло 50 солдат; на транспорте всего было 20 офицеров и 624 солдата. К транспорту, сделавшему сигнал о бедствии по радио, подошли все находившиеся вблизи суда и учинили погоню за турецким миноносцем, которому пришлось выброситься на берег на греческом острове Хиос. Команда была интернирована.

17-го апреля. 17-го апреля английская подводная лодка „E 15“ была послана в пролив. Она должна была на рассвете погрузиться на линии Саганли-Дере и затем пройти пролив под водой. Аэропланы в это время должны были сделать налет на батареи, чтобы отвлечь внимание их личного состава от воды. Около 6 час. утра был слышен орудийный огонь вблизи минного поля; вскоре первый из посланных аэропланов вернулся и сообщил, что в нескольких кабельтовых от форта Дарданос под-

водная лодка оказалась на мели; возможно, что сильным течением ее отнесло на мелкую воду; лодка, повидимому, не была повреждена. Турецким миноносец старался ее стащить с мели, но был отогнан бомбами с аэроплана. Прежде чем турки убедились, что лодка на мели, они открыли по ней огонь; командир был убит в рубке, остальная команда частью убита, частью выбросилась за борт и была спасена турками. Все это англичане узнали значительно позже.

Опасаясь, что лодка может попасть в руки турок, Робек решил ее уничтожить. Была послана малая подводная лодка („B 6"), чтобы попытаться уничтожить „E 15" миной; это ей не удалось, так как она попала под сильный орудийный огонь. Ночью были посланы 2 миноносца для той же цели; и они должны были вернуться, не достигнув успеха: прожектора так слепили личный состав миноносцев, что ориентироваться не было возможности. На следующее утро туда же направилась лодка „B 11", но из-за тумана не могла найти „E 15". „Triumph" и „Majestic" были посланы разрушить лодку орудийным огнем. Как только они вошли в пролив, то сами попали под столь сильный огонь с берега, что не могли продвинуться до предельной дистанции. Ночью с этих кораблей послали 2 минных катера, вооруженных 14-дюйм. минами. Когда катера подошли к месту аварии „E 15", они были открыты прожекторами с берега, и в ту же минуту батареи открыли по ним жестокий огонь. Море вне лучей прожекторов казалось еще темнее; найти „E 15" было совершенно невозможно. По счастью, в катера не было попаданий, хотя вода вокруг них кишела всплесками от снарядов. Когда катера поворачивали, чтобы идти обратно, луч прожектора на одну минуту остановился на поврежденной подводной лодке; этой минуты было достаточно, чтобы успеть с одного из катеров выпустить торпеду. Но в следующее мгновение в катер попал снаряд, разрушивший ему корму; катер начал быстро тонуть. Вся команда была спасена подошедшим другим катером, которому удалось благополучно вернуться. На следующее утро воздушная разведка донесла, что „E 15" превращена торпедой в груду железа. В ближайшее время Робек не возобновлял попыток посылать лодки в Мраморное море.

Подготовка к высадке.

Подготовительные к высадке работы велись с полной энергией. В гавани Мудрос, помимо военных кораблей и вспомогательных судов, стояло уже 50 транспортов с войсками XXIX дивизии, австралийцами и новозеландцами. Английская морская дивизия и французские войска стояли на острове Скирос, в бухте Требуки. Однако же, войска эти должны были до высадки зайти на Мудрос.

Общая идея плана операции заключалась в том, чтобы сухопутными войсками овладеть батареями на Галлипольском полуострове с суши и, тем самым, помочь флоту прорваться через проливы. Владея батареями европейского берега, можно было бы господствовать над проливом и привести к молчанию батареи азиатского берега. Ключом позиции следовало считать Килид-Бар; возвышенность эта являлась по природе сильной естественной позицией. Германо-турецкое командование сумело прекрасно укрепить как северные, так и южные ее склоны. Позиция была ограничена с севера склонами Какма-Даг, упирающимися в берег севернее пункта Майдоса, который, таким образом, находился под непосредственной защитой укреплений Килид-Бара.

От Майдоса главные оборонительные линии турок шли вдоль возвышенности Какма-Даг на W и затем, пересекая Аэрли-Тепе, тянулись вдоль западной границы Килид-Бара до деревни Магран. Оттуда линия защиты шла через Саганли-Дере, охватывала возвышенность Ачи-Баба и выходила к проливу восточнее реки Комак-Дере. Еще ряд укреплений шел от Ачи-Баба на запад.

Захватить Ачи-Баба врасплох не было возможности.

Союзное командование считало, что, в случае высадки у Седд-эль-Бар, войска не встретят серьезного сопротивления, продвигаясь к Ачи-Баба, так как эта часть полуострова будет под перекрестным огнем судовых орудий. На практике, как мы увидим, оказалось не то.

Южная часть полуострова имеет чашкообразную форму: возвышенности по берегу не дают возможности с моря стрелять прямо по целям, расположенным за этими возвышенностями; приходится наводить по вспомогательным целям. Оказалось, что за истекший месяц весь район был чрезвычайно сильно укреплен окопами и проволочными заграждениями, весьма сложными и запутанными.

Удобным местом высадки могла быть бухта Морто, как расположенная в непосредственной близости от Ачи-Баба. Но бухта эта всецело находилась под огнем крупных орудий азиатского берега и глубинных батарей. Кроме того, подход к берегу был усеян рифами. На единственном удобном участке побережья там можно было высадить не более батальона.

Для высадки в самом опасном пункте предназначалась XXIX дивизия и одна бригада морской дивизии, под общим начальством генерала Гунтера-Уэстона.

Окончательно было решено высадить на участках X и Y, казавшихся удобными, силу, достаточную для действий во фланг позиций Ачи-Баба—Крития; оттуда же предпола-

галось развить дальнейшие операции против возвышенности Килид-Бар.

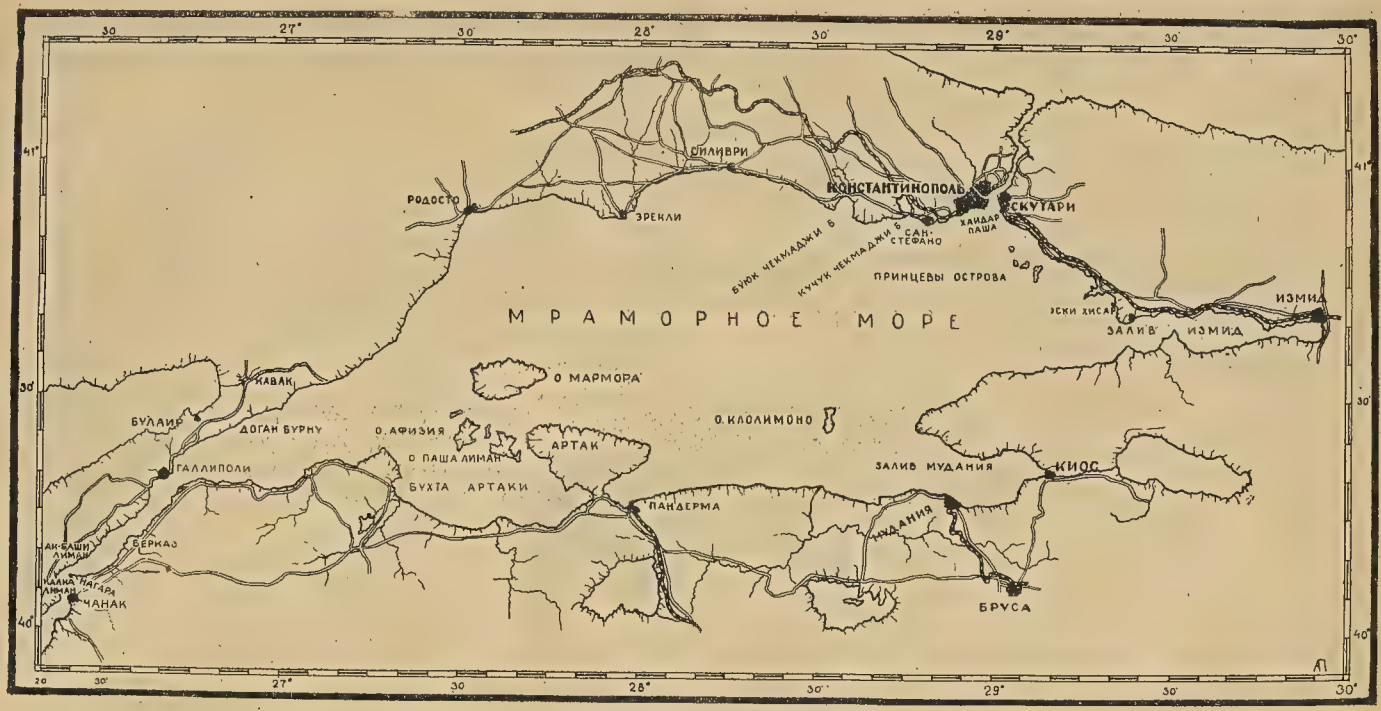
Остаток войск был использован для демонстративных высадок. Наиболее серьезная из последних была поручена австралийским и новозеландским войскам, которыми командовал генерал Бердвуд. Для высадки был избран участок берега севернее Габа-Тепе, несколько севернее главных турецких укреплений. Если бы союзникам удалось удержать этот участок берега, то оттуда можно было развить наступление на возвышенности Мая-Тепе, командовавшие над дорогой из Галлиполи на Майдос.

Задача французов была менее сложна. Часть французских войск должна была высадиться у Кум-Калэ и продвинуться насколько возможно ближе к Йени-Шеру, чтобы привлечь на себя огонь подвижных батарей азиатского берега. В то же время, французская эскадра должна была демонстрировать высадку в бухте Башика. Агентурные сведения сообщали, что там сосредоточено небольшое количество турецких войск. Все же высадка у Кум-Калэ была необходима, чтобы не дать туркам там установить полевые орудия и обстреливать из них высаживающихся в бухте Морто англичан. Высадка французов, таким образом, являлась диверсией; они не должны были продвигаться в глубь страны далее реки Мендерэ. Пока предполагалось высадить не более одного батальона и одной батареи, но впоследствии, когда англичане займут берег, требовалась высадка у мыса Хеллес сразу же всех французских войск. Морской дивизии была поручена диверсия в районе Булаира, чтобы турки не могли оттуда снять войска для подкрепления.

Одновременно намечалась демонстрация русского флота у Босфора и посадка русских войск на транспорта в Одессе, чтобы удержать турок на побережьи Черного моря и не позволить им усилить войска на Галлипольском полуострове.

План десанта был окончательно разработан 13-го апреля. Главным недостатком его следует считать разделение сил. Но иначе нельзя было поступить, ибо высадить все войска в каком-нибудь одном месте не представлялось возможным в силу топографических условий. Однако, недостаток этот был не серьезен, говорит Корбетт, благодаря полному господству на море: войска, в случае надобности, можно было перебросить и сосредоточить в любом районе (надо прибавить, если обратная посадка их на суда пройдет безболезненно). С другой стороны, такое разделение десантных войск крайне осложняло работу штаба; каждый участок высадки должен был иметь свою особую организацию.

Первая высадка была намечена на 23 апреля.



Черт. 23. Мраморное море.

Подготовительные работы были закончены неделей позже, чем первоначально предполагалось. Но от этого не произошло никакой задержки, ибо плохие условия погоды все равно не позволили бы ее сделать раньше. По английским сведениям, турки располагали тремя дивизиями Низама (перворазрядных войск) и одной дивизией Редифа (второразрядных войск). Местом сосредоточения турецких войск англичане считали Булаир—Килид-Бар и район Ачи-Баба. Такое же количество войск английский штаб предполагал и на азиатском берегу.

Численность союзных войск, английских и французских, включая индийскую бригаду, находившуюся в резерве в Египте,—75 тысяч человек с 140 орудиями. К этому надо добавить мощную поддержку, которую эти войска имели в сильной судовой артиллерии: к началу операции, в составе союзного флота находилось 18 линейных кораблей, 12 крейсеров и около 40 миноносцев, 8 английских и 4 французских подводных лодки. Весь флот был разделен на 7 эскадр.

Флагманский корабль флота—„Queen Elizabeth“; на нем флаг вице-адмирала Робек; Начальник Штаба коммодор Кийс.

I эскадра. (Начальник к.-адм. Вестер Вемисс).

Линейные корабли:

„Swiftsure“ (флаг к.-адм. Никельсен),
„Albion“,
„Lord Nelson“,
„Implacable“,
„Vengeance“,
„Prince George“,
„Goliath“,
„Cornwallis“,

Крейсера:

„Euryalus“, (флаг к.-адм. Вестер Вемисс).
„Minerva“,
„Talbot“,
„Dublin“.
6 эскадренных тральщиков.

II эскадра. (К.-адм. Терсби).

Линейные корабли:

„Queen“,
„London“,
„Prince of Wales“,
„Triumph“,
„Majestic“,

Крейсер „Bacchante“,
База подв. лодок „Adamant“,
Авио-матка „Ark Royal“,
Матка с аэростатом,
8 истребителей,
4 тральщика.

III эскадра (капитан Грант).

Линейный корабль „Canopus“,
Крейсер „Dartmouth“,
„ „Doris“,
2 истребителя.

IV эскадра (прикомандирована к I эскадре).

Крейсер „Sapphire“,
„ „Amethyst“,
12 тральщиков.

V эскадра (капитан Файлер).

Линейный корабль „Agamemnon“,
10 истребителей,
3 французских тральщика,
2 сетевых заградителя.

VI эскадра (к.-адм. Гепратт).

Линейные корабли французские.

„Jaurequiberry“,
„Henry IV“,
„Charlemagne“,

Крейсера французские:

„Latouche Treville“,
„Jeanne d'Arc“,
„Аскольд“ (русский),
„Savoie“,
7 истребителей,
5 миноносцев.

VII эскадра.

4 истребителя,
Яхта „Triad“.

План операции предусматривал автономность каждого района высадки; каждый район обслуживался особой эскадрой, в свою очередь разделенной на „суда поддержки“ и „суда прикрытия“. На обязанности „судов поддержки“—

обстрелять берег перед высадкой и во время высадки приводить к молчанию неприятельские батареи и т. п. „Суда прикрытия“ должны были прикрывать движение головных эшелонов войск на их пути к месту высадки; они могли тоже принимать участие в обстреле берега, но эта задача для них являлась второстепенной.

Самое трудное—обеспечить десантным ботам и шлюпкам по возможности безопасное приближение к берегу. Гамильтон был сторонником ночных операций, несмотря на то, что высадка не могла бы сопровождаться предварительным обстрелом. Запротестовали моряки. Трудность управляться на переполненных шлюпках в темноте, найти место высадки, которое никак не могло быть отмечено заранее, и, наконец, опасность от ненанесенных на карте рифов делали ночную высадку, по крайней мере на южном, главном, участке, слишком рискованной. Опасность высадки после рассвета заключалась в том, что войсковые транспорта, при приближении к берегу, могли быть потоплены огнем береговых батарей. Военные корабли в этом отношении считались менее чувствительными, так как обладали большей живучестью. Гамильтон и Робек приняли среднее решение: подвезти войска в темноте и начать высадку на рассвете. Навигационные условия на западном берегу были значительно легче, ввиду того, что там высадка носила характер диверсии: она была намечена до рассвета.

Наиболее трудным районом высадки считалось побережье V. Там проволочные заграждения простирались вдоль всего берега и заходили даже под воду. Берег походил на амфитеатр, изрезанный окопами. С одной стороны, над ним возвышался полуразрушенный форт Седд-эль-Бар, с другой стороны—высокие скалы. Чтобы облегчить высадку, англичане решили использовать в виде пристани угольщик „River Clyde“, который предполагалось приткнуть к мели у самого берега. Пароход мог вместить 2.000 человек. Он должен был идти к берегу, ведя на буксире паровую мелкосидящую шаланду; последняя, после прикосновения „River Clyde“ к мели, должна была, сама, под своими парами, идти вперед по направлению движения „River Clyde“, пока не сядет на мель. С шаланды предполагалось спустить на берег сходни, специально изготовленные и уложенные на ней. „River Clyde“ вел, кроме того, на бортовых буксирах четыре лихтера, по два с каждой стороны, для заполнения промежутка между шаландой и пароходом. На „River Clyde“, на баке, стояли пулеметы за стальными щитами. Пароход вез на себе материалы для постройки основательной пристани.

Руководство высадкой на самом трудном районе было поручено начальнику I эскадры адмиралу Вемиссу (начальнику базы на Лемносе), временно поднявшему свой флаг

на „Euryalus“. В его распоряжении находились оба легких крейсера IV эскадры. Судами поддержки служили: линейные корабли „Swiftsure“ (флаг адм. Никельсена), „Nelson“, „Albion“, „Vengeance“, „Prince George“, „Goliath“ и 3 крейсера „Minerva“, „Talbot“ и „Dublin“. II эскадра, под флагом адмирала Терсби, должна была прикрывать высадку австралийцев и новозеландцев у Габа-Тепе; „Triumph“, „Majestic“ и „Bacchante“, служили судами поддержки; при эскадре состояла авио-матка „Ark Royal“. Небольшая III эскадра предназначалась для поддержки демонстрации у Булаира. V эскадра должна была прикрывать траление и постановку сетевого заграждения в проливах. VI эскадре (французской) была поручена высадка на азиатском берегу, а VII—блокада Смирны.

К 19 апреля все подготовительные работы были кончены; головные войска были тщательно обучены приемам высадки в базе Мудрос.

Высадка была назначена на 23-е апреля, но погода задержала начало операции еще на 2 дня.

Один из германских офицеров Генерального Штаба, бывших тогда в Константинополе, пишет: „Если бы высадка имела место несколько недель раньше, то неизвестно, чем бы она закончилась. Но ко времени ее начала, все турецкие войска успели занять хорошо укрепленные позиции“.

Высадка 25-го апреля.

23-го апреля. Около полудня 23-го апреля—целых пять недель после последней бомбардировки Дарданелл — погода начала улучшаться. Робек отдал распоряжение двинуть транспорта и высадочные средства к проливам. После полудня пять аэропланов произвели налет на Майдос. Гидропланы доставили последние сведения о неприятеле.

Прежде всего, 23 апреля, при заходе солнца, было отправлено двенадцать лихтеров на буксире 3 транспортов, на которых были посажены два батальона, предназначенные для высадки на участке W и V, и один батальон—для бухты Морто. Транспорта и лихтера должны были переждать на якоре у Тенедоса (Тенедос расположен всего лишь в 12 милях от мыса Хеллес). За ними следовал адмирал Вемисс на „Euryalus“ и два других корабля прикрытия „Implacable“ и „Cornwallis“. Туда же, на Тенедос, направился „River Clyde“ и буксиры с плавучими пристанями. В продолжение следующего дня, 24-го апреля, группами вышли остальные транспорта.

Рандеву для XXIX дивизии намечался у входа в пролив; для австралийских и новозеландских войск—около мыса

Кефало (на острове Имброс), а для морской дивизии—западнее острова Ксерос. Подвести все эти транспорта, лихтера и т. п. в темноте к месту рандеву—задача нелегкая, в особенности, если принять во внимание огромное число судов, участвующих в операции: одних только транспортов было свыше 60, тральщиков более 30, не говоря уже о буксирах и вспомогательных судах; военных кораблей, включая миноносцы и подводные лодки, свыше 90; общее число всех судов, участвовавших в операции, нужно считать не менее—200.

24-го апреля. 24-го апреля Гамильтон со своим штабом перешел на флагманский корабль адмирала Робек „Queen Elizabeth". На рассвете 24-го апреля двинулась в путь морская дивизия и ее суда прикрытия, стоявшие на Скиросе. Их путь был самым дальним. Чтобы не смешаться и не спутаться с судами, идущими с Мудроса, им было приказано идти западнее Лемноса, Имброса и Самотраки. Первые эшелоны французов вышли из Скироса на Лемнос 3 днями раньше.

На Мудросе движение в этот день началось с 10 часов утра; первыми вышли „Sapphire" и „Amethyst" с двумя транспортами, везшими войска для участка Y. Далее вышла группа транспортов с боевыми припасами. Не задолго до 2-х часов дня, двинулась в путь эскадра адмирала Терсби с передовыми батальонами австралийцев и новозеландцев, посаженными на 3-х кораблях прикрытия, и, на 4-х транспортах, остальные войска этого корпуса. Эта эскадра пошла на место рандеву в 5-ти милях западнее Габа-Тепе; остатки австралийского корпуса должны были собраться на Имбросе.

В 3 час. 30 мин. вышли 6 транспортов, имевших на себе батальоны XXIX дивизии второй очереди, которые должны были высадиться, когда головные части уже будут на берегу. Оставшиеся транспорта с войсками XXIX дивизии предполагали отправить на следующий день. Французские суда стали на якорь вне гавани и воспользовались случаем произвести десантные учения, ранее не практиковавшиеся, что заметно сказалось во время высадки. На „Аскольде", по словам Корбетта, десантные учения шли весьма удовлетворительно. С наступлением темноты, все группы транспортов были в районе своих мест рандеву. После полночи ветер стих совершенно, море стал совсем гладким. В темноте транспорта прошли на свои места и, при соблюдении полной тишины, не показывая ни одного огня, три передовых батальона южной группы были переведены на „Euryalus" „Implacable" и „Cornwallis". Эта перевозка практиковалась неоднократно и прошла совершенно гладко. Без запоздания указанные три корабля пошли вперед к месту высадки.

В 4 час. 30 мин. утра морская дивизия подошла к острову Ксерос. Суда этой группы стали на якорь вне досягаемости

огня с берега. Крейсерам „Darmouth“ и „Doris“ было приказано приблизиться к берегу и бомбардировать Булаирские позиции. В то же время состоявшие при эскадре тральщики начали тралить бухту Бакла, чтобы произвести впечатление, будто высадка там готовится на самом деле. Береговые батареи не отвечали. „Kennet“ с сухопутными офицерами произвел разведку бухты вплотную к берегу, не обнаружив неприятеля; воздушная разведка также донесла, что неприятеля не видно. Тогда казалось, что демонстрация у Булаира теряет смысл; однако, впоследствии выяснилось, что ею было достигнуто все, что предполагалось.

Четыре дивизии 3-го корпуса (Эссад-Паши), на который была возложена защита полуострова Галлиполи, были разделены на 2 группы: одна находилась в районе Булаира, другая—у Килии. Главная квартира корпуса—в Галлиполи. В этом районе стояли V и VII дивизии; последняя—вся в Галлиполи, за исключением одного полка, расположенного вдоль берега, от бухты Ейльмер до вершины залива; V дивизия держалась в резерве, в деревне Иеникой, северо-западнее Галлиполи, в 3-х милях от северного берега и 12 милях западнее Булаирских линий.

Южная группа состояла из войск IX дивизии, с главной квартирой в Майдосе. Два батальона стояли в Майдосе, 4 батальона были распределены, начиная от бухты Сувла, вдоль западного берега до бухты Морто; остальные войска были в резерве, в районе Килид-Бара.

Между северной и южной группой была расположена XIX дивизия, вновь сформированная и еще не вполне укомплектованная артиллерией. Она стояла в резерве в 4-х милях севернее Майдоса; один батальон этой дивизии был выдвинут для охраны побережья между бухтой Ейльмер и Сувлой.

Диспозиция турецких войск указывает, что турецкое командование считало район Булаира наиболее вероятным и наиболее опасным для турок местом высадки. Как только транспорты морской дивизии появились у перешейка, Сандерс приказал VII дивизии двинуться из Галлиполи в район Булаира; генералу Эссад-Паша было приказано отправиться в Майдос и принять начальство над южными войсками; Сандерс принял на себя командование северной группой и со своим штабом расположился в одном из центральных укреплений Булаира. В результате этих распоряжений оказалось, что в районе Габа-Тепе высаживающимся австралийским и новозеландским войскам можно было противопоставить только один батальон IX дивизии Таким образом, у Габа-Тепе обстановка складывалась чрезвычайно благоприятно для англичан. Войска там высадились первыми, еще в темноте: „Triumph“ ночью стал на

якорь в точном месте рандеву, в 5-ти милях западнее Габа-Тепе, где должен был светить слабым огнем в сторону моря. В полночь подошел Терсби с передовыми частями (1500 чел.) 3-ей австралийской бригады, уже посаженными на 3 судна прикрытия—„Queen“, „London“ и „Prince Wales“. Остаток бригады (2.000 человек) был распределен между 6—8 истребителями и присоединился к линейным кораблям в 1 час. 30 мин. Войсковые транспорта с главными силами корпуса стояли на якоре в море, дожидаясь конца высадки передовых частей. Когда миноносцы подошли к своему флагману, войска с линейных кораблей были пересажены на шлюпки и направлены к берегу. Соблюдалась полнейшая тишина. Около 3-х часов ночи, когда луна зашла, шлюпки получили приказание двинуться вперед. Суда прикрытия пятиузловым ходом двинулись к берегу; у каждого на траверзе—16 шлюпок, по 4 на буксире парового катера. Сзади шли миноносцы со вторым эшелоном войск.

Высадка на участке Анзак.

Место высадки было намечено севернее Габа-Тепе; обилие скал на берегу заставляло предполагать, что именно там турки меньше всего будут ожидать десанта. Если бы берег был занят вплотную войсками, то высадка здесь была бы действительно очень опасна. Правый фланг высаживающихся войск, у которого находился флагманский корабль „Queen“, был в 4-х кабельтовых севернее мыса; центр („Princeof Wales“) в 4-х кабельтовых севернее; левый фланг („London“) в 8 кабельтовых от мыса. Каждая часть имела свой корабль поддержки, который, оставив свои шлюпки с кораблями прикрытия, шел в указанное ему по диспозиции место. „Triumph“ стал в 13 кабельтовых западнее Габа-Тепе, „Bacchante“—в 10 кабельтовых против центра и „Majestic“—в 1 мили севернее Рыбачьего Поселка; этот корабль должен был обстреливать приближающиеся турецкие подкрепления. Вскоре после 3 час. 30 м. ночи, когда „суда прикрытия“ были в 2-х или 3-х милях от берега, они застопорили машины, и паровые катера пошли вперед со своими шлюпками на буксире. Настала критическая фаза высадки.

Морское Командование было вправе протестовать против главной высадки впотьмах. Повидимому, подходя к берегу, корабли сошлись слишком близко, благодаря чему отправляемые на берег шлюпки спутались. Одни буксиры пересекали курс другим, и рулевые паровых катеров теряли направление. Определиться по берегу не было возможности; шлюпки, повидимому, отнесло течением несколько на север;

пришлось идти на глаз. Мертвая тишина лишь нарушалась шумом винтов паровых катеров. На берегу все было тихо. В 4 часа ночи начало чуть светать. В 4 часа 10 мин. шлюпки были уже в $^1/_2$ кабельтовых от берега.

Вдруг картина резко изменилась. На берегу раздался выстрел: в одно мгновение шлюпки оказались под жестоким ружейным и пулеметным огнем. Солдаты выпрыгнули из шлюпок и, по пояс в воде, спотыкаясь и падая, побежали к берегу. Стало еще больше рассветать, и тут выяснилось, что шлюпки снесло на $1^1/_2$ мили севернее; берег имел не тот вид, который от него ожидали. Вместо отлогого, песчаного берега, удобного для высадки, шлюпки оказались перед песчаными возвышенностями в несколько фут высотою. В темноте шлюпки перепутывались, оказавшиеся на берегу части были разрозненны. Высадившиеся войска примкнули штыки и бросились в атаку. Турки сначала отступили. За высадкой с флагманского корабля наблюдали Робек и Гамильтон; впечатление об ней сложилось в общем настолько благоприятное, что оба начальника, не задерживаясь здесь, направились к мысу Хеллес.

Когда начальник высадки этого района Терсби услышал первые выстрелы и смог убедиться, что первый бросок высадился, он приказал миноносцам высадить 2-ой эшелон. При приближении к берегу, и второй эшелон попал под сильный огонь. Но уже в 5 час. 30 мин. все головные части австралийцев были высажены, и миноносцы вернулись к транспортам, шедшим в это время к берегу, чтобы передать главные силы. Неприятель по всему побережью был настороже и поэтому нужно было торопиться, чтобы не оставлять высадившихся войск без прикрытия. Как только транспорта входили в сферу огня турецких полевых батарей, последние открывали столь меткий огонь, что пришлось транспортам приказать стать вне линии линейных кораблей. Однако же, один из транспортов, не разобрав приказания, прошел прямо к берегу и начал высаживать десант по своей инициативе, на своих шлюпках. К счастию для англичан, инцидент этот прошел для них благополучно, но все-таки случай этот лишний раз показывает всю трудность передачи приказаний на транспорта. Остальным транспортам пришлось стать значительно дальше от берега, чем предполагалось, поэтому, оставшаяся часть войск головного отряда (4.000 чел.) была высажена на берег только лишь в 7 час. 20 мин. Всего, следовательно, на берегу к этому времени, было 8.000 чел. Особенно силен был огонь со стороны Габа-Тепе; чтобы справиться с ним, адмирал послал „Bacchante“ вплотную к берегу. Командир этого корабля направился к берегу самым малым ходом и шел пока форштевень не коснулся

дна; своим огнем он быстро заставил замолчать береговые батареи.

К 8 час. 30 мин., до того, что подоспели главные силы, головные части десанта успели продвинуться на одну милю во внутрь страны и окопаться.

По первой тревоге, двум турецким батальонам, стоявшим на Майдосе, было приказано идти к месту высадки. Благодаря близкому расстоянию от Майдоса, эти два батальона успели принять участие в контр-атаке. В то же время по кораблям открыл огонь „Тургут-Рейс“, обнаруженный в проливе летчиками стоящим несколько севернее Майдоса. Транспортам пришлось снова отойти, линейные корабли переменили место и стали несколько севернее, но также близко от берега. „Triumph“ стрелял перекидным огнем через остров и вскоре накрыл турецкий корабль. Линейным кораблям удалось ослабить огонь береговых гаубиц, и к 9 час. 30 мин. высадка продолжалась полным ходом. Она шла так успешно, что все три бригады австралийской дивизии (12.000 чел.) и две батареи индийской горной артиллерии были на берегу около 2-х часов дня. Во все это время турки подвозили подкрепления; положение австралийцев становилось все более опасным.

Район Y. Теперь посмотрим, что делалось на следующем участке в 10 милях южнее (район Y).

Около 2 час. 30 мин. ночи, на месте рандеву, в 4-х милях западнее места высадки, две роты шотландцев, которые составляли авангард первого броска войск, перешли на 4 тральщика, состоявших при эскадре. Остальная часть головных войск (около двух батальонов) оставалась на „Sapphire“ и „Amethyst“; морская пехота еще находилась на транспортах. В 4 час., когда еще было совершенно темно, тральщики отвалили и, в строе фронта, имея на флангах „Sapphire“ и „Amethyst“ и на буксире по 6 шлюпок с войсками, пошли к берегу. В 10 кабельтовых от берега оба легких крейсера заняли места по диспозиции для поддержки судовым огнем флангов высаживающихся войск. „Goliath“ стал в 20—25 кабельтовых от берега. Высадка должна была произойти совершенно неожиданно. Шлюпки приближались к берегу при полной тишине. В 5 час. утра, когда сильная канонада на юге обнаружила, что главная высадка уже началась, тральщикам было приказано идти вперед, пока коснутся грунта. Войска находились в шлюпках. Как только тральщики отдали буксиры, и шлюпки двинулись вперед на веслах, суда поддержки открыли огонь по берегу. Ответа не последовало. Войска высадились в полном порядке, не встретив сопротивления. Песчаный берег был покрыт возвышенностями, фут в 200 высотою.

Высланные на эти холмы разведчики донесли, что неприятеля не видно. Нападение врасплох удалось. Однако, и здесь произошла ошибка: предполагалось на самом деле высадиться на $1^1/_2$ мили южнее, у Gully. Транспорты с морской пехотой получили приказание приблизиться. Тральщики быстро вернулись к крейсерам за остатками головных войск; в 6 час. 20 мин. последние были высажены на берег, не встретив сопротивления. Тральщики снова вернулись, чтобы перевести морскую пехоту; в 7 час. 15 мин. она уже была высажена. Когда все силы сосредоточились на берегу, начальник десанта просил прекратить стрельбу по берегу, чтобы иметь возможность соединиться с войсками, высаженными в районе X. Часть войск была двинута вперед, чтобы занять возвышенность, господствующую над дорогою между Критией и Седд-эль-Бар.

Район X. Высадка в районе X была столь же удачна. Этот район как бы составлял левый фланг главной высадки, поэтому войска здесь были многочисленнее. Головные части десанта этого района подошли на „Implacable“ и на эскадренных тральщиках. В 4 ч. утра „Implacable“ направился к берегу; две роты шли на буксирах и еще две на двух эскадренных тральщиках. Но здесь не удалось приблизиться незамеченными: успех высадки зависел, в первую очередь, от действительности стрельбы „Implacable“. По кораблю был открыт сильный огонь. Тем не менее, „Implacable“ подошел на $2^1/_2$ кабельтовых к берегу, стал на якорь, имея под килем несколько фут, и открыл огонь всем бортом, из четырех 12-дюйм. и шести 6-дюйм. орудий, по прибрежным скалам и берегу, и из восьми 12-фунт. по возвышенности. Крейсер „Dublin“ подошел столь же близко и также принял участие в обстреле берега. Несмотря на помощь кораблей, потери здесь могли быть большими, так как место высадки представляло собой узкую полосу, около 200 метров длиною и 10 метров шириною, окруженную скалами. Стрельба „Implacable“, однако же, оказалась столь действительной, что туркам пришлось отойти от берега, и, несмотря на все трудности, весь батальон был вскоре высажен без потерь.

Тогда „Implacable“ открыл огонь завесой, дабы не подпускать турок к побережью, но, в 7 час., с флагманского корабля ему был сделан сигнал, что перелеты ложатся вблизи от высадившихся на южный берег войск. В согласии с полученными ранее инструкциями, командир „Implacable“ отошел на расстояние 15 кабельтовых от берега, где стал на якорь, в то время, как эскадренные тральщики снимали войска с транспортов. Впоследствии, из турецких источников, стало известным, что нигде обстрел берега не был

столь действительным, как именно здесь. Район X так и сохранил за собою название района „Implacable".

Южный район. Операции на южном берегу, остановившие огонь вышеназванного корабля, носили иной характер. Именно здесь турки ждали главную атаку; поэтому подготовка для отражения высадки была особенно тщательна. Характер берега этому благоприятствовал.

На южном носке полуострова расположены 3 холма, помеченных на карте, 114 фут (35 метров), 138 фут (42 метра), 141 фут (43 метра); эти холмы расположены за тремя выступами побережья: мысами Теке-Бурну, Хеллес и Седд-эль-Бар. Между Теке-Бурну и мысом Хеллес—долина, переходящая около берега в пляж, покрытый глубоким и мелким песком; пляж этот, шириною от 14 до 35 метров и длиною около 300 метров, обозначен буквой W. У мыса Хеллес скалы подступают вплотную к берегу. Таким образом, над участком W командовали с флангов высокие, неприступные возвышенности, тогда как между ними берег поднимался отлого кверху и мог быть чрезвычайно сильно укреплен. Все возможности защиты, созданные здесь природой, были превосходно использованы турками и их руководителями—немцами. По всему пляжу тянулись проволочные заграждения, продолженные также и под воду; кроме того, в воде и в песке турки заложили мины. Возвышенный берег в глубине был изрыт окопами; на флангах проволочного заграждения стояли пулеметы, укрытые между скалами. Над прибрежными скалами командовали возвышенности, также сильно укрепленные, с которых можно было обстреливать скалы, если бы они были заняты неприятелем.

Особенно сильно укреплен был берег, расположенный восточнее мыса Хеллес, обозначенный буквою V. Здесь пляж был еще уже, чем W. Побережье образовало как бы амфитеатр, ограниченный с востока скалами, на которых стояла деревня Седд-эль-Бар, а с запада—склонами холма 138 с полуразрушенным фортом Хеллес. С высоты около 100 фут к морю спускаются покрытые травой скалы, образующие как бы естественный глясис. У самой воды—песчаные дюны, фута 4 вышиною; за ними высадившиеся части могли укрываться от пулеметного и ружейного огня защитников берега. Но прежде чем до них добраться, приходилось преодолеть целый лабиринт проволочных заграждений.

Взять штурмом турецкие позиции было невозможно без тщательного предварительного обстрела судовым огнем. Именно это обстоятельство и заставило генерала Гамильтона отказаться от идеи ночной высадки, помимо чисто морских технических трудностей. Однако же, несмотря на

прекрасную погоду, стрельба с судов здесь оказалась трудной, так как берег был окутан утренним туманом, не позволявшим ясно видеть береговые предметы. Тем не менее, около 5 час. утра обстрел был в полном ходу.

В одной миле мористее участка W, стоял „Swiftsure“ под флагом Никельсона, прикрывавший своим огнем высадку; в таком же расстоянии от участка V держался „Albion“. В течение одного часа они обстреливали все возвышенности побережья, что, однако же, оказалось напрасной тратой снарядов. В 5 час. 40 мин., когда должна была начаться высадка, надбрежный туман был настолько силен, что пришлось прекратить огонь. Когда шлюпки направились к берегу, стрельба была возобновлена. Войска запоздали. В 4 час. 0 м. „Euryalus“ посадил пришедший на нем первый бросок войск на шлюпки—три роты стрелков и взвод (50 человек) морской пехоты; четвертая рота должна была подойти на „Implacable“. Шлюпки отвалили во-время, но неожиданно сильное течение и слабость некоторых паровых катеров не давали им возможности быстро продвигаться вперед. Около 5 час. 50 мин., когда „Euryalus“ пошел с шлюпками к берегу, „Swiftsure“ сделал свой последний залп. В 7 кабельтовых от берега „Euryalus“ застопорил и стал севернее „Swiftsure“. Суда возобновили стрельбу, чтобы не дать расположенным вдоль берега турецким войскам открыть огонь по приближающимся десантам. Как только были отданы буксиры, и шлюпки подошли вплотную к берегу, огонь пришлось прекратить; в то же мгновение окопы ожили, и турки открыли жесточайший огонь из ружей, пулеметов и бомбометов. Прежде чем шлюпки коснулись грунта, они были переполнены убитыми и ранеными, а проволочные заграждения впереди оказались едва тронутыми судовыми снарядами; под ногами выскочивших из шлюпок людей начали взрываться мины. Многие падали в воду через подводные проволочные заграждения и тонули под тяжестью амуниции. У западного конца береговой полосы, около Теке-Бурну, расположены скалы, у которых высадка казалась возможной. Лево-фланговые буксиры направились туда. Там действительно удалось высадить войска с малыми сравнительно потерями и даже отобрать у турок несколько хорошо укрытых пулеметов. В то же самое время корабли приблизились к берегу, и, благодаря их помощи, три роты,—вернее их остатки,—прошли через проволочное заграждение и начали на берегу быстро сосредоточиваться для атаки.

Перевозившие войска матросы, совершенно беззащитные, несли громадные потери; на некоторых шлюпках оставалось нераненными не более 2-х гребцов. Медленно шлюпки возвращались на суда. К 9 час. 30 мин. удалось перебросить

на берег свежие войска. Можно было ждать скорого соединения обеих групп, высаженных по обе стороны Теке-Бурну. Однако, на участке V еще не было ни малейших признаков успеха.

Высадка на этом участке была наиболее рискованной; поэтому методы там принимались несколько иные. Так же как и на участке W, первый эшелон войск (три роты стрелков и взвод морской пехоты) был посажен с эскадренных тральщиков на судовые шлюпки,—каждая под управлением мичмана и 6 матросов. Шлюпки, по 3—4, шли на буксире шести паровых катеров. Остальные войска (всего около 2.500 чел.), предназначенные для высадки в первую голову, шли на угольщике „River Clyde" и должны были высадиться с него на берег под самым Седд-эль-Бар.

Операцию предполагали начать в 6 час. утра, когда „River Clyde" должен был отделиться от „Albion" и идти прямо к берегу. Но и тут шлюпки запоздали. Командующему „River Clyde" было приказано подойти к берегу, после того, что люди со шлюпок высадятся.

Когда первые катера отдали буксиры, и весла были выкинуты, с берега открыли жесточайший огонь. Через несколько минут на шлюпках были почти одни только убитые и раненые; их беспомощно несло по течению. Лишь одиночным людям удавалось добраться до берега и залечь под прикрытием дюн.

Казалось, что спасти положение мог один только „River Clyde". Он приближался, имея на бортовых буксирах шаланду и большие лихтера. Батареи азиатского берега открыли по нем жестокий огонь; тем не менее, командиру удалось встать точно на месте, ему указанном. Казалось, все идет ладно. Но глубины в этом месте оказались меньше показанных на карте; шаланда коснулась дна почти тотчас же после „River Clyde"; лихтера, которых надо было протолкнуть к берегу для устройства временной пристани, понесло по течению.

Таким образом, план не удался. Командующий пароходом и с ним несколько человек спрыгнули в воду и по пояс в воде старались направить лихтера на место и наладить временную пристань. Через несколько минут напряженной работы им это удалось. Одна рота получила приказание, несмотря на убийственный огонь, сойти на берег. Не более чем одному взводу удалось высадиться; многие при переходе с одного лихтера на другой были убиты. К тому же налетевшим шквалом один из лихтеров отнесло на более глубокую воду. Ротный командир спрыгнул в воду и добрался до берега; но те из солдат, которые последовали его примеру, тонули под тяжестью амуниции. Командующий „River Clyde", Удвин, взялся снова за работу.

В течение часа, под жестоким огнем неприятеля, он с несколькими человеками вновь старался наладить пристань. Установленные на мостике пулеметы в свою очередь обстреливали берег: огонь был столь действительным, что турки не рисковали высовываться из окопов, и стрельба их ослабла.

К 8 час. плавучий мост был снова наведен. Тогда, под прикрытием пулеметов, другая рота попыталась перебраться на берег. Турки снова усилили огонь, и через несколько мгновений весь плавучий мост был покрыт убитыми и ранеными. Высадку пришлось прекратить. Решили оставшихся людей пока не выводить из парохода. Уже вышедшие на берег нашли себе защиту под прикрытием дюн. Единственную действительную помощь можно было ждать от судового огня.

Вблизи находился только один „Albion“, но он мало что мог сделать: полчаса тому назад было получено радио от „Nelson“, стоявшего внутри пролива, с требованием прекратить огонь, так как головные части войск, высадившихся со стороны бухты Морто, заняли деревню Седд-эль-Бар и снаряды „Albion“ могли легко попасть в своих. „Albion“ поэтому было приказано обстрелять возвышенность 138,—подготовить атаку одного из полков, продвигавшегося из района W. Одной полуроте стрелков удалось высадиться с восточной стороны форта Седд-эль-Бар, в мертвом пространстве, куда не доставали неприятельские пули. Но, как только эта часть стала подниматься по крутому берегу к деревне, по ней был открыт жестокий огонь из ружей и пулеметов. Несмотря на громадные потери, стрелки повторили свои атаки и продвинулись столь близко к деревне, что с судов казалось будто они уже заняли последнюю. Однако, занять деревню оказалось невозможным, главным образом, из-за меткого огня через амбразуры полуразрушенного форта. Оставшимся людям пришлось отступить к берегу, где они были вновь посажены на шлюпки.

Другой корабль, „Cornwallis“, был вызван на помощь „River Clyde“; однако, и этот корабль не мог быстро подойти, так как был занят в другом месте. Ему было поручено руководство высадкой в бухте Морто, где, вследствие неблагоприятных для высадки условий местности, хотя и пришлось высаживать минимум людей, но, тем не менее, именно этот участок имел весьма важное значение, так как должен был обеспечить правый фланг войск, высаживающихся на главном участке V и W. Для высадки в бухте Морто был назначен один из лучших батальонов XXIX дивизии, недостаточно тренированный, однако, в специально-десантном деле. Таким образом, здесь многое зависело от степени успешности судового огня. Перед высадкой, командир

„Cornwallis“ получил радио от Вемисса с приказанием, высадив войска, не отходить с кораблем сразу на позицию, с которой предполагалось бомбардировать берег, а оставаться вблизи и оказать высаживающимся всяческую поддержку. Командир счел, что приказание это было вызвано особыми опасениями за этот именно район, находившийся под обстрелом азиатских батарей. Для обстрела берега были назначены „Lord Nelson“, стоявший в самой бухте Морто, и „Vengeance“, занявший позицию в одной мили севернее, у устья реки Керевец-Дере. Кроме того, внутри пролива держались „Prince George“, для наблюдения за азиатскими батареями и „Agamemnon“, для прикрытия флотилии тральщиков. Кроме указанных пяти судов, внутри пролива находились еще три французских линейных корабля, для поддержки высадки французов на азиатском берегу. Таким образом, прикрытие в этом районе было чрезвычайно сильным. Командир „Cornwallis“ понял свою задачу несколько своеобразно. Для порученного ему района не хватало миноносцев и паровых катеров; 4 тральщика, каждый с 6 шлюпками на буксире, должны были взять десант на себя. Тральщики получили приказание идти к берегу, пока не коснутся дна. Тем не менее, дистанция, которую шлюпки, с неопытными в десантном деле войсками, должны были пройти до берега на веслах, была значительна; солдатам приходилось грести самим, ибо на каждую шлюпку могло быть дано только лишь по два матроса. Первая рота должна была быть высажена у восточного мыса бухты и занять старую брошенную батарею Де-Тотт. Берег внутри бухты был весь в окопах; туда были направлены 2 роты. Правый фланг высадившихся находился под прикрытием судовых орудий, а левый висел в воздухе. Командир „Cornwallis“ уговорился с местным сухопутным начальником, что он пошлет судовой десант в судовых шлюпках для прикрытия левого фланга высадки и, кроме того, даст 25 матросов, чтобы помогать на берегу пристающим шлюпкам и ускорить выгрузку патронов.

Ночью, в месте рандеву у устья пролива, десант перешел с „Cornwallis“ на тральщики. На рассвете десант перевели с тральщиков на шлюпки, и в то время, когда последние на буксире тральщиков двинулись вперед, чтобы пройти оставшиеся 2—3 мили вдоль берега, „Cornwallis“ открыл огонь по побережью и по прилегающим возвышенностям. Как только рассвело, азиатские батареи открыли огонь по приближающимся шлюпкам, не причинив, однако, им больших потерь. К этому времени 10 миноносцев и 5 тральщиков, под прикрытием „Agamemnon“, закончили траление бухты. „Lord Nelson“ и „Vengeance“ заняли свои позиции и в 5 час. утра начали обстрел берега. Только лишь около 7 час. 30 м.

тральщики, задержанные сильным течением, прошли мимо „Lord Nelson“. Несколькими минутами позже они коснулись грунта, в кабельтовых двух от берега. Шлюпки приближались к побережью в полной тишине; но, как только солдаты выпрыгнули в воду, по ним с берега был открыт жесточайший огонь. Тем не менее, в 7 час. 50 мин., все люди были уже на берегу. Стремительной атакой была взята первая линия турецких окопов. На левом фланге высадился десант „Cornwallis“, под личной командой командира корабля. Последний поставил свой корабль на якорь и, придавая особое значение действиям своего десанта, решил им руководить лично. Операции здесь протекали настолько успешно, что в 8 час. 30 мин. утра батарея Де-Тотт и возвышенность, господствующая над ней, были в руках англичан, понесших сравнительно небольшие потери. Именно здесь союзное командование не надеялось достигнуть успеха.

Установленные здесь турками батареи не могли стрелять из-за чрезвычайно меткого судового огня; лишь одна глубичная батарея на севере бухты, время от времени, делала случайные выстрелы. Что касается пехоты, защищавшей этот район, то действие на нее судового огня было совершенно деморализующим.

Стрельба азиатских батарей оказалась не столь действительной, как от них ожидали, благодаря сосредоточению по ним огня „Prince George“ и французских судов. Хотя французские головные части начали высаживаться не ранее 10 ч., корабли открыли огонь около 5 час. 45 мин., за $1^1/_2$ часа до начала высадки в Морто-Бай. Снаружи пролива находился русский крейсер „Аскольд“, поддерживавший, по словам Корбетта, „свою репутацию лихого корабля и возбуждавший всеобщее восхищение точностью своей стрельбы“, и там же действовала „Jeanne D'Arc“, стрелявшая по Кум-Калэ, Иени-Шер и Оркание. Около 8 час. „Jeanne D'Arc“ получила приказание идти полным ходом в бухту Башика, где демонстрировал высадку французский вспомогательный крейсер „Lorraine“ с 5 транспортами и одним миноносцем. Эффект демонстрации был не менее действительным, чем таковой в заливе Ксерос: Вебер-Паша направил в бухту Башика одну из двух дивизий, сосредоточенных около Трои. Французский штаб решил высадить в районе Кум-Калэ целый полк, использовав для этого пристань, где некоторое время тому назад высаживался английский десант. Французы были встречены сильным огнем. Состоявший при французском штабе офицер английской морской пехоты убедил генерала д'Амад высадиться несколько дальше в мертвом углу обстрела фортов. В 6 час. 20 мин. французский адмирал сделал сигнал начать высадку. Французы не были достаточно тренированы в десантном деле; поэтому приготовле-

ния шли медленно; к тому же старые французские паровые катера не выгребали против течения; их пришлось заменить миноносцами. Ввиду этих трудностей прошло около 3-х часов, прежде чем десант достиг берега. Французы попали под сильный огонь пулеметов, частью укрытых в ветряной мельнице в устье реки Мендерэ. Благодаря удачному обстрелу берега судовым огнем, остальная часть войск высадилась без серьезного сопротивления. Головные части были высажены к 10 час. 30 мин. Головной полк занял форт и деревню Кум-Кале и побережье к югу от них, и ожидал подкреплений, чтобы атаковать кладбище у Иени-Шер. Там развернулся один батальон III турецкой дивизии, резервы спешили ему на помощь из расположенного в 6 милях Киппакей.

В это время головные части английских войск более или менее прочно заняли указанные им плацдармы повсюду, кроме участка Седд-эль-Бар. Там было решено произвести новую попытку занять берег. В 8 час. 15 мин. на „Queen Elizabeth“ подошли Робек и Гамильтон и, убедившись, что деревня Седд-эль-Бар не занята англичанами, открыли по ней огонь из 15-дюйм. пушек. „Albion“, стоявший тут же, просил разрешения послать две шлюпки, чтобы исправить плавучую пристань „River Clyde“. Около 10 час. с корабля был послан паровой катер и барказ с подвязанными под банками, для увеличения плавучести, анкерками, с командой из добровольцев. Однако же, огонь с берега был настолько силен, что работать не было возможности.

Начальнику бригады в это время удалось перебраться на „River Clyde“. По его настоянию, вызвали 2 роты, чтобы вновь восстановить плавучую пристань,—но тщетно. Шварговы, скреплявшие отдельные лихтера, тотчас же оказались простреленными; прежде чем люди успели добежать до крайнего лихтера, его сдрейфовало в глубокую воду. Огонь с берега был настолько силен, что никто из пытавшихся восстановить пристань не остался в живых; даже те, кто ложились на дно лихтера, чтобы укрыться от выстрелов, были почти все убиты.

В 8 час утра „Lord Nelson“ известил командование, что возвышенности Эски-Хиссарлик заняты. Робек сделал сигнал „Cornwallis“ занять новую позицию, но командир этого корабля был на берегу со своим десантом, и лишь в 10 час. „Cornwallis“ мог исполнить приказание адмирала. Огонь с азиатского берега по стоявшим в бухте Морто судам стал слабее. Было решено оставить всякие попытки высадки с „River Clyde“ до ночи. Частям полка, предназначенным для высадки в районе Седд-эль-Бар, было приказано высадиться на участке W. Там продвижение головных частей вглубь было приостановлено тотчас же после того,

как они заняли прибрежные возвышенности. На правом фланге участка стрелкам удалось проникнуть в развалины маяка Хеллес и установить, для сношения с судами, сигнальную станцию. Около 8 час. утра казалось, что меткая стрельба с судов заставила турок эвакуировать высоту 138. Но когда английские стрелки приблизились, окопы оказались занятыми и проволочные заграждения впереди них целыми. Вообще проволочные заграждения страдали чрезвычайно мало от судового огня.

По турецким сведениям, в районе Теке-Бурну—Седд-эль-Бар было расположено 4 роты пехоты и одна рота саперов. На левом фланге участка W атаки англичан на высоту 114 также были отбиты. Попытка 2-х рот гвардейских стрелков напасть на турок с тыла, со стороны участка X, также не удалась. Однако, когда подошли подкрепления, атака была повторена, и к 11 часам удалось занять возвышенность 114 и взять 40 пленных. В это время левый фланг войск, шедших из района X, был отжат к берегу с тяжелыми потерями; одно время положение этого фланга казалось крайне опасным. Со стороны участка Y нельзя было ждать помощи; там войскам, оказавшимся совершенно обособленным, без какой-либо поддержки, с висящими в воздухе флангами, пришлось около 10 часов отойти к берегу.

Эта неудача была особенно чувствительна. После поражения у Седд-эль-Бар, казалось особенно важным развить успех именно в этом направлении. Около 9 час. Гамильтон решил усилить войска на участке Y. В распоряжение Робека имелись свободные тральщики, и около 9 час. 30 мин. генерал Уэстон, командовавший войсками на участке Y, был запрошен—согласен ли он перебросить часть войск на участок Y. Посоветовавшись с Вемиссом, Уэстон отклонил это предложение, на основании мнения своих морских коллег, что такая переброска войск спутает все планы высадки.

На участке X дела шли лучше. При поддержке двух только что высаженных батальонов, была произведена решительная атака, отбросившая турок на километр от берега. Удача войск на участке X дала им возможность к полдню войти в прочную связь с войсками участка W, где к этому времени англичане уже были на северной стороне 114.

Ввиду того, что шлюпки в районе W во время подхода к берегу перепутались, высадка там сильно задержалась. Головной полк не мог быть высажен ранее 9 час. 30 мин. Несмотря на присланные подкрепления, захватить возвышенность 138 не удалось; огонь с нее был настолько силен, что продвинуться вперед не было возможности. Поддержки со стороны Седд-эль-Бар, конечно, нельзя было ожидать. Надежды овладеть в этот день возвышенностью Ачи-Баба рухнули.

Но и дела турок были не хороши. План генерала Сандерса был построен на неприступности южного побережья. Повидимому, лишь один полк 9-ой дивизии мог быть использован в южной части полуострова. Два полка, находившиеся в резерве, были далеко; один из них был обращен против участков X и Y, когда подошел к Критии. Около полудня Эссад-Паша прибыл в Майдос, где узнал, что часть резервов XIX дивизии уже посланы в Габа-Тепе. Он был так обеспокоен угрозой, созданной австралийцами против сообщений турок, что послал 3-й полк против них. Таким образом все резервы турок оказались истощенными.

Под прикрытием непрекращающейся бомбардировки с моря, англичане продвигались к центральной возвышенности 138. Судовой огонь сильно деморализировал турок. Около 1 час. 30 мин. один батальон подошел к юго-восточному склону возвышенности, но был там остановлен весьма сильными проволочными заграждениями. Английские войска были к ним так близко, что заграждения эти не могли быть разрушены судовым огнем, из опасения попасть в своих; поэтому охотники начали орудовать ножницами для разрезания проволоки, при чем снаряды с судов пролетали над самыми их головами. В течение 2-х часов продолжался жестокий бой. К туркам подошли подкрепления — один полк, сразу брошенный в бой. Потери у турок были очень значительны. Благодаря точному огню „Swiftsure", в проволочных заграждениях в конце концов удалось сделать бреши. В 4 часа англичане взяли не только возвышенность, но и редут, в котором сосредоточивались значительные силы турок.

У Седд-эль-Бар все оставалось попрежнему. Засевшие в расположенных около маяка Хеллес окопах турки не давали возможности скрытым в „River Clyde" войскам выйти на берег, а также двинуться вперед людям, уже высадившимся со шлюпок и укрывшимся за дюнами. Последние сильно страдали под лучами весеннего солнца. Для освобождения их, один батальон был двинут вперед, чтобы взять маяк Хеллес и обойти турецкие позиции с тыла. Но и здесь на пути оказались сильнейшие проволочные заграждения, защищаемые с флангов сильным пулеметным огнем. Снова двинулись вперед охотники с ножницами для разрезания проволоки, чтобы открыть наступающим дорогу. Однако же, турецкий огонь становился все сильнее и сильнее, и атаку пришлось прекратить.

К 4 час. дня английские войска заняли сплошную линию от района „Implacable" до мыса Хеллес. Командование южным участком ошибочно считало, что эта линия тянется без перерыва до участка Y. На последнем, в 3 часа, начались яростные атаки турок. Благодаря сильному огню „Gaulois" „Dublin", „Sapphire" и „Amethyst", турки к

5 часам были отбиты, но соединиться с участком X англичанам не удалось.

На азиатском берегу операции французов развивались также неудовлетворительно. Около полудня началась главная высадка; в 2 часа 30 мин. вся пехота была на берегу; могло начаться общее наступление. Французы, однако же, были встречены столь сильным огнем, что двинуться вперед оказалось невозможным. К 5 час. была свезена также и артиллерия. По французким батареям тотчас же открыли огонь турецкие гаубичные батареи.

Воздушная разведка доносила о подходе сильных подкреплений. Французское командование решило не начинать решительных атак, т. к. французским войскам была поручена лишь диверсия. Поэтому они остались на побережьи, где все попытки турецких атак легко могли быть отбиты огнем кораблей, расположенных вдоль всего побережья. Суда, стоявшие в проливе, усиленно обстреливали подходящие подкрепления с севера. Высадка французов настолько отвлекла огонь азиатских батарей, что впоследствии Гамильтон жалел, что не высадил у бухты Морто более значительных сил.

Турки сильно теснили высаженные на крайнем левом фланге австралийские и новозеландские войска. Контр-атаки турок были беспрерывны и велись превосходными силами. Как мы видим, турки сильно опасались за свои сообщения и двинули против АНЗАК [1]) все, что могли. Каждая высаженная рота австралийцев посылалась сразу же в огонь. Связь с берегом долго не могла быть установлена и поэтому управлять судовым огнем было не легко. Выдвинутая вперед позиция, занятая вначале австралийцами, была вскоре потеряна; овладеть ею вновь не удалось. Около 3-х час. подошли еще две бригады новозеландских и австралийских войск. Как раз в это время давление на левый фланг австралийцев было особенно сильным; но, благодаря меткому огню „Majestic“, который корректировался с аэроплана, положение удалось вскоре восстановить. Эвакуация раненых оказалась задачей не легкой; одно время их накопилось на берегу около 1500 чел. Движение шлюпок с ранеными было настолько интенсивным, что турецкий начальник дивизии принял его за обратную посадку войск на транспорта.

Спускалась сырая, темная ночь. Атаки турок продолжались беспрерывно; настроение войск падало. Возник вопрос об обратной посадке австралийского корпуса на транспорта.

Положение в бухте Морто и в районе Y также внушало серьезные опасения. Фланги войск на этих обоих участках,

[1]) Австралийский Ново-Зеландский Армейский Корпус.

не добившись контакта с соседними частями, висели в воздухе. Ввиду невозможности ночью обстреливать с судов турецкие позиции, туркам, если бы они получили подкрепление, могла удастся попытка сбросить десант в море.

Резервов у союзников больше не было.

Робек приказал „Lord Nelson" и „Agamemnon" стать на ночь на якорь против участка Y, а кораблям „Prince George" и „Vengeance"—в бухте Морто.

Демонстрация в заливе Ксерос протекала по точно выработанному плану. После длительной бомбардировки началась примерная высадка, незадолго до наступления темноты. Около 1200 человек были посажены на шлюпки, которые затем буксировались к берегу тральщиками. Демонстрация была произведена не у Булаира, а в трех милях севернее острова Ксерос, около деревни Карахали. До 9 час 30 мин. войска оставались на берегу, не встретив сопротивления. Затем они были перевезены обратно на суда. На берегу остались небольшие партии, которые развели костры, чтобы убедить турок в присутствии там английских войск. Разведка внутрь страны показала, что турок вблизи нет. Обстановка складывалась столь благоприятно для действительной высадки, что местные начальники запросили разрешения произвести ее на самом деле на следующий день.

Отдав приказание на ночь для южных участков, Робек в 11 час. вечера пошел на север, чтобы посмотреть, каково положение войск на Анзакском фронте. Около полночи на флагманский корабль прибыл старший морской начальник участка Анзак адмирал Терсби и два начальника бригад, чтобы доложить о положении на берегу. Они привезли письмо командира австралийского корпуса, генерала Бердвуда, в котором тот выражал сомнение, что утомленные атаками неприятеля неопытные войска смогут оказать решительное сопротивление в течение последующего дня. Войска были в таком состоянии, что энергичная атака турок могла бы привести к катастрофе. Если будет решено их взять обратно на транспорта, то это следует сделать как можно скорей. Осведомившись о количестве времени, которое потребуется на обратную посадку, и узнав от Терсби, что она продлится не менее 3-х дней, а также, что турки расположились непосредственно за линиями австралийцев и, следовательно, вся обратная посадка должна быть произведена под огнем неприятеля,—Гамильтон взял на себя решение послать на берег категорическое приказание держаться во что бы то ни стало. В течение ночи остатки австралийского корпуса были свезены на берег.

Указанное только что решение Гамильтона не дало возможности согласиться на предложение командира „Canopus" развить операции в сторону Булаира. Робек решил сделать

все, что от него зависело, чтобы облегчить положение австралийцев на берегу и, в крайнем случае, быть готовым на эвакуацию. Командиру „Canopus“ было приказано собрать все шлюпки и прибуксировать их в район Габа-Тепе, оставить все свои транспорты в распоряжение командира „Dartmouth“ и идти на поддержку „Majestic“, стоявшего за левым флангом австралийцев. „Doris“ должна была действовать вместе с „Triumph“, в то время как Робек на „Queen Elizabeth“ стал против правого фланга позиции, южнее Габа-Тепе. Каждому кораблю был поручен особый участок берега, который он должен был обстреливать. Было приказано насколько возможно усилить стрельбу на следующий день. Все наличие оставшихся на Мудросе свободных лихтеров и тральщиков направлено к побережью АНЗАК. Незадолго до рассвета, Булаирские тральщики с 36 шлюпками вышли к Габа-Тепе.

26-го апреля.

Во время ночи дождь прекратился; утро было ясным и тихим, как в предшествующий день. Ночь австралийцы провели сравнительно спокойно, не подвергаясь атакам турок. Выгруженные на берег орудия были втащены на вершину возвышенности, там установлены в складках местности и замаскированы. На настроение войск не мог не влиять вид внушительных линейных кораблей и крейсеров, выстроившихся у них в тылу и готовых оказать мощную поддержку.

Эскадра Терсби была усилена линейным кораблем „Queen Elizabeth“. Пришедшие из залива Ксерос суда расположились против южного участка фронта. В течение ночи были доставлены на берег громадные количества воды и снаряжения. На берегу сосредоточены значительные резервы. Англичане сделали все, что было в их силах, чтобы дать отпор ожидавшейся на следующий день атаке.

Как только рассвело суда открыли огонь по намеченным целям; однако же, найти точное место стрелявших береговых батарей было чрезвычайно трудно, и последние продолжали осыпать австралийцев градом снарядов. В течение двух или трех часов положение австралийского корпуса оставалось критическим: кое-где они уступили свои позиции. Однако же, на решительную атаку турецкие войска не шли, так как судовой огонь на них действовал деморализующе. Около 9 час. утра „Queen Elizabeth“ удалось привести к молчанию самые беспокойные турецкие батареи. Вести с берега стали получаться более утешительные.

Флагманский корабль перешел к южным участкам, откуда не поступало донесений.

Как только стемнело, была вновь сделана попытка восстановить мост между „River Clyde“ и берегом. Это удалось выполнить вскоре после полуночи. Войска вышли на

берег и атаковали турок. Часа через два им пришлось отступить под натиском последних; тем не менее, удалось восстановить связь с участком W. Старший сухопутный начальник южного района донес, что XXIX дивизия будет не в силах захватить возвышенность 141, если не подойдут подкрепления. Гамильтон предложил ему прислать на поддержку французскую бригаду, остававшуюся в резерве на транспортах на Тенедосе. Генерал Уэстон просил бригаду эту прислать как можно скорей и высадить один полк на участке W, а другой у Седд-эль-Бар.

В это время была получена весьма тревожная телеграмма с участка Y. Это было около 8 час. утра. Старший местный сухопутный начальник извещал по радио, что надеется удержать возвышенность до тех пор, пока раненые будут эвакуированы. Телеграмма эта была совершенно непонятна, так как участок V все время считался наиболее благополучным. Эвакуация этого участка совершенно нарушила бы весь план наступления Гамильтона на Ачи-Баба: участок Y расположен на W от Ачи-Баба, всего лишь в 3—4 километрах. Флагманский корабль немедленно отправился на участок Y.

Оказалось, что на рассвете местный начальник, полковник Матью, доносил, что без боевых запасов и подкреплений ему не удержаться. Но радио это, повидимому, не было принято и ответа не последовало. Атаки турок на этом участке были чрезвычайно сильны и продолжались в течение всей ночи. В темноте суда ничем не могли помочь. Тем не менее, английские войска держались, несмотря на численное превосходство турок. В течение ночи турки пострадали и были утомлены всем не меньше, чем англичане. Присутствие линейного корабля „Goliath“ с 4 крейсерами, подошедших на рассвете близко к берегу, чтобы возобновить бомбардировку предшествующего дня, действовало на турок деморализующе. Как только суда открыли огонь, турки отошли.

Передышка была использована, чтобы вызвать судовые шлюпки и начать эвакуацию раненых. Но тут произошло недоразумение, в котором трудно разобраться. Повидимому, на правом фланге пришли к заключению, что приказано начать обратную посадку. Англичане покинули окопы и начали спускаться к берегу. Центр начал следовать за правым флангом. Турки немедленно перешли в наступление, но решительной контр-атакой были отброшены. В это время шлюпки появились в большом количестве у берега, и англичане начали посадку на них. Весь этот эпизод чрезвычайно неясен. Корбетт говорит, что, повидимому, войскам правого фланга было приказано отойти к берегу, чтобы войти в соприкосновение со стрелками, высаженными на соседнем

участке X. Будто бы это распоряжение было ошибочно принято за приказание начать отступление по всему фронту. Турки вновь начали нажимать и вновь были отбиты.

Под утро стало ясным, что необстрелянная морская пехота, высаженная на участке Y, сильно деморализована и утратила свою стойкость. Этим и была вызвана телеграмма полковника Матью (около 8 час. 35 мин. утра). В следующей телеграмме он извещал генерала Уэстона, что, несмотря на подошедшие подкрепления, ему придется отступить под прикрытие судовых орудий. На это полковник Матью получил разрешение. Откуда же получилось приказание начать обратную посадку,—остается невыясненным. Полковник Матью образовал из наиболее стойких батальонов, бывших в его распоряжении, арьергард, под прикрытием которого войска отступили к берегу.

Таково было положение, когда в 9 час. 30 мин. подошел сюда флагманский корабль. На берегу было все сравнительно покойно. Раненые перевозились на „Goliath“ и крейсера; с моря было видно, как группы солдат спускались к побережью. На „кораблях поддержки“ все были убеждены, что началась эвакуация берега и что на обязанности этих судов—закончить ее, как можно скорее. На „Queen Elizabeth“ было получено радио с крейсера „Sapphire“ с просьбой, чтобы линейный корабль сосредоточил огонь на возвышенности, для прикрытия обратной посадки. „Queen Elizabeth“ немедленно открыл огонь и в то же время старался по радио вызвать генерала Уэстона, от которого Гамильтон хотел получить об'яснения, так как был убежден, что приказание начать эвакуацию исходит от него, как от начальника дивизии. Не получив ответа, Гамильтон отправился на „Queen Elizabeth“ к мысу Хеллес, чтобы там выяснить настоящее положение дел.

Высаженные на участке X, 3 батальона сохраняли свои позиции; но было необходимо уведомить местного начальника об изменившейся обстановке и об опасности, в которой мог оказаться его левый фланг. В то же время он был извещен о предполагавшемся энергичном наступлении со стороны южного побережья, которое должно было начаться тотчас же после прибытия французских подкреплений.

В 10 час. 30 мин. утра флагманский корабль вошел в связь с „Euryalus“ (на котором находились Вемисс и Уэстон). Здесь Гамильтон узнал, что в Штабе дивизии ничего не известно об эвакуации участка Y. Немедленно было сделано срочное радио „Goliath“ с приказанием сообщить, чьим распоряжением начата эвакуация. Получился ответ, что шлюпки были потребованы с берега. Флагманский корабль находился у Хеллес; казалось, что уже ничего нельзя

поделать для предотвращения начатой эвакуации. Резервов не было: неудача на южных участках была столь серьезной, что все резервы (французская бригада) были направлены туда.

Около полудня к Гамильтону явился командующий французскими войсками д'Амад. На очереди стоял вопрос об эвакуации Кум-Калэ. Французское командование ее считало чрезвычано опасной: войска сильно укрепились, захватили 400—500 чел. пленных; тем не менее, они там не могли бы удержаться, не взяв основательно укрепленную деревню Иени-Шер. Чтобы оттуда выгнать турок, требовались сильные подкрепления. Высадка на азиатском берегу, как мы знаем, с самого начала рассматривалась, как диверсия. И усиливать там войска не было смысла, пока не будет взят плацдарм Ачи-Баба. Получив приказание начать эвакуацию, насколько возможно скорее и тем самым освободить свои войска для европейского побережья, д'Амад отбыл.

Тотчас после этого, Гамильтон отправился к Габа-Тепе, чтобы посмотреть, как идет дело. Около 2 час. 30 мин. дня „Queen Elizabeth" вновь проходила участок Y. Эвакуация шла уже полным ходом. Гамильтон должен был убедиться, что первоначальный план его—зайти в тыл турецких войск, защищавших позицию Ачи-Баба со стороны участка Y,—совершенно нарушен. Остановить эвакуацию не было возможности. Турки не мешали посадке войск. Как теперь известно, результаты судовой стрельбы были незначительны: судовые снаряды не могли разрушить проволочных заграждений и уничтожить орудий турецких батарей, но зато моральное действие судового огня было огромным. Передвижение турецких войск или перемена позиций отдельных батарей, могли совершаться только ночью. Лишь судовой огонь спас англичан от сильных атак на рассвете, которыми они наверное были бы сброшены в море. Благодаря удачной стрельбе „Implacable", туркам в этот день не удалось сосредоточиться в районе Критии.

На южных участках положение стало лучше. Незадолго до того, что Уэстон послал местному начальнику, полковнику Уаили, приказание не предпринимать ничего, пока не прибудут французские войска, последний начал, по своей инициативе, наступление. На рассвете войска этого участка, войдя в соприкосновение с правым флангом войск участка W, окопались около форта № 1. За ночь войска, оставшиеся на „River Clyde", прошли по одиночке на берег и расположились южнее Седд эль-Бар. На рассвете предположено было взять деревню; однако же, расположенные в развалинах старого форта пулеметы нанесли англичанам сильные потери. По сигналу с „River Clyde", „Albion" сосредоточил огонь на этих развалинах и разнес их совершенно. Высадившиеся войска сделали поиск по направлению к деревне, под при-

крытием судового огня. Около 11 час. 30 мин. утра англичане взяли деревню; Уаили потребовал поддержки судовой артиллерии, чтобы штурмовать расположенный за деревней старый замок и возвышенность 141. В обстреле принимал участие и „Lord Nelson“, стоявший в бухте Морто и заметивший окопы, наполненные солдатами, которые ему удалось обстрелять продольным огнем. Около часу дня „Nelson“ увидел отступающих через лес турок и открыл по ним беглый огонь. В результате, еще через час, старый замок был в руках англичан. Уаили теперь ожидал бомбардировки возвышенности 141, чтобы взять и ее штурмом. Тогда все возвышенности, господствовавшие над южным побережьем, перешли бы в руки англичан без помощи французов. Этот значительный успех был достигнут войсками, положение которых было значительно опаснее, чем на участке Y. Еще лишнее доказательство—насколько необходимо использовать для высадки только лишь опытные войска.

В районе Габа-Тепе события развернулись подобным же образом. Утром там турки начали решительную атаку. „Queen Elizabeth“ подоспел как раз во время, чтобы принять участие в артиллерийской подготовке. Для корректировки стрельбы удалось наладить телефонную связь с берегом. Идти в атаку туркам приходилось через пространство, открытое для судового огня. Атаки турок были отбиты; однако же и австралийские войска сильно страдали под огнем турецких батарей, установленных на окрестных высотах. Свезенная на берег австралийская артиллерия ничего не могла поделать; ее выгрузка задержалась тем обстоятельством, что, время от времени, турецкие суда появлялись в верхней части пролива, откуда они открывали перекидной огонь по транспортам, заставляя их удаляться от берега. Обычно нескольких залпов с британских кораблей, корректируемых с аэростата, бывало довольно, чтобы отогнать эти суда; тем не менее, задержка была серьезная. Установленная на берегу австралийская артиллерия, а также огонь с судов, не давали туркам возможности сосредоточить силы для возобновления атаки. В 4 часа наступательный порыв турок изсяк; австралийцы перешли в наступление; еще через полчаса общее положение на участке было настолько удовлетворительным, что Гамильтон мог вернуться на юг.

Там обстановка изменилась к лучшему. Французские транспорты прибыли, но войска еще не были высажены. Без их помощи, при поддержке судового огня, англичане взяли штурмом высоту 141 и укрепления на ней. Турки отступили и заняли позиции на половине расстояния между южным берегом и деревней Крития. Линия англичан была восста-

новлена от Теке-Бурну до Седд-эль-Бар, и самый опасный участок берега теперь стал возможным для высадки.

Таким образом закончился второй день одной из наиболее сложных десантных операций в военно-морской истории. Много за этот день было сделано; но все же результаты совершенно не соответствовали надеждам. Первоначальный план предусматривал, что к концу второго дня вся позиция Ачи-Баба—Крития уже будет в руках англичан; Анзак должен был быть на возвышенности, которая господствовала над главными дорогами, ведущими с севера на плато Килид-Бар.

На самом же деле, на всех участках войска едва продвинулись немного дальше плацдарма, занятого при высадке головными частями. Надежда окружить выдвинутые на юг части противника рухнула совершенно. Высадившиеся в бухте Морто войска все еще оставались изолированными. Когда на утро туда прибыли головные части VII турецкой дивизии, англичанам пришлось отступить к самому берегу и сосредоточиться у батареи Де-Тотт.

На западном берегу полуострова, на участке У, эвакуация закончилась. Развить немедленное наступление оказалось невозможным. Потери у англичан были громадны; некоторые батальоны потеряли половину своего состава. Войска были совершенно переутомлены. Вопреки всем правилам, английские части были высланы без обычной надбавки 10% на убыль. Нужды английской армии во Фландрии всегда ставились в первую очередь; в результате, XXIX дивизия, одна из лучших, не могла эксплоатировать своего первоначального успеха. Войскам было необходимо дать день отдыха.

Появилась новая забота, что батареи азиатского берега, после отступления французов, начнут сильный обстрел английских позиций в бухте Морто; ввиду приостановления наступления, высаженным там войскам приходилось быть предоставленным самим себе. После того, что французский генерал д'Амад покинул „Queen Elizabeth" с приказанием начать обратную посадку французских войск, к Гамильтону явился Робек с начальником штаба, чтобы убедить его отменить приказание и заставить французов продержаться лишние сутки, пока не будет возобновлено наступление. Гамильтон не хотел изменять своего решения. Около 7 час. вечера к нему явился французский адмирал Гепратт с донесением, что на берегу все благополучно, и позиции там прочно заняты. Повидимому, туркам нанесены серьезные потери, и они не намерены возобновлять своих атак. Французский адмирал, так же как и Робек, считал, что не следует начинать эвакуацию, ибо это могло дать туркам воз-

можность перебросить свои войска на европейский берег и затруднить наступление союзников. Гепратт покинул флагманский корабль с приказанием отменить эвакуацию. К несчастию для англичан, уже было слишком поздно: в 2 часа Гепратт сообщил на „Queen Elizabeth“, что эвакуация в полном ходу и не может быть приостановлена.

27-го апреля. 27-го апреля подошедшие из Тенедоса французские войска были высажены без сопротивления на участке У. Теперь уже плавучая пристань из барж и лихтеров между берегом и „River Clyde“ действовала вполне исправно. Вся бригада на утро могла быть высажена. Уэстон приказал начать общее наступление, чтобы соединиться с частями, высаженными в бухте Морто. Движение вперед предполагалось начать, как только будут готовы французы,—около полудня. Снятые с азиатского берега французские войска теперь являлись весьма ценным резервом. Их эвакуация прошла вполне благополучно, благодаря заградительному огню французских судов, создавшему огневую завесу между Иени-Шер и горой Ахилес. Отступление началось после 10 час. вечера. Турки открыли жестокий огонь со стороны Интепе, который был быстро ликвидирован судовым огнем. В 2 часа ночи на берегу оставались лишь арьергардные части, а в 5 часов все войска были на транспортах и двинулись к Тенедосу.

В районе Габа-Тепе, куда „Queen Elizabeth“ прибыл рано утром, неприятель не выказывал особой активности. В 8 час. утра генерал Бердвуд двинул вперед свой левый фланг. Контр-атака турок была отбита; но, тем не менее, потребовалось некоторое время, чтобы сорганизовать войска для нового наступления. Войска страдали от сильного перекидного огня со стороны пролива; повидимому, стреляли турецкие суда. Как оказалось впоследствии, движение австралийцев на пути сообщения турок настолько обеспокоило командование последних, что был вызван „Гебен“. На рассвете с авиобазы „Manica“ поднялся привязной воздушный шар, с которого сообщили, что стреляют „Гебен“ и „Тургут-Рейс“. „Queen Elizabeth“ тотчас открыл огонь по „Гебену“. Первый же залп лег так близко от „Гебена“, что последний немедленно отошел под защиту прибрежных скал. Примерно через час „Manica“ донесла о приближении к тому же месту, где был „Гебен“, отряда транспортов. Повидимому, они были присланы для переправки войск с азиатского берега. „Queen Elizabeth“ тотчас же открыл огонь и с третьего залпа попал в самый большой транспорт, затонувший через 5 минут. Стрельба велась на расстоянии 70 кабельтовых и корректировалась с шара. Турецкие транспорты стали

на якорь под берегом; перевозка турецких войск на этот раз не удалась.

Стрельба с „Queen Elizabeth“ показала турецкому командованию всю трудность переброски войск с одного берега пролива на другой. Как мы знаем, последняя еще была осложнена посылкою в пролив подводных лодок. Подкрепления были настоятельно необходимы, так как Сандерса, видимо, особенно беспокоил выход австралийцев на его тыловые сообщения. Он прибыл лично в Майдос и был свидетелем потопления самого большого из транспортов. Гамильтон, в свою очередь, решил усилить австралийцев и послал на Мудрос приказание отправить подошедшую тем временем индийскую бригаду на участок Габа-Тепе.

В то же время „Dartmouth“ должен был произвести, вместе с „Amethyst“ и несколькими транспортами, демонстрацию в глубине залива Ксерос.

Тотчас же после полудня, морской и сухопутный начальники отправились обратно к южному берегу, чтобы поддержать начавшиеся там операции. Как оказалось, турки решили предупредить ожидавшееся наступление англичан и перешли в атаку сами, со стороны Критии. Однако же, с судов заранее заметили турецкие приготовления к наступлению и усилили огонь по наступавшим частям. Туркам пришлось отступить. Крития была эвакуирована, несколько последующих атак турок не могли быть доведены до конца, ввиду сильного судового огня. В это же время два французских батальона, высаженные утром, заняли позиции на правом фланге XXIX дивизии. Высадка французов продолжалась на пристань „River Clyde“. Около 4 часов началась общая атака, под прикрытием судового огня и высаженных на берег полевых батарей. Артиллерийская подготовка была столь основательной, что турки не могли отвечать; время от времени стреляло несколько орудий с азиатского берега, которые не могли быть открыты и приведены к молчанию судовым огнем. По мере продвижения союзников, турки отступали. Линия фронта тянулась от Капудан-Тепе (севернее батареи Де-Тотт) до района Гулли. Таким образом, войска оказались на полпути между Критией и берегом. Сильнейший судовой огонь не давал туркам возможности оказывать сопротивления, и союзные войска наступали почти беспрепятственно на новые позиции в районе Критии. Лишь в долинах рек Цигхин, Кирте и Керевец, турки могли найти некоторую защиту от судового огня и сосредоточить запасы. Решительная атака союзников была назначена на следующий день. На флангах войск стояли суда, освещавшие ночью берег прожекторами и оберегавшие таким образом войска от неожиданных ночных атак.

28-го апреля.

Ночь, как на южном фронте, так и на участке Анзак, прошла спокойно. На рассвете 28 апреля „Dartmouth“ и „Amethyst“ продолжали свои демонстрации в заливе Ксерос. Демонстративная высадка на этот раз была произведена несколько западнее, в районе порта Ибрии. Турок там не оказалось. Разрушив пристани и потопив портовые баржи, десант вернулся на суда.

Атака турецких позиций в районе Критии началась с рассвета. Пять батальонов французов заменили англичан на правом фланге.

Здесь дается описание „первого боя под Критией“ лишь в самых общих чертах, ибо он должен быть отнесен к чисто сухопутным операциям.

Первый бой у Критии.

Французы получили приказание двинуться в направлении на Критию левым флангом, через восточную лощину, а правым флангом — через долину реки Керевец: движение французов должно было прикрываться огнем „Nelson“, „Vengeance“, „Cornwallis“ и „Albion“; „Prince George“, вместе с французскими кораблями, стрелял по азиатским батареям.

Левый фланг англо-французского фронта поддерживался линейным кораблем „Implacable“, стоявшим на своей старой позиции. Севернее его были расположены „Goliath“, „Dublin“, „Sapphire“. Туда же, около 10 часов, пришел „Queen Elizabeth“. В течение часа корабли стреляли, подготовляя атаку своим сухопутным товарищам; однако, из-за тумана, расстилавшегося над землей, стрельба не могла быть действительной. Первоначальное передвижение войск не встретило сопротивления. Лево-фланговый полк быстро продвинулся вперед между берегом и долиной Gully. Насколько трудно было поддерживать с моря такое движение вперед, видно из следующего примера: с корабля ясно наблюдались значительные массы войск, передвигавшиеся в направлении от неприятеля; одним на корабле казалось, что это турки, другим, что это отступающие англичане. Эти люди представляли собою великолепную цель для „Queen Elizabeth“ зарядившего два орудия шрапнелью. Так как каждый снаряд содержал в себе около 13.000 пуль, то, вероятно, в случае удачного попадания, почти все эти движущиеся люди были бы уничтожены. Но как отличить своих от неприятеля? Флагманский корабль не решился открыть огня. Вскоре выяснилось, что войска были неприятельские. Момент оказался упущенным. Две роты англичан заняли оставленные окопы участка Y. С корабля ясно видели, как началась рукопашная схватка. Теснившие англичан турки вышли на такое место, на котором флагманский корабль мог обстрелять их продольным огнем. „Queen Elizabeth“ выпустил

один 15-дюйм. снаряд; когда дым рассеялся, ни одного турка не было видно.

Контр-атака турок была приостановлена. Турки отступали через возвышенность, открытую для судового огня. Англичане возобновили свое наступление. Насколько обстрел с судов был действительным, видно из того, что, например, „Goliath“ подошел настолько близко к берегу, что мог ввести в действие свои 12-фун. пушки. Около полудня центр, после упорных боев, дошел до расстояния одной мили от Критии. Однако, левый фланг оставался неподвижным, и развить успеха не было никакой возможности. Роковая эвакуация участка Y сказалась особенно остро. На главном участке фронта начало не хватать боевых запасов. На правом фланге французы также ощущали недостаток боевых запасов.

Успех боя зависел от того, удастся ли англичанам оттеснить правый фланг турок. Если бы участок Y был прочно занят англичанами и там были бы сосредоточены боевые запасы, обстановка сложилась бы совершенно иначе. Эвакуация этого участка совершенно нарушила планы Гамильтона.

Пока войска находились у побережья, своевременная доставка боевого снаряжения и боевых запасов не была сложной; но, как только они от берега оторвались, недостатки службы тыла сказались особенно остро. Люди одного из морских батальонов были посланы за патронами к месту высадки (участка X). Когда эти люди перебегали через возвышенность, некоторые близлежащие части, потерявшие весь свой командный состав, приняли это за отступление и бросились бежать за ними. Хотя линия была скоро восстановлена, но организовать новую атаку уже не представлялось возможным. Гамильтон телеграфировал Уэстону, чтобы последний послал вдоль берега свои резервы на левый фланг, дабы они, под прикрытием огня „Queen Elizabeth“, заняли там выгодные позиции и укрепили бы этот фланг. Уэстон не принял радио и не отвечал. К этому времени атаки англичан ослабели по всему фронту. Недостаток патронов для пехоты и снарядов для артиллерии—делали невозможным отбить контр-атаки турок. Левое крыло французов продвинулось к Критии на расстоянии одной мили. Однако же, самое правое крыло французов должно было отойти под натиском турок и потянуло за собой назад все остальные французские части. Таким образом, центр союзников повис в воздухе. После 5 час. было приказано начать отступление. Турки не преследовали; повидимому, их войска были утомлены и опасались попасть под огонь с судов. Таким образом, к заходу солнца союзники окопались без нажима со стороны неприятеля на линии, отстоявшей очень далеко от той, которую предполагалось занять

в этот день. Правый фланг союзников находился несколько севернее батареи Де-Тотт; левый фланг занял позиции на участке Y; линия фронта образовала неправильный угол, вершина которого была удалена не намного от утреннего исходного положения. Даже ближайшие к Критии части теперь были удалены от нее значительно дальше одной мили, а от об'екта нападения, возвышенности Ачи-Баба, еще вдвое дальше.

С полной очевидностью выяснилось, что атаку нельзя будет возобновить, ввиду нехватки войск и неналаженности службы тыла. Но ждать подкреплений было неоткуда. На необученные войска морской дивизии нельзя было рассчитывать, резервов не было; индийская бригада еще не успела подойти; часть этой дивизии была использована для тыловой службы и резервов. На рассвете начальнику морской дивизии было приказано дать одну бригаду в распоряжение Бердвуда, до прибытия индийской бригады из Египта. Остатки морской дивизии должны были сделать демонстрацию в заливе Ксерос.

Таким образом закончилось первое неудачное наступление на Критию. Последующий день выявил совершенно новую обстановку.

28 апреля до 8-го мая.

Когда в Лондоне были получены сведения о неудаче союзников, там пришли к заключению, что необходимо озаботиться посылкой подкреплений. Мы знаем, что Китченер обещал помощь армии, если таковая понадобится. Но, обстановка на западном фронте, по мнению военных авторитетов, складывалась таким образом, что ни одного человека нельзя было снять оттуда. Единственным источником для посылки подкреплений является Египет. 29-ая индийская бригада вышла из Египта на Лемнос 26-го апреля. В Египте в то время оставалась одна территориальная дивизия и одна горная дивизия. Часть войск из Египта могла быть взята без особенного ущерба для дела, несмотря на то, что турки вновь начали проявлять активность: разведка доносила о сосредоточении восточнее канала значительных неприятельских сил. И на западных границах Египта было неспокойно, так как там турки возбуждали местное население против англичан. Однако же, союзное командование держалось того взгляда, что лучшая защита Египта—энергичные операции против Константинополя.

Китченер предоставил Гамильтону право воспользоваться стоявшей в Египте территориальной дивизией, если в том встретится надобность. Французы также обещали выслать подкрепления.

Мы не будем подробно останавливаться на событиях в Египте; попытки турок начать операции против канала

были быстро ликвидированы посланными туда французскими судами. Операции в Египте на Дарданелльском театре не отразились.

29 и 30 апреля. Последующие за неудачной атакой англичан два дня прошли в реорганизационных работах. Фронт был укреплен. Вся артиллерия свезена на берег и установлена на позициях. У Габа-Тепе бригада морской пехоты сменила австралийские части, понесшие особенно сильные потери. Неприятель не проявлял себя ничем. И его потери были чрезвычайно большими. Генерал Бердвуд назначил общее наступление своих частей (район Анзак) на 1-ое мая. Работа личного состава судов кипела. Все время приходилось перевозить на берег всяческие запасы, что выполнялось судовыми командами. Между кораблями и берегом была налажена прочная связь, дававшая возможность вести гораздо более точную стрельбу, чем прежде. Справиться нельзя было с одними только азиатскими батареями: они продолжали беспокоить южные участки. В течение последних трех дней попытки заставить замолчать эти батареи, чтобы иметь возможность возобновить траление в проливе, не привели ни к чему: несколько союзных кораблей получили серьезные повреждения.

В Мраморное море теперь начали посылать по две подводных лодки. Одна из них должна была действовать на турецких морских путях в Мраморном море.

30-го апреля „Lord Nelson“ был послан к Габа-Тепе с „Manica“, чтобы, при помощи привязного шара, обстрелять главную квартиру турок у Чанак-Кале. Поднятый аэростат обнаружил „Гебена“ [1]), стрелявшего по австралийским транспортам. После нескольких залпов „Nelson'a“, „Гебен“ скрылся за прибрежные скалы. Союзное командование, в то время, было особенно озабочено задачей—не дать туркам возможности подвести подкрепления. Посланные в Мраморное море подводные лодки не давали о себе знать, хотя, для связи с ними, был специально послан в бухту Ксерос один из крейсеров.

Гамильтон стоял перед трудным решением: сделать ли теперь же новую попытку захватить Критию, или же подождать подкреплений. Французский десантный корпус, сравнительно свежий, был весь высажен; но XXIX дивизия оказалась совершенно измученной предшествующими боями. Потери англичан доходили до 50%. Для замещения убыли требовалось свыше 5.000 человек; большое количество людей было занято перетаскиванием запасов.

---

[1]) Лиман Сандерс в своем труде утверждает, что ни „Гебен“, ни „Бреслау“ ни разу не заходили в пролив, а что стреляли оттуда лишь „Хайредин Барбаросса“ и „Тургут Рейс“.

1-го мая положение союзников несколько улучшилось, так как прибыла индийская бригада. Первоначальное намерение высадить ее у Габа-Тепе пришлось оставить, так как подкрепления были особенно нужны на южном участке. Запоздание этой бригады ощущалось очень остро; если бы она пришла неделей раньше, то польза от нее могла быть очень большой.

1-го мая.

Пассивность турецких войск убедила английское командование, что большие потери турок заставили их уступить инициативу союзникам. На самом деле это было не так. В течение последних ночей, турки успели перебросить с азиатского берега всю свою XI дивизию, которая до того была расположена в районе бухты Башика. За нею должна была последовать III дивизия, до того оперировавшая в районе Кум-Калэ. Турки решили в ночь на 2-ое мая дать решительный бой десанту. Командование войсками южного района было поручено германскому полковнику Соденштерну, который до того командовал V-ой дивизией, расположенной в районе Булаира. На турецком фронте не было заметно никакого движения, и к вечеру 1-го мая создавшееся впечатление, что турки решили ограничиться обороной, стало еще более убедительным; ночь была очень темная и безветреная, ни единого выстрела нигде не было слышно.

И вдруг, внезапно, после 10 час. вечера, сразу заговорили все турецкие батареи,—азиатские и европейские. Через несколько секунд артиллерия союзников начала отвечать. Артиллерийская дуэль длилась в течение получаса, после чего турки перешли в атаку. Союзники начали отступать. В темноте корабли не могли оказывать серьезной помощи. На левом фланге „Agamemnon“ стрелял, согласно указаниям с береговой сигнальной станции, по участку Y, так же как и „Implacable“, пользовавшийся светящимися снарядами. На самом правом фланге „Vengeance“ ничем не мог помочь французам—а как раз им-то поддержка требовалась особенно настоятельно: нажим на сингалезцев был настолько силен, что с трудом удалось предотвратить их паническое бегство. Гамильтон соединил под своим личным начальством резерв, в составе двух батальонов морской дивизии и индийской бригады, посланный на южный участок. В 2 часа ночи положение французов было настолько серьезным, что им на помощь пришлось послать один батальон морской пехоты. Около 4-х часов Уэстон сообщил, что его фронт был прорван в двух местах, но что положение восстановлено. Гамильтон в это время находился на „Arcadian“; он счел момент подходящим для начала всеобщего наступления. Несмотря на сильное переутомление войск, приказание было исполнено. Как только начало светать, суда приняли участие в бою. Союзники быстро продвигались вперед, пока не попали под

сильный огонь пулеметов, искусно укрытых в складках местности. Союзники не выдержали этого огня и отошли на свои исходные позиции. Сотни пленных были захвачены. Потери с обеих сторон оказались чрезвычайно серьезными. Английские войска снова очутились на полпути между берегом и Критией.

Полковник Соденштерн был намерен повторить атаку в следующую ночь. Главный удар предполагалось направить против французов. Командующий турецкими войсками Сандерс приказал эти атаки прекратить, перейти к позиционной войне и заняться усилением и укреплением позиции Крития—Ачи-Баба. Сандерс настаивал, чтобы турки продвигали свои окопы как можно ближе к окопам англичан, дабы лишить союзный флот, при подготовке атак, возможности обстреливать турецкие окопы, из опасения попадать в своих.

Укрепление турками своих позиций было вскоре обнаружено; несмотря на ограниченность боевых запасов, Гамильтон счел, что оставить дела в таком положении немыслимо. Турки работали весьма энергично; не подлежало сомнению, что через несколько дней им удастся создать неприступную позицию. Разведка доносила, что подкрепления идут не только с азиатского берега, а также и со стороны Адрианополя. Здесь нужно добавить, со слов Лимана Сандерса, что подкрепления и запасы шли главным образом морем. Грузы с ближайшей станции Урункепри (во Фракии) перевозились на верблюдах, вьюках и повозках, запряженных быками. Подвозить таким образом удавалось не более нескольких тонн в день. Грузовых автомобилей не было вовсе.

28-го апреля Адмиралтейство было уведомлено из Петрограда, что русский армейский корпус, уже посаженный на суда, вновь высажен на берег. Русское командование извещало, что он вновь может быть посажен в течение 10 часов. Однако же, операция в Галиции и крайние усилия, проявленные там немцами, заставляли думать, что русским придется этот корпус перебросить туда. Помочь мог только русский Черноморский флот. Робек просил Командующего Черноморским флотом, Эбергарда, произвести давление в районе Босфора, с тем, чтобы прекратить поток подкреплений, направляемых в Галлиполи.

За этот период времени Черноморский флот, занятый с начала года выслеживанием крейсеров Гебен и Бреслау, чтобы принудить их к бою, а также прекращением подвоза подкреплений и боевого снабжения для турецкой армии, действовавшей в Лазистане, несколько раз подходил к Босфору для разведки и бомбардировки его батарей.

28 марта произошла первая бомбардировка Босфора лин. кораблями „Три Святителя“ и „Ростислав“, при поддержке

всего Черноморского флота. Огонь был открыт в 10 ч. 34 м., с расстояния 67 кабельтовых, по фортам Эльмаз и Ривo, расположенным на восточном берегу Босфора. Рассмотреть батареи не было возможности. На берегу был произведен большой пожар. В 10 час. 45 мин. корабли перенесли огонь на батарею Анатоли-Фенер, на участке Румели-Фенер, на европейском берегу, и обстреляли внутренние батареи у пролива; всего было выпущено до 60 крупных снарядов.

По каждой цели стрелял сначала „Три Святителя", когда он переходил на следующую цель, по первой открывал огонь „Ростислав".

На следующий день русский флот вновь подходил к проливу, но, из-за тумана, бомбардировка была отменена.

Следующая бомбардировка Босфора состоялась 25-го апреля [1]). На этот раз флот обстреливал, кроме наружных, еще и внутренние форты, до Маджара включительно, а также перекидным огнем бухту Бейкос — место стоянки турецкого флота.

Операции Черноморского флота против Босфора сильно затруднялись удаленностию единственной его базы, Севастополя, от об'екта действий. Командующий флотом усиленно настаивал, чтобы был занят Болгарский порт Бургас, в качестве базы для дальнейших операций. Ставка уведомила его, что будут приняты меры, чтобы добиться разрешения болгарского правительства на использование Бургаса в виде базы, но что в ближайшее время может быть уделен для Босфорской операции один только армейский корпус, который будет использован, как оккупационный для занятия Константинополя, после того, что союзники захватят Дарданеллы, Мраморное море и выйдут в тыл Босфорских укреплений.

2-го мая Черноморский флот повторил бомбардировку входных фортов. На следующий день флот обстреливал правый фланг фортов Чаталджи и прилегающих береговых укреплений. 4-го мая черноморские суда обстреляли бухту Инада, 5-го предполагалось вернуться к Босфору и возобновить бомбардировку, но погода внезапно изменилась.

Это было все, что в то время русские могли сделать. Но и это было не мало: как стало известным после войны, демонстрация Черноморского флота заставила турок оставить в Босфоре 3 дивизии и тяжелую артиллерию, кото-

---

[1]) После обстрела 28 марта, флот выходил 3—5 апреля, встретил вблизи Севастополя „Гебен" и „Бреслау" и старался вступить с ними в бой. 11—12 апреля флот держался в море, вследствие сведений о выходе турецкого флота в море; 17—19 апреля флот выходил для прикрытия транспортов, шедших из Одессы.

Таким образом, следующая бомбардировка Босфора могла состояться лишь 25 апреля.

рую до этого предполагалось перевести на Галлипольский фронт.

Попытки союзников прервать сообщения с Босфором не увенчались успехом. Судовые орудия, господствуя над Булаирским перешейком, сильно мешали туркам пользоваться сухопутными дорогами этого района. Но морской путь все еще оставался открытым, несмотря на лихие действия прорывавшихся в Мраморное море подводных лодок. Французские лодки не обладали достаточным районом действия, чтобы оперировать в Мраморном море. Одна из двух прорвавшихся через пролив французских лодок нарвалась на мину и погибла (1-го мая). 30-го апреля австралийская подводная лодка („AE 2“) была потоплена турецким истребителем.

В конце апреля и в первых числах мая, в северной части пролива и в Мраморном море находилась одна только лодка „E 14“. На рассвете 27-го апреля эта лодка, пройдя под минными заграждениями, всплыла на поверхность в районе Чанака и тотчас же попала под обстрел всех расположенных вблизи фортов; в то же время, маневрирование ее было сильно ограничено энергичным преследованием со стороны миноносцев и дозорных судов. Один из перископов лодки был снесен артиллерийским огнем. 29-го апреля „E 14“ удалось потопить один большой транспорт с войсками.

Без сомнения появление подводных лодок несколько затруднило турецкие сообщения, но прервать их не могло. А именно это было настоятельно необходимо, чтобы не дать туркам усилиться перед решительной атакой англичан.

2-го мая. Около Габа-Тепе на рассвете 2-го мая, два истребителя с отрядом новозеландцев сделали поиск в бухте Сувла и сняли наблюдательный пост около мыса Нибрунези. Вечером, под прикрытием сильного судового огня, была произведена атака на турецкие окопы. И хотя результаты атаки не соответствовали ожиданиям, все же положение австралийцев было упрочено.

4-го мая. В ночь на 4-ое мая Терсби решил снять береговой наблюдательный пост, замеченный в районе Габа-Тебе. Ему было предоставлено 100 человек пехоты, которые предполагалось высадить на 4-х истребителях, при поддержке крейсеров „Bacchante“ и „Dartmouth“. Как только начало светать, десант приблизился к берегу. Оказалось, что Габа-Тепе так прочно занят и так надежно укреплен проволочными заграждениями, что высадиться не удалось. В 6 час. 30 мин. войска были возвращены на корабли под прикрытием огня с миноносцев. Генералу Бердвуду было приказано ночью, незаметно от неприятеля, посадить две бригады на миноносцы и тральщики и высадить их на участке W заблаговременно, до

начала общей атаки. Эти две бригады, вместе с бригадой морской пехоты, составляли новую дивизию, которую генерал Гамильтон оставлял в своем личном распоряжении в качестве главного резерва.

6-го мая. 6-го мая должна была начаться общая атака. Однако, к этому времени число кораблей, назначенных для поддержки, значительно уменьшилось. Вечером 2-го мая в „Albion", только что вернувшийся после исправления повреждения, было новое попадание с одной из азиатских батарей, настолько серьезное, что кораблю пришлось вернуться на Мудрос. На следующий день та же участь постигла „Prince George". Азиатские батареи начали проявлять усиленную активность. „Prince George", пришлось уйти на Мальту в док, „Goliath", должен был идти грузить уголь, а „Latouche Treville" расстрелял весь свой боевой запас. Для поддержки правого фланга (французов), в залив вошли „Agamemnon", „Jauréguiberry" в помощь находившимся там с начала операции кораблям „Lord Nelson" и „Vengeance". „Swiftsure" и „Euryalus" стояли, как и прежде, у Теке-Бурну и Хеллес, а „Queen Elizabeth", „Implacable" и „Sapphire", должны были поддерживать левый фланг. Атаку предполагалось начать в 11 часов утра. Уэстон предпочел дневную атаку, чтобы использовать все виды мощной артиллерийской подготовки с моря и с суши; потери в командном составе были настолько велики, что операции ночью, в сложной в тактическом отношении местности, казались слишком опасными. В течение последних трех дней английские войска не имели отдыха, так как турки их постоянно тревожили ночными атаками. Но с другой стороны и турки были до крайности переутомлены.

2-ой бой под Критией. План операции намечал одновременную атаку Критии с запада и юго-запада. После получасовой артиллерийской подготовки — на более длительную не хватило бы снарядов—точно в указанное время началась атака. Сопротивление турок было очень сильным; они чрезвычайно выгодно установили большое количество пулеметов в складках местности и искусно ими пользовались. Бои повсюду развивались благоприятно для англичан, за исключением того участка, на котором успех был особенно нужен—на крайнем левом фланге. Там натиск англичан задерживался сильными турецкими укреплениями, расположенными вплотную к береговому участку Y; преждевременная эвакуация этого последнего вновь сказалась особенно остро. Замаскированные турецкие батареи были расположены где-то севернее района, ставшего потом известным под названием „Gurkha-Bluff". Воздушные аппараты не могли подняться из-за слишком свежей погоды, а без их помощи

ни сухопутная, ни судовая артиллерия не могли эти батареи уничтожить. На этом участке англичане могли продвинуться вперед не более чем на 200—300 метров.

В 4 час. 30 мин. войскам было приказано окопаться и возобновить атаку на следующий день. Реальный успех союзников может быть отмечен лишь на правом фланге, где французам удалось занять выгодные позиции в долине реки Керевец.

7-го мая. Стало ясно, что взять Критию не удастся, прежде чем не будет сломлено сопротивление турок на участке Y. Поэтому военное командование обратилось за помощью к морякам. Атака должна была возобновиться на следующее утро в 10 часов. Робек для корректировки стрельбы вызвал „Manica“. Но ни с привязного шара, ни с берега не могли установить места турецких батарей. Судовой огонь был сосредоточен по возвышенности, расположенной в одной мили севернее Критии, откуда спускалась долина к морю в направлении „Gurkha-Bluff“; „Swiftsure“ подошел вплотную к берегу и обстреливал ее из 14-фунтовых орудий; тем не менее, артиллерийская поддержка кораблей оказалась недостаточной.

На правом фланге дела обстояли иначе. Французы за ночь потеряли свою позицию у Керевец-Дере, но к 3 часам дня ее заняли вновь,—как свидетельствуют турки,—исключительно благодаря поддержке судового огня. Артиллерийская подготовка длилась всего четверть часа, после чего войска вновь возобновили атаку. На правом фланге и в центре, где судовой огонь был чрезвычайно действительным, войска брали приступом окопы за окопами; турки отошли к самой Критии. Но самый левый фланг почти не двигался вперед, несмотря на то, что в сектор между рекой Циккин и морем были введены свежие войска.

Успех этого дня был недостаточным для атакующих. Не возобновить атаки на следующий день,—значило бы дать туркам возможность подтянуть новые силы. Гамильтон лично отправился на участок Y, чтобы руководить последней попыткой сломить сопротивление турок. „Queen Elizabeth“, должен был обстреливать турецкие батареи при помощи аэростата. В 10 час. 30 мин. переброшенные на участок Y свежие английские войска начали атаку, но встретили сильнейшее сопротивление. Гамильтон использовал все свои резервы. Опять на четверть часа был открыт ураганный огонь из всех судовых и сухопутных орудий. Это было в 5 час. 15 мин. В 5 час. 30 мин. артиллерия смолкла, и по всему фронту началась рукопашная схватка, перешедшая во всеобщее mêlée. Линия дерущихся, то подвигалась вперед, то отступала,—пока не спустилась ночь. И второй бой кончился неудачей для союзников: несмотря на двух-

недельные усилия, соединенная операция против Ачи-Баба не дала существенных результатов. На правом фланге союзники продвинулись на 600 метров, а в центре и на левом фланге на 350 метров. В течение последующих ночей турки производили ожесточенные атаки, чтобы вернуть свои позиции. Турецкое командование (Лиман Сандерс) настаивало, чтобы ни одна пядь земли не была уступлена англичанам; далее к северу полуостров расширялся; при отступлении фронт несомненно удлинился бы и турецких войск могло не хватить на действительную защиту. Особенно свирепо турки атаковали французов. Однако, французам удавалось удерживать свои позиции, главным образом благодаря топографии местности, дававшей возможность судам развернуть действительную защиту. Линия фронта теперь тянулась приблизительно на одну милю вдоль западного берега Кереве-Дере и затем поперек полуострова к Циккин-Дере, к участку Y, где под берегом огибала выдвинутую вперед сильную турецкую позицию, столь мешавшую развитию наступления. Хотя Гамильтон мог считать свое положение на острове упроченным, но развить успех ему не удавалось, пока не было сломлено сопротивление турок на левом фланге.

Планы Гамильтона теперь сводились к следующему: генералу Бердвуду он приказал оказать сколь возможно сильное давление на турок, чтобы заставить их оттянуть силы с фронта Ачи-Баба. Левый фланг индийской бригады (гуркхи) был расположен на скалах южнее участка Y. Севернее, у самого берега, почти неприступные скалы. К этим-то скалам должны были подобраться привычные к горам гуркхи со стороны моря; они должны были взобраться на скалы незамеченными и занять высоты. Предварительно их командный состав произвел на крейсере обстоятельную разведку берега.

Гуркхам удалось взобраться на скалы, но, оказавшись наверху, они были встречены столь сильным огнем, что им пришлось отступить.

9-го мая. 9-го мая австралийцы произвели сильную атаку, продвинулись вперед, но на следующий день были контр-атакой отброшены в исходное положение.

11-го мая. 11-го мая была произведена новая рекогносцировка берега на миноносце, позволившая шедшему на нем командному составу рассмотреть все детали местности.

12-го мая. В ночь на 12-ое мая гуркхи вновь начали подкрадываться к скалам. В то же время одна бригада на участке Y произвела демонстративную атаку при поддержке крупной артиллерии. Одно-

временно два корабля открыли, с расстояния 8 кабельтовых, беглый огонь по скалам, которые требовалось занять. Гуркхи прокрались вдоль берега и, когда внезапно судовой огонь прекратился, они, взобравшись ползком на скалы, заняли высоты. Указанная выше демонстрация бригады отвлекла внимание турок, и они не оказали сопротивления. В течение ночи гуркхи окопались на возвышенности. В подкрепление к ним было послано несколько рот. К следующему утру вся полоса берега (Gourkha Bluff) была прочно занята союзниками.

Обслуживание высаженных войск.

Теперь остановимся на оборудовании баз для снабжения высаженных войск; опубликованные в иностранной печати сведения по этому вопросу крайне скудны.

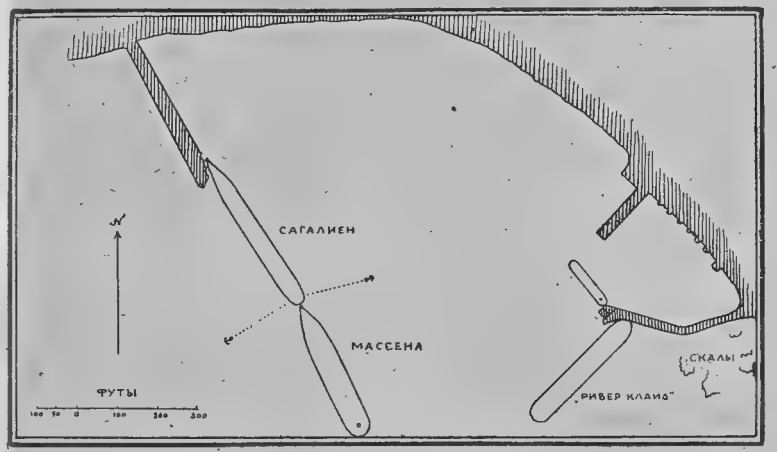
Базами для обслуживания высаженных войск служили бухты Мудрос на острове Лемнос и бухта Кефало на острове Имброс.

Маневренная база Мудрос.

Превосходная по своим естественным свойствам бухта Мудрос, способная вместить сотни судов, была совершенно не оборудована к началу операции. Мудрос был маленьким городком с небольшой деревянной пристанью для рыбачьих шлюпок. На берегу имелись не более 60—80 домов, частью каменных, частью глиняных. Плохая дорога вела к главному городу острова—Кастро. Главный недостаток гавани заключался в недостатке пресной воды, которой хватало только на нужды жителей. В своих воспоминаниях, командир порта, адмирал Вемисс, не без юмора рассказывает, как на его требование прислать суда с опреснителями,—Адмиралтейство ему ответило, что, по данным „Mediteraenen Pilot“ (неофициального издания), на Мудросе воды достаточно. Правда, на окружающих возвышенностях имеются пресноводные озера; но на проводку с них воды в порт не хватало ни средств, ни людей. Тот же Вемисс рассказывает как 12-го марта прибыла морская дивизия (в составе 8500 человек) и начальник дивизии заявил Вемиссу о необходимости выгрузить людей и грузы на берег и затем, приведя все в полный порядок, погрузить их вновь, „ибо, если один человек находится на одном транспорте, то с уверенностью можно сказать, что его пальто на другом“. Считали, что вся эта работа может быть проделана на Мудросе. Не мало трудов стоило Вемиссу убедить Адмиралтейство в полной невозможности это выполнить, за отсутствием пристаней, кранов, нехваткой плавучих средств и т. д.

Лишь постепенно Адмиралтейство давало средства для оборудования порта, сообразно его задачам. В начале апреля прибыл пароход-мастерская и стало возможным производить необходимые исправления на судах.

В Мудросе сосредоточивались свежие войска и снабжение, привезенные из глубокого тыла; здесь грузы распределялись в передовую базу Кефало и на места высадки. В Мудросе летом и осенью постоянно находилось 150—200 судов, не считая громадного количества буксиров, тральщиков, паровых катеров и т. д. Командир порта в то же время исполнял обязанности военного губернатора. Трудность его положения заключалась в том, что остров, остававшийся во владении Греции, не был об'явлен на военном положении, и что взаимоотношения между английским губернатором и греческими властями в Кастро не были урегулированы. В порту Мудрос находился греческий офицер, на обязанности

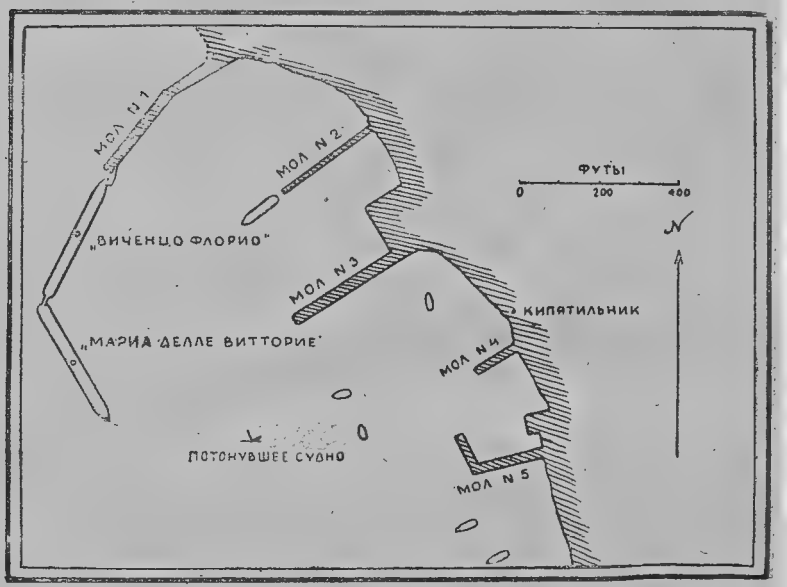


Черт. 24. Расположение пристаней на участке Y.

которого лежало лишь своевременное зажжение маяков и обслуживание старых приморских батарей. Отношения его с Вемиссом так и не были узаконены до конца.

Постепенно на берегу образовался целый город с 10.000 жителей. Побережье было разделено на участки—лагери, которыми ведали сухопутные начальники, подчиненные штабу тыла армии, который, как и штаб транспортного флота, находился на Мудросе. Начальник тыла был назначен в конце июля 1915 г. Постепенно на все участки расположения войск был проведен водопровод; на берегу было выстроено здание с опреснителями. Здесь же была расположена станция подводного кабельного телеграфа, связывающего Мудрос с Кефало и местами высадки. На

берегу, в нескольких пунктах острова, были установлены небольшие сигнальные мачты для облегчения сношений судов с берегом. Больших пристаней, к которым могли бы подходить океанские пароходы, не было. Оборудованные англичанами набережные и пристани годились лишь для барж, буксиров и парусных фелюг. Склады запасов снабжения помещались на транспортах, специально для этого приведенных, в среднем, тысяч по 15 тонн водоизмещения. Все привозимые запасы сгружались на эти „транспорт-склады".



Черт. 25. Расположение пристаней на участке W.

Артиллерийские запасы оставались на своих транспортах и непосредственно с них направлялись к местам высадки. На Мудросе стояли, кроме того, транспорта с крупной осадной артиллерией, которую предположено было выгрузить после взятия высоты Ачи-Баба, а также кабельные пароходы. Большая часть госпитальных транспортов и яхта главного медицинского инспектора также стояли на Мудросе.

Помимо транспорта-мастерской, для нужд ремонта, там же находился небольшой плавучий кран на 250 тонн.

Вход в бухту был защищен одним рядом сетей.

Для обслуживания порта было выделено около 80 разных лихтеров, 25 самоходных барж, 25 лошадиных ботов и 80 паровых катеров и буксиров.

Порт Кефало—имел вспомогательное значение. Англичане прибегли к оборудованию этого порта, чтобы укоротить коммуникационную линию между западным побережьем Галлипольского полуострова и Мудросом. Здесь сосредоточивались войсковые и грузовые транспорта, предназначенные для Анзака и Сувлы. В Кефало стояла часть кораблей, постоянно обстреливающих полуостров и транспорты с воздушными шарами, корректирующими стрельбу. На берегу находилась главная квартира армии, 2 аэродрома, госпиталя для легко раненых и лагерь для выздоравливающих. Чтобы закрыть бухту от северо-восточных ветров, перпендикулярно к береговой черте было затоплено 3 небольших парохода, служивших брекватером; вдоль его борта, ближайшего к берегу, была насыпана пристань. Пароходы с небольшой осадкой приставали непосредственно к этому брекватеру, при чем стрелы образующих его пароходов значительно ускоряли перегрузку. Вход в бухту был защищен тяжелыми сетями. Площади, отведенные под лагери, были разделены на участки, которыми ведали сухопутные начальники. На острове были установлены 2 радиостанции и станция подводного кабельного телеграфа.

Командующий флотом большую часть времени проводил в Кефало.

Базы высадки на полуострове Галлиполи. Весь ближайший тыл высаженных войск был сосредоточен в пунктах высадки. Площади, занятые этим тылом, были покрыты сетью узкоколейных дорог и освещены электричеством, для чего на каждом из этих участков были установлены динамо-машины. Для размещения грузов были разработаны специальные площадки, при чем всякого рода запасы были сложены для каждой части на особых участках. Ввиду возможности перерыва в снабжении из-за дурной погоды и по другим причинам, сначала считалось необходимым иметь запасы всякого рода не менее чем на 24 дня; но к концу кампании сухопутное командование настаивало на наличии запасов не менее чем на 30 суток. Пресная вода хранилась в цистернах у самого берега и переносилась вглубь в сосудах разных типов. Повсюду была проведена густая сеть телефонов. Пункты высадки были оборудованы набережными и пристанями различнейших типов. Для раненых и больных были устроены особые пристани, чтобы избавить высаживающиеся войска от вида раненых. На каждом участке имелся сигнальный пост и маломощные радио.

Каждое место высадки [1]) находилось под начальством „главного начальника побережья“ (Principal Beach Master), помощником которого состоял сухопутный офицер, для

[1]) Сувла, Анзак, Хеллес и Седд-эль-Бар.

согласования действий армии и флота. Главный начальник побережья ведал всем районом высадки; ему были подчинены все лица, обслуживающие пункты высадки: „Начальник побережья“ (Beach Master) руководил разгрузкой шлюпок и работой морской и сухопутной прибрежных партий и организовывал связь флота с высаженными войсками; в помощь ему, для регулирования шлюпок, назначался морской штаб-офицер, ответственный за порядок на прилегающем к побережью водном пространстве. Сухопутный „начальник пункта высадки“ организовывал береговые рабочие

Черт. 26. Пристань „River Clyde“.

партии и имел наблюдение за путями сообщения между берегом и передовыми позициями. Каждое побережье, кроме того, разделялось на участки, подчиненные участковым Beach Master'ам.

Работы по разгрузке часто производились специально для этого назначавшимися рабочими партиями от войсковых частей. Для постройки шоссе, набережных и т. д. нанимались рабочие из туземцев, египтян, негров и т. д.

Теперь остановимся несколько подробнее на организации отдельных участков.

У Седд-эль-Бара, пароход „River Clyde“ был использован, как пристань. На рифе, помешавшем ему, в свое время, подойти ближе к берегу и задержавшим также продвижение к берегу барж, была построена каменная пристань, а по левому борту парохода—свайная. При разгрузке барж поль-

зовались стрелами и лебедками парохода, что весьма облегчало работу (см. черт. 24 и 26).

На участке W, при помощи 2-х затопленных пароходов, была образована гавань и пристань, к которой могли подходить суда с сравнительно большой осадкой (глубина около 15 футов). И здесь разгрузке помогали судовые лебедки (см. черт. 25).

На побережье Анзак не было береговой полосы, удобной для приставания шлюпок; со временем там построили набережную.

Бухта Сувла являлась наиболее удобным и безопасным местом высадки, благодаря тому, что вход в бухту был закрыт сетевыми заграждениями. В бухте могли стоять большие корабли и транспорты. Через несколько недель после высадки, там были оборудованы пристани временного характера, цистерны для пресной воды, водопровод, шоссейные дороги и пр. Оборудованию бухты сильно мешал обстрел турок, вследствие чего приходилось постоянно менять места складов.

Вернемся теперь к описанию военных действий.

12-го мая. Обстановка в начале мая 1915 г. на Северном море заставила Адмиралтейство настаивать на возвращении туда „Queen Elizabeth". 12-го мая Робеку было приказано его отослать сколько возможно секретно. На смену из Англии посылаются старые корабли „Venerable" и „Exmouth". В конце мая предполагалось отправить еще два монитора, вооруженных двумя 14-дюйм. орудиями каждый и снабженных всеми современными противоминными и противоторпедными средствами. В тот же день Робек был извещен о состоявшемся соглашении с Италией, в силу которого адмирал Терсби должен был быть отправлен с „Queen", „Implacable", „London", „Prince of Wales" и 4 легкими крейсерами в итальянские воды. На присоединение к Робеку шли „Cornwall" и „Chatam"; оба они до того времени находились у восточного берега Африки, где блокировали германский крейсер „Кенигсберг".

Отправка „Queen Elizabeth" в Северное море встретила сильные возражения со стороны сухопутных руководителей войны. Как раз в это время высшее командование решило послать на усиление Гамильтону одну территориальную дивизию и, кроме того, 1000 человек на пополнение убыли XXIX дивизии. Уход как раз в это время самого сильного корабля рассматривался сухопутными, как дезертирство. Они указывали, что ослабление флота произведет не только неблагоприятное впечатление на войска, но также и на весь мусульманский мир. Они напоминали, что давали согласие на смешанную операцию, главным образом, потому, что

рассчитывали на силу этого корабля. Адмиралтейство возражало, что корабль был послан, когда намечалась чисто морская операция, а теперь, когда операция стала преимущественно сухопутной, армия вполне может обойтись менее сильными кораблями или мониторами.

Последнее соображение дает право сделать вывод, что к тому времени Адмиралтейство совершенно отказалось от попытки форсировать проливы. Взгляды на возможность дальнейшего применения флота разделились и у местного командования. Со дня на день получались все более и более тревожные вести о германских подводных лодках. Робеку было приказано использовать все имеющиеся противолодочные средства. На Мудросе была организована противолодочная защита. Войска к месту высадки перевозились уже не на транспортах, а на миноносцах и тральщиках. Один крейсер с двумя истребителями обошли Сирийский берег (южнее Смирнского залива), в поисках маневренных баз для подлодок. Союзный дозор из четырех тральщиков и четырех подводных лодок охранял канал восточнее и западнее Никони. Другой дозор находился у мыса Матапана. Несколько миноносцев обыскивали южное побережье Греции, чтобы найти склады топлива для лодок.

13-го мая Гибель Goliath.

Обнаружилась еще и новая опасность. Каждый вечер два линейных корабля посылались внутрь пролива. В ночь на 13 мая „Goliath“ стал на якорь в бухте Морто; за ним „Cornwallis“. Два миноносца были в дозоре у северного мыса бухты, два других—в бухте Эренкиой и один—в середине канала. Ночь была темная, безлунная; около полуночи нашел туман. Англичане обратили внимание, что в эту ночь береговые прожектора не светили, и усилили бдительность. Для атаки стоявших на якоре в бухте Морто английских кораблей в эту ночь был послан турецкий миноносец „Муавенет-И-Милет“ (600 тонн, 33 узла; 3 минных аппарата, постройка 1909 г.), под командой германского морского офицера.

Атака была предпринята по настоянию Узедома, последний сказал командиру миноносца, что фланкирующий огонь стоящих в бухте Морто судов настолько губителен для турецких войск, что вряд ли эти войска смогут удержать свои позиции.

Командир миноносца отправился в Эренкиой, расположенный на азиатском берегу против бухты Морто, и оттуда подробно рассмотрел расположение как линейных кораблей, стоявших на якоре, так и дозорных миноносцев. На следующий вечер, засветло, „Муавенет“, идя под самым берегом, миновал линии турецких заграждений и стал на якорь снаружи их, у устья реки Суандере, укрытый мысом от английских судов, в расстоянии всего лишь 5 миль от последних.

Оттуда миноносец прошел, идя в 3 кабельтовых от берега, к месту стоянки англичан, которые находились точно на тех же местах, как и в предыдущую ночь [1]). „Муавенет“ миновал незамеченным в расстоянии 1 кабельтова английский дозорный миноносец. В 1 ч. 15 мин. ночи миноносец вышел из-за мыса Эски-Хиссарлик и был тотчас же обнаружен сигнальщиками линейного корабля „Goliath“. На опознательный сигнал миноносец ответил неправильно. С корабля повторили опознательные и в то же время заметили, что миноносец дал полный ход для атаки. Англичане немедленно открыли огонь, но не успели дать и третьего выстрела, когда торпеда миноносца попала в носовую часть старого линейного корабля. Тотчас после первой торпеды, попала вторая,—тоже в носовую часть и третья—в корму. Торпеды были выпущены с расстояния $1^3/_4$ кабельтовых. „Goliath“ накренился на левый борт и быстро пошел ко дну. Из 750 человек команды погибло 570. „Муавенет“ вернулся без потерь и повреждений, несмотря на открытый по нем огонь.

15 мая адмирал Фишер покинул пост первого морского лорда Адмиралтейства. Причиной его ухода является несогласие во взглядах с Черчиллем, настаивавшем на энергичном продолжении Дарданелльской операции.

Военный Совет в Лондоне не собирался после 19-го марта, когда было решено начать соединенную операцию против Дарданелл. 14-го мая Совет собрался вновь. Разница во взглядах морских и военных авторитетов оказалась более острой, чем когда-либо. Адмиралтейство уведомило Робека, что надо совершенно оставить какие бы то ни было попытки прорываться через проливы. Представители Адмиралтейства сказали на заседании, что никогда не согласились бы на попытку прорыва, если бы могли знать, что на полуостров может быть через три месяца высажена армия в 100.000 человек. В связи с новыми факторами—подводными лодками, соглашением с Италией и настоятельной необходимостью удовлетворить нужды Гранд-Флита на Северном море,—участие флота постепенно свелось к чисто подсобной деятельности. Операция стала чисто сухопутной. Прежде сухопутные силы требовались для помощи флоту; теперь флот оказывался необходимым для помощи сухопутным вооруженным силам; для таких второстепенных целей, имеющихся у Дарданелл военных судов, по мнению Адмиралтейства, было вполне достаточно. Сухопутные члены совещания настаивали на том, что обещание помочь флоту было дано, главным образом, в надежде на всемогущество орудий „Queen Elizabeth“; усилить войска Гамильтона было невоз-

[1]) Подробное описание атаки в сборнике «Auf See unbesiegt» Mantey, стр. 39.

можно, не ослабив фронта на главном театре. И, вместе с тем, Совет признал, что имеющихся на Галлипольском полуострове войск недостаточно для захвата позиции Килид-Бар.

Выяснились три мнения: одни находили, что надо прекратить операцию; другие, что необходимо усилить атаку и довести дело до конца, как можно скорее; третьи, что придется прибегнуть к длительной осаде. Проведение в жизнь первого и второго мнения оказалось невозможным; оставалось третье. Решили запросить Гамильтона—какое количество войск ему необходимо для осадных операций.

Итак, из состава морских сил, оперировавших у Дарданелл, „Queen Elizabeth“ ушел в Северное море; „Queen“, „Prince of Wales“, „Implacable“ и „London“, и 4 легких крейсера „Dartmouth“, „Dublin“ „Amethyst“ и „Sapphire“,— с 27-го мая находились в Таранто для совместных действий с итальянским флотом. К этому времени из Англии прибыл „Exmouth“ и „Venerable“; оба корабля приобрели значительный опыт в обстреле побережья во Фландрии. Французы увеличили состав своих линейных кораблей до шести, прислав линейные корабли „Suffren“, „Charlemagne“ и „Patrie“, под командой вице-адмирала Никола; кроме того, французы прислали крейсера „Kléber“, „Dupleix“ и „Bruis“. Английская эскадра была вновь реорганизована: все обстреливавшие берег корабли теперь находились под командой Никельсона. Адмирал Вемисс вернулся к исполнению своих прямых обязанностей старшего морского начальника в Мудросе и военного губернатора Лемноса.

Батареи азиатского берега становились все более и более энергичными и сильно обстреливали южное побережье. Обстрел этих батарей огнем с судов становился труднее, вследствие появления германских подводных лодок.

Германские подводные лодки. Вероятность появления подводных лодок была задолго установлена разведкой. Все, что Адмиралтейство могло сделать, чтобы ликвидировать новую опасность, свелось к пересылке материалов для бонового заграждения пролива; ни одного лишнего миноносца или тральщика не было прислано, из-за нехватки таковых. Однако же, боновое заграждение установить не удалось, из-за сильного течения в устье Босфора.

17-го мая. 17-го мая стало известным, что большая немецкая подводная лодка вошла в Смирну.

Кроме того, поступили агентурные донесения, что турки перебросили две свежих дивизии в Галлиполи и что в ближайшее время следует ожидать атаки подводных лодок на английские суда, стоящие около Габа-Тепе. Отсюда английское командование сделало вывод, что две новых дивизии будут направлены против австралийцев и новозеланд-

цев. Как теперь известно, Сандерс хотел произвести атаку с суши одновременно с атакой подводных лодок.

19-го мая. На рассвете 19-го мая турки начали яростные атаки в районе Анзак. Несмотря на явную опасность от подводных лодок, Робек приказал всем 4 линейным кораблям („Triumph“, „Canopus“ „Vengeance“, „Bacchante“) и 4 миноносцам обстреливать побережье. При помощи судов атака за атакой отбивались. Бои были настолько упорными, что после атаки турки просили небольшого перемирия для погребения убитых. Как теперь известно из официальных турецких источников, эта атака убедила турок в невозможности одолеть английские укрепления без тяжелой артиллерии и большого расхода боевых запасов. В течение последующих двух месяцев атаки на этом участке не возобновлялись.

22-го мая. 22-го мая с нескольких судов в районе Габа-Тепе—Теке-Бурну поступили донесения о появлении подводной лодки. Немедленно было приказано всем стоящим у берега транспортам поднять пары и скрыться на Мудрос, а судам, не поставившим сетевого заграждения, держаться на ходу. Миноносцы и тральщики получили приказание начать поиски подводной лодки.

Перед Командующим Морскими Силами стала весьма трудная задача: поддержка войск с моря продолжала быть совершенно необходимой; одной береговой артиллерии было недостаточно; единственное, что Робек при существовавшей обстановке мог сделать, уменьшить число судов с четырех до двух у Габа-Тепе и с семи до четырех—у южного побережья. Отозвание всех судов от берега могло вызвать панику среди войск. Не подлежало сомнению, что немецкие подводные лодки приложат всю свою энергию, чтобы перерезать сообщение между полуостровом и базой.

Со своей стороны, англичане решили усилить свои попытки отрезать турецкие сообщения в Мраморном море. Как мы уже знаем, там с 1-го мая находились „E 14“; после ряда неуспешных атак, ей удалось потопить войсковой транспорт в 5.000 тонн, перевозивший 6.000 человек турецкой пехоты и одну батарею. 17-го мая лодка была по радио отозвана обратно, чтобы сообщить о добытом опыте командирам, посылаемым ей на смену.

Огонь турецких батарей против транспортов и военных судов, становившихся на якорь под самым берегом, делался, между тем, все более действительным: туркам удалось установить более крупные орудия.

Гибель „Triumph“. 25-го мая „Triumph“ держался на ходу с опущенными противоторпедными сетями невдалеке от Габа-Тепе, готовый обстрелять турецкие военные корабли, появление коих ожидалось

в проливе. На северном фланге австралийского участка находился „Canopus“. На рассвете два миноносца высадили десант, человек 50, чтобы разрушить наблюдательный пост, замеченный в бухте Сувла. Около 7 часов утра миноносец „Chelmer“ присоединился к „Triumph“. В 7 час. 30 мин. один из тральщиков донес, что видит подводную лодку. Через некоторое время подводную лодку усмотрели с „Swiftsure“ и „Agamemnon“. Первый из них обстрелял ее; лодка погрузилась. Больше ее не видели до 10 часов. Около этого же времени „Vengeance“, шедший зигзагами из Мудроса, увидел не далеко от мыса Кефало след выпущенной по нем торпеды. Положив руль, линейный корабль отклонился от выстрела. Немедленно все ближние истребители и тральщики были сосредоточены в этом месте. Аэро-база „Manica“ и все транспорты, находившиеся у северо-западного берега, получили приказание перейти в бухту Кефало, уже оборудованную для защиты от подводных лодок. „Vengeance“ сменил „Canopus“, который пошел в Мудрос; невдалеке от Имброса „Canopus“ донес, что видит подводную лодку.

Около Габа-Тепе держался на ходу „Triumph“ с опущенными сетями, в полной готовности к отражению минной атаки, с задраенными водонепроницаемыми переборками. В ближайшем дозоре около него ходил 15-узловым ходом миноносец „Chelmer“. В 12 час. 25 мин., когда миноносец огибал линейный корабль, он увидел справа впереди „Triumph“ небольшой бурун, в расстоянии $2^1/_2$ кабельтовых от корабля. Немедленно „Chelmer“ бросился таранить подводную лодку. „Triumph“ открыл огонь по перископу, но в то же время торпеда подводной лодки попала в линейный корабль. Англичане утверждают, что торпеда прошла через сеть, как через паутину. Старый корабль тотчас же получил сильный крен. Миноносец подошел под корму и начал снимать команду. Через 10 минут корабль перевернулся; еще полчаса он плавал килем кверху. Около 500 человек было спасено, 73 погибло.

Моральный эффект гибели корабля на войска был, конечно, весьма серьезный. Между береговыми частями, которых „Triumph“ поддерживал все время своим огнем, и старым кораблем установилась прочная моральная спайка. Корабль тонул на глазах большого числа людей; гибель нельзя было скрыть.

26-го мая. Потеря „Triumph“ сказалась в значительной степени на боевой деятельности судов. Адм. Никельсон послал на ночь часть судов в Кефало, часть других на Мудрос. Они были заменены истребителями. На следующий день все было спокойно, лишь днем с „Jauréguiberry“ был усмотрен перископ, в то время, когда этот

корабль шел зигзагами между Кум-Калэ и Седд-эль-Бар. В момент появления перископа, флагманский корабль поворачивал прямо на лодку: создалось впечатление, будто лодка разрезана пополам.

Гибель „Majectic".

27-го мая линейный корабль „Majestic" стоял у Седд-эль-Бара на якоре, с опущенными сетями, окруженный баржами и транспортами, к нему пришвартовленными. Мористее держался на ходу дозор истребителей; поперек входа в пролив стоял кордон из невооруженных тральщиков. В 6 час. 45 мин. утра с „Majestic" усмотрели перископ в двух кабельтовых от борта. Немедленно был открыт огонь. Атака подошедшей подводной лодки была чрезвычайно искусна: „U 21" (кап. Херсинг) тщательно высмотрел промежуток между двумя пришвартовленными баржами, где борт броненосца не был ничем защищен, и направил туда свой первый торпедный выстрел; в тот же промежуток была немедленно выпущена и вторая торпеда. Через 7 минут корабль опрокинулся; почти весь личный состав его был спасен. Корабль затонул на 9 саженной глубине; передние части киля и дна выглядывали из воды. Сотни турок и англичан были очевидцами гибели корабля. Моральный эффект на тех и других был чрезвычайно велик.

Здесь интересно привести отзыв командующего турецкими войсками на Галлиполи, генерала Лимана Сандерса [1]). „Англичане отозвали все свои большие корабли в хорошо защищенные гавани Имброса и Лемноса, передав артиллерийскую поддержку войск, главным образом, истребителям и миноносцам. Вместе с тем, они усилили противолодочную охрану, использовав все средства, доступные этому, располагавшему неограниченными ресурсами, противнику. Таким образом, случилось, что в последующие семь месяцев (до конца операции) подводные лодки не могли добиться какого-либо успеха, не считая потопления одного транспорта" (курсив автора). „Уже 16-го июня я телеграфировал в Константинополь Командующему флотом Сушону, что союзники вновь совершенно безнаказанно перебрасывают и сменяют войска на своих больших транспортах. 20 июня я телеграфировал, что крупные суда вновь поддерживают судовым огнем свои войска, как это было до гибели „Majestic" и „Triumph". 29-го июня я сообщил Сушону, что английские суда оказывают чрезвычайно мощную поддержку атакам сухопутных войск на нашем правом фланге". „Таким образом, совершенно неверен взгляд, высказанный неоднократно германской печатью, будто операции подлодок ока-

[1]) Fünf Jahre Türkei, стр. 101 и далее.

зали решающее влияние на операции англичан против Галлиполи. Благодаря этим ложным сведениям, могла создаться совершенно неверная оценка подводного оружия".

26-го мая. В день гибели „Majestic" было получено известие о крупных успехах английских подлодок в Мраморном море; „E 11" за полторы недели потопила одну канонерку, два транспорта с боевыми запасами, два транспорта с войсками и два с провиантом; третий выбросился на берег при приближении подводной лодки. Английские подводные лодки проявляли много лихости, входили в Босфор, обстреливали железнодорожные пути, селения. В оценке их деятельности взгляды обеих воюющих сторон расходятся: англичане говорят, что подводные лодки временно совершенно прекращали подвоз морем на Галлипольский полуостров, немцы утверждают, что подвоз не прекращался.

Появление германских подводных лодок у Галлиполи заставило англичан изменить организацию транспортного дела. Теперь уже их транспорты не могли подвозить снаряжение прямо к берегу и там перегружать его на берег, лихтера и т. п. Единственной обеспеченной для транспортов стоянкой являлась внутренняя гавань Мудроса; она была преграждена боновым заграждением, присланным для входа в Дарданеллы; другое боновое заграждение, сделанное местными средствами, закрывало наружную гавань. В Мудросе содержимое транспортов перегружалось на тральщики и другие мелкие суда, которым для передачи грузов на берег приходилось теперь совершать путь в 50—60 миль.

Гамильтон со своим штабом уже не мог, оставаясь на корабле, свободно передвигаться с одного участка фронта на другой; ему пришлось перейти на берег. Устройство Главной Квартиры на самом полуострове было признано неудобным. Поэтому Гамильтон, для себя и своего штаба, избрал местопребыванием бухту Кефало на острове Имброс, в 13 милях от мыса Хеллес, в 17 от австралийского участка и в 55 от Мудроса. Несмотря на устройство телеграфного сообщения и регулярные рейсы тральщиков, удаление Главной Квартиры сухопутного начальника от фронта и главной базы вызывало нередко задержки. Вся связь боевых участков с Главной Квартирой практически поддерживалась при помощи кабельной сети.

Насколько такая связь была необходима, видно из того, что при высадке в Сувла кабель тянулся непосредственно за высаживающимися главными силами, и станция начала действовать через несколько часов после высадки. Кабельно-телеграфное дело было выделено в особую часть; для ремонта и прокладки новых кабелей имелось два спе-

циальных парохода; работы производились специалистами инженерами.

В ближайшее время Гамильтон решил предпринять новую решительную попытку овладеть позицией Ачи-Баба. Правильное функционирование снабжения высаженных войск приобретало поэтому особо важное значение. Между тем, вследствие вполне определившейся серьезной опасности от германских подводных лодок, чрезвычайно ответственную задачу доставки этого снабжения из баз к местам высадок пришлось возложить на миноносцы и тральщики, мало для для этого приспособленные.

Поиски маневренных баз германских подводных лодок.

Казалось несомненным, что где-то, на островах Архипелага, либо на турецком побережьи, германцами организованы маневренные базы для снабжения их подводных лодок всем необходимым. Особенно подозрительным казался порт Будрум (на азиатском берегу, севернее острова Родоса); отправленный туда французский крейсер „Dupleix“ выяснил, что гавань полна судами; посланные на берег, для переговоров с местным вали, шлюпки, под парламентерским флагом, были обстреляны с берега. „Dupleix“, в свою очередь, обстрелял порт и донес о случившемся. Робек послал еще один крейсер и миноносец для уничтожения всех судов и портовых устройств, что и было исполнено 28-го мая.

Обследование островов Архипелага, принадлежавших Греции, встречало большие затруднения. По предложению Робека, 2-го июня была установлена блокада мало-азиатского побережья от Дарданелл до острова Самос. Штаб начальника блокирующих сил находился в порту Иэро, на острове Митилена; сам же Начальник, руководивший блокадой, находился на крейсере или линейном корабле. У Иэро, с разрешения греческого правительства, был устроен аэродром.

Блокада Смирнского побережья.

Новые руководители Адмиралтейства начали проявлять больше интереса к Дарданелльской операции. Спешно заканчивались мониторы, которые должны были сменить отозванные линейные корабли. Заканчивалась перестройка 4-х крейсеров типа „Эдгар“, на которых устроили особые противоминные утолщения подводной части, делавшие их неуязвимыми для мин и торпед. Суда эти, однако же, еще только ожидались на Дарданелльском театре, а на месте, пока, предстояло срочно решить, каким образом оставшиеся суда могут быть использованы для поддержки сухопутных войск, что представляло настоятельную необходимость.

В первой же телеграмме нового состава Адмиралтейства предлагалось Робеку держать линейные корабли сколь возможно дольше в их базе, пока не будет прочно органи-

зована противолодочная защита судов во время бомбардировок. Таковую разрешалось производить только лишь в том случае, если это было действительно и настоятельно необходимо для армии; при этом предписывалось оставлять суда на позиции лишь на самое короткое время, а затем срочно возвращать их в базу. Во время стоянки на якоре, к бортам линейных судов рекомендовалось швартовить транспорты и усиливать воздушную разведку. Для усиления ближней дозорной и сторожевой службы, из Англии посылалось еще 20 тральщиков и 30 лучших рыболовных судов с индикаторными сетями.

В ответ на телеграмму, Робек донес, что будет держать в море лишь самое необходимое число кораблей; фланги армии будут поддерживаться огнем только истребителей.

Третий бой под Критией. Гамильтон решил не ждать прибытия мониторов и войсковых подкреплений; он наметил атаку турецких позиций на ближайшие дни. Несмотря на опасность от подводных лодок, Робек поручил Никельсону с „Exmouth“, „Swiftsure“ и легким крейсером „Talbot“ поддерживать атаку со стороны Хеллеса, а крейсер „Latouche Treville“ послать внутрь пролива, к Керевец, для поддержки правого фланга французов. Последние теперь были под командой генерала Гуро, сменившего 14-го мая генерала д'Амад. Конечно, поддержка эта была, считаясь с прежними масштабами, более чем скромной. Воздушная разведка донесла о присутствии неприятельских подводных лодок. Несмотря на дозоры миноносцев вокруг стрелявших кораблей и большого числа сторожевых судов с индикаторными сетями, кораблям было приказано держаться на ходу и циркулировать сколь возможно больше; понятно, что в таких условиях стрельба по невидимой цели не могла быть достаточно меткой и сводилась лишь к моральному эффекту.

В 8 час. утра началась артиллерийская подготовка с суши и моря, продолжавшаяся до 11 час. 20 мин., когда войска бросились в атаку. Несмотря на храброе сопротивление турок, последние были оттеснены. Вначале французам удалось сильно подвинуться вперед, но к концу дня они отступили, потянув за собой и соседние английские части. В результате, лишь в центре удалось занять переднюю линию турецких окопов. Потери англичан были огромные: в двух только морских бригадах потери ранеными, убитыми и пропавшими без вести доходили до 1.170 человек.

Обстановка в начале июня. После новой неудачи союзников, виды на будущее затемнились еще более. Первоначальный план удалить турок из германской коалиции внезапным coup de main оказался невыполнимым. Надежды на быстрое окончание войны рушились оконча-

тельно. Надежды эти были построены на тесном окружении центральных держав и полном изолировании последних от внешнего мира. Чтобы сомкнуть кольцо вокруг Германии, нужно было разгромить Турцию. С выходом Турции из войны, освободилась бы большая часть войск в Индии и в Египте, открылась бы возможность подвоза через Дарданеллы боевого снаряжения для России и, конечно, Балканские государства стали бы на сторону Англии и ее союзников. Только в этом случае окружение Германии, — не считая побережья Балтийского моря, — стало бы совершенным.

„Теперь всем совершенно ясно“,—говорит Корбетт,—„что возможность дать войне решительный поворот зависело в то время от маленькой армии Гамильтона, которая, истомленная до крайности, держалась в окопах перед Критией и Ачи-Баба“. „Никогда так многое не могло быть достигнуто столь небольшими силами; никогда небольшое продвижение не могло бы иметь столь решительных последствий“. „Операция, верно задуманная, не была начата с должной энергией; вначале на нее смотрели, как на разбрасывание сил в слепую, как на авантюру. Значение этой операции в своем полном об'еме уяснялось лишь постепенно“. „Россия в то время была парализована нехваткой боевого снаряжения; Австрия, временно освободившаяся от давления русских армий, получила возможность готовиться нанести удар Сербии. Болгария, от позиции которой зависело так много, окончательно подпала под влияние Германии. Бросить операцию и не пытаться закончить ее успешно,—казалось невозможным руководителям войны, все более и более убеждавшимся в том громадном влиянии, которое операция могла иметь на исход войны“.

Вновь боролись два направления мысли: часть военных авторитетов считала наиболее полезным нанести удар центральной коалиции в ее самом слабом месте; другая же часть попрежнему находила необходимым искать решения на главном театре, для того чтобы покончить с противником одним ударом, сразу разрушив его военную мощь. Последнее было возможно только лишь в случае значительного превосходства в силах, которыми союзники не располагали. Поэтому, казалось бы, что первый путь, обеспеченный полным господством союзников на море, был более надежным.

Китченер и британские министры в то время все более и более убеждались в невозможности нанести решительный удар на главном театре. Они все более склонялись к необходимости развить Дарданельскую операцию. Что же касается французского правительства, то оно особенно энер-

гично настаивало на невозможности ослабления французского фронта и переброске с него войск.

7 июня собрался Военный Совет, впервые после образования коалиционного правительства. Вопросы, касавшиеся Дарданелл, теперь обсуждались особой комиссией, состоявшей при Кабинете Министров—„Dardanelles Committee". Много времени было уже упущено. Из двух обещанных Гамильтону дивизий была отправлена лишь одна. Транспорты были готовы для второй к 30 мая. Но „в хаосе министерского кризиса", как пишет Корбетт, „транспорты разошлись по другому назначению, и дивизия все еще оставалась в Англии. Требуя две дивизии, Гамильтон требовал минимум. Его неудача 4 июня и понесенные его войсками огромные потери, ставили вопрос о срочной присылке ему свежих сил особенно остро.

Комитет решил послать Гамильтону к середине июля три только что сформированные дивизии. „Queen Elizabeth" предполагалось заменить мониторами, построенными Фишером для операций против германского побережья. Кроме того, предполагалось послать старые крейсера „Endymion" и „Theseus" с пристроенными противоминными утолщениями, и четыре sloops типа „Acacia".

Две территориальные дивизии было приказано перевести в Александрию и на Мальту, в качестве резервов для Галлиполи.

Усиление войск Гамильтона предполагалось провести срочным порядком, прежде, чем германские войска добьются успеха на Балканском полуострове. Во что бы то ни стало надо было удержать от выступления Болгарию, дабы не открыть дороги из Берлина в Константинополь.

Особенно остро в этот период времени стоял вопрос с транспортами: требования на них все возрастали; коммерческого тоннажа не хватало—и, вместе с тем, деятельность германских подводных лодок становилась все более и более угрожающей.

Таким образом, усиление Гамильтона было делом сложным и трудным.

Возник вопрос, мог ли бы Гамильтон развернуть большое число войск на занятом им ограниченном плацдарме. Однако, разработанный Гамильтоном план операции и не предусматривал атаки позиции Ачи-Баба в лоб. Предполагалось использовать свежие войска для совершенно новой операции, основанной на подвижности, которую англичанам давало обладание морем. Бердвуд, командовавший австралийскими и новозеландскими войсками, указывал Гамильтону на необходимость занять возвышенность Сари-Баир, господствовавшую над левым флангом австралийских войск и над

узкой частью полуострова. Эта возвышенность командовала над путями сообщения, как морскими, так и сухопутными,— между столицей и главными силами турок, сосредоточенными в южной части полуострова. Сухопутные усматривали значение этой позиции в указанном выше смысле; для моряков эта позиция была важна, как наблюдательный пункт для обстрела узкости. План являлся настолько заманчивым, что Гамильтон, как только узнал о предполагаемой присылке нового армейского корпуса, решил использовать его в указанном Бердвудом направлении. Высаживать войска на высоком и скалистом участке Анзак было чрезвычайно трудно. Расположенная несколько севернее бухта Сувла представляла несравненно более выгодное место высадки; вход в бухту мог быть быстро перегражден противолодочными сетями. Существенным недостатком этой бухты считалось то, что она открыта SW ветрам; в этом случае высадка могла быть произведена в бухте Ейльмер, расположенной всего лишь в 6 милях севернее за поворотом берега. Произведенная незаметно рекогносцировка бухты Сувла с моря показала, что она защищена лишь весьма слабыми силами. Обладание морем давало Гамильтону возможность использовать внезапность,—конечно, в том случае, если намерения союзного командования остались бы секретными. Новый командующий французскими войсками Гуро, в свою очередь, предложил другой план операции: он предлагал высаживать вновь прибывшие войска либо в районе Булаира, либо в районе Анзак. Против первого возражал Робек, находивший, что, при наличии неприятельских подводных лодок, высадка столь далеко от базы (Мудрос) невозможна. Робека поддержало Адмиралтейство, и план десанта у Булаира был отклонен. Второе предложение французского командования,—высадка севернее Анзак,—всецело совпадало с планом Гамильтона.

Новый план операции сохранялся в абсолютной тайне; кроме обоих командующих, в эту тайну было посвящено лишь самое небольшое число лиц. Подробности не были сообщены даже Военному Совету в Лондоне.

Таким образом, идея высадить войска в бухте Сувла зародилась на много недель раньше, чем могла быть приведена в исполнение. Однако, энергичный Гуро не хотел долго ждать. Вместе с Гамильтоном, он разработал новый план атаки турецких укрепленных позиций, расположенных впереди фронта французов. Опасность от подводных лодок свела участие военных судов в этой операции к минимуму. Успех атаки, таким образом, зависел от массирования огня береговых батарей и от подготовки достаточного запаса снарядов.

Около 20-го июня все было готово. „Lord Nelson“ в этот день бомбардировал перекидным огнем доки и склады Гамлиполи; стрельба корректировалась с аэростата.

21-го июня. На рассвете 21-го июня французы начали артиллерийскую подготовку, при чем суда почти не оказывали им помощи; только линейный корабль „St Louis“, окруженный тральщиками с сетями и истребителями, обстреливал азиатские батареи. После жестокого боя, длившегося в течение всего дня, французам удалось занять все намеченные позиции, включая сильное укрепление, господствовавшее над долиной Керевец.

Гамильтон решил повторить атаку также против правого фланга южного турецкого фронта. Участие судов при этом было ограничено стрельбой легкого крейсера „Talbot“ и истребителей.

28-го июня эти суда начали обстрел неприятельских окопов. Как стало потом известным, стрельба истребителей разрушила лишь передние линии неприятельских окопов право-фланговой турецкой дивизии. За день англичанам удалось взять четыре линии окопов и самое сильное турецкое укрепление. Ночью турки произвели ряд яростных контратак в прибрежной полосе. Берег освещался прожекторами миноносцев. Атаки турок здесь были отбиты огнем этих судов. Англичане сохранили за собой все занятые ими позиции.

Хотя линия союзников подвинулась весьма незначительно вперед, все же моральный успех боя был большой. По имеющимся теперь сведениям, начальник турецкой дивизии уже сделал распоряжение отступать до реки Соганли. Однако, Сандерс отменил это распоряжение и прислал значительные подкрепления—одну дивизию с азиатского берега, другую с участка Анзак.

4-го июля. 4-го июля указанные только что дивизии заняли свои позиции на южном фронте. Начались яростные атаки турок; однако, продвинуться вперед им не удалось.

Помощь флота между тем становилась все менее и менее действительной. Пока сухопутные войска ждали подкреплений, часть судов была отправлена на Мальту для ремонта. Все же в июле имели место обстрелы нескольких пунктов, где, по данным разведки, имелись склады боевого снаряжения. За этот период времени в распоряжение Робека прибыли мониторы и крейсера типа „Edgar“ с особыми противоминными утолщениями в подводной части. Первым в начале июня прибыл монитор „Humber“ и был тотчас же послан к участку Габа-Тепе, чтобы покончить с большим числом скрытых в складках местности орудий. Эти орудия обстреливали продольным огнем побережье Анзак и не

позволяли там днем высаживать войска и припасы. Стрельба монитора была настолько успешна, что в середине июля указанные батареи удалось привести к молчанию. Около 15-го июля прибыл другой монитор „Roberts“ с 14-дюйм. орудиями. Монитор был установлен около группы островов Раббит (севернее Тенедоса), надежно окружен сетями и соединен с берегом телефоном. Там же был вскоре установлен монитор „№ 19“, один из новейших, с 9,2 дюйм. артиллерией. Стрельба обоих корректировалась при помощи авиоматки „Ben-My-Chree“. К концу месяца прибыло еще три монитора с 14-дюймовой артиллерией „Abercrombie“ „Raglan“ и „Havelock“, а также мониторы „№ 29“, „32“, „33“ с 6-дюймовой артиллерией. Кроме того, налицо были четыре старых крейсера „Theseus“, „Endymion“, „Grafton“ и „Edgar“— все с противоминными утолщениями в подводной части. Вновь прибывшие суда поступали под начальство Никельсона и базировались на Кефало. Порт этот был закрыт сетевым заграждением, поставленным со специальных сетевых заградителей „Queen“, “Victoria“ и „Prince Edward“, которые проявили себя с лучшей стороны у Фландрского побережья.

Сухопутное командование ожидало особенно ярых атак, так как начался месяц Рамадан, когда религиозный фанатизм мусульман доходит до высшей степени. Однако, на фронте все оставалось спокойно.

Надобность в мониторах была насущная. Стрельба азиатских батарей по набитому войсками южному концу полуострова становилась все более и более энергичной. Все работы по выгрузке на берегу производились под огнем азиатских батарей. 30-го июня французского командующего войсками, тяжело раненого на этом берегу, пришлось отправить во Францию. Тем временем, на берегу установили несколько орудий специально против азиатских батарей; эти орудия обстреливали азиатские батареи, одновременно с стоявшими у Раббит мониторами.

Операция английских подводных лодок в Мраморном море.

Размеры и задачи этого труда не позволяют подробно останавливаться на действии подводных лодок в Мраморном море. В июне и июле там беспрерывно находились 1—2 лодки, сменявшиеся через несколько недель. Лодки топили парусников, транспорты и военные суда, бомбардировали береговые склады, железнодорожные пути, водокачки и пр. 25-го июля французская подводная лодка „Mariette“ запуталась в проливе в сетях и была расстреляна береговыми батареями, а личный состав ее был взят в плен. Потерь в английских подводных лодках не было. Появление подводных лодок сильно стесняло морские сообщения между Константино-

полем и Галлиполи. В Мраморном море уже более не было видно транспортов; встречались лишь одни госпитальные суда, перевозившие раненых.

В это же время русские усилили свою деятельность в районе Зунгулдака, потопив в течение июня громадное количество судов, подвозивших уголь в столицу. Русские поставили минное заграждение у входа в Босфор, на котором 25-го июня подорвался „Бреслау"; крейсеру пришлось долго чиниться.

В Эгейском море, вне района проливов, союзный флот был занят блокадой турецкого побережья. Нужно было во что бы то ни стало не позволить германским подводным лодкам устраивать себе базы в Эгейском море. Как указывалось выше, 2-го июня была об'явлена блокада малоазиатского побережья. От залива Андрамиди до острова Хиос она была поручена английским судам, а южнее—до о-ва Самос, — французским. Англичане базировались на порт Иэро (остров Митилена). Блокадные дозоры обычно состояли из двух крупных судов, двух истребителей, одного парохода, двух тральщиков и одного заградителя. В Иэро была также переведена аэро-база „Ben-My-Chree". Блокадой южной части Эгейского моря ведали французские суда, также базировавшиеся на Иэро. Французские блокадные силы состояли из двух крейсеров, пяти миноносцев, восьми вооруженных тральщиков и десяти вооруженных рыболовных пароходов с сетями. Кроме того, между Мудросом и Смирной держались дозоры из двух легких крейсеров и вооруженных пароходов. Несколько вооруженных пароходов составляли „северный дозор", который должен был обследовать северную часть Эгейского моря, и специально порты Салоники и Дедеагач, чтобы турки не могли получать военную контрабанду через Грецию и Болгарию. Наконец, в заливе Ксерос постоянно в дозоре находился один из истребителей, чтобы поддерживать радиосвязь с подводными лодками в Мраморном море, для наблюдения за островом Самотраки и за движением неприятеля на берегу в районе Булаира.

За безопасность плавания транспортов в Средиземном море отвечали французы; их миноносцы были распределены между Сицилией и Мальтой, в районе Ионийских островов и между Критом и Матапаном; транспорты же шли без конвоев. Усиленное наблюдение велось французами и за выходом из Адриатического моря, так как по сведениям разведки, в австрийскую базу Пола должны были прибыть германские подводные лодки в разобранном виде; их там предполагалось собрать и отправить к Дарданеллам.

По требованию военных властей, все транспорты направлялись сначала в Александрию. Робек настаивал, чтобы

они шли прямо на Мудрос. В виде исключения было разрешено прямо на Мудрос идти двум большим пароходам „Aquitania“ и „Mauretania“. Первый доставил 5.800 человек, а второй 3.470 чел. „Aquitania“ немедленно была послана обратно и через три недели доставила еще 5.800 человек.

Обычно из Египта транспорты шли на Мудрос, где их выгружали на истребители, тральщики и т. д. На этих судах ночью, без конвоя, войска перевозились к различным местам высадки. В видах предосторожности было приказано грузить не более 500 человек на одно судно. Насколько такие предосторожности были насущны, видно из нижеследующего случая: один из крупных французских транспортов, „Carthague“, в 5.600 тонн, прибыл 1-го июля с боевыми припасами. С 17-го июня не показывалось ни одной неприятельской подводной лодки; в этот день были усмотрены две торпеды, выпущенные по транспорту; торпеды не попали. На берегу ощущался столь острый недостаток боевых запасов, что „Carthague“ пришлось послать к берегу и выгружать снаряды прямо с транспорта. В течение четырех дней благополучно было выгружено 5.000 патронов для 75-м,м, орудий. На пятый день транспорт был потоплен подводной лодкой. Он затонул в несколько минут вместе с остатками боевого груза. Это был единственный транспорт, потопленный за все время у побережья Галлиполи.

В последних числах июля прибыли последние части присланных из Англии подкреплений; всего прибыло около 60.000 человек. Топография южной части полуострова не позволяла там развернуть большего количества войск, чем их уже там было. Высадку решили сделать севернее района Анзак.

Высадка у Сувлы. Английское командование намеревалось широко использовать принцип внезапности, как в стратегическом, так и в тактическом отношениях. Войска предполагалось ночью отправить из своих баз и ночью же высадить,—решение, сопряженное с большим риском, так как высадка намечалась на побережьи, недостаточно обследованном. К тому же это был первый опыт одновременной высадки столь большого количества войск.

При первой высадке в апреле 1915 г., флот отказывался гарантировать успех высадки значительно меньших сил до рассвета; сухопутное командование тогда согласилось на высадку на рассвете, считая, что польза от артиллерийской подготовки будет больше, чем использование принципа внезапности. Теперь обстоятельства изменились: вследствие опасности от подводных лодок, флот не мог быть использован для артиллерийской подготовки; кроме того, у западного берега

Галлипольского полуострова не было течения, столь мешавшего движению шлюпок, как у южного.

Операцию предполагалось выполнить в период безлунных ночей, который наступал в первых числах августа (новолуние—10 августа). Начало наступления намечалось в ночь с 6 на 7 августа. Главный удар предполагался на севере: район Анзак усиливался 2 бригадами (13 и 29 индийской), а к N высаживались еще четыре дивизии (10, 11, 53 и 54).

Прежде всего нужно было высадить 7—8 тысяч на участке Анзак. Это было сделано в течение нескольких ночей, между 31 июлем и 3 августа. Кроме войск, незаметно для турок, выгрузили там же 40 орудий и запасы. В следующую очередь предполагалось высадить 5 бригад. Не только сама высадка должна была быть секретной; необходимо было, кроме того, скрыть от турок присутствие этих войск до начала главной атаки; план укрытия войск на берегу, в специально подготовленных dug—out, был тщательно разработан.

Кроме того, были приняты меры для отвлечения, путем диверсий, внимания турок от Галлипольского полуострова. Находившиеся в Мителене 6 батальонов X дивизии обучались ежедневно маневру высадки: Гамильтон им произвел смотр. Был намеренно распущен слух, что предполагается большой десант в бухте Андрамиди, для разрушения железнодорожного пути между Смирной и Пандермой (порт на южном берегу Мраморного моря). Днем 3-го августа французская эскадра провела в бухту Сигхаджиг (в 20 милях южнее Смирны) несколько транспортов и авио-матку. Войска высадились на южном берегу полуострова, отделяющего Смирнский залив от залива Скала-Нуова. Вход в бухту преградили тральщики с противолодочными сетями. Эскадра до 4-х часов обстреливала берег.

В течение последующих 3-х ночей, с 3-го до 5-го августа, продолжалась перевозка войск на миноносцах и десантных ботах на побережье Анзак. Лишь раз турки открывали огонь и потопили один пароход и два лихтера с лошадьми.

Высадка в незанятой англичанами бухте Сувла была сопряжена с значительно большими опасностями, чем выгрузка войск и грузов у Анзак'а. По предварительному соглашению между морским и сухопутным командованием высадка предполагалась не в самой бухте, а южнее ее, на побережьи Нибрунези, расположенном вне бухты. Условия высадки здесь казались чрезвычайно благоприятными,— главным образом, благодаря глубинам у берега, позволявшим миноносцам с войсками подходить почти вплотную к берегу. С морской точки зрения нельзя было требовать ничего

Черт. 27. Десант в бухте Сувла.

лучшего. Командиру вновь высаженного армейского корпуса ген. Стопфорду было приказано „обеспечить бухту Сувла, как базу для предстоящих операций на севере". В том случае, если бы Стопфорд убедился, что решение задачи возможно без применения всех его войск, то ему надлежало поддержать атаку австралийцев со стороны Анзак на деревню Буюк-Анафарта. „Обеспечить бухту Сувла, как базу", можно было, лишь захватив все побережье между Сари-Баир и бухтой Ейльмер, включая возвышенность Анафарта. Сухопутные начальники настаивали на необходимости высадить две бригады в глубине бухты Сувла. Со стороны Робека и его Штаба это встретило серьезные возражения: основательная разведка бухты, со стороны моря и левого фланга Анзакских позиций, убедила моряков, что высадка в бухте ночью двух бригад невозможна, вследствие мелководья и большого количества прибрежных рифов; по подсчетам морского командования, высадка 2-го эшелона не могла последовать ранее 4-х часов после первого, так как большое количество моторных лихтеров будет на мели и их придется долго снимать. Моряки настаивали поэтому на высадке всех сил у Нибрунези.

Сухопутное командование, однако же, не уступало. В северной части бухты находилась возвышенность Караколь, которую нужно было взять в первую очередь; иначе, по мнению сухопутных начальников, бухту нельзя будет использовать, как базу, и удержать. Между южными склонами этой возвышенности и Нибрунези расположено соленое озеро, которое отделяется от моря узкой полосой земли.

Десантными операциями англичан всегда руководили два самостоятельных начальника: морской начальник был ответственен на море, сухопутный—на суше. „По традиции", говорит Корбетт, „адмирал высаживал войска, где пожелает сухопутный начальник; конечно, если это технически выполнимо и не нарушает безопасности плавания". Такая схема командования возможна лишь в случае полной гармонии во взглядах между сухопутным и морским начальниками.

В данном случае, интересы сухопутных и моряков сильно расходились. Для моряков владение бухтой Сувла являлось совершенно необходимым,—не только потому, что оттуда можно было сравнительно удобно обстреливать северный фланг побережья; бухта, прежде всего, была удобна с точки зрения противолодочной защиты; ее легко было преградить противолодочными сетями и таким образом обеспечить стоянку крупных судов. Противолодочные сети, употреблявшиеся тогда в английском флоте, могли лишь препятствовать проникновению в бухту подводных лодок; но торпеды через сети проходили свободно. Крупные суда в начале операции приходилось ставить почти вплотную к сетям,

и поэтому от попадания торпеды они не были гарантированы. Тем не менее, Робек был готов идти на этот риск, так как не располагал другими возможностями обеспечить войскам поддержку судовым огнем. План операции предусматривал высадку одной бригады (34-ой) в самой бухте, севернее проливчика, разделяющего Соленое озеро от моря, и двух бригад (32-ой и 33-ей) на участке южнее Нибрунези; эти части должны были, после занятия возвышенности Лала-Баба, продвинуться к северу.

Взяв на себя ответственность высадить целую бригаду ночью на необследованном берегу, Робек старался уменьшить этот риск насколько возможно. На случай, если бы высадка с миноносцев и моторных лихтеров оказалась неосуществимой, было сделано распоряжение, чтобы в бухте стояли на якоре, наготове для оказания поддержки, тральщики и дрифтеры, со спасательными ботами.

Вопрос об артиллерийской поддержке судов стал менее сложным, после прибытия мониторов и старых крейсеров, обезопасенных от торпедных атак утолщениями подводной части. Вся артиллерийская поддержка была поручена этим судам. Линейные корабли стояли в базах: они предназначались для прорыва, если бы таковой стал возможным.

Назначенные для обстрела суда были сведены в три отряда: первый, под командой Никельсона (флаг на „Exmouth"), должен был действовать на южном побережьи, около мыса Хеллес, для поддержки намеченной там атаки Критии с юга. На левом фланге этого участка должны были находиться: старый крейсер „Edgar", 3 монитора, 2 истребителя и авио-база „Hector". Поддержка правого фланга южного участка поручалась двум английским и двум французским истребителям, монитору „Roberts" и еще одному малому монитору. В резерв, для поддержки этого фланга, назначался один из французских линкоров, стоявший в Кефало. Второму отряду был поручен участок Анзак; этот отряд состоял из крейсера „Bacchante" (брейд-вымпел командира этого крейсера Бойле), одного большого и трех малых мониторов на правом фланге, и крейсера „Endymion", малого монитора и двух истребителей—на левом фланге. Третий отряд предназначался для бухты Сувла и состоял из крейсера „Talbot", двух крейсеров „Grafton" и „Theseus" и двух малых мониторов; третий монитор стоял севернее Сувла в бухте Ейльмер. При этой эскадре находился истребитель и авио-транспорт „Manica", с привязным аэростатом. Общее руководство всеми десантными операциями у Сувлы было поручено контр-адмиралу Кристиану, державшему флаг на шлюпе „Jonquil".

Чтобы отвлечь внимание турок от направления главного удара, были намечены две диверсии. Турки знали, что

англичане сосредоточивают большие силы,—по их сведениям, до 100 тысяч человек. Они стянули все войска, какие только могли, на полуостров. Но куда будет направлен главный удар, они не знали. Тайну удалось сохранить. Три турецких дивизий стояли в районе бухты Башика на азиатском берегу; пять дивизий—на южном участке; три—на участке Анзак, три—в районе Булаира и одна южнее Анзак, у „масляничной рощи" (южнее Габа-Тепе). Здесь-то, как мы видели, и предполагалось сделать демонстрацию высадки. В то же время, в глубине бухты Ксерос, крейсер „Minerva" и один истребитель должны были высадить 350 человек для поиска внутрь страны.

Операция началась атакой англичан на южном фронте. Здесь войска находились под командой генерала Дугласа, временно заменившего Уэстона. Хотя цель атаки была, главным образом, демонстративная, все же теплилась надежда на захват Критии. Атака должна была начаться 6 августа, в 3 час. 50 мин., после основательной артиллерийской подготовки с моря. В обстреле южного берега должен был принять участие весь первый отряд. Каждый корабль получил определенную цель на берегу, но, кроме того, должен был класть некоторое количество снарядов на наветренную сторону Критии и Ачи-Баба, чтобы дым от разрывавшихся снарядов мешал турецким артиллеристам стрелять. Бои на юге развивались, как было преднамечено; на левом фланге удалось продвинуться вперед, но в центре и на правом фланге английские войска встретили столь сильное сопротивление, что продвигаться им не удавалось. Здесь турки сосредоточили главную массу войск и этим сыграли в руку Гамильтону. Видимо, турки предполагали, что главная сила удара будет со стороны Хеллес и сделали сами то, чего добивался Гамильтон своими атаками на южном фронте. Англичане произвели энергичную атаку также и на левом фланге, в районе Анзак. Турки там всегда оказывали наиболее упорное сопротивление со стороны высот Lone-Pine. Хотя атака в этом районе носила только демонстративный характер, захват возвышенности был крайне желателен для англичан. Lone-Pine командовала над главным источником, из которого турки получали свой запас воды. Австралийцев с моря поддерживал второй отряд. Артиллерийская подготовка атаки на этот холм была поручена крейсеру „Bacchante"; монитору „Havelock" (14-дюйм. орудия) было приказано обстреливать турецкие суда, если бы таковые открыли огонь со стороны проливов по крейсеру „Bacchante"; мониторы „Humber" и „M 33" должны были обстреливать побережье между Габа-Тепе и „масляничной рощей".

В 4 час. 30 мин. началась общая бомбардировка. Через час австралийцы пошли в атаку. Вокруг Lone-Pine разгорелись упорные бои, длившиеся в течение всей ночи. Турки не уступили возвышенности.

Тем временем, главная атака Бердвуда была в полном ходу. Он должен был взять возвышенность Sari-Bair, господствующую как над турецкими, так и над австралийскими позициями. Линия главных турецких окопов кончалась на холме Battleship. Целая система окопов оттуда тянулась до побережья Ocean. Между главной линией и правее находилась почти незащищенная возвышенность Чунук-Баир. Обладание ею давало в руки англичан серьезные преимущества. План операции предусматривал развитие атаки со стороны левого фланга Анзак, сначала в северном и северо-восточном направлении; затем войска должны были повернуть на восток и, обойдя Sari-Bair, взять ее приступом. Выполнение такой сложной задачи темной ночью, при исключительно трудных условиях местности, требовало чрезвычайно большого искусства. Войска для атаки были сведены в 4 колонны, из коих две предназначались для разведки на север и для обеспечения движения наступающих в главном направлении колонн с северной стороны.

В первоначальной стадии атаки, т. е. в развитии ее в северном направлении, помощь флота могла быть существенной. Прежде всего, приходилось брать позицию турок № 3 (Old Post), расположенную в 4 кабельтовых от берега. В начале мая эта позиция была взята турками и чрезвычайно сильно ими укреплена. Взята она была хитростью. По предварительному соглашению начальника бригады и командира лево-флангового истребителя, последний бомбардировал, в течение нескольких ночей это укрепление, освещая его предварительно прожектором. Каждую ночь это проделывалось аккуратно в то же самое время, с 9 час. 20 мин. до 9 час. 30 мин., чтобы приучить турок на это время уходить под прикрытие. И в ночь атаки этот истребитель, как обычно, открыл огонь в 9 час. 20 мин. Когда новозеландцы были на полпути между берегом и укреплением, истребитель прекратил стрельбу; бросившиеся в атаку новозеландцы нашли укрепление пустым. Через полчаса оно было надежно обеспечено за ними. Тем временем, остатки бригады бросились в атаку на возвышенность Battleship, следующую в северном направлении. В 1 час ночи вся местность между этой возвышенностью, укреплением № 3 и берегом была в руках новозеландцев, устремившихся на Table-Top, которую истребитель освещал прожекторами и обстреливал. Возвышенность эта была взята в рукопашном бою, после упорного сопротивления турок. Успех был достигнут,

главным образом, благодаря прекрасно подготовленным совместным операциям армии и флота.

Тем временем, левая колонна прикрытия, состоявшая из двух батальонов XIII дивизии, прошла вперед, прежде чем возвышенность Battleship была окончательно в руках новозеландцев. Не взирая на продольный огонь из турецких окопов, колонна атаковала холм Damakjelik,—последнюю возвышенность в направлении на бухту Сувла. Таким образом, фланги наступавших в главном направлении (на Sari-Bair) австралийских войск были надежно обеспечены с севера. Еще далее на севере происходили высадки 32-й и 33-й бригады, у мыса Нибрунези. И там операции развивались благоприятно; погода была тихая, море было совершенно гладкое.

Посадка войск в Кефало также прошла гладко. Головные части были посажены, по 530 человек, на моторные лихтера и по 500 на истребители. Семь истребителей (см. план) вели на буксире 7 лихтеров к берегу, всего 7.000 чел. Остальные 3.000 человек следовали за этими передовыми частями и были посажены на крейсера „Endymion“ и „Theseus“, на шлюп „Aster“ и 6 тральщиков. „Aster“ вел на буксире моторный лихтер, а каждый из тральщиков—по 4 бота с орудиями и лошадьми. У берега, в виде маячного судна, стоял истребитель, к которому передовые части (7 истребителей с лихтерами) подошли точно по расписанию, в 10 час. вечера. Лихтера немедленно же направились к берегу. Через час они выгрузили своих людей. Два батальона были направлены на перешеек между озером и морем, чтобы захватить позицию Лала-Баба. Высадив войска, лихтера вернулись к миноносцам и перевезли с них войска на берег, после чего вернулись к крейсерам, чтобы снять с них остатки войск. Принцип внезапности был соблюден полностью. Не считая нескольких ружейных выстрелов с берега, десанту не было оказано никакого сопротивления. С одинаковым успехом прошла высадка и с крейсеров. В 1 час. 30 мин. ночи обе бригады были на берегу, вместе с орудиями и лошадьми, и оба крейсера могли занять свои позиции для предстоящего обстрела. Высаженные войска двинулись вперед для атаки возвышенностей Chocolate и W (Ismail-Ogla-Tepe). Обе возвышенности, расположенные восточнее Нибрунези в $1^1/_2$—2 мил., господствовали над бухтой Сувла. Своевременное занятие их было чрезвычайно важно для успеха высадки оставшейся (34-й) бригады XI дивизии. Эта бригада шла на 3-х истребителях, с 3 моторными лихтерами на буксире. Сюда же на рассвете ожидались еще две бригады X дивизии, находившейся в Мителене. Подошедшая 34-я бригада, таким образом, была головной частью этих двух бригад. Общее

руководство операциями в этом районе было поручено генералу Стопфорду, который, вместе с адмиралом Кристиан, находился на шлюпе „Jonquil“,—в то время, как Робек подходил к месту высадки на „Chatham“. Высадка должна была иметь место в нескольких кабельтовых севернее проливчика, против возвышенности 10. Однако же, в темноте истребители ошиблись, уклонились вправо и высадили войска южнее проливчика в 10 час. 20 мин. Не подозревая, что произошла ошибка, миноносцы отдали буксиры лихтеров и те пошли к берегу. Один за другим лихтера садились на мель в $^1/_2$ кабельтове от берега. С берега открыли огонь. Глубина не превышала 3-х фут., но по направлению к берегу увеличивалась. Войска, по пояс в воде, прошли на берег и попали под обстрел турок, тогда еще занимавших укрепление Ghazi, возвышенности 10 и Лала-Баба. Два полевых орудия обстреливали бухту шрапнелью. Лихтера сели так прочно на мель, что сами не могли сняться. Как только это стало известным на судах, были посланы шлюпки, чтобы завести на лихтера для их стягивания буксиры; но на это потребовалось не мало времени. Лишь в 11 час. 30 мин. вечера, один из лихтеров подошел к своему истребителю. Через час пришедшие на нем войска были на шлюпках свезены на берег. В 2 час. 30 мин. были на берегу войска с второго истребителя, и в 5 часов—с третьего. Начальник бригады занял возвышенность против места высадки и, думая, что это холм 10, стал выжидать прибытия 32-й бригады. Туркам было, таким образом, дано время укрепиться и отбить первую атаку на холм 10. Однако, англичанам удалось обойти холм с тыла и взять его в 6 час. утра. Таким образом, на этом участке, в силу происшедшей задержки, движение вперед началось на $4^1/_2$ часа позже, чем предполагалось.

На рассвете, когда возвышенность 10 была занята, подошли 5 батальонов X дивизии из Мителены, под начальством ген. Хилля. Возник вопрос, где их высаживать. Начальник высадки прибыл на „Jonquil“ и доложил, что обошел все побережье и находит его невозможным для высадки, ввиду того, что оно мелко и усеяно подводными камнями. Адмирал Кристиан стоял за то, чтобы высадить войска у Нибрунези, но Стопфорд не решился отдать соответствующего приказания, не переговорив с Хиллем.

Но прежде, чем были отданы распоряжения, прибыл Начальник Штаба Робека и сообщил, что два удобных места высадки обнаружены в северной части бухты; впоследствии они были названы „А восточный“ и „А западный“. Так как оба эти места находились под обстрелом турецких войск, занимавших Ghazi-Baba и Karacol, Робек послал один монитор и два истребителя для поддержки высадки судо-

вым огнем. Тем временем, начальник штаба убедился, что обе позиции Karakol и Ghazi-Baba уже заняты лево-фланговыми частями XI дивизии и, таким образом, успех высадки там обеспечен. Вскоре прибыл генерал Магон с остальными тремя батальонами X дивизии. Так как Стопфорд уже отдал приказание Хиллю высадить 5 батальонов около Нибрунези и не желал его отменять, то в район „A восточный" были посланы только лишь 3 батальона Магона и один опоздавший батальон Хилля. На рассвете турки начали обстрел всех участков побережья, за исключением только что указанных, так как они были закрыты прибрежными возвышенностями. Благодаря тому, что высаженные войска не успели дойти до намеченных пунктов, вся внутренняя часть бухты оказалась под обстрелом. В 8 час. 30 мин. в миноносец, занятый с'емкой с мели одного из лихтеров, попал турецкий снаряд. Миноносцу пришлось уйти в базу. После совещания Робека с Стопфордом, главным местом высадки для бухты Сувла были об'явлены участки „A восточный" и „A западный". Там места для высадки оказалось очень мало: рядом могли пристать не более трех лихтеров. Генерал Магон начал движение вглубь, со стороны бухты Ейельмер, при поддержке одного истребителя и одного монитора. Утром уже половина противолодочных сетей была установлена на местах, и оба сетевых заградителя ушли на Мудрос за новым запасом сетей.

В центре и на правом фланге положение было менее удовлетворительным. Здесь головные части едва продвинулись вперед. Линия фронта тянулась от побережья Нибрунези, через Соленое озеро (оказавшееся сухим) и холм 10, к возвышенности Karakol. Главная причина неудачи—недостаток в питьевой воде. Первые водяные баржи были доставлены к месту высадки лишь после полудня. Но тут выяснились новые недостатки; оказалось, что войска не были снабжены всем необходимым для распределения воды. На всех судах были срочно реквизированы кружки, жестянки и т. п., но всего этого было мало, чтобы удовлетворить жажду всех солдат в этот жаркий августовский день. Сухопутные начальники об'явили, что войска не могут двинуться дальше, если жажда их не будет удовлетворена.

Несмотря на все трудности продвижения ночью вперед в скалистой местности, правая колонна на рассвете была на возвышенности Rhododendron, расположенной западнее Chunuck-Bair, являвшейся главным об'ектом атаки. Левая колонна находилась между холмом Q и Koja-Temin-Tepe. Сопротивление турок оказалось очень упорным. Около 7 ч. утра 7-го августа контр-атаки турок были ликвидированы. Суда начали бомбардировать побережье. В течение 2-х час. „Endymion" обстреливал 6-дюйм. снарядами возвышенность

Battleship; „Bacchante“ обстреливали своими 9-дюйм. орудиями Chunnck-Bair; „Endymion“ старался остановить продвижение неприятельских резервов. В 9 час. 30 мин. суда прекратили огонь, и утомленные войска вновь начали наступление, которое, однако, успеха не имело; войскам было приказано окопаться.

В районе Сувла наступление развивалось чрезвычайно медленно. Лишь в 5 час. 30 мин. дня была произведена атака на холм Chocolate, при поддержке „Talbot“, „Theseus“ и „Grafton“. Ночью холм был занят. В это время генерал Магон прошел вдоль северного берега до самой высокой точки Kiretsh Tepe Sirt; к вечеру первого дня фронт наступавших войск шел прямо на юг, до возвышенности Chocolate. Пространство между холмом Chocolate и Demakjelik, где находился левый фланг Анзак оставалось незанятым английскими войсками. Против этого пространства расположены юго-западные склоны возвышенности Анафарта, которая тянется от бухты Ейльмер до деревни Anafarta-Sagir и холма W. Важно было не только в тактическом отношении занять эту возвышенность, но и обеспечить войска водой, которая имелась в изобилии на горах. По плану операции, обе деревни Anafarta предполагалось взять рано утром.

8-го августа. Второй день операции проходил также безуспешно. Стопфорд требовал от начальников дивизий скорейшего движения вперед. Последние доносили, что войска пришли в полное расстройство и, из-за утомления и недостатка воды, не могут двинуться дальше. Кроме того, были высажены лишь две горных батареи и одна полевая,—последняя без лошадей; а без артиллерийской подготовки считалось невозможным начать наступление на возвышенности, сильно укрепленные турками. Накануне судовые орудия оказали серьезную помощь при занятии возвышенности Chocolate. Однако, генерал Стопфорд считал, что в данном случае помощь судов не может быть действительной, ибо судовым орудиям пришлось бы стрелять по скалистой местности, дающей возможность туркам легко укрываться от снарядов.

Мнение генерала Стопфорда базировалось на традиционной тактике англичан. Гамильтон пишет в своем дневнике: „В современной войне наступление не может начинаться без артиллерийской подготовки. Но при высадке на неприятельском побережье, приходится действовать иначе. Пехота должна продвигаться вперед и как можно скорее занять плацдарм, обеспечивающий развертывание главных сил фронта, а также выгодные позиции для батарей. Возможность снабжения водой, провизией, боевыми припасами и т. д. всецело зависит от первоначальных результатов,

достигнутых высаженными головными частями. Таким образом, в обстановке, в которой развертывалась наша операция, артиллерийская подготовка не могла считаться столь существенной, как быстрота продвижения вперед".

Гамильтон и его Штаб не отдавали себе ясного отчета в положении войск в бухте Сувла до утра 8-го августа. Когда утром этого дня не было получено известий о дальнейших успехах наступления, Гамильтон убедился, что дело не ладно, и направился лично туда. До того он оставался, для общего руководства, на Имбросе, чтобы быть ближе к месту главной атаки (Анзак); наступления со стороны Хеллес и Сувла имели второстепенное значение. В распоряжение Гамильтона был оставлен истребитель „Arno", на котором командующий войсками имел возможность быстро направиться туда, где присутствие его было необходимо. Оказалось, что на истребителе котлы были неисправны, и он прекратил пары. Гамильтон потребовал себе другой миноносец в 11 час. 30 мин. утра. В Кефало не было судов под парами, и лишь в 5 час. дня в распоряжение Гамильтона была дана яхта Робека „Triad", на которой Гамильтон и отправился в бухту Сувла.

Там он убедился, что войска все еще оставались на позициях, занятых ими в предшествовавший день. Неподвижность войск в этом районе была особенно досадна потому, что произведенная на рассвете атака австралийского корпуса на северо-западные склоны возвышенности Sari-Bair (Q и Chunuck-Bair) успеха не имела. Австралийцам удалось укрепиться лишь между этими двумя возвышенностями; в других же местах они были встречены превосходными силами турок и должны были отступить на позиции 7-го августа. Таким образом, было безусловно необходимо оказать самую энергичную поддержку на главном районе атаки. Стопфорд намеревался начать движение вперед на следующий день на рассвете, но Гамильтон потребовал от него энергичных действий немедленно, так как считал, что нельзя терять ни минуты, ввиду подхода сильных турецких подкреплений. Гамильтон с'ехал на берег и сделал сам лично все распоряжения для предстоящей атаки. 32-й бригаде было приказано занять возвышенности Tekke-Tepe, севернее деревни Anafarta. В то же время, одному батальону 33-й бригады было приказано занять пустой район между возвышенностью Chocolate и Damakjelic-Bair. 53 дивизия (генерал Линдлей) была срочно вызвана с Мудроса в бухту Сувла; ее удалось высадить в течение ночи.

Известия из других районов были также мало утешительны: Lone Pine беспрерывно обстреливалась, но турки ее занимали прочно. В районе Хеллес шел беспрерывный бой; турки все время вели контр-атаки. Продвижение впе-

род в направлении на Критию и Ачи-Баба, не удавалось. Успешными для англичан, в этот период времени, были лишь действия подводных лодок в Мраморном море.

„E 14“ была сменена подлодкой „E 11“. Это было через полторы недели после гибели „Mariotte“. Рано утром 5 августа „E 11“ потопила торпедой трехмачтовый транспорт в бухте Ак-Баши. В то время не было сомнений, что подкрепления идут из Константинополя по Галлипольской дороге, которая в двух местах подходила близко к берегу и могла быть обстреляна с моря—около Булаирских линий и банки Dohan-Asland. Здесь расположились подводные лодки для обстрела железнодорожного пути. В тот же день „E 22“ потопила турецкую канонерку. На следующий день подводные лодки вновь вышли на позицию и успешно обстреливали несколько турецких колонн, шедших в южном направлении. Когда турки подвезли полевое орудие, лодкам пришлось погрузиться.

Вспомним, что турки посылали линейные корабли в пролив для обстрела английских судов. С 21-го мая эти суда не появлялись. Однако же, 8-го августа турки решили вновь послать один из своих броненосцев—„Барбаросса-Хайредин“. В ближайшем дозоре броненосца шел истребитель. Тем не менее, „E 11“ удалось потопить турецкий корабль торпедой. Подводные лодки не могли больше обстреливать дорогу, так как турки выставили там полевые батареи. В тот же день „E 14“ удалось потопить большой транспорт.

Тогда же англичане впервые применили новый способ атаки торпедами с аэропланов. Один из аэропланов был послан атаковать транспорт, стоявший под берегом в районе Булаира. Аэроплан снизился до 15 фут над поверхностью воды и, с расстояния полутора кабельтовых от транспорта, выпустил торпеду, попавшую в середину корабля и взорвавшую его. Чрезвычайно трудно приходилось подводным лодкам при проходе через проливы, которые все прочнее закрывались противолодочными сетями.

9 августа англичане произвели новую энергичную атаку на Chunuck-Bair и холм 10. На рассвете „Bacchante“, „Endymion“, один монитор, 3 истребителя и вся сухопутная артиллерия сосредоточили огонь на $^3/_4$ часа по возвышенности. Последовавшая затем атака дала в руки англичан хребет между обоими холмами. Оттуда открывался вид на другую сторону Дарданелл. Но ночью турки отогнали англичан в их исходное положение.

10-го августа. 10 августа атака была возобновлена, но англичане встретили еще более сильное сопротивление, благодаря подошедшим к туркам подкреплениям. На возвышенности Сари-Баир наблюдалось особенно

значительное накопление турецких войск. Турки хотели развить свой успех и энергично преследовали англичан. Но как только они спустились с гор к побережью, они были остановлены сильным артиллерийским огнем с кораблей и отступили.

Со стороны Сувлы была оказана лишь самая незначительная поддержка. Ночная атака 32-й бригады не удалась. Сухопутный и морской начальники, оба наблюдавшие с мостика яхты „Triad", с нетерпением ждали результатов атаки. Овладение всей возвышенностью Anafarta, от бухты Ейльмер до деревни Anafarta Sagir, было существенно необходимым для обеспечения бухты Сувла от турецкого обстрела. Гамильтон с'ехал на берег рано утром 9-го, чтобы заставить генерала Магона продвинуться вдоль берега. Убедившись, однако, что войска слишком утомлены для атаки возвышенности Anafarta, Гамильтон направился на юг, для совещания с генералом Бердвудом. Там оставалась в резерве одна еще неиспользованная территориальная дивизия (54-я, генерал Инглефильд). Бердвуд не считал возможным ее использовать против Сари-Баир, из-за трудности снабжения водой. Он согласился на передачу дивизии на северный фронт, для атаки возвышенности Anafarta. Дивизия была высажена на следующий день в бухте Сувла. В это же время 53 дивизия безуспешно атаковала холм Chocolate. Генералу Стопфорду было приказано использовать вновь прибывшие войска для атаки Kavak-Tepe и Teke-Tepe, двух возвышенностей, господствовавших над хребтом Anafarta. IX-й корпус, однако же, продолжал бездействовать. Стопфорд не верил в доблесть своих войск. Он не хотел двигаться вперед без предварительной разведки; несколько слабых попыток послужили скорее к деморализации корпуса. Гамильтон не верил в непригодность войск подчиненных Стопфорду; на глазах его был пример Анзак'ов, тоже свежих войск, которые, под энергичным руководительством, проявляли достаточную доблесть. Он приказал возобновить атаку на этих участках фронта во что бы то ни стало.

12-го августа. 12 августа, когда суда флота были заняты свозом на берег запасов, срочно необходимых для армии, и эвакуацией раненых, с берега был открыт сильный шрапнельный огонь. Бездеятельность корпуса Стопфорда сказалась: турки заняли окрестные высоты и безнаказанно обстреливали бухту. Гамильтон отрешил Стопфорда от командования и временно назначил, вместо него, генерал-майора Лиль (Lisle). IX-й корпус Лиля теперь состоял из следующих частей: 10-я дивизия, 5.000 человек иоманри, 53 и 54 дивизии. Благодаря большой убыли, численность войск корпуса уменьшилась до 30.000 чел. Был выработан новый план атаки возвышенности Anafarta. Главный удар

должен был быть направлен на оба холма Scimitar и W; обладание ими обеспечивало бухту Сувла от обстрела и кроме того дальнейшее движение на деревню Anafarta Sagir. Австралийский корпус должен был продвинуть вперед свой левый фланг и атаковать холм 60 и Kavak-Kuju. Эти возвышенности, вместе с холмом W, образовали преграду перед долиной Anafarta; лишь обладание ими обеспечивало англичанам дальнейшее движение вперед.

Об овладении, при сложившейся обстановке, всей возвышенностью Sari-Bair—уже не могло быть речи. Новые войска понесли слишком большой урон и были слишком дезорганизованы, чтобы начать столь крупную операцию. Гамильтон потребовал присылки 45.000 человек для замены убыли и 50.000 человек свежих войск.

Новый командир корпуса донес, что потребуется несколько дней для подготовки корпуса к новой атаке. Между тем, каждая минута была дорога, так как турки с каждым днем усиливались все более и более. С южного участка (Хеллес) доносили, что турки перебрасывают часть войск на север; Гамильтон решил, поэтому, перевести опытную в боях XXIX дивизию в северный район. Между 18 и 21 августа она там была высажена.

Много ожиданий возлагалось на предварительную артиллерийскую подготовку. В бухту Сувла был вызван линейный корабль „ Venerable". Начало атаки перенесли на полдень, чтобы использовать все преимущества освещения для артиллерийской подготовки.

Однако же, перемена в погоде разрушила все планы английского командования. Утром 21 августа все побережье Сувлы покрылось туманом. Корректировать стрельбу не было возможности. Пехота должна была начать атаку без артиллерийской поддержки. XXIX дивизия взяла холм Scimitar, а йоманри почти достигли возвышенности W. Однако, под сильным огнем с высот, оба холма должны были быть очищены; англичанам вновь пришлось отступить.

По ту сторону долины, левый фланг Анзак действовал с большим успехом. Вечером были взяты холм 60 и Susak-Kuyu и, несмотря на сильные контр-атаки, удержаны. Таким образом, линия англичан несколько продвинулась к востоку, дав более широкий простор сообщениям между бухтой Сувлой и участком Анзак.

Выполнить план операции в целом не удалось. Насколько успех турок был существенен для центральных держав, видно из нижеследующей оценки положения турецким командованием [1]): „Если бы противнику удалось взять Anafarta, то батареи пролива, недостаточно снабженные, были

[1]) Liman Sanders, стр. 116.

бы быстро разрушены англичанами. Им бы удалось вытралить мины из пролива, и победоносные армия и флот прошли бы к Константинополю, не встретив сопротивления. Чаталджинская позиция, спасшая Константинополь в болгаро-турецкую войну, не могла служить препятствием, так как фланги ее находились под огнем союзного флота. Последовала бы несомненно высадка русских. Турецкая разведка доносила о накоплении войсковых транспортов в Одессе. Западные державы установили бы возможность снабжения России и отторгнули бы Турцию от центральных держав. При таких обстоятельствах, Болгария, конечно, не выступила бы на стороне последних". „Таким образом, наступление против Anafarta, которое по времени приходится в середине $8^1/_2$ месячной Дарданелльской кампании, в то же время является и ее военнополитической кульминационной точкой".

Обстановка на главных театрах.

Известия о неудаче на полуострове дошли до Английского Кабинета, когда последний стоял перед крупными решениями. Китченер телеграфировал Гамильтону, что, в связи с общим положением на фронтах, особенно желательно добиться решительного успеха. Адмиралтейство телеграфировало Робеку, что он может рисковать старыми линейными кораблями, если это потребовалось бы для решительного успеха на сухом пути.

Однако же, успеха на Галлипольском полуострове ждать пока было нечего. Гамильтон, от которого требовали решительных действий, был уведомлен, что на французском фронте предполагается серьезное наступление и что подкреплений он не получит. В его распоряжение предоставлялись подкрепления, уже бывшие в пути, а также войска, без которых можно было обойтись в Египте. Войск этих, как видно из ответа Гамильтона, было едва достаточно, чтобы удержать занятые позиции. Очевидно, что операции на полуострове должны были свестись к позиционной войне.

Обстановка существенно изменилась, главным образом, благодаря крупному успеху немцев на восточном, русском, фронте. В середине июля немцы, совместно с австрийцами, начали крупное наступление. В начале августа они взяли Варшаву и почти одновременно Ивангород; другая австрийская армия овладела ближайшими окрестностями Люблина. На севере немцы продвигались вперед в Прибалтийском крае. Русский фронт был чрезвычайно потрясен. 17-го августа было взято Ковно, благодаря чему создалась непосредственная угроза Риге; через неделю пал Брест-Литовск. Русский фронт приблизительно шел от Риги прямо на юг.

Все надежды на победоносный исход Дарданелльской операции, при наличных там союзных силах, рушились. На

Болгарию, после крупного успеха германо-австрийских армий, следовало смотреть, как на несомненного врага. На поддержку Италии нельзя было особенно рассчитывать: первая попытка наступления против Австрии не удалась; около 10-го августа закончились бои на Изонцо, начавшиеся в конце июня; хотя итальянцы и укрепились на неприятельской территории, все же сопротивление австрийцев не было сломлено. Австро-германское командование сосредоточивало силы на сербском фронте. Следовало ждать третьего вторжения в Сербию. Разгром Сербии открыл бы свободный проход из Австро-Венгрии в Турцию через Болгарию. „В то время во Франции и Англии", пишет Корбетт, „с тревогой видели, что мечты пангерманистов о распространении влияния Германии на восток близки к осуществлению".

Совершенно неожиданно для англичан, французы запросили их 1-го сентября, не могут ли быть даны транспорта для перевозки 4-х дивизий из Марселя в Эгейское море. Подкладка дела заключалась в следующем: 22-го июля Жоффр, без ведома военного министра, отрешил генерала Саррайля от командования 3-ей армией. Генерал этот пользовался популярностью в военных и политических кругах. Отрешение Саррайля вызвало бурю негодования в этих кругах; нужно было смягчить поступок Жоффра. Бывший командующий французскими войсками у Дарданелл, генерал Гуро, лишь медленно оправлялся от своих ран; когда Саррайль вернулся в Париж, ему было предложено заменить генерала Гуро. Саррайль отказался, на том основании, что не может занять поста ниже того, с которого был смещен. Он поставил условием, чтобы была образована особая „восточная армия", не подчиненная английскому главнокомандующему, и что он, Саррайль, покинет Францию не иначе, как во главе посылаемых на восток подкреплений.

Согласие на первое условие ему было обеспечено. Некоторые члены правительства разделяли его взгляды на необходимость более решительных операций на Ближнем Востоке. Еще с декабря 1914 года, когда сербы выгнали австрийцев из пределов своей страны, бывший премьер Бриан настаивал на интервенции крупными силами на Балканах и на создании для этого особой армии. Теперь планы Бриана воскресли вновь.

3-го августа Саррайль был назначен командующим „L'Armée d' Orient" и ему было предложено составить план операции. В обширном меморандуме Саррайль высказывал мысль, что на Галлиполи следует оставить одних только англичан, а две французские дивизии, подчиненные Гамильтону, использовать в другом месте. Саррайль разработал несколько операционных направлений (захват Смирны, десант в Александретте, операции со стороны Андрамиди).

Как лучшее средство оказать давление на Ближнем Востоке, Саррайль рекомендовал оказать поддержку Сербии со стороны Салоник. Меморандум был передан генералу Жоффру, меньше чем когда-либо расположеному отдавать войска с французского фронта. Саррайлю дано было понять, что он раскинул свои планы слишком широко: операции на участке Анзак, у Булаира или на азиатском берегу Дарданелл—было все, что ему разрешалось. Саррайль получил приказание представить новый меморандум.

Но в это время возникли новые затруднения. Когда Гамильтон запросил подкреплений, ему ответили, что ничего не может быть решено до возвращения Китченера, уехавшего во Францию для разработки дальнейшего плана кампании. Еще ранее, на совещании в Кале, в июле этого года, было решено не начинать серьезного наступления во Франции, пока не будет накоплено достаточно сил, обеспечивающих решительный успех. Теперь, ввиду поражения русских, появились опасения, что Россия может пойти на сепаратный мир. Этими-то соображениями и была вызвана телеграмма Китченера, указанная выше. На совещании в Кале не было принято окончательных решений, так как выяснилась невозможность в текущем, 1915 году, сосредоточить достаточно сил на французском фронте для решительного удара. Все, что могло быть сделано для Дарданелл, ограничивалось пополнением убыли в войсках Гамильтона.

Понятно, что в таких условиях просьба французов перевести 4 дивизии в Салоники, была встречена англичанами враждебно. В то время, как англичане откладывали решение усилить Дарданелльский фронт до получения исчерпывающих донесений от Гамильтона, французы торопили отправку войск Саррайля. «L'Armée d'Orient» должна была состоять из 4 дивизий, посылаемых из Франции, и двух дивизий, уже находившихся в Галлиполи. Таким образом, нарождавшаяся новая операция являлась бесспорным отвлечением от Галлиполи. Китченер намекал, что обе французские дивизии будут заменены двумя английскими, снятыми с французского фронта. Вопрос осложнялся еще и трудностями добыть достаточное количество транспортов и гарантировать им безопасность плавания.

Подводная опасность становилась все более и более угрожающей в Средиземном море. Своего морского транспорта у французов не хватало, они обратились с просьбой о помощи к англичанам. Несмотря на то, что Адмиралтейство испытывало крайние затруднения в транспортном деле, оно решило сделать все возможное, чтобы помочь, и лишь требовало, чтобы конвоирование транспортов миноносцами французы взяли на себя.

Главным образом, перевозка войск затруднялась недостаточностью средств для охраны их от подводных лодок. Выше указывалась противолодочная организация в Эгейском море. Однако, уже 13-го августа, южнее острова Кос (36°30′ с.-в. шир.), был потоплен английский транспорт в 11.000 тонн, имевший на себе 1.400 человек; атака была произведена в районе французских дозоров. Агентурные сведения заставляли думать, что транспорт потоплен одной из германских подводных лодок, присланных в разобранном виде в австрийские базы. Маневренная база этих подводных лодок помещалась, как думали англичане, в небольшой бухте Орак на азиатском берегу (37° сев. шир.). Точно установить место базирования лодок, однако, не удалось.

Путь транспортов, шедший до того из Александрии прямо на Мудрос, пришлось изменить. Транспортам было приказано остерегаться азиатского побережья, идти впредь восточнее Крита и затем через канал Даро (восточнее Эвбеи). В течение двух недель движение транспортов шло беспрепятственно. Однако, 2-го сентября германская подлодка атаковала другой транспорт, шедший из Египта на Мудрос, южнее острова Страти, в 30 милях от Мудроса. Транспорт (12.000 тонн водоизмещения) вез 1.400 человек; он не потонул и, с большими усилиями, его удалось довести до Мудроса.

Союзное командование на Галлипольском полуострове решило сделать новую попытку занять узкую часть полуострова между Майдосом и Габа-Тепе; но пока что, войскам надо было дать отдохнуть. Вместе с тем, Гамильтон не считал себя достаточно сильным, чтобы приступить к энергичным операциям в ближайшие дни. Однако, отдых этот шел всецело на пользу туркам, которые получили возможность и время еще более укрепить свои позиции. Изменение военной обстановки можно было ждать пока либо от политической кон'юнктуры на Балканах, либо от каких-либо операций флота. Между тем, единственное, что мог сделать флот, сводилось к операциям подводных лодок в Мраморном море. От последних требовалась усиленная деятельность, чтобы хоть сколько-нибудь подорвать коммуникационную линию турок, дабы заставить их ограничиться пользованием сухопутными путями сообщения через Булаир.

Чтобы охарактеризовать деятельность подводных лодок в Мраморном море и выяснить влияние этой деятельности на тыловые сообщения, приведем несколько примеров.

„E 11“ потопила 8 августа около Галлиполи старый турецкий линейный корабль „Барбаросса-Хайредин“ и затем прошла к Сан-Стефано (юго-западнее Константинополя). Город этот являлся наиболее уязвимым с моря на западном побережьи Мраморного моря. Уничтожив там около полдю-

жины парусных судов, „E 11“ прошла к юго-восточному берегу, к городу Мудания, конечному пункту железной дороги из Бруссы. Подводная лодка обстреляла станцию и береговые склады, но должна была погрузиться, так как с берега по ней был открыт орудийный огонь. Тогда „E 11“ вернулась к Сан-Стефано, где подверглась атаке аэроплана. На следующий день „E 11“ обстреляла город Артику, на южном берегу, и затем встретилась с „E 2“, только что пришедшей в Мраморное море, после весьма тяжелого перехода через проливы, где она запуталась в сетях. До встречи с „E 11“ „E 2“ успела потопить вооруженный пароход. Приняв с „E 2“ новые боевые запасы, „E 11“ прошла вновь к Босфору, где 15-го августа потопила пароход, стоявший у городской пристани Хайдар-Паша, южнее Скутари. К вечеру обе подводные лодки снова соединились и пошли вместе в Сан-Стефано, где потопили дозорное судно. После этого „E 2“ пошла в Босфор, а „E 11“ в залив Измид, где обстреляла железнодорожный путь. 18-го августа эта подводная лодка обстреливала на западном берегу, около Булаира, колонну войск. „E 2“ также показывалась в самых различных местах моря, благодаря чему турки пришли к убеждению, что в Мраморном море большое количество лодок (см. черт. 23).

В ночь на 21-ое августа „E 11“ вошла в залив Измид, где высадился помощник командира с подрывными патронами. К берегу он отправился вплавь, толкая перед собой небольшой плот, на котором находились его вещи. Несмотря на охрану пути, ему удалось пробраться к железнодорожной линии, заложить там подрывные патроны и, взорвав путь, благополучно вернуться на подводную лодку.

Обе подводные лодки „E 2“ и „E 11“ время от времени встречались для обмена впечатлениями и выработки последующих операций. 23-го августа было передано по радио на подводную лодку, что в Дарданеллах сосредоточилось большое количество транспортов. „E 11“ пошла в пролив. Одна из главных баз турок находилась в бухте Акбаши-Лиман. Ранее базой служил порт Килия-Лиман, против мыса Нагара (40°12′ с. ш.), оставленный по той причине, что находился под обстрелом судовых орудий. Акбаши-Лиман был полон судами; у входа в бухту держалась канонерка. „E 11“ безуспешно атаковала ее и затем выпустила свои торпеды в гущу транспортов. Затем лодка направилась в Чардак-Лиман; в этом порту сосредоточились запасы зерна из азиатских провинций для Галлипольской армии. Здесь „E 11“ потопила своей последней торпедой еще один большой транспорт. 28-го августа обе лодки сошлись вновь и совместно бомбардировали порт Мудания. Затем они обстреляли виадук около Измида, после чего „E 11“ пошла на присоедине-

ние к эскадре, а „Е 2“ к Константинополю, где, однако, не нашла судов.

3-го сентября „Е 11“ вернулась к Хеллесу, пробыв 29 дней в Мраморном море, при чем ею были потоплены или повреждены: один линейный корабль, одна канонерка, шесть транспортов, один вооруженный пароход, 23 парусных судна. Запасы провизии и свежих фруктов, найденные на парусниках, давали возможность личному составу лодок хорошо питаться.

На смену „Е 11“ вышла „Е 7,“ которая должна была встретиться 5-го сентября с „Е 2“. Лодка попала в сети около Нагара и не была в состоянии из них выпутаться в течение полусуток. После сильного взрыва около лодки, лишившего ее еще и освещения, лодка была взорвана своим личным составом, который, после этого, сдался туркам.

„Е 2“ осталась одна в Мраморном море и продолжала обстрел железнодорожных линий. Недалеко от Сан-Стефано был высажен один из офицеров, чтобы взорвать железнодорожный мост. Два дня лодка ждала его возвращения, но он пропал без вести. Пробыв в Мраморном море 33 дня и уничтожив 6 пароходов и 36 парусников, подводная лодка вернулась к флоту.

Как видно из труда Лимана Сандерса,—прекратить вовсе морские сообщения турок лодкам не удалось, но вред они нанесли громадный.

Стратегическая обстановка в сентябре 1915 г.

Стратегическое положение Германии и ее союзников осенью 1915 г. было исключительно благоприятным. 11-го сентября состоялась конференция представителей Высшего Командования Англии и Франции. В Англии, в военных и политических кругах, было сильно распространено мнение, что единственным средством быстро и победоносно закончить войну—оставалось нанести сильный удар в направлении на Константинополь. Казалось, что это являлось единственной возможностью поддержать русскую армию, сильно расшатанную последними поражениями. И в Париже этот взгляд имел многочисленных сторонников; однако же, большинство французских авторитетов продолжало смотреть на Дарданелльскую операцию, как на авантюру, и требовало энергичного наступления на французском фронте. Корбетт указывает, что мнение французов и англичан в то время сильно расходились по основным вопросам; он считает понятным, что французы всячески противились какой бы то ни было переброске войск на второстепенный театр, так как враг находился на их территории и создавалась непосредственная угроза интересам страны. Англичане были совершенно в ином положении: на их территории не было ни одного неприятельского солдата, и, поэтому, суждения их

могли быть более об'ективными. О тяжелых последствиях, которые могли возникнуть для союзников в результате разгрома России, в случае невозможности ее поддержать, хотя бы доставкой боевого снаряжения, тогда мало думали.

Как уже сказано выше, 11-го сентября состоялось в Кале военное совещание, на котором присутствовали: со стороны англичан—Китченер, Френч, Вильсон, а со стороны французов—Мильеран, Жоффр и Саррайль. Ни к каким реальным выводам совещание не пришло. Мильеран настаивал, чтобы главное командование в Дарданеллах перешло к Саррайлю; однако, это предложение было отклонено ввиду того, что английских войск на Галлипольском полуострове было несравненно больше, чем французских. Было решено не подчинять Саррайля Гамильтону, если французские войска будут действовать на азиатском берегу, а английские на европейском, и что французы пошлют четыре дивизии в Салоники, а англичане снимут две дивизии с французского фронта для замены ими двух дивизий, отправляемых с Галлипольского фронта в распоряжение Саррайля. Адмиралтейство подготовляло транспорты для шести дивизий; посылка их предполагалась после намеченного крупного наступления союзников на французском фронте. Во время прений генерал Жоффр не скрывал своего крайнего неудовольствия; как он, так и Френч, отказывались дать определенные сроки, когда бы было возможно отпустить эти шесть дивизий с французского фронта.

Надежды на скорое решение вопроса не было, а, между тем, помощь высаженным на Галлиполи войскам была совершенно необходима. Оставался один слабый луч надежды. Оппозиционные партии Болгарии были против выступления на стороне центральных держав. Союзное командование предполагало использовать эти партии. В начале августа сербскому правительству было сделано представление удовлетворить болгар территориальными уступками, если бы, за сохранение своего нейтралитета, они это потребовали. 1-го сентября сербы выразили принципиальное согласие, но сделали некоторые ограничения, потребовавшие новых совещаний между союзными правительствами. Было постановлено предложение Сербии отклонить. 14-го сентября союзные правительства послали в Софию ноту, гарантировавшую Болгарии все те компенсации, которые она могла желать, при условии, что болгары выступят в ближайшее время против Турции. Болгарская оппозиция отправила своих представителей к королю, чтобы уговорить его принять предложение союзников и выступить против турок, образовать коалиционное правительство и созвать вновь парламент. Однако же, король Фердинанд не удовлетворил

их требования. Появились слухи о подготовке болгарской мобилизации.

В свою очередь, германское правительство проделывало то же самое, что и союзники. Высшее Командование центральных держав решило временно прекратить наступательные операции против русской армии и начать таковые против Сербии. Для того, чтобы подкрепить турок на Галлиполи боевыми припасами, было необходимо открыть путь через Сербию. Возможность этого зависела всецело от позиции Румынии и Болгарии. Германское Верховное Командование сочло необходимым, поэтому, принять самые энергичные меры, чтобы побудить болгарского царя выступить на стороне центральных держав. Как только Брест-Литовск пал, немцы уведомили австрийское командование, что часть германских войск будет снята с галицийского фронта и переправлена на Дунай. Австрия протестовала и настаивала на окончательном разгроме русских армий, требуя решительных действий против Вильны; германское командование оставалось при своем решении [1]).

Германские войска переправлялись на Дунай; операции против Вильны в то же время продолжались. Наши армии оказывали им серьезное сопротивление.

Сербская контр-разведка сообщала, что болгарские войска и боевые запасы скопляются в Видине (в северо-западном углу Болгарии) и что две австро-германских группы войск сосредоточиваются на северной границе Сербии в районе Оршова, где сходятся границы Австро-Венгрии, Сербии, Болгарии и Румынии. Дважды в течение войны сербы удачно отбивали вторжения австрийцев с севера, но в случае одновременного нападения болгар еще и с востока, положение их становилось безнадежным. Согласно договору между Сербией и Грецией, последняя, в случае нападения со стороны Болгарии, должна была прийти на помощь сербам; но Греция одна была слишком слаба, чтобы спасти положение. Еще только Румыния могла серьезно помочь, но было более чем сомнительно сможет ли она двинуться без поддержки России. Греческий и сербский премьер-министры просили о немедленной присылке 150.000 человек, чтобы покончить с болгарами. В Лондоне вопрос этот обсуждался 23-го сентября; окончательного решения не было принято. Союзное командование постановило выждать результатов предстоящего наступления на французском фронте, прежде чем решить вопрос, можно ли снять требуемое количество войск с фронта. Подготовка наступательных операций на

---

[1]) Вопрос о заключении конвенции с Болгарией и подготовка похода на Сербию подробно разобраны в книге Фалькенгайна «Верховное командование» (см. русск. перевод, стр. 149 и далее).

французском фронте была в полном ходу. Предполагалось, что французы прорвут германский фронт в районе Артуа, а англичане поведут энергичное наступление в районе Арраса. Флот должен был одновременно бомбардировать Фландрское побережье и поддерживать демонстративное движение английских войск вдоль берега, имевшее целью не дать немцам снять войска с приморского фланга. С 7-го сентября корабли, назначенные для обстрела, находились в полной готовности.

Движение англичан вдоль берега успеха не имело, и базы подводных лодок оставались в руках немцев. Обширный план союзного командования прорвать фронт не удался. Правда, союзники несколько продвинулись вперед; но значения там это не имело никакого. Если бы Гамильтону удалось настолько же продвинуться вперед на Галлипольском фронте, то вопрос о Константинополе был бы решен. Если хотя бы часть громадных усилий, проявленных союзниками на французском фронте, была своевременно направлена для усиления Дарданелльского фронта, то наступление немцев на Сербию, оказалось бы запоздалым.

По мере выяснения неудачи союзников на западном фронте, идея протянуть руку помощи Сербии через Салоники принимала все более и более конкретные формы.

23-го сентября обсуждалась просьба Сербии и Греции о присылке 150.000 человек; союзники нашли невозможным дать категорический ответ, пока не будут ясны результаты предстоявших боев у Артуа. Тем не менее, английское правительство согласилось на немедленную высадку небольшого числа войск в Салоники, чтобы подчеркнуть серьезность намерения оказать действительную помощь Сербии. С этой небольшой уступки и началось участие англичан в задуманной французами операции, которая потребовала самых крайних напряжений английского военного и коммерческого флотов.

Русское командование держалось того мнения, что достаточно 5.000 человек для удержания Болгарии от перехода на сторону центральных держав. Франция, однако же, настаивала на необходимости военной демонстрации достаточно внушительной, чтобы предотвратить выход в отставку греческого премьер-министра Венизелоса; лишь помощь последнего могла, с точки зрения союзников, спасти положение на Балканах. Французское правительство настаивало на немедленном уведомлении Венизелоса, что, в случае об'явления Грецией мобилизации для защиты Сербии, будут присланы франко-английские войска для защиты Греции, на случай вторжения Болгарии.

Тем временем 25-го сентября Болгария об'явила всеобщую мобилизацию. Союзные правительства были извещены, что

греческий король, явный сторонник Германии, соглашается на всеобщую мобилизацию, но только «в виде меры предосторожности, а не для того, чтобы вовлечь страну в мировую войну». При таких условиях было решено 24-го сентября согласиться на французские планы и заверить Венизелоса, что союзники готовы начать теперь же переброску значительного количества войск, ввиду категорического заявления греческого правительства, что высадка их в Салониках будет встречена благоприятно греческим правительством.

В тот же день пришел ответ из Афин, что Венизелос радуется прибытию союзных войск в Салоники, хотя бы в небольшом количестве. Английский посланник извещал, что поведение короля двусмысленно, и что король пытался отговорить Венизелоса от согласия на посылку 150.000 союзных войск. Английскому посланнику в Афинах было поручено выяснить окончательно позицию греческого правительства в этом сложном и щекотливом деле.

Возник вопрос, откуда достать необходимое количество войск. Как сказано выше, во Франции шло наступление и оттуда нельзя было снять пока ни одной дивизии. Казалось, переправить войска с Галлипольского полуострова было возможно только при условии эвакуации бухты Сувла. Сокращение фронта на Галлипольском полуострове дало бы возможность использовать две дивизии Гамильтона: если прибавить к ним 8.000 иоманри, находящихся на пути в Египет, то получалась армия в 37.400 человек. В тот же день были посланы телеграммы Гамильтону и Робеку, в которых запрашивалось их мнение относительно возможности эвакуации участка Сувла; вместе с тем их заверили, что отказываться от Дарданелльской операции в целом — не предположено.

Местные начальники возражали против эвакуации Сувлы. Они указывали, что приступлено к устройству новой гавани около Ари-Бурну, для снабжения австралийцев на их новых позициях; отказ от Сувлы дал бы возможность туркам установить на окрестных возвышенностях орудия и сделать пользование гаванью невозможным,—это равносильно было бы отказу от вновь занятых позиций. Тогда же, 25 сентября, Гамильтон получил донесение командующего французскими войсками, генерала Балью, о полученном последним из Франции приказании приготовить к эвакуации одну из его дивизий. Позднее и Гамильтон получил телеграмму Китченера, сообщавшую, что новая обстановка на Балканах требует, в связи с мобилизацией Болгарии, посылки двух английских и одной французской дивизий в Салоники.

Из новой телеграммы английского посланника в Афинах выяснилось, что между королем и Венизелосом достигнуто соглашение. „Король надеется“, говорилось в телеграмме,

„что союзные войска не будут присланы в Салоники немедленно, а Венизелос желает посылки их тотчас же, но с тем, чтобы пока они находились на Мудросе или в какой-либо иной промежуточной базе, откуда их можно было бы доставить в Салоники, как только события того потребуют". Как видно, полного согласия между королем и министром все же не было. В одной из последующих телеграмм английский посланник пояснял, что Венизелос предложил Митилену, как промежуточную базу для войск, но что не встречается препятствий для выгрузки теперь же запасов и лошадей в Салониках; при них могли быть и люди в форме, под предлогом, что грузы и лошади посылаются в Сербию.

Союзное командование стояло перед чрезвычайно трудными решениями, в связи с наступлением во Франции. Уклончивые ответы греческого правительства весьма усложняли дело. Сербия хотела начать наступление против Болгарии, прежде чем последняя успеет закончить мобилизацию. Союзники удерживали Сербию, надеясь ее уговорить сделать территориальные уступки, благодаря которым можно было бы вырвать Болгарию из-под влияния Германии. Россия продолжала нажимать на Сербию. Греческий король продолжал настаивать, что нет наличия casus foederis для выступления на защиту Сербии. Болгарская мобилизация началась; слухи о сосредоточении больших масс войск на сербской границе подтверждались; неясная позиция Греции связывала союзников.

Командование сухопутными войсками в Дарданеллах переживало тяжелые дни. Гамильтон послал подробное донесение с выяснением серьезных последствий, которые должны были возникнуть в случае эвакуации Сувлы. Такое же донесение послал и Робек. Им ответили, что правительство откладывает окончательное решение, ввиду невыясненной до сих пор позиции Греции. На следующий день, 27-го сентября, союзники отправили в Афины ноту, требовавшую точного и окончательного ответа, без каких-либо промедлений. Корбетт говорит, что «идея контрабандного провоза войск и запасов в Салоники должна была быть отвергнута; без ясного и точного ответа нельзя было начать сложную работу по сосредоточению транспортов для перевозки».

Более подробное исследование Салоникского вопроса вывело бы нас из рамок настоящего труда. Вопрос этот нам интересно выяснить лишь в отношении его влияния на Галлипольскую операцию.

Создается впечатление, что Венизелос всем своим авторитетом шел навстречу союзникам в их желании высадить войска. Он просил, чтобы британские и французские войска были высажены и перевезены в Сербию до 30-го сен-

тября, пока железная дорога не потребуется для греческих войск, сосредоточение коих в Македонии должно было закончиться 30-го. Далее говорилось, что король будет делать вид, будто не знает ничего о предполагавшейся высадке, а после прибытия союзных войск в Салоники заявит лишь формальный протест, чтобы соблюсти декорум.

Англичане ответили, что посылка войск уже на полном ходу, но что они видят большие затруднения в случае пред'явления формального протеста. Последнее они считают недопустимым. Венизелос уверял, что войска будут встречены без каких-либо затруднений. Телеграмма заканчивалась даже заверением, что греческий флот окажет содействие при постановке противолодочных сетей в порту. Вдруг 28-го сентября пришло странное извещение греческого правительства, «что оно благодарит за присылку войск, но, что в последних нет пока надобности, ввиду декларации болгарского и сербского правительств». В своих декларациях сербское правительство сообщило, что само не начнет наступления против Болгарии, а болгарское правительство заверило, что, подобно Греции, будет сохранять вооруженный нейтралитет.

Телеграммы эти придали всему делу совершенно новый оборот. На следующий день английское правительство было уведомлено из Афин, что телеграмму эту следует рассматривать, как исключительно только формальную отписку, а руководствоваться нужно лишь тем, что сообщалось ранее.

Пируэты афинского правительства производили в Дарданеллах удручающее впечатление. 26-го сентября Гамильтон телеграфировал в Лондон, что надеется удержать за собою Сувлу даже в том случае, если бы пришлось отдать 10-ю и 53-ю дивизии и не более одной бригады французов. Тем временем пришла телеграмма командующему французскими войсками, чтобы он снял с фронта, с участка Хеллес, одну дивизию и перевел ее в Мудрос. Распоряжение это было сделано помимо Гамильтона, который не позволил Балью его выполнить. Сам же Гамильтон получил приказание из Лондона тотчас же перевести 10 дивизию на Мудрос, а с 53 дивизией обождать, пока не будет выяснено снимут ли французы с фронта одну бригаду или одну дивизию.

Начались приготовления к высадке в Салониках. Несколько французских и английских представителей союзного командования были посланы на миноносце в Салоники, чтобы подготовить там все на месте. Туда же был послан французский крейсер „Latouche Treville“ для радио-связи.

Базирование на Салоники казалось обеспеченным. Однако, посланные туда для подготовки высадки представители союзного командования были встречены почти враждебно. Оказалось, что Венизелос вдруг изменил свои отношения к союзникам. Повидимому, его оттолкнули настойчивые советы русского правительства отдать болгарам порт Кавала,— давнишнее яблоко раздора между обеими странами.

Тем временем, Балью уведомил Гамильтона, что, согласно приказанию из Парижа, он должен снять с фронта целую дивизию; вследствие этого Гамильтон донес в Лондон, что может отдать одну только 10-ю дивизию, а 53-ю оставит при себе. 10 дивизия была ночью посажена на транспорты, без помехи со стороны турок. С 1-го октября она стояла в полной готовности на Мудросе для немедленной посылки в Салоники.

В тот же день, через „Latouche Treville", было получено донесение о том, что в Салониках вновь достигнуто полное соглашение относительно высадки. Вследствие этого французы послали первый эшелон войск из Мудроса вместе с противолодочными сетевыми заградителями. Первые эшелоны англичан были посажены на линейный корабль «Albion». Казалось, что все пошло хорошо.

Однако, в ту же ночь пришла телеграмма, что Венизелос запрещает высаживать хотя бы одного человека. Старший английский морской начальник в Салониках поэтому отправил прибывшие французские войска с сетевыми заграждениями обратно. Совершенно неожиданно Венизелос начал протестовать не только относительно Салоник, но также относительно устройства французской базы на острове Милос. Остров Милос принадлежал Греции и, конечно, последняя имела право запрещать устройство базы. Было непонятно, почему она не протестовала ранее, когда для тех же целей были использованы и другие острова. База на Милосе была совершенно необходима для наблюдения за водным пространством между этим островом и материком; именно там шло большинство транспортов. Случаи потопления транспортов в этом районе становились все чаще; поэтому, как Робек, так и старший морской начальник на Мальте, усиленно настаивали на устройстве добавочной базы на острове Черигo или Черингото.

Отказ Греции пришел в чрезвычайно неблагоприятный момент. Россия, опасаясь за потерю гегемонии на Балканах, делала энергичные представления в Софии. Русский посланник об'явил, что через 24 часа покинет болгарскую столицу, если правительство не порвет сношений с врагами России. Корбетт указывает, что Россия в этом случае действовала самостоятельно, и англичане были вынуждены следовать ее

политике, несмотря на то, что Россия не могла подкрепить свою угрозу силой.

Теперь все окончательно зависело от позиции греческого правительства. Между Афинами, Парижем, Лондоном и Петроградом телеграф работал беспрерывно. Союзники заверили греческое правительство, что не может быть речи о каких-нибудь уступках Болгарии, и что высадка в Салониках никоем образом не умалит суверенных прав Греции. Греческое правительство частным образом сообщало, что его протесты лишь одна формальность. Союзники на это не могли идти. Посылать союзные войска небольшими группами на сербскую границу, как советовали греки, считалось недопустимым. Союзное командование полагало, что прежде всего необходимо сосредоточить силы вблизи Салоник и устроить там базу.

В ночь на 3-е октября „Doris", стоявший в Салониках вместе с „Latouche Treville", сообщил на Мудрос, что письменное разрешение на высадку войск получено. Французы получили приказание, непосредственно из Парижа, послать войска в Салоники. Робеку было приказано ждать официального оформления разрешения на высадку из Афин. Последнее было получено на следующий день. Сетевые заградители и головной эшелон французов вышли в море немедленно. За ними последовал „Albion", имевший на борту 1500 человек английских войск, и второй эшелон французов. На следующий день были посланы французская артиллерия и еще 2000 английских войск.

Таким образом, можно считать, что 5-го октября посылка войск в Салоники стала на прочные рельсы. Для перевозки остального количества войск были заготовлены транспорты.

Не могло быть сомнения в том, что помощь союзников Сербии уже запоздала. Китченер отправился в Кале для выработки плана дальнейших операций. Греческому правительству было предложено предоставить миноносцы для совместной противолодочной защиты в Эгейском море. 5-го октября Венизелос сделал доклад парламенту о своей иностранной политике. Несмотря на то, что Венизелосу было выражено доверие, король обвинил своего первого министра в превышении власти. Венизелос подал в отставку.

Это обстоятельство вызвало новые осложнения для союзников. Совещание в Кале постановило продолжать операцию. Взгляды английского и французского командования оказались противоположными. Французы полагали необходимым как можно скорее переправить войска в центр Сербии. Для этого нужно было пройти около 50 миль по чрезвычайно трудным горным путям. Англичане считали

такой поход слишком рискованным и настаивали на том, чтобы союзные войска оставались в Салониках до тех пор, пока не будет выяснена точно позиция греческого правительства и не будет обеспечена помощь греческих войск. 6-го октября в Салоники прибыл Саррайль; он также не считал возможным начать движение вперед, ввиду падения Венизелоса.

За день до отставки Венизелоса, Россия предъявила ультиматум Болгарии; 6-го октября Россия прервала с ней сношения. Таким образом, союзники оказались перед необходимостью начать военные действия с этой страной прежде, чем была обеспечена помощь Греции. Лондон сообщил Парижу, что ни один человек не будет послан в Салоники прежде, чем позиция Греции не будет точно выяснена. Англичане все время настаивали на официальном признании греческим правительством, что присутствие союзных войск в Салониках не есть нарушение нейтралитета, а является лишь следствием требования помощи со стороны Греции для возможности выполнения последней своих союзных обязательств по отношению к Сербии.

Тем временем, началось вторжение германских армий в Сербию. Россия не могла оказать последней какой-либо помощи. Вплотную стал вопрос: сделать ли новое, отчаянное усилие, чтобы прорваться через Дарданеллы и тем самым пытаться влиять на Болгарию, или же начать эвакуацию всех войск с полуострова Галлиполи с тем, чтобы направить эти войска для помощи Сербии со стороны Дедеагача или залива Ксерос, в то время, как французы будут двигать свои войска в Сербию из Салоник. 11-го октября было получено окончательное мнение Жоффра по этому вопросу. Жоффр придерживался скорее английской точки зрения, чем французской. Он полагал, что прежде всего нужно обеспечить в Салониках базу и железную дорогу в Ускюб, древнюю сербскую столицу, и, прикрывая правый фланг сербов, не дать болгарам возможности вторгнуться вглубь Сербии. Для этого он считал, что высаженных сил достаточно, в особенности, если бы Италия согласилась со своей стороны послать войска в Салоники и оказать помощь Сербии со стороны Адриатического моря, через Дураццо. Рассматривая этот вопрос с чисто военной точки зрения, союзное командование пришло к заключению, что, без помощи греков и без поддержки со стороны России, посылка 150.000 армии в Сербию, ради того, чтобы недопустить возможность посылки боевого снабжения в Турцию, слишком рискована. Операция со стороны одного из болгарских портов казалась еще более опасной, чем со стороны Салоник. Как уже говорилось, добыть войска и средства

для перевозки их морем — считалось крайне затруднительным.

Снова был поднят вопрос—не правильнее ли будет начать решительное наступление со стороны Галлипольского полуострова.

Преобладало мнение, что в политическом отношении выгоднее начать операцию со стороны Салоник, но морские и военные авторитеты в этом видели большие затруднения. Считалось, что лучше предоставить Сербию своей судьбе, чем отказаться от Галлипольской операции. Если бы поведение Румынии и Греции сделало в конце концов наступление союзников на Балканах невозможным, то посылаемые в Салоники войска должны быть использованы у Дарданелл.

11-го октября Военный Совет решил усилить войска, посланные в Салоники. Было решено послать опытного сухопутного начальника в Средиземное море, который изучил бы обстановку на месте и наметил наиболее выгодное операционное направление. Было предложено ехать самому Китченеру. 12-го октября Военный Совет окончательно решил иметь к 1-му января, для операции на Балканах, наготове армию в 200 тысяч человек, на случай, что Греция и Румыния об'явят войну центральным державам.

Тем временем, Греция заявила окончательно, что остается нейтральной, что не мешало ей, однако, предоставить союзникам Салоники в виде базы.

Греческая армия была в полной готовности отразить болгар, если бы те появились на греческой территории. Греческий король прямо об'явил, что он так же боится германской армии, как и союзного флота, и поэтому будет упорствовать в сохранении нейтралитета. Румыния, без серьезной помощи русской армии, не решалась вступить в войну. Россия, еще не оправившаяся после последних поражений, дать для этого войск не могла.

На Галлипольском полуострове турки, после последних атак, не проявили активности. Возможно, что турецкое командование было уверено в скором прибытии германских подкреплений. Английские мониторы продолжали, при содействии авиации, обстрел турецких батарей, складов и т. д. В Мраморном море продолжалась энергичная деятельность подводных лодок.

Когда, вскоре после высадки в бухте Сувла, Германия обратила свое внимание на Балканы и направила войска на Дунай, германские подводные лодки были посланы в Эгейское море. В течение августа там появились четыре больших подводных лодки—„U 33“, „U 34“, „U 35“ и „U 39“, пять лодок типа „UB“ и четыре типа „UC“. В течение первых трех недель сентября было потоплено около Крита пять пароходов; с 28-го сен-

тября до 11-го октября—восемнадцать. Потеря некоторых из этих судов, везших боевое снаряжение и новые моторные лихтеры для высадки, ощущалась особенно остро десантной армией. Пароходы были потоплены частью между Мальтой и Александрией, частью между Критом и Александрией. Таким образом, мы видим, что операции подводных лодок сразу же охватили большой район. Были приняты срочные меры для вооружения транспортов артиллерией, усиления дозоров и устройства противолодочных ловушек.

11-го октября Китченер запросил Гамильтона, будет ли эвакуация связана с большими потерями. Гамильтон ответил на следующий день, что количество потерь будет зависеть от обстановки, но, что потери, вероятно, будут не менее половины всего личного состава и всего наличия орудий и запасов; среди цветных войск Гамильтон предполагал их особенно большими. Он, кроме того, просил о немедленном увольнении его от должности, если эвакуация будет решена.

15-го октября Гамильтон был сменен генералом Монро, до того командовавшим армией на французском фронте. Последнему было поручено, вместе с тем, ознакомиться с положением дел на всем Ближнем Востоке и донести о нем Военному Совету.

Во Франции, в это время, начался министерский кризис. 13-го октября ушел министр иностранных дел Делькассе,— противник Салоникской операции.

Французское Верховное Командование поручило Саррайлю двинуться в Сербию, как только база ему будет обеспечена. Англичане были против этого. С другой стороны, они настаивали на об'явлении войны Болгарии. Робеку было приказано об'явить блокаду Дедеагача и бомбардировать этот порт. Ввиду необеспеченного положения греческой армии, явилось предположение высадиться в Эносе для операций против Болгарии. Адмиралтейство было против этой высадки, ввиду отсутствия удобных пристаней в этом порту и плохой защиты от господствующих ветров; кроме того, перевозочные средства англичан оказались совершенно исчерпанными.

Англичане прервали сношение с Болгарией 13-го октября; Болгария об'явила войну Сербии на следующий день; в ближайшие же дни об'явили Болгарии войну Франция, Россия и Италия.

На совместном об'явлении войны, в сущности, ограничилась солидарность союзных держав в Салоникском вопросе. Англичане настаивали на снятии с французского фронта восьми дивизий, из которых шесть предполагалось отправить на Ближний Восток, а две в Индию. Английское командование не возражало против сосредоточения в Салониках 150.000 человек, но все время подчеркивало, что английские войска могут быть сняты с французского фронта лишь в том

случае, если они там будут заменены французскими. В то же время англичане заявили, что они не двинутся из Салоник на север, пока Греция не станет официально на сторону Антанты. За это англичане готовы были ей уступить Кипр. Тем временем, болгары заняли часть железной дороги южнее Ускюба. Румыния окончательно отказалась принимать участие в войне, если союзники ей не пошлют на помощь 500.000 войск. Италия не могла обещать какую-либо помощь, пока не выяснятся результаты боев на Изонцо. Саррайль двинулся на север, чтобы оказать помощь Сербии.

В течение октября деятельность английских подводных лодок в Мраморном море продолжалась. Одна из проникших в это море французских подводных лодок запуталась в сетях и сдалась туркам, при чем часть секретных документов попала в руки последних, что, как увидим позже, привело к тяжелым последствиям.

Полное поражение Сербии нашло живой отклик во французских политических кругах. Недостаточная помощь французского правительства привела к его падению. Положение Жоффра пошатнулось. Он лично (29 октября) поехал в Лондон уговорить англичан хотя бы обеспечить сообщения армии Саррайля между Салониками и Криволаком (на сербской границе). Англичане выразили согласие.

Тем временем, развились серьезные операции и в Мессопотамии. Начались они с того, что англичанам потребовалось обеспечить за собою район Басра, богатый нефтью. Не вдаваясь в подробности операций, укажем лишь, что к октябрю они развились вверх по течению Ефрата и Тигра, и перед местным командованием стал вопрос о возможности занять Багдад. Овладение этим городом, с точки зрения англичан, было желательно для укрепления их престижа на Ближнем Востоке, в связи с неудачами у Дарданелл. Но, для операции против Багдада, местное командование требовало присылки еще двух дивизий. Адмиралтейство высказалось против, ввиду недостатка перевозочных средств.

В связи с операциями в Мессопотамии, конечно, нужно было не ослаблять нажима на Галлипольском полуострове, дабы турки не могли отправить туда подкреплений.

Назревала необходимость принять категорическое решение: либо усилить сколь возможно войска на Дарданелльском театре, либо вовсе эвакуировать их с этого театра. Все больше и больше мнений высказывалось за последнее решение.

Между французским и английским правительствами возникли серьезные разногласия, так как первое требовало расширения операций в районе Салоник.

2-го ноября в Англии был образован новый Военный Совет, в составе премьера Асквита, I лорда Адмиралтейства

Бальфура, заменившего Черчилля, военного министра Китченера, министра иностранных дел Грея и Ллойд Джорджа. В первый раз Совет этот собрался 3-го ноября и обсудил вопрос об эвакуации Галлиполи.

31-го октября вновь назначенный главнокомандующим на Галлиполи Монро прислал донесение о положении на Галлипольском фронте. По его мнению, войска были переутомлены; потери в командном составе столь велики, что надежды на успех мало. Поэтому Монро без колебаний настаивал на эвакуации. На следующий день пришла телеграмма от Максвелля, командовавшего войсками в Египте, в которой тот настаивал, с точки зрения безопасности Египта, на необходимости продолжать Галлипольскую операцию. 1-го ноября был послан запрос Монро, одного ли с ним мнения его корпусные командиры. Из ответа выяснилось, что Бердвуд (район Анзак), сознавая всю сложность положения, считает эвакуацию нежелательной, ввиду неизбежности крупных потерь в личном составе и потери престижа. По его мнению, эвакуация была бы возможна только в случае немедленного нанесения удара в каком-либо другом месте. Командовавший войсками в районе Сувла ответил, что сейчас еще эвакуация возможна без крупных потерь, но потом, когда прибудут германские подкрепления, она станет чрезвычайно опасной. Дэвис (южный участок) придерживался взглядов Монро.

Военному Совету было нелегко разобраться в этих противоречивых мнениях сухопутных начальников; но еще труднее обстояло дело с разноречием во взглядах местных морских начальников.

Дело в том, что штаб Робека разработал подробный план прорыва частей флота через Дарданеллы. Командующий морскими силами был не согласен с этим планом. Следующий за ним по старшинству флагман. Вемисс всецело одобрил этот план. Автором его был начальник штаба Робека, коммодор Кийс. Уважая мнения своих ближайших помощников и желая дать возможность Адмиралтейству подробно ознакомиться также и с теми взглядами, которым сам он не сочувствовал, Робек отправил своего начальника штаба для личного доклада Адмиралтейству в Лондон, куда Кийс прибыл 28-го октября.

План Кийса, в общих чертах, заключался в следующем. Первая эскадра, состоящая из 10 лучших линейных кораблей, в сопровождении 8 шлюпов и 10 миноносцев для траления, должна была обстреливать форты с внутренней стороны пролива, ниже минного поля Кефец. Вторая эскадра, в составе 5-6 старых кораблей, 2 крейсеров типа „Theseus“ и 8 истребителей, посылалась прямо через минное поле. При этой эскадре шли, так называемые, «суда особого назначе-

ния» — старые коммерческие пароходы, перестроенные таким образом, чтобы по внешнему виду походить на боевые корабли. Эскадра эта должна была прорваться через минное поле, имея при себе миноносцы, распространяющие дымовую завесу. Тем временем, третья эскадра, состоявшая из мониторов «Swiftsure» и оставшихся крейсеров, должна была обстреливать все форты в узкостях. Надеялись, что при помощи этой эскадры, по крайней мере половина судов II эскадры благополучно дойдет до гавани Паша-Лиман и оттуда с тыла уничтожит форты в узкости. Предполагалось, что, в то же время, сухопутные войска произведут общую атаку, при поддержке средней артиллерии судов первой и третьей эскадры. В заключение, были детально разработаны меры для охраны прорвавшихся судов в Мраморном море и схема операций для окончательного подрыва снабжения Галлиполи с моря и суши.

План Кийса нашел многих сторонников в Военном Совете. Китченер заявил, что согласен оказать содействие войсками и назначить главнокомандующим на Галлиполи генерала Бердвуда, если Адмиралтейство решит принять план Кийса к исполнению. Все же Военный Совет не принял окончательного решения, считая, что вопрос требует более детального рассмотрения. Поэтому было решено, что Китченер лично отправится в Галлиполи, чтобы ознакомиться на месте с положением дел на Ближнем Востоке. По пути Китченер заехал в Париж, где убедился, что высшее французское командование относится отрицательно к эвакуации. Французский морской министр отнесся к идее прорыва столь сочувственно, что обещал послать для поддержки шесть старых линейных кораблей.

Тем временем Робек телеграфировал, что в Салониках весьма трудно организовать снабжение, благодаря враждебному отношению греков, и что необходимо оказать на последних давление. Адмиралтейство уведомило Робека, что будет послано четыре линейных корабля для этой цели, под флагом контр-адмирала Фрименля, и еще 4 истребителя и две подводные лодки.

5-го ноября Робеку было разрешено воспользоваться отпуском для поправления здоровья, как деликатно пишет Корбетт.

Деятельность германских подлодок в Средиземном море становилась все более угрожающей. В Мраморном море, как выше было сказано, одна из французских лодок в начале ноября выскочила на мель в непосредственной близости от одной из турецких батарей и сдалась туркам, при чем большая часть секретных документов попала в руки турок. Это обстоятельство сильно осложнило работу английских подлодок в Мраморном море. Турки, из заметок француз-

ского командира подлодки, узнали о месте предстоящего рандеву французской подлодки с английской („E 20“). Вместо французской лодки, на месте рандеву, оказалась немецкая („UB 14“) и без труда потопила ожидавшую на поверхности, ничего не подозревавшую, „E 20“.

Китченер прибыл на Галлипольский фронт в первых числах ноября. Робеку было приказано его ждать. В результате ознакомления на месте с положением дел, он пришел к заключению, что положение сухопутных войск удовлетворительное, пока турки не получили подкрепления со стороны германских войск, но, что флот абсолютно не в состоянии пробиться в Мраморное море.

Здесь уместно еще раз отметить громадное значение разгрома Сербии для Дарданельского театра. 29-го октября прибыл по Дунаю первый транспорт германских орудий и боевых запасов в болгарский дунайский порт Лом-Паланки, торжественно встреченный болгарским королем и его министрами. Обеспечение турецких батарей боевыми запасами совершенно меняло картину.

Китченер решил, что эвакуация необходима. Он был убежден, что она обойдется без крупных жертв, если турки не получат подкреплений в лице германских войск.

Больше всего Китченер опасался потери престижа. Поэтому он настаивал на немедленной, после эвакуации, высадке в каком-либо другом месте в восточной части Средиземного моря.

В середине ноября Китченер побывал в Афинах для воздействия на греческое правительство; 22-го ноября он вернулся из Афин на Мудрос, где имел совещание с морскими и сухопутными начальниками. Китченер высказал мнение, что эвакуированные с Галлипольского полуострова войска должны быть пока оставлены на островах Имброс, Тенедос и Мителена, дабы держать турок под угрозой высадки на Малоазиатское побережье и не дать им возможности использовать войска в другом месте. Прежде всего, по мнению Китченера, следовало эвакуировать войска из района Сувла и Анзак. Эвакуацию Хеллеса предполагалось задержать по морским соображениям, чтобы не дать туркам оборудовать в проливе базу для подводных лодок.

Телеграмма Китченера, в которой он излагал свои соображения, вызвала оживленные споры на Военном Совете (23-го ноября) между представителями сухопутного генерального штаба и Адмиралтейства. Генеральный Штаб соглашался с мнением Китченера о необходимости эвакуации, но считал, что район Хеллеса должен быть эвакуирован последним. Робек полагал, что этот участок нельзя эвакуировать, иначе турки устроят базу для подводных лодок в Дарданеллах. Заключение Военного Совета, представлен-

ное правительству, свелось к тому, что Галлиполи следует эвакуировать полностью, также и район Хеллес.

Для моряков это решение было тяжелым ударом. С того момента, как Робеку было приказано подготовлять эвакуацию, он настаивал на необходимости удержать район Хеллес. Он не сомневался, что после ухода войск турки не замедлят там установить крупные орудия, и в одной из бухт пролива будет устроена подводная база. Свое мнение он телеграфировал 25-го ноября; в тот же день он сдал командование.

Заместителем Робека был назначен, следующий по старшинству, адмирал Вемисс. Как мы знаем уже, он всецело разделял мнение начальника штаба коммодора Кийса о желательности попытаться еще раз выполнить прорыв через Дарданеллы. Приказание начать эвакуацию еще не было получено; поэтому Вемисс мог приняться за разработку своих планов.

Трудности зимней эвакуации не подлежали сомнению. Октябрь кончился столь жестоким штормом, что один из истребителей был выброшен на берег в бухте Сувла. В течение последних 3-х недель задувал сильный SW, перешедший 22-го ноября в шторм такой силы, что часть пристаней была сломана. Так продолжалось до от'езда Робека. О повреждениях он доносил в свое время и просил прислать старые линейные корабли или крейсера, чтобы затопить их перед пристанями в качестве волноломов.

Адмиралтейство запросило мнение Вемисса. 28-го ноября последний ответил, что эвакуация является операцией прежде всего морской. Главное затруднение ее в погоде: для ее выполнения необходимо несколько тихих дней, а в это время года NO штормы сменяются сильными SO и длительными SW, для которых все побережье открыто. Часть пристаней разрушена свежей погодой; оставшихся недостаточно. Из-за подводной опасности, транспорты не подходили, как раньше, близко к берегу, а должны были перегружать груз в Кефало. Лишь в хорошо защищенной бухте Сувла транспорты подходили вплотную. Вся линия берега находилась под обстрелом турецких батарей. Вемисс был согласен с мнением Монро, что потери при эвакуации достигнут не менее 30%. Поэтому новый Командующий флотом считал необходимым сделать еще одну попытку восстановить положение.

Военный Совет запросил срочно план операций. Вемисс его прислал на следующий день. Это был в сущности план Кийса. Предполагалось, что эскадра старых кораблей (преимущественно суда с противоминными подводными утолщениями) прорвется через пролив ночью, на рассвете достигнет гавани Паша-Лиман и начнет обстрел фортов с тыла,

в то время, как эскадра из самых новых кораблей будет бомбардировать форты со стороны входа в пролив, а мониторы и т. п.—через полуостров, с моря. Единственным отступлением от первоначального плана был отказ от одновременной атаки всех сухопутных войск, которую предполагалось заменить лишь диверсией, дабы не дать туркам возможности усилить защиту своих минных полей.

Телеграмма Вемисса произвела сильное впечатление на кабинет министров; вопрос об эвакуации вновь остался открытым.

Окончательное решение могло быть принято лишь с согласия Франции и в связи с Салониками. Там положение дел упростилось, благодаря отходу Саррайля в Салоники. Вернувшийся 1-го декабря в Лондон Китченер решительно высказывался против „Балканской авантюры".

Между тем, вести из Дарданелл были неутешительны: вновь задул шторм от NO, не утихавший в течение 3-х дней. Шторм этот произвел на берегу значительные опустошения, затопил окопы и прибрежные низменные места. Большинство дорог сделалось непроходимыми. Температура упала до 10° мороза. Войска сильно страдали от холода в своем летнем обмундировании. Около 200 человек скончалось от разных болезней, вызванных простудой. Часть пристаней была вновь разрушена. В Кефало был устроен волнолом из трех блокшивов; средний из них сорвало с якорей, вследствие чего вкатывавшиеся в порт волны произвели значительное опустошение в гавани. Трудности эвакуации становились очевиднее с каждым днем. Английское правительство сочло необходимым созвать новую конференцию, совместно с французами.

5-го декабря в Кале встретились представители обоих держав. Разногласия были весьма существенны, главным образом в Салоникском вопросе.

Английский Генеральный Штаб уже подготовлял эвакуацию войск из Салоник и переброску их в Галлиполи. Китченер изменил свое мнение о необходимости эвакуации, узнав, что Адмиралтейство готово сделать еще одну попытку прорыва через проливы. За несколько дней до конференции, Китченер послал Монро срочный запрос о возможности высадки на Галлиполи теперь же четырех Салоникских дивизий и о видах на их применение на берегу. Монро ответил, что высадка дивизий встретит серьезные затруднения, ввиду неблагоприятной погоды; в лучшем случае вновь прибывшие войска дадут возможность продвинуться вперед на несколько сот ярдов; снабжение этого столь большого количества войск будет затруднено тяжелыми условиями погоды. Из ответа Монро видно, что он

был убежденным сторонником полной ликвидации Дарданелльской операции.

Понятно, что атмосфера, в которой собиралась конференция в Кале, была крайне напряженной. Англичане считали, что рисковать 150.000 войск в Салониках, после разгрома Сербии, не следует; французы настаивали на том, что Сербская армия не уничтожена, и силы ее могут быть восстановлены, что эвакуация Салоник связана с окончательной потерей престижа на Балканах, и, наконец, что решение не может быть принято без участия итальянского и русского правительств, уже обещавших поддержку в Албании и Румынии. Англичане возражали, что войска им нужны для обеспечения безопасности их ближних восточных владений, и что они не возражают против сохранения Салоникского фронта, если туда будут посланы части с французского фронта. В конце концов пришли к соглашению — пока оставить войска в Салониках, надежно укрепив их позиции, с согласия греческого правительства. Тем временем, в французской Главной Квартире 6-го декабря собралась другая конференция из представителей всех союзных держав. Там было единогласно решено срочно организовать защиту Салоник и немедленно приступить к полной эвакуации Галлиполи.

Решение это встретило энергичный протест со стороны нового командующего морскими силами Вемисса, настаивавшего на своих планах. Адмиралтейство возражало, что не может дать разрешения на прорыв, ввиду категорического решения сухопутных авторитетов начать немедленную эвакуацию участков Сувла и Анзак; к эвакуации южного района предполагалось приступить позднее.

Вемисс сделал еще одну попытку выяснить Адмиралтейству, что, в случае эвакуации участков Сувла и Анзак, турки сосредоточат свои крупные орудия против участка Хеллес, и тогда удержание этого участка будет стоить больших потерь.

Начальник южного участка генерал Девис разработал план совместной операции армии и флота для овладения возвышенностью Ачи-Баба. План его принят не был.

В это время общее положение на Ближнем Востоке осложнилось крупной неудачей англичан на мессопотамском фронте. Там было предпринято крупное наступление со стороны Персидского залива для овладения Багдадом. Захват этого старинного города должен был вновь укрепить пошатнувшийся престиж англичан. В 35 километрах от него произошел решительный бой между турками и англичанами; последние потерпели поражение, отступили на Кут-эль-Амара и укрепились в этом городе. Турки за ними следовали и 7 декабря обложили Кут совершенно, отрезав англи-

чан от внешнего мира. Было необходимо туда срочно послать подкрепления.

На настойчивое требование французов предоставить военные транспорты для Салоник, Адмиралтейство ответило, что в первую голову пошлет транспорты с войсками в Персидский залив. Посланные на помощь осажденным две дивизии потерпели поражение, не дойдя до Кут-эль-Амара. Наконец, после почти пяти месяцев обороны, осажденные сдались туркам в апреле 1916 г. [1]).

Разногласия относительно целесообразности эвакуации южного участка все еще продолжались, даже в то время, когда отступление в районах Сувла и Анзак было в полном ходу.

Приходилось сажать вновь на транспорты около 90.000 человек, с 200 орудиями, при отсутствии безопасных гаваней: берег находился под обстрелом турецкой артиллерии; турецкие окопы—в непосредственной близости от английских; условия погоды в это время года были особенно тяжелые; опасность от подводных лодок требовала выполнения всех работ ночью.

Первым условием успеха была абсолютная секретность подготовки операции. Разработка последней была поручена лишь незначительному числу сотрудников сухопутного и морского штабов, от которых и так нельзя было скрыть намерений командования.

На совместном заседании этих сотрудников было решено выполнить работу в трех стадиях: первая—чисто подготовительная, в течение которой предполагалось эвакуировать те войска, лошади и запасы, без которых можно было обойтись в течение предстоящей зимней кампании, если бы высшее командование решило удерживать Галлиполи до весны. Эта стадия эвакуации была закончена около 10-го декабря: было снято с фронта около 10.000 человек слабых и больных.

Следующая — промежуточная — стадия предусматривала эвакуацию всех людей, орудий и лошадей, ненужных для тактической обороны позиции, которые будут заняты войсками во время последней стадии. Эта стадия работ могла продлиться от двух до 10 дней, в зависимости от погоды.

Последнюю стадию—эвакуацию арьергарда и санитарного персонала—требовалось закончить в две ночи.

В последнюю ночь предполагалось перевести на суда 20.000 человек и последнюю партию береговых орудий,— в то время, как турецкие окопы были заняты 80—100.000 войск. Организовать всю эту операцию было нелегко; успех

---

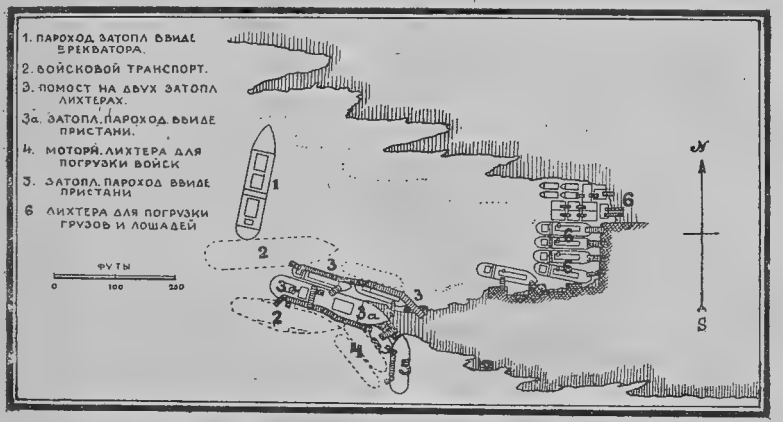
[1]) Schwarte, том IV, стр. 444.

ее зависел, главным образом, от того — удастся ли скрыть от неприятеля подготовительные работы.

Чтобы обмануть бдительность турок было намечено наступление на южном участке. Кроме того, днем производились демонстративные выгрузки на берег лошадей и запасов: повозки, будто бы с запасами, посылались с берега на фронт. А ночью шли работы по эвакуации.

Эвакуация Сувлы и Анзака.

Тщательно разработанный план предусматривал постепенную передачу сферы деятельности береговых батарей судовым орудиям, для чего на каждый корабль, в помощь судовым артиллеристам, были назначены сухопутные артиллеристы.



Черт. 28. Эвакуация бухты Сувла.

Сама помощь флота на обоих участках была организована различно, в зависимости от топографии местности. На побережье Анзак, где турецкие окопы находились близко у берега, сохранить секретность было особенно трудно. В бухте Сувла приходилось отходить через равнину в 2—3 мили шириною; в случае, если бы турки следовали непосредственно за англичанами, стрельба с моря могла стать очень опасной для своих.

Строение берега севернее и южнее бухты Сувла давало возможность прикрывать линии отступающих продольным огнем с судов. Главные места посадки были оборудованы на северном и южном мысах бухты. Отступающие к берегу войска были Соленым озером разделены, примерно, на две равные части. Позиции северной группы были расположены от Соленого озера, через возвышенность 10, до северного побережья; на южном участке позиции тянулись от Соле-

ного озера, через возвышенность Chocolate Hill, к южному берегу. За ними, для обеспечения отступления, была оборудована вторая линия обороны; третья линия была расположена у самого побережья. Северная группа войск располагала сравнительно хорошо оборудованной гаванью около Ghazi-Baba. Через эту гавань раньше шло снабжение войск. Южная группа располагала оборудованным местом для посадки с внутренней стороны мыса Нибрунези.

Войска на побережьи Анзак не располагали такими удобствами. Здесь берег не давал возможности оборудовать несколько линий обороны, которые могли бы прикрыть отступление. Обеспечение отступления всецело находилось в руках судовой артиллерии.

План последней стадии эвакуации предусматривал, что передовые окопы будут заняты войсками до последнего момента; люди из них будут выводиться постепенно, небольшими группами.

Повидимому, обычное число буксиров, шаланд и барж всякого рода намеренно не было увеличено, чтобы не возбуждать подозрения турок. В течение 8 ночей было перевезено с участков Сувла и Анзак в ближние базы до 44.000 человек, около 130 орудий и 3.000 лошадей, не считая большого количества всяких запасов. Плавучими средствами служили 6 пароходов-паромов, 13 моторных лихтеров, 10 ботов для перевозки орудий, лошадей и запасов, и несколько паровых катеров. Перед рассветом тщательно уничтожались всякие следы эвакуации; обращалось особое внимание, чтобы побережье принимало свой обычный вид. На берегу оставалось в общей сложности 40.000 чел., с 65 орудиями и запасами на 4 дня.

Эти 40.000 могли быть сняты с берега в течение 2-х ночей при использовании всех ресурсов: для этого требовалось более 100 судов различных размеров, не считая гребных шлюпок.

Вемисс просил начальника английской эскадры, стоявшей на Милосе, адмирала Фрименталя, прислать судовые шлюпки и сколь возможно больше командного состава для обеспечения скорости перевозки войск. Эскадра Фрименталя состояла из 3 линейных кораблей, одного крейсера, двух мониторов, четырех истребителей и двух сетевых заградителей и стояла на Милосе, на случай необходимости оказать давление на Грецию во время отступления Саррайля.

Для помещения эвакуированных войск, из Мудроса перевели на Имброс два разоруженных линейных корабля «Mars» и «Magnificent» и большой транспорт; всего на эти суда можно было поместить 6.000 человек. Они были переведены на Имброс в последний момент, вместе с 14-ю паровыми паромами и вооруженными пароходами,

вместимостью в среднем от 1.000—1.500 человек. Часть из них уже принимала участие в эвакуации предшествующих стадий. Главная работа при снятии войск с берега была возложена на новые моторные лихтеры, столь хорошо себя зарекомендовавшие во время высадки в Сувла. Из 30 таких лихтеров—10 были направлены в бухту Сувла, 10 на побережье Анзак, остальные 10 оставались в резерве на Имбросе; лихтеры снимали людей с пристаней в главных местах высадки. На северной и южной частях участка Анзак, там, где не было пристаней, люди сажались на барказы и гребные катера (всего около 30); для буксирования этих шлюпок было прислано 25 паровых катеров. Кроме того, на каждом участке (Сувла и Анзак) стояло по 5 тральщиков, для направления движения моторных лихтеров и шлюпок к своим транспортам.

Нужно себе представить эту массу плавучих средств, чтобы понять всю трудность и сложность работы сухопутного и морского штабов. Ведь, приходилось строго согласовывать время прибытий отдельных частей войск на побережье с движением шлюпок. Морской штаб, кроме того, разработал план поддержки отступающих судовым огнем. Средства связи с берегом пришлось разделить следующим образом; все распоряжения, касавшиеся управления огнем, передавались по радио; все остальные распоряжения по эвакуации—по телефонам. Один конец телефонного кабеля был соединен на берегу с сухопутной телефонной станцией, другой конец проведен на бочку, на которую становились суда, имевшие на себе начальствующих лиц, распоряжавшихся посадкой.

К вечеру 18-го декабря все приготовления к последней стадии эвакуации были закончены. Не было оснований предполагать, что турки знают о предстоящей эвакуации. Ровно в 18 час. 45 мин. моторные лихтеры были у пристаней, а транспорты и блокшивы для войск стали на якорь, против своих участков. Особенное беспокойство возбуждала эвакуация побережья Анзак. Хотя легкие облака закрывали луну, все же казалось невозможным, чтобы столь большой корабль, как „Mars“, мог стоять в одной мили от берега незамеченным. Турки легко могли его обстреливать с прилегающих к побережью высот, оставшихся все время в их руках, и нанести англичанам тяжелые потери. Чтобы слепить в случае надобности комендоров этих батарей прожекторами, у самого берега был установлен один из истребителей. Первая группа войск была уже на пристанях, когда подошли моторные лихтеры (18 час. 45 м.); а в 20 час. 25 мин. „Mars“, приняв 2.000 человек, мог уже сняться с якоря. Лихтеры делали рейс за рейсом, при чем каждый раз намеченные

по расписанию группы войск уже ожидали на пристанях. Кроме случайной стрельбы из пулеметов, на берегу все было тихо. В 5 час. 25 м. утра 19 декабря последняя из намеченных к эвакуации частей была погружена на транспорты.

На участке Сувла эвакуация протекала менее сложно. Там было больше места, и, кроме того, неприятель привык видеть внутри бухты, за противолодочными сетями, большие корабли. Постепенно увозились тяжелые орудия и противоаэропланные пушки. Пришлось оставить 30 полевых орудий, 4 гаубицы, 250 лошадей и мулов и около 100 повозок; все оставленные лошади и мулы были либо застрелены, либо отравлены.

Эвакуация Сувлы также началась в 18 час. 45 мин. веч. С берега войска перевозились на „Magnificent“ и другие войсковые транспорта. Суда поддержки стояли против назначенных им мест, с комендорами у орудий, готовыми в любой момент открыть огонь. Около 3 час. 30 м. 19 декабря 11.000 человек были уже на пути в Кефало или Мудрос.

Успех этот явился совершенно неожиданным даже для самих англичан. Из турецких источников теперь известно, что турки действительно не знали о начавшейся эвакуации. Турки продолжали обычные работы по устройству проволочных заграждений; к ним во время эвакуации подходили подкрепления для продолжения операций.

Появились опасения, что погода в последнюю ночь может испортиться, а от нее так много зависело. Приготовления к эвакуации были те же, что и в предшествующую ночь.

Ровно в 18 час. 45 м. лихтеры были у пристаней. Около 20 час. последние намеченные к погрузке орудия были доставлены к берегу. В передовых английских окопах до последнего момента оставались люди. Около полночи на северном участке еще было 677 человек, на южном—200. Постепенно они уходили. Лихтера безмолвно наполнялись людьми и отваливали к транспортам; так же безмолвно совершалась посадка на последние. Госпитальные палатки оставались стоять, как и прежде. Оставшиеся люди развели костры; вообще решительно все, что возможно, было сделано для усыпления внимания турок: в окопах были разложены подрывные патроны со шнурами различной длины, чтобы создавалась иллюзия, будто стрельба из окопов продолжается. В 1 час 30 мин. ночи должны были отступить из окопов последние люди. В это время раздался сильный взрыв. Это саперы взорвали несколько мин, подведенных под турецкие окопы. В 4 часа 15 мин. утра последние люди покинули побережье.

Эвакуация Сувлы и Анзака была блестяще закончена.

Два армейских корпуса удалось эвакуировать совершенно без потерь в людях. Оставленные в большом количестве запасы санитарного снабжения были по возможности испорчены. Суда поддержки получили приказание поджечь склады судовым огнем, окончательно уничтожить пристани и т. п.

Только на утро турки убедились, что эвакуация—факт совершившийся. Все транспорты, лихтеры, шлюпки исчезли с побережья. Турки бросились в английские окопы; в это время английские суда открыли по ним убийственный огонь. Это были последние выстрелы на западном побережьи Дарданелл.

С 10-го по 19 декабря отсюда было эвакуировано 83.048 чел., 186 орудий, 1.697 повозок, 4.695 лошадей и мулов, при чем оказалось всего 6 человек раненых. Любопытно отметить, что в госпиталях Средиземного моря подготовили 30.000 мест для раненых во время эвакуации.

На следующий день начало свежеть, а к вечеру заревел шторм.

Теперь все заботы командования сосредоточились на южном участке.

Тем временем, на французском фронте произошли изменения в Высшем Командовании: главнокомандующий Френч был заменен ген. Хэгом (Haig). В связи с этим, Монро вернули на французский фронт; командующим в Дарданеллах остался Бердвуд. Вемисс получил назначение командующим морскими силами Индийского океана; старшим морским начальником у Дарданелл должен был остаться Фрименгль.

23 декабря состоялось заседание Военного Совета, посвященное вопросу—следует ли эвакуировать южный участок Галлиполи. Сухопутные единогласно стояли за эвакуацию, моряки были столь же единогласно против нее. Запрошенные по телеграфу местные сухопутные начальники, Бердвуд и Дэвис, считали вполне возможным удержать южный участок. Вместе с Фрименгтлем ими был разработан план совместной защиты южного района.

27 декабря пришла телеграмма Адмиралтейства, что эвакуация Хеллеса решена окончательно Кабинетом Министров.

Трудно проследить, что в конечном счете повлияло на это решение. Английский Генеральный Штаб настаивал, что галлипольские войска необходимы для усиления французского фронта; Китченер теперь придерживался мнения, что эти войска следует направить для решительных действий в Египет. Оба эти противоположных взгляда сходились на одном—на необходимости эвакуировать теперь же Дарданеллы, кончить Салоникскую операцию и отступить на Багдадском фронте в исходное положение.

На полуострове к 29 ноября оставалось 37.500 человек, 142 орудия, около 4.200 лошадей, свыше 900 повозок и громадное количество боевых запасов и провизии, приготовленных для зимней кампании. Эвакуация района Хеллеса была делом более трудным, чем побережья Сувла и Анзак. Турки здесь могли сосредоточить большее число орудий, освободившихся на севере; к тому же почти все побережье находилось под обстрелом азиатских батарей.

Промежуточная стадия эвакуации здесь началась 29 декабря; закончить ее предполагалось к 10 января. В последнюю стадию, т.-е. в последние две ночи предполагалось снять с берега 22.000 чел. и 40 орудий: в первую ночь 7.000 и во вторую—15.000 чел.

На обоих участках берега, W и V, были устроены гавани; волноломами служили затопленные блокшивы. Обе гавани были открыты южным ветрам. Последний шторм испортил все пристани. Около Седд-эль-Бар все еще стоял „River Clyde“, соединенный теперь с берегом молом, образующим внутреннюю гавань. На западном конце гавани французы продолжили брекватор, затопив один старый транспорт и старый линейный корабль „Massena“. Участок W имел пять хорошо оборудованных пристаней. С запада гавань была ограждена двумя затопленными итальянскими судами, защищавшими ее от западных ветров. (Черт. 24 и 25).

Три других места высадки Gully-Beach, X и Bakery были открыты южным, западным и северным ветрам; их нельзя было использовать для эвакуации. К началу промежуточной фазы эвакуации все пристани были восстановлены. Когда во время погрузки запасов с берега на лихтеры, появлялись турецкие аэропланы, грузчики делали вид, что выгружают грузы на берег; повозки, везшие грузы к берегу, поворачивали в то время обратно, чтобы создать впечатление усиленного подвоза для предстоящей зимней кампании. До нового года погода была сносная; каждую ночь грузили от 2—3 тысяч человек. Французов эвакуировали в первую очередь.

Работы сильно затруднялись обстрелом турецких батарей. Число „судов поддержки“, обстреливавших берег, умышленно не было увеличено, чтобы не возбудить никаких подозрений. Азиатские батареи обстреливались пятью мониторами, стоявшими у о-ва Раббит, известными под названием „эскадры островов Раббит“. На Имбросе держались в резерве два линейных корабля, два больших монитора и один крейсер, для усиления огня, если бы это понадобилось.

Ожидание свежих юго-западных ветров заставило руководителей посадки войск отказаться от таковой на западном побережьи южного участка; было решено пользоваться только

лишь самыми южными гаванями, т.-е. участками W и V. Последние были настолько тесны, что поместить там все плавучие средства, потребные для эвакуации 17.000 чел., казалось невозможным. Поэтому было решено наскоро увеличить причальную линию. В гаванях около Хеллеса и Теке-Бурн пристани были удлинены затоплением судов на их продолжении. Погода вполне благоприятствовала работам; к затопленным судам могли подходить даже миноносцы; промежуточная фаза посадки войск на южном участке протекала, таким образом, вполне благоприятно. В каждую ночь, незаметно для турок, эвакуировали приблизительно по 3.000 человек, свыше 1000 лошадей и большое количество боевых запасов. Фактически турки ничего не замечали, что вполне подтверждается и в труде бывшего командующего турецкой армией Лимана Сандерса. Когда часть орудий увозилась с позиций, оставшиеся должны были открывать особенно сильный огонь, чтобы турки не могли ничего заподозрить.

К утру 7-го января на южном фронте оставалось 19.000 человек и 49 орудий.

Все шло вполне благополучно, когда в этот день, в 11.30 утра, турки открыли чрезвычайно сильный огонь; стреляли также и азиатские батареи. Казалось, что немцы успели через Сербию подвезти запасы снарядов и что турки могут не жалеть больше таковых. В течение целых 3-х часов бомбардировка продолжалась с неослабевающей силой. Турки взорвали 2 мины. Видно было как в окопах заблестели штыки, и командный состав побуждал войска идти в атаку. Как только последние показались из окопов, английские крейсера, мониторы и истребители открыли по ним чрезвычайно сильный огонь. Турки не выдержали судового огня; атака не удалась. Линия фронта не была нарушена. Потери англичан не превышали 160 человек; потери турок были значительно больше.

За эту ночь, благодаря хорошей погоде, удалось эвакуировать 2300 человек, 9 орудий и около 1000 лошадей. В промежуточную стадию было эвакуировано: 20.714 людей, 102 орудия, 3649 лошадей, 32.000 орудийных выстрела и 12.718.000 ружейных патронов, 303 повозки и 1.500 тонн запасов. На утро 8-го января состав английских войск не превышал 17.000 чел. и 40 орудий, которыми нужно было удерживать 8 миль окопов. Трудно было предположить, что турки могли не заметить ослабления английских войск, так как стрельба из их окопов уже не была столь интенсивной. В 17 часов начались приготовления к эвакуации последних частей. Английские корабли, к которым подошли подкрепления из Кефало, вышли на позицию для обстрела берега. На берегу были оборудованы перед каждой гаванью укрепленные позиции, чтобы прикрыть подход войск к приста-

ням. Позиции эти заняли, в общей сложности, около 1000 человек: из них 600 человек на участке W и 400—на участке V. Войска покидали окопы в три очереди. Ровно к 20-ти часам все шлюпки, лихтеры и т. п. были у пристаней. За полчаса до этого времени первые эшелоны уже были на пристани. На участке V 4 тральщика, 6 моторных лихтеров и один лошадиный бот стояли около „River Clyde“ и других затопленных судов. На этих тральщиках и моторных лихтерах в первую очередь было свезено 3200 человек на два войсковых транспорта. Из гавани W в первую смену перевезли 4000 человек.

В это время начало свежеть. Посадка войск сильно затруднилась. Плавучий мост, составляющий продолжение пристани № 1, был снесен. Несмотря на это, на два орудийных лихтера удалось погрузить 7 восемнадцатифунтовых орудий, 5 гаубиц и одно зенитное орудие, а на участке V—14 английских орудий и все французские полевые орудия.

В 23 часа подошли плавучие средства для второй очереди. „Mars“ встал на якорь против побережья W, а „Prince George“—против участка V. При каждом из них находился войсковой транспорт. Оба броненосца приняли 3400 человек, и 2600 человек были погружены на войсковые транспорты. Когда „Prince George“ снялся с якоря, в него попала торпеда, но не взорвалась. Английское морское командование на основании этого вернуло в Кефало оба линейных корабля.

Последняя очередь погрузки должна была начаться в 1.30 мин. К этому времени погода сильно испортилась; явились опасения за возможность погрузки оставшихся орудий. С большими трудностями все же удалось погрузить 8 восемнадцатифунтовых орудий и 4 пятидюймовые гаубицы.

Оставалось 3700 человек. К затопленным судам гавани V подошли 2 истребителя. Выполнить это было чрезвычайно трудно, в связи с усиливающейся волной: тем не менее, они сняли 1600 человек в 3.20 мин. и отвалили. В гавани W дела обстояли хуже: там также 2 истребителя пристали к затопленным судам, но плавучим мостом нельзя было пользоваться; поэтому войска с пристаней приходилось перевозить на истребители на лихтерах, которыми на волне было чрезвычайно трудно управлять.

Положение на берегу становилось все более трудным. С 21 часа вечера в передовых окопах находились лишь одиночные стрелки и люди с ручными бомбами. На протяжении 10 метров оставалось по одному человеку. Англичане приучили турок, что после 11.30 мин. вечера огонь обычно стихает. Так умышленно проделывалось в течение

многих дней. Ровно в 23.30 мин. последние английские войска покинули окопы. Когда они проходили мимо позиций, устроенных непосредственно перед гаванями, люди, занимавшие эти окопы, также прошли к берегу.

Еще оставалось около 680 человек на побережьи Gully. Эти люди должны были быть сняты крейсером „Talbot", 2-мя моторными лихтерами и 2 паровыми катерами. Один из моторных лихтеров был выкинут прибоем на берег; на другой успели сесть 520 человек, которых удалось перевезти на „Talbot". Оставшимся 160 человекам пришлось идти пешком к побережью W, откуда они были благополучно перевезены на суда.

В 5 час. утра у пристаней оставалось несколько грузовых лихтеров и госпитальный лихтер. Волнение стало настолько сильным, что волны перекатывались через затопленные суда. Последние люди начали поджигать оставшиеся запасы. Они отвалили от берега при свете начавшихся пожаров. „Несмотря на всю нашу бдительность,— пишет Лиман Сандерс, — англичанам удалось эвакуироваться незамеченными". Свыше 500 лошадей и 1500 повозок и громадное количество всякого рода запасов было оставлено. Большинство оставшихся орудий (около 15-ти) были взорваны. Затопленные пароходы были на следующий день после эвакуации разрушены торпедами.

Так закончилась Галлипольская операция.

Заключения и добавления.

Борьба флота с береговыми укреплениями.

Дарданелльская операция наглядно показывает всю трудность борьбы флота с береговыми укреплениями.

Хотя военно-морская история и знает несколько примеров, когда судовые орудия успешно справлялись с береговыми фортами (операция Фарагута против Нового Орлеана в 1862 году, операция англичан против Александрии в 1882 году, действия международного отряда канонерок против Таку в 1900 году),—надо сказать, что в современных условиях борьба флота с береговыми укреплениями представляет особенные трудности, если только форты не устарели совершенно.

Этой точки зрения до войны держались англичане. В Германии последние учебные стрельбы по береговым целям были произведены в 1907 году. Россия держалась тех же взглядов. Для окончательного разрушения береговых укреплений помощь армии считалась необходимой.

Наиболее ценный опыт борьбы флота с приморскими укреплениями в мировую войну дала Дарданелльская операция.

Бомбардировка фортов производилась по строго разработанному плану; предусматривались 4 стадии обстрела: во-первых, обстрел с дальних расстояний на якоре; во-вторых, обстрел со средних расстояний, на малом ходу, в-третьих, обстрел с малых дистанций, парами кораблей, на ходу, и, в-четвертых, окончательное разрушение фортов с самых малых расстояний; наконец, окончательное разрушение уцелевших орудий и погребов батарей должно было производиться судовыми подрывными партиями.

Для выполнения первой фазы, для обстрела каждого из входных фортов (Седд-эль-Бар, Хеллес, Кум-Калэ и Оркание), назначалось по одному кораблю, к которому, специально для корректирования стрельбы, придавался еще один корабль; пара таких судов располагалась насколько возможно ближе к прямому углу относительно цели, что упрощало корректировку. Ошибки указывались сигналами. Стрельба

велась одиночными выстрелами с расстояния 50—70 кабельтовых, при чем корректировался каждый выстрел. Размеров разрушения, из-за дальности стрельбы, установить не удавалось; видны были лишь места падения.

Обстрелы на средних дистанциях (40 кабельтовых) делались по общему сигналу. Перед тем, чтобы перейти на среднее расстояние, пристрелявшиеся корабли открывали беглый огонь. Подойдя на среднюю дистанцию, корабли самым малым ходом делали обычно короткие галсы перпендикулярно линии стрельбы, чтобы, таким образом, сохранялось прежнее направление стрельбы. Стрельба на средних дистанциях должна была дополнить разрушения, произведенные с больших расстояний.

После обстрела фортов со средних дистанций, другие корабли попарно, в кильватерной колонне, с интервалами до 6-ти кабельтовых между судами, приближались к фортам. Огонь открывался с расстояния 50 кабельтовых; ход от 12 до 15 узлов. Начало движения кораблей обозначалось буем, а курс—предметом на берегу, на который и правили (таким образом курс был прямой). Последовательно обстреливались все форты и в каждом форту каждая амбразура. Разрушения, производимые стрельбой, были ясно видны; в специальной корректировке надобности не было.

Стрельба с коротких дистанций, не более 15-ти кабельтовых, опять велась судами, которые ранее делали галсы. В заключение, на берег посылались подрывные партии, для окончательного приведения в негодность орудий.

В начале Дарданелльской операции воздушная разведка еще не была налажена. Поэтому, предварительная разведка берега, чрезвычайно важная для успешности стрельбы, была возложена на флот. Правда, имелись агентурные сведения о самих батареях, их внешнем виде, вооружении, углах обстрела и т. д. Добыть эти сведения было нетрудно, т. к. во главе турецкого флота и обороны Дарданелл до начала войны стояла английская морская миссия. Далее, имея указанные только что сведения, для окончательного выяснения плана атаки, к берегу посылались миноносцы, с целью ориентироваться на местности и составить кроки; на эти миноносцы командировались флагманские и судовые артиллеристы, которым предстояло вести обстрел; имп зарисовывались, в намеченных в плане местах, панорамы берегов и выискивались точки наводки. Вместе с судовыми артиллеристами, на миноносцах посылались и комендоры, которым указывали точки наводки. Таким образом, весь личный состав до стрельбы знал расположение точек прицеливания. Все эти точки обозначались буквами и наносились на чертежи, находившиеся у каждого орудия. В случае стрельбы на ходу, артиллеристы посылались предвари-

тельно на миноносцах, которые должны были идти по точно назначенному курсу. Шедшим на миноносцах комендорам больших судов указывались последовательные цели, при чем поясняласъ вся программа стрельбы, время ее начала, порядок переноса огня и количество времени, в течение которого будет поражаться одна цель.

Стрельба оказывалась наиболее успешной в случае обстрела фронтальным огнем. Только в этом случае удавалось разрушать орудия. Обстрел батарей с флангов не давал результатов, ибо высокие траверзы хорошо защищали орудия.

Тренировка кораблей для стрельбы заключалась в следующем: суда выходили в море и маневрировали относительно какого-либо берега или острова, на дистанциях предстоящей бомбардировки; производилась полная наводка орудий; для выяснения числа выстрелов делались примерные заряжания и производились холостые выстрелы из ружейных стволов. Для стрельбы на ходу составлялся чертеж маневрирования, при чем путь кораблей, считая от буя, разбивался на минуты. Для каждой минуты были даны расстояния до цели. Для большей точности принималось в расчет и течение, при чем, накануне обстрелов, посылались миноносцы, определявшие скорость течения на данном участке.

Успешность обстрела фортов в значительной степени была понижена требованием Адмиралтейства соблюдать осторожность и не рисковать кораблями. Первоначальный расчет запасов снарядов, необходимых для бомбардировки, был сделан неправильно. Этот расчет исходил из соображения, что германские 38-сантиметровые гаубицы, в их операциях против бельгийских и французских фортов, требовали 5 выстрелов для пристрелки и 5 выстрелов—для разрушения форта. Того же самого эффекта англичане ошибочно ждали и от 38-см. орудий; между тем, баллистические качества гаубиц и мортир совершенно несравнимы с таковыми же качествами судовой артиллерии. Преимущества последней: крупный калибр, большая начальная скорость, быстрая наводка,—являются мало полезными при стрельбе по береговым укреплениям. Навесный огонь мортир и гаубиц для таких задач, несомненно, выгоднее: снаряды судовой артиллерии, в особенности на малых дистанциях, достигают цели под слишком малыми углами падения. Недостатки настильной судовой артиллерии в особенности резко сказываются при стрельбе по позициям, расположенным на возвышенном берегу.

Появление подводных лодок сыграло чрезвычайно большую роль при обстреле фортов; до их появления, английские суда обстреливали берег без какой-либо охраны, стоя

днем и ночью на якоре. Бухта Мудрос охранялась очень слабо; из нее к побережью Галлиполи суда ходили любой скоростью и в любое время дня и ночи. Транспорты со снабжением спокойно стояли у берега на якоре. Обстановка сразу же изменилась, как только появились германские подводные лодки. В море стали выходить только миноносцы, а позже и мониторы и крейсера с противоминными утолщениями в подводной части. Перевозка войск к побережью на больших транспортах совершенно прекратилась; в Мудросе войска пересаживались на малые суда. Высадка и выгрузка стали производиться только лишь ночью. Выгрузка лошадей ранее производилась прямо с транспортов, подходивших сколь возможно ближе к берегу; теперь лошадей приходилось везти на конских ботах из бухты Кефало. Бухта эта приобрела первенствующее значение. Несмотря на близость ее от побережья, перевозки стали возможными только лишь в хорошую погоду. База Мудрос, удаленная всего лишь на 45 миль от берега, уже оказалась непригодной.

Удачное применение англичанами противолодочных средств значительно, впоследствии, парализовало деятельность германских подводных лодок. Как мы видели выше, с мая месяца 1915 года, после гибели „Triumph“ и „Majestic“, потопление британских и французских больших судов германскими подводными лодками более не имело места; даже не было случаев удачных атак. Противолодочные средства англичан в то время были: миноносцы и вооруженные пароходы-тральщики, воздушные аппараты, тралы с подрывными патронами, сети, бомбы.

Благодаря близости от Галлиполи авиационной базы на Имбросе (12—15 миль), для воздушного наблюдения англичане пользовались почти исключительно только аэропланами. Гидропланы действовали только в начале операции. Вначале корректировка стрельбы с аэропланов по радио была неудачна, но позднее она улучшилась. Радиостанции на аппаратах были только отправительные, длина волны— 450 метров; дальность—около 20—25 километров. Аэрофотографирование производилось с высоты 1500 метров и давало возможность англичанам знать расположение окопов, позиций, места размещений резервов и т. д. Весьма полезными оказались, для корректировки стрельбы, также и привязные шары; емкость их была до 20.000 куб. фут. Пароход с шаром располагался значительно мористее стреляющего судна; наблюдение за падениями снарядов передавались по телефону на пароход, а оттуда на стреляющее судно. Имелись еще и малые дирижабли, для наблюдения за подводными лодками, для охранной службы и т. д.

Дарданелльская операция всецело подтвердила трудность борьбы флота с береговыми батареями; конечный успех

остался на стороне последних. Успех бомбардировки флотом внешних фортов и окончательное их разрушение, казалось бы, противоречит этому, но надо иметь в виду, что как сами батареи, так и их вооружение настолько устарели и были настолько слабее судовых орудий, что, при свободном маневрировании судов флота, вопрос о разрушении этих фортов мог считаться предрешенным. Обычно береговые орудия являются менее современными и сильными, чем орудия новейших судов флота. Устройство береговых батарей настолько сложно и обходится так дорого государству, что увеличивать калибры приморских орудий параллельно калибру судовой артиллерии самых современных судов не считается возможным. Но, тем не менее, имеется ряд причин, крайне усложняющих стрельбу по берегу. Как уже выше сказано, качества морских орудий, которые для морского боя ценятся особенно высоко, как например: крупный калибр, дальнобойность, высокая начальная скорость, скорострельность, быстрая наводка, для стрельбы по берегу не имеют такого значения. Настильность траекторий снарядов морских орудий является качеством отрицательным при стрельбе по берегу. Морские снаряды, падая под малыми углами на близких и средних дистанциях, не в состоянии достать батареи, скрытые в складках местности. Кроме того, каждая приморская крепость защищена несколькими рядами минных заграждений, находящихся под защитой орудий, не только дальнобойных, но и средних и малых калибров. Для того, чтобы окончательно уничтожить батареи, необходимо подойти на близкое расстояние, чему обычно препятствуют минные заграждения. Посылаемые для протраливания путей тральщики попадают под огонь подвижных береговых батарей, которые не дают им возможности работать. Пример Дарданелльской операции ясно показывает всю трудность траления в районе подвижных береговых батарей. Разрушение этих подвижных батарей, скрытых в складках местности, дело чрезвычайно трудное для судовых орудий. Опыт Дарданелльской операции лишний раз подтвердил, что борьба флота с берегом, без участия армии, мало продуктивна.

Обстрелы Фландрского побережья, даже по словам сухопутных защитников, подготовлялись чрезвычайно тщательно, как в артиллерийском, так и в чисто морском отношениях. Однако же, англичане боялись потерь и не проявляли должной настойчивости: стрелявшие суда держались всегда на предельных расстояниях; как только береговые батареи начинали пристреливаться—суда тотчас же отходили. При этом, в первые месяцы войны, когда артиллерийская защита еще не была закончена, англичане бывали нередко в весьма выгодном положении. Использование искусственного тумана, впервые 12 мая 1917 г., дало судам

большие преимущества перед береговыми батареями. Последние обстрелы с применением искусственного тумана не могли быть полностью описаны, т. к. оба официальных описания войны, английское и немецкое, доведены лишь до весны 1916 г.

Десантные операции. Десантные операции должны быть отнесены к самым трудным и сложным боевым операциям. Для того, чтобы обеспечить себе возможность произвести высадку своих войск на неприятельском побережьи, необходимо предварительно лишить неприятельский флот возможности нападения на десантную экспедицию—как во время перехода ее морем, так и во время производства самой высадки, а для этого единственным средством является достичь владения морем, т. е. либо уничтожить неприятельский флот, либо запереть его в его гаванях. Другими словами, рискнуть на десантную операцию может только тот, кто уже владеет морем.

Больным вопросом всех смешанных экспедиций был вопрос о командовании. Соревнование сухопутного и морского начальства, столкновение иногда противоречивых их интересов,—являлись часто причиною неудач. Англичане держались принципа, что морской начальник командует на воде, а сухопутный на суше. Таким образом, за успех перехода войск с судов на берег и удачу их первоначального развертывания были ответственны в одинаковой степени оба вождя. Но на выбор места высадки и на назначение времени ее начала у обоих начальников могут быть разные точки зрения. Сухопутному начальнику важно высадить войска там, где это выгоднее и удобнее с точки зрения дальнейшего развертывания сухопутной операции. Естественно, он будет недооценивать навигационные и гидрографические соображения морского начальника; ему могут показаться излишними различные, чисто морские, подготовительные операции, которые могут выдать место будущей высадки и дадут возможность неприятелю подготовить оборону. Английская история насчитывает наибольшее количество смешанных операций; несмотря на это, морские и сухопутные силы они не подчиняют единому командованию.

Цели и размеры английских десантных экспедиций в мировую войну намечались Военным Советом; на основании решений последнего, морской и сухопутный начальник получали, порознь, директивы от своих высших инстанций, перед которыми они и несли ответственность. Все сложные вопросы, касающиеся времени высадки, выбора места высадки, совместных действий во время и после высадки, устройства или переноса базы, организации службы тыла и т. д.,—все это предоставлялось соглашению обоих местных начальников. Военно-морская история знает клас-

сический пример, насколько вредно может отразиться отсутствие единого командования на успехе десантной операции. В 1809 году англичане снарядили крупную десантную операцию против Антверпена, при чем базу для нее они организовали на одном из островов перед Антверпеном. Сухопутный и морской начальники долго не могли придти к соглашению, относительно дальнейшего плана действия,— что дало французам время так подготовить свои позиции, что они оказались неприступными для высаживания английских войск. По той же причине произошла задержка в операциях союзного англо-французского флота в Крымскую кампанию, что имело для всей кампании тяжелые последствия.

Французы решали вопрос иначе. У них ответственным руководителем десантной экспедиции являлся тот из начальников, который был старше в чине; таким образом, главнокомандующим был либо адмирал, либо генерал. Во время неудачной экспедиции в Ирландию, в 1796 году, морской начальник находился в полном подчинении у сухопутного; то же самое имело место и в 1830 году, во время экспедиции в Алжир, и в 1855 году, во время Крымской кампании; главнокомандующим французскими силами в Китае был в 1859 году сухопутный начальник, а в 1884 г.—морской начальник. Вспомним, что Сюфрен в 1783 г., после 2-летних боевых действий против англичан в Индии, доказавших гениальные способности этого вождя, должен был, в конце концов, подчиниться прибывшему с войсками сухопутному начальнику, благодаря тому, что последний был старше в чине.

В современных условиях вопрос этот несколько утратил свою остроту, т. к. сильно развитые средства связи дают возможность верховному командованию непосредственно руководить десантными операциями даже на самых далеких театрах. Верховное командование в настоящее время может сглаживать недоразумения между сухопутным и морским начальниками, конечно, если само оно обладает совершенно ясными взглядами на предстоящие задачи армии и флота. Таких ясных взглядов у британского верховного союзного командования, однако, не было в 1915 году в отношении Дарданелл. План руководителя морского ведомства Черчилля не встретил с самого начала полного одобрения ни военного министра, ни первого морского лорда Адмиралтейства. Китченер вначале боялся снять хотя бы дивизию с западного фронта. Главнокомандующий английскими войсками на этом фронте, Френч, не считал возможным отдавать ни одного человека; Китченер соглашался на высадку войск лишь после того, когда англо-французские суда пройдут через Дарданеллы, предварительно разрушив береговые

укрепления. Фишер, первый морской лорд, был против такого применения флота. Основной идеей всей его предшествующей деятельности было сосредоточение всех сил английского флота в Северном море. Поэтому он не хотел подвергнуть неизбежному риску аварий корабли во время прорыва. Когда Карден, после разрушения наружных фортов Дарданелл, просил сухопутного начальника занять высоты на южном конце полуострова, чтобы получить возможность корректировать стрельбу по береговым батареям, он получил отказ. Разница во мнениях в центре сказывалась и на фронте. И в дальнейшем мы видим, что взгляды сухопутных и морских начальников не всегда гармонировали, несмотря на то, что совместные операции армии и флота были проведены, в общем, весьма удовлетворительно. Именно это последнее обстоятельство заставило английских военно-морских писателей не сомневаться в целесообразности организации их командования.

Организация германского командования во время Моонзундской операции была следующая:

Ответственным руководителем всей операции являлся один из командующих армиями (ген. Гутьяр). При нем, для связи, состоял морской офицер. Чтобы избавить начальника высаженных войск от обязанности быть в постоянных сношениях с командованием флотом и снять с него ответственность за снабжение высаженных войск,—сухопутный и морской начальники были оба подчинены командующему всей операцией. Между последним и начальником высаженных войск стоял еще один сухопутный начальник,—начальник сухопутных сил, все время находившийся на флагманском корабле.

У нас, на Черном море, на основании опыта первых месяцев войны, вопрос о командовании был разрешен положением о начальнике высадки. Положение это имело целью урегулировать точным образом взаимоотношения морских и сухопутных властей, при подготовке смешанных операций.

Начальник высадки—моряк—был ответственным исполнителем операции захвата неприятельского побережья. Он подчинялся непосредственно командующему флотом. С момента начала операции захвата неприятельского побережья, начальнику высадки непосредственно подчинялись все войсковые части, предназначенные для исполнения этой операции, а также все морские силы, назначенные для подготовки, производства и поддержки этой операции. Начальник высадки, совместно со старшим войсковым начальником и с начальником корабельной поддержки, разрабатывал детали операции, назначал момент ее начала и руководил ее исполнением до момента закрепления войск на побережьи. Этот момент определялся старшим войсковым

начальником, который доносил об этом начальнику высадки. С момента получения этого донесения, прекращалось подчинение высадившихся на берег войск начальнику высадки. В дальнейшем, по требованию старшего войскового начальника высадившихся на берег войск, начальник высадки должен был назначать суда для выполнения боевых заданий старшего войскового начальника, оказывая ему во всем полное содействие. На обязанности начальника высадки, кроме того, лежали: непосредственная охрана водного района высадки; установление и поддержание связи между флотом и берегом и оборудование баз высадки для безопасного, быстрого и удобного своза войск и их снабжения. Таким образом, ему подчинялись все суда и средства охраны района операций, личный и материальный состав баз высадки, перевозочные средства, гарнизон баз высадки и район службы связи побережья высадки. При обратной посадке на транспорта, войсковые части поступали в подчинение начальника высадки с момента получения им извещения старшего войскового начальника о необходимости приступить к этой операции.

Такое разграничение власти сухопутных и морских начальников и их взаимное подчинение—кажется решением удовлетворительным. Кстати сказать, единственная крупная десантная операция, подготовлявшаяся за время войны на Балтийском море, не была организована в согласии с указанным положением. Когда летом 1916 года подготовлялась высадка на Курляндском побережьи со стороны Рижского залива, обязанности начальника высадки взял на себя командующий флотом; последний подчинил себе непосредственно командующего боевым прикрытием, начальника сухопутного десантного отряда и командующего транспортной флотилией. Сама операция высадки была разработана сухопутным начальником, по соглашению с командующими отрядом боевого прикрытия и транспортной флотилии.

Базы. Одной из наиболее серьезных задач, при разработке десантных операций, является выбор промежуточной базы. Значение этой базы, прежде всего, заключается в том, что она позволяет определить размеры десантного корпуса, независимо от грузовместимости транспортного флота: части войск и боевые запасы могут подвозиться в несколько очередей и постепенно накапливаться в промежуточной базе. Войска могут там отдыхать после морского перехода и подготовляться к своим новым задачам. Там же может быть произведена перегрузка войск непосредственно для высадки, а также собраны и подготовлены все потребные высадочные средства. Для военных и транспортных судов такая база должна быть надежным местом якорной стоянки. Как мы видим на опыте Галлипольской

операции, близкое расстояние промежуточной базы от базы высадки давало возможность производить высадку точно в указанное время. В случае неудачи операции, расположенная вблизи промежуточная база является удобным местом сосредоточения эвакуированных войск.

Десантная операция Хоша в Ирландию, в 1796 году, кончилась неудачей из-за отсутствия промежуточной базы для его судов, разошедшихся в тумане и во время шторма. Прежде чем высадиться в 1801 году в Египте, занятом французами, англичане собрали флот и десантные войска в бухте Мармарис на малоазиатском берегу, где было потрачено 6 недель на подготовку средств высадки и тренировку войск. В 1830 году, перед высадкой в Алжире, французы выжидали погоду на острове Майорке. Японцы устроили себе промежуточную базу на островах Эллиота в 50 милях от Порт-Артура. Англичане в октябре 1914 года, перед наступлением в Месопотамии, заняли остров Вареин в Персидском заливе и закрепили за собой порт Ковейт. Десантная операция англичан на Танга, в ноябре 1914 года, базировалась на Занзибар. Когда была решена Дарданелльская операция, англичане заняли остров Лемнос с превосходной на нем гаванью Мудрос. Остров этот принадлежал Греции, и англичане не имели права его занимать. Чтобы обойти нормы международного права, греческий премьер-министр Венизелос заявил, что после греко-турецкой войны 1912 года турецкое правительство не признало прав Греции на этот остров, продолжая считать его своим. Поэтому Венизелос полагал возможным этот остров занять английским гарнизоном, как турецкую территорию. Лишний пример, как союзники обращались с нормами международного права. Когда позднее выяснилось, что Мудрос не удовлетворяет уже требованиям промежуточной базы, англичане устроили базы еще и на островах Скирос, Тенедос и Имброс.

Когда в марте 1915 года союзное Верховное Командование потребовало от русского правительства совместных операций для овладения Константинополем и предстояла переброска десантного корпуса к Босфору, командующий Черноморским флотом настаивал на захвате, в качестве промежуточной базы, порта Бургаса, принадлежавшего еще нейтральной тогда Болгарии. Базирование на Севастополь, удаленный на 300 миль от Босфора, считалось невозможным. Бургас отстоял от Босфора на 110 миль; ближе к последнему были расположены порты: Инада (в 60 милях севернее Босфора на Европейском берегу), Эрегли (в 100 милях восточнее Босфора) и Зунгулдак (в 128 милях восточнее Босфора). Последние три бухты недостаточно защищены от ветра и волны, и поэтому предпочтение должно было быть дано

Бургасу. Как известно, Босфорская операция не состоялась, т. к. англичанам не удалось пробиться в Мраморное море.

Опыт войны показал, что расстояние между базой высадки и промежуточной базой не должно быть более расстояния, проходимого судами в одну ночь. Это важно для соображений относительно погоды.

Высадка. Преимущество выбора места и времени высадки на стороне руководителей десантной операции. Эти преимущества должны быть использованы, прежде всего, в том отношении, чтобы высадка была произведена неожиданно для противника. В современных условиях обширные подготовления десантной экспедиции не могут оставаться в секрете; однако же, можно заставить противника держать наготове значительные силы для отражения десанта, если он будет в неведении относительно времени и места высадки. Большую пользу могут иметь подготовки демонстративных высадок; таковые имели место неоднократно. Укажем, вкратце, некоторые из них. Когда Вильгельм Оранский, в 1687 году, решил высадиться в Англии, он распространил слух, что большое количество судов готовится для операции против морских разбойников, угрожавших морской торговле голландцев. Когда нельзя уже было скрывать причины сосредоточения 500—600 транспортных судов, был распространен слух, что высадка голландцев будет произведена на северо-восточном берегу Англии, на побережьи Йоркшира. Английский флот сосредоточился у устья Темзы, а войска заняли Йоркширское побережье. Голландский флот вышел утром и действительно взял курс на Йоркширское побережье. Сторожившие голландцев английские фрегаты донесли о курсе неприятеля. Ночью, по условленному сигналу, голландский флот повернул и пошел без огней к южному побережью Англии. Голландцы высадились прежде, чем англичане могли подоспеть.

И в Галлиполи турки не знали до последнего момента, где будет произведена высадка. Когда на рассвете 25 апреля раздался гул судовых орудий на всем побережьи Дарданелл, от бухты Башика на азиатском берегу до залива Ксерос, и облака порохового дыма застлали берега, к которым приближались наполненные войсками миноносцы, лихтера, тральщики и шлюпки,—турецкому командованию было действительно трудно учесть, куда направлен главный удар. Мы знаем, как были распределены турецкие войска по побережью и как опасались турки ударов в сторону Булаира.

Русское командование перед Моонзундской операцией было осведомлено, что в Либаве сосредоточены войска для какой-то десантной операции. Немцы сумели создать упорные слухи, что высадка готовится на Оландские острова. Тем не менее, командование флотом Балтийского моря

готовилось для отражения высадки в бухте Тагалахта, как безусловно самой удобной на островах Моонзундского архипелага. Но время высадки было неизвестно.

Опыт войны показал, что работа штаба десантного отряда и транспортной флотилии должны протекать совершенно секретно; для этого рекомендовалось войсковые части прямо с поездов сажать на транспорты и заблаговременно еще прекращать телеграфное сообщение порта посадки с внешним миром. Погрузку интендантских, артиллерийских и инженерных грузов старались производить не в портах посадки, а в иных портах, якобы для перевозки грузов из одного порта в другой.

Подготовка операций в Рижском заливе в 1916 году велась в Ревеле и Гельсингфорсе у всех на виду, и не могла быть поэтому скрыта от немцев. Рискнуть на эту операцию можно было лишь потому, что господство на море в Рижском заливе было всецело в наших руках. Однако же, узнав заблаговременно о готовящейся экспедиции, немцы начали тралить фарватеры на южном берегу Ирбенского пролива, а за минным заграждением, внутри маневренного пространства, подготовленного для русского флота, набросали мин. Операция стала невозможной. Если бы она началась, то более сильный германский флот мог ворваться в Рижский залив, оттеснить русские силы, уничтожить транспорты и подорвать снабжение уже высаженного отряда.

Для десантной экспедиции должны быть назначены перволинейные войска, тщательно натренированные в высадке. Опыт войны показал, какое большое значение имеет высадка первых бросков, состоящих из перво-разрядных войск. Распределение войск на головной отряд, авангард и главные силы зависело всецело от наличия высадочных средств. Под'емная сила этих средств для переброски войск с транспортов на берег определяет величину головного отряда, а под'емная сила транспортов—величину авангарда. В составе первого броска шли: пехота с пулеметами, небольшая часть сапер для уничтожения искусственных препятствий, средства связи и рабочие команды для оборудования побережья для дальнейшей высадки. Состав следующих бросков определяется в зависимости от того, выполнил ли свою задачу головной отряд, и должен состоять преимущественно из пехоты до тех пор, пока высаженные войска не обеспечат возможности выгрузки сначала горной, а потом полевой артиллерии, при посредстве наскоро сооруженных пристаней. Конница и обозы выгружались лишь тогда, когда пехота уже прочно занимала берег и обеспечивала обладание плацдармом. Опыт показал, что в тех случаях, когда шлюпкам приходилось выбрасываться

на некотором расстоянии от берега и людям нужно было выскакивать за борт в сравнительно глубокую воду,—головные части должны были высаживаться с минимальным количеством амуниции: во время Галлипольской операции много людей утонуло под тяжестью собственной амуниции.

Во всяком случае, запасы продовольствия и патронов головного отряда берутся с собой, утюкованными для удобства быстрого переноса.

Разведка.

О разведки берега говорилось неоднократно при описании Галлипольской операции.

Разведка должна выяснить места побережья, удобные для высадки; позиции кораблей для обстрела берега, в зависимости от географического характера последнего; имеющиеся на берегу устройства для облегчения и ускорения высадки и выгрузки и, в случае отсутствия таковых, потребные средства, чтобы наладить высадку как можно скорее, и возможность обстрела прилегающего к берегу водного района. Все это важно с морской точки зрения. Указанные выше вопросы выясняются совместно сухопутными и морскими начальниками.

С сухопутной точки зрения необходимо выяснить—где высадка выгоднее, в зависимости от топографии берега; где высадившиеся войска будут в более благоприятных условиях для развития дальнейшего наступления; где, в зависимости от топографии местности, возможна поддержка этого наступления корабельным огнем, а также и характер укреплений противника, обороняющего побережье.

С выбранных для высадки районов снимаются кроки и панорамные чертежи, на которых все выдающиеся пункты удобно нумеровать или обозначать. Воздушная разведка должна давать: фотометрические снимки плацдарма; сведения о расположении и передвижении войск противников; места батарей и укреплений, и точное изображение прибрежного дна, с расположением камней, банок и т. п., чтобы можно было судить о наиболее благоприятном месте высадки. Во всех случаях желательно предварительно сделать обследование всего побережья сухопутными и морскими начальниками, руководителями предстоящей операции, чтобы точно установить те первые задачи, которые придется решать подчиненным частям.

Весьма полезным оказывалось на месте знакомить с местностью всех подчиненных руководителей предстоящей высадки.

Особенно важно при ночных высадках, чтобы местные начальники предварительно знакомились с расположением местности при свете дня.

Время начала высадки. Обычно принято думать, что выгоднее всего высаживать войска ночью. Со спорами по этому вопросу мы ознакомились при описании Галлипольской операции. Однако же, опыт войны показал, что к ночной высадке не следует прибегать, ввиду связанной с ней опасностью перепутать высаживающиеся части. Выше указывалось на тяжелые последствия ошибок при высадке австралийского корпуса у Габа-Тепе: шлюпки ночью перепутались при приближении к берегу и, не имея возможности ориентироваться по береговым предметам, были отнесены к северу, благодаря чему высадку пришлось произвести в неудобном месте, а из-за происшедшей задержки ее не удалось выполнить неожиданно для противника.

Опыт войны с несомненностью указывает, что высадку головного отряда лучше всего производить на рассвете, но ни в коем случае не ночью. Высаживаться надо стараться там, где противник этого меньше всего ожидает.

Демонстрации. Весьма важно отвлечь внимание противника от намеченного района операции. Делалось это путем демонстраций. Последние выполнялись самым разнообразным образом: делались демонстративные рекогносцировки берега; обстреливались пункты, удобные для производства высадки и имеющие существенное значение, но не предназначенные для высадки; высаживались демонстративно в таких местах и десанты, с тем, чтобы оттянуть туда войска противника. Выше указывалось, насколько демонстрация в заливе Ксерос сбила турецкое командование.

Артиллерийская подготовка. Артиллерийская подготовка берега имеет громадное значение, как для самой высадки, так и для поддержки наступления и парализования активного действия противника. Судовой огонь весьма полезен, если неприятельские позиции видны хорошо с моря. Несомненно, во время Галлипольской операции не могли бы быть достигнуты даже те небольшие результаты, которых добились союзники, если бы не поддержка судового огня. Особенно полезен судовой огонь был в ближайшие после высадки дни, когда войска не успели еще занять прочных позиций. Суда, предназначенные для обстрела позиций противников на Галлиполи, поступали в полное распоряжение сухопутного начальника, от которого получали распоряжения куда стрелять, когда открывать и прекращать огонь. Обычно суда становились на места, предварительно обозначенные вешками. Корректировка судового огня производилась с берега, для чего существенное значение имеет надежная и быстрая связь между флотом и высаженными войсками. Для устройства такой связи,

вместе с головными частями перевозилось на берег оборудование сигнальных и гелиографных станций, которые начинали функционировать полностью уже через 2—3 часа после высадки первого броска. Казалось бы, чем раньше начнется и дольше длится артиллерийская подготовка, тем лучше. Однако, длительная предварительная стрельба укажет противнику место высадки и даст ему возможность стянуть к угрожаемым пунктам значительные силы. Кроме того, долгое обстреливание отнимает много светлого времени, в течение которого могли бы быть перевезены войска на берег. Ввиду этого, на предварительную артиллерийскую подготовку тратилось, на основании опыта, ограниченное время. Прежде всего, требовалось очистить береговую полосу от неприятельских стрелков и искусственных препятствий. Надо сказать, что стрельба судовых орудий по проволочным заграждениям давала весьма незначительный результат. Корректировка стрельбы до того времени, что войска высадятся, предоставлялась воздушным аппаратам. Почти во всех случаях на судах находились полевые артиллеристы.

На странице 174 была описана высадка на побережье Анзак с оперативной точки зрения. Высадка эта является одной из наиболее поучительных. Приведем некоторые данные, касающиеся техники ее выполнения.

Техника высадки и выгрузки

Для высадки в районе Анзак предназначалось 20 батальонов пехоты и 17 горных и полевых батарей. Транспорты, которые должны были перевезти эти войска, были разделены на группы, по очередям разгрузки, как это приведено в прилагаемой таблице.

№№ групп	колич. трансп.	Что имеют на борту.	Исходный пункт.
1	4	4 батальона	Кефало
2	5	5 » и 1 батарея	Пурнеа-бей
3	4	4 » 1 »	» »
4	4	2 » 5 »	Мудрос
5	4	4 » 1 »	»
6	4	1 » 2 »	»
7	3	3 » 3 »	»
8	3	4 » 4 »	»
9	3	1 » и сапер. часть с понт.	Пурнеа-бей.
	34	28 батальон. 17 батарей и сап. часть с понтонами.	

Головная часть размером в $2^1/_2$ батальона, т. е. около 1500 человек, была перевезена к месту высадки на 3-х линейных кораблях, на которые эта часть перебралась на Мудросе накануне высадки. Следующие 5 батальонов и 1 горная батарея, которые высадились сейчас же после первого броска, были перевезены на 8-ми миноносцах, на которые были посажены в Кефало ночью перед высадкой. 6 батальонов и 6 полевых батарей были перевезены к месту рандеву на транспортах и там перегружены на миноносцы и на шлюпки с линейных кораблей. Все остальные люди, лошади и грузы были высажены с транспортов при помощи барж, лошадиных ботов и шлюпок, шедших на берег на буксире тральщиков и паровых катеров.

Общее руководство разгрузкой транспортов было возложено на старшего транспортного офицера (principal transport officer), а непосредственное руководство разгрузкой на каждом транспорте было в руках „морских транспортных партий" (naval transport parties).

Всего было сформировано 4 транспортных партии, в общем составе 140 матросов, 12 старшин и 8 человек командного состава. В распоряжение старшего транспортного офицера было назначено 5 буксирных пароходов и 6 тральщиков; он заведывал, кроме того, всеми высадочными средствами. Порядок разгрузки транспортов был разработан во всех подробностях. Для каждого транспорта имелась таблица с перечислением всех средств выгрузки, а также очереди своза грузов.

Для выгрузки войск с транспортов на участке Анзак всего было назначено 54 спасательных шлюпки, 32 лошадиных бота, 22 разных барж, 26 шлюпок с 5-ти линейных кораблей и одного крейсера (баркасы, полу-баркасы и гребные катера), 2 водоналивных баржи, 5 буксиров, 6 тральщиков и 10 паровых катеров. Заведывание разгрузкой на берегу возлагалось на главного начальника пункта высадки (principal beach master), в распоряжении которого находились особые морские прибрежные партии (naval beach parties), в составе 9 лиц командного состава и 49 матросов. Все они были назначены с военных судов. На их обязанности, кроме работ по побережью, лежало расставление вех, обозначение на берегу мест высадки и обеспечение подхода плавучих средств к берегу.

Разгрузка шлюпок, ботов и барж, доставка всего выгруженного на позиции, устройство складов, площадок для грузов и прокладка дорог, возлагалось на „сухопутные береговые партии" (military beach parties); их было две,— каждая в составе 2-х офицеров и 68 человек команды.

Кроме того, для работ на побережьи назначалась дежурная рабочая партия от войсковых частей, в составе 200 человек.

Площадью, на которой были уложены войсковые грузы, заведывал сухопутный начальник.

Подробности высадки передовых частей на побережье Анзак были изложены на стр. 174. В дальнейшем войска высаживались следующим образом: четыре транспорта, ставшие на ближайшей к берегу линии и расположенные в 3-х милях от последнего, разгружались шлюпками с кораблей и ботами, доставленными на судовых шлюпбалках; на берег они буксировались тральщиками, паровыми катерами, буксирами и т. п. 4 транспорта второй линии, стоявшие в трех с половиной милях мористее, разгружались миноносцами и своими транспортными шлюпками. Миноносцы принимали людей на палубу и на шлюпки. Подойдя возможно ближе к берегу, они освобождали шлюпки, которые дальше шли под веслами, разгружались и затем свозили людей с миноносцев. Таким образом, каждый миноносец делал по несколько рейсов.

Лошади, орудия, повозки и трехсуточный запас для войск выгружался при помощи барж, лошадиных ботов и спасательных шлюпок с транспортов, буксировавшихся 11-ю тральщиками и 10-ю паровыми катерами. Гребные шлюпки эскадры в работах не участвовали. Баржи и водоналивные бота прибуксировывались из Мудроса транспортами, тральщиками и буксирными пароходами; лошадиные бота перевозились поднятыми на шлюпбалках.

На 2-х транспортах, на рассвете дня высадки, были привезены понтоны. Их спустили на воду и приступили к постройке пристаней; по готовности, эти пристани на буксире, примерно через 2 часа, были подведены к берегу и там установлены.

Средства высадки. Самоходные английские моторные лихтеры были снабжены нефтяными двигателями Болиндера. Длина их 150 фут, ширина 24 фута, осадка кормой—8 фут, ход 7—9 узлов; два двигателя по 40 сил. Район плавания 5000 миль. Длина трюма 100 фут; он начинался от первой водонепроницаемой переборки и шел до машинного отделения. Кроме обычных вертикальных трапов, на лихтерах был устроен выход из трюма в виде пологой сходни, выходящей на бак, шириною 10 футов. На верхней палубе лихтера свободно размещалось 250 человек, и в трюме—250 человек. При подходе к берегу под огнем, все 500 человек переходили в трюм. Плоский нос баржи был полого скошен, так что она вылезала на берег носом. В носовой части были устроены сходни, длиною 25 футов и шириною 7 футов; держались они на весу при помощи 2-х балок. За этими баржами упрочилось название „жуков", т. к. балки и сходни на носу напоминали усы этих насекомых. Помещение для команды и двигателей

было в корме. Там же был расположен пост управления лихтером, защищенный однодюймовым щитом. Лихтеры под своим двигателями, на волне, развивали ход до 6-ти узлов. Они были приведены на буксире из Англии, что свидетельствует об их достаточной мореходности. Обслуживались они 8—10 матросами военного флота.

Английские лошадиные боты имели в носу откидную трапцовую доску; к верхнему ее краю на шарнирах присоединялась откидная площадка, которая при закрытом трансе держалась горизонтально, а при открытом—составляла его продолжение. Этим устранялась необходимость дополнительных сходень. Откидывание транца производилось небольшими ручными лебедками, стоявшими на бортах. Боты вмещали по 10 лошадей. Мореходные качества их были плохие.

Опыт Черного моря указал на исключительную полезность особых судов, так называемых „Эльпидифоров“,— плоскодонных мелкосидящих паровых барж, перевозивших ранее зерно от пристаней Азовского моря на морские пароходы. (Эльпидифором назывался первый пароход этого типа и по нем стали называть и все прочие суда этого типа). Водоизмещение этих судов доходит до 1200 тонн. Среднее углубление не более 6-ти футов. Грузоподъемность до 1000 тонн [1]).

Весьма полезными на Черном море оказались также плоскодонные, мелко-сидящие, моторные баржи, называвшиеся иногда „болиндерами“ (по системе двигателя). На них на практике перевозили по 1000 человек войск и кухни, при осадке в 5 фут; или 6 орудий, 6 передков, 12 зарядных ящиков, телефонную повозку, кухню, обслуживающий персонал и 60 лошадей, при осадке $4^1/_2$ футов; или обоз в 100 двуколок, без лошадей, при осадке $4^1/_2$ футов; или 75 лошадей, при осадке $4^1/_2$ футов; или 45 двуколок, 65 лошадей и 400 человек,—также при осадке $4^1/_2$ футов. На переходе люди находились в трюме и были закрыты от шрапнельного огня. Капитан и рулевой стояли в стальной рубке, расположенной в корме. На „болиндерах“ имелся кормовой якорь для удержания кормы и, если понадобится, для стаскивания баржи с мели. Длина этих барж была около 80 фут, осадка $2^1/_2$—3 фута. При подходе к берегу, люди обычно передвигались сколь возможно ближе к корме, благодаря чему форштевень мог вылезти на берег. Двигатель на этих баржах был расположен в самой корме, вся же остальная часть судна была приспособлена под трюмы.

Германские десантные боты, употреблявшиеся во время Моонзундской операции, имели следующие размерения: длина 33 фута, ширина 11 фут., углубление 2 фута. Но

[1]) Сборник Морской Ист. Комиссии № 1; Дело № 19362, стр. 328.

германским данным, они перевозили или 60 людей, или 6—8 лошадей с таким же числом людей, или 2 полевых орудия, или одну шестидюймовую гаубицу; таким образом, их грузоподъемность можно было определить, приблизительно, в 4 тонны.

Черноморские десантные боты имели длину 35 фут, ширину $10^1/_2$ фут; при осадке в $2^1/_2$ фута. Такой бот на практике поднимал или 60 человек, или 10 человек и 10 лошадей, или одно орудие, один передок, один зарядный ящик и всю прислугу, или две четырехколесных телеги, или четыре двуколки, или три кухни.

Судовые шлюпки поднимают в тихую погоду: барказы—80—100 человек; 16-ти весельные катера—40 человек.

Весь опыт оборудования транспортов для десантных надобностей вылился на Черном море в проект особого десантного парохода: водоизмещение его—1050 тонн, длина 245 фут, ширина 34 фута, углубление носом—4 фута, кормою—8 фут; среднее 6 фут. В носу предполагалось устроить выдвигаемые помощью такелажа, заведенного на бушприт, сходни, по которым десант мог бы сходить на берег или в воду. Особыми балластными цистернами пароходу мог быть дан, при подходе к берегу, диферент на корму. Кормовой якорь с крепким стальным тросом должен был облегчать стаскивание парохода с мели. Проект прошел все инстанции, но остался невыполненным.

Пристани.

Понтонные пристани у англичан состояли из ряда отдельных понтонов, соединенных между собой особыми шарнирными болтами. Каждый понтон устанавливался на 2-х якорях, с носа и с кормы, и примыкал к соседнему более длинной стороной. Пристань получалась шириною в 24 фута, мало устойчивая. Понтонные пристани, преимущественно, имелись в бухте Сувла, где понтоны буксировались к берегу тотчас же после его занятия.

На Черном море были изготовлены плавучие пристани, но ими не пользовались, т. к. у Анатолийского побережья сильная зыбь—явление обычное. Отдельные плоты, составлявшие звенья таких пристаней, были розданы на транспорты, как спасательные средства.

Пристани из бочек состояли из досчатого настила, положенного на поперечные брусья, которые, в свою очередь, лежали на нескольких бочках. Последние были типа бензиновых, связанные между собой цепями; каждый ряд бочек стоял на 2-х якорях. Преимущество этого рода пристаней заключалось в легкости их исправления.

Пристани на козлах имелись только в Сувле; длина такой пристани увеличивалась обыкновенными мостовыми понтонами; ширина помоста 15 фут.

Свайные пристани устраивались много времени спустя после высадки, т. к. их постройка не могла быть выполнена скоро. Устройство обычное. Длина достигала 50 футов, глубина 5—6 фут.

Кессонные пристани—состояли из грубо сколоченных деревянных кессонов, заполненных камнями и затопленных на расстоянии 10—15 футов один от другого. Поверх кессонов клался настил из продольных брусьев с положенными на них сверху и поперек досками. Длина таких пристаней была около 60 фут., ширина 10 фут., глубина 7—8 фут.

Каменные пристани — строились вольнонаемными рабочими. Обыкновенно для них использовывались природные гряды камней, вдоль которых накладывались камни и небольшие мешки с цементом. Стенки облицовывались гладкими камнями, сверх которых насыпались земля и щебень.

Цементные пристани — делались из маленьких мешков с цементом и песком, уложенных в воде. После затвердения получалась прочная, гладкостенная и глубоководная пристань. В Кефало длина такой пристани была 60 фут, ширина 10 фут и глубина воды у конца 6 фут.

Мы видели выше, что на участке Хеллес англичане пользовались „River Clyde'ом“, как пристанью. К нему приставали баржи, из которых грузы выгружались стрелами парохода. От „River Clyde“ шла каменная пристань на берег. Первонально вместо этой пристани были установлены баржи (см. фотографию). В Кефало ввиде брекватера были затоплены три парохода, от борта ближайшего к берегу была насыпана пристань. Суда с небольшой осадкой приставали к затопленным пароходам и разгружались судовыми стрелами. (Использование пароходов в виде пристаней видно также на черт. 24 и 25).

И на Черном море пользовались Эльпидифорами, как пристанями: хорошая пристань получалась из тральщика (эльпидифора), посаженного на мель параллельно берегу, при чем между ним и берегом устанавливались десантные боты с настланными поверх досками.

Снабжение высаженных войск.

Как уже было сказано в своем месте, все грузы во время Галлипольской операции доставлялись на транспортах в базу Мудрос, где перегружались на малые суда.

Для обслуживания Мудроса, Кефало и 4-х пунктов высадки, англичане располагали: 160-ю баржами разных типов, 45-ю самоходными баржами, 7-ю лошадиными ботами, 60-ю паровыми катерами, 30-ю портовыми буксирами и 12-ю пассажирскими пароходами. От четверти до половины этих плавучих средств обычно находились в ремонте. Кроме того, имелось огромное число гребных шлюпок. О громад-

ном количестве плавучих средств в Мудросе было сказано выше.

На буксирных пароходах была установлена добавочная защита для рулевого из стальных щитов, и для машин и котлов—из мешков с песком.

Снабжение, продовольствие. В первые дни высадки на Галлипольском полуострове войска пользовались исключительно консервами. Люди имели на себе запас их на 3 дня. В первую же ночь, по возможности, свозился на берег еще запас на 7 дней. Зимою, ввиду опасности длительной свежей погоды, запасы провизии на берегу доводились до 40-дневных, а летом считалось возможным иметь на берегу всего 2-недельные запасы. Мясо доставлялось на пароходах—рефрижераторах, главным образом, мороженое, но большею частью войска довольствовались консервами.

Хлебопекарни были устроены на Лемносе. Свежий хлеб, однако же, войска получили не раньше как на 18-ый день после высадки.

Для предметов интендантского ведомства в бухте Мудрос стоял плавучий склад—громадный транспорт, из которого необходимые предметы перевозились на головные этапы.

Для подвижных войсковых артиллерийских запасов были образованы на берегу местные склады, из которых производилось пополнение. При высадке люди имели на себе по 200 патронов; вслед за ними сейчас же доставлялось на берег еще по 150 патронов на винтовку. В Мудросе стоял транспорт с артиллерийскими запасами, на котором находился осадный парк с 15-дюймовыми гаубицами, так и не свезенными на берег.

Инженерное имущество находилось также на особом транспорте на Мудросе. При высадке люди имели по одной большой лопате на 2 человека. Материалов для искусственных препятствий, вслед за войсками, не выгружали.

Водоснабжение. Снабжение высаженных на берег войск водой в достаточном количестве имеет большое значение. Австралийские и ново-зеландские войска так были истомлены жаждой, что туркам почти удалось их сбросить в море. Неуспех в бухте Сувла англичане об'ясняют отчасти тем, что жажда заставляла наступающие войска возвращаться к берегу, где стояли водоналивные суда. Пресная вода на Галлипольском фронте получалась из Александрии в жестянках и, кроме того, добывалась при помощи судовых опреснителей. В Мудросе была построена специальная опреснительная станция. Кроме того, каждый корабль, приходивший с Мальты, или из Александрии, привозил в отделениях двойного дна пресную воду.

К пунктам высадки вода подавалась в водоналивных баржах и ботах, или же в жестянках. На берегу вода хранилась либо в специальных систернах, защищенных от снарядов земляной насыпью, либо в жестяных сосудах. В глубь вода передавалась по водопроводу, или же перевозилась на мулах. Первое время после высадки, воду разносили вручную в парусиновых мешках или же в жестянках.

Посадка десанта на транспорт. Во время Галлипольской операции, войсковые транспорты перевозили людей на Мудрос, где последние перегружались на малые суда. На Мудрос люди перевозились обычно на самых больших и быстроходных пароходах. Так, „Aquitania“ и „Mauretania“, быстроходные английские пассажирские пароходы, перевозили войска из Англии в Александию или на Лемнос в одну неделю; другим судам на это требовалось около двух. Первый из этих пароходов вышел 3 июля из Англии в Мудрос с 5.800 чел. и доставил их 10-го; немедленно вернувшись в Англию, он вышел вновь 30-го июля с 5860 чел. и прибыл в Мудрос 6 августа. Таким образом пароход этот в один месяц перебросил 12.000 чел. на расстояние 3.000 миль.

На больших пассажирских пароходах обыкновенно снимались предметы роскоши, и часть салонов оборудовалась временными койками. Переделки были самыми незначительными; они делались для увеличения вместимости, но, обычно, не в ущерб комфорту. Лошади на дальнее расстояние перевозились на полу-грузовых пароходах. Для людей нар обычно не строили; они спали на подвесных койках.

Выбор пароходов для оборудования под десант представляет вообще большие трудности. К началу 1915 года к портам Черного моря было приписано 281 пароход, из которых могло быть взято для перевозки войск только 52. Кроме них было приспособлено 21 иностранных пароходов. Всего же 73 парохода.

На пароходах обычно делалось двойное оборудование — для перевозки людей и лошадей. Для этого помещение транспорта делилось на клетки рядами вертикальных стоек, поставленных на расстоянии $6^1/_2$ фут ряд от ряда. В каждом ряду расстояние стойки от стойки было 2 фута 8 дюймов. Стойки одного ряда связывались с соответствующими стойками другого ряда одним или несколькими ярусами горизонтальных брусьев, на высоте не менее $3^1/_2$ фут от палубы или ярус от яруса. Таким образом, из 4-х соседних стоек образовывались конские стойла, размером $6^1/_2$ фут $\times$ 2 фута 8 дюймов. При перевозке людей, на каждый ряд горизонтальных брусьев укладывались доски, образующие нары. При перевозке лошадей, доски эти частью убирались, частью закладывались спереди и сзади стойл. При дальних десантах

вместо нар устраивались койки. От пароходов требовалась вместимость не менее одной роты пехоты, т. е. не менее 750 регистровых тонн для ближних и средних перевозок и 1000 регистровых тонн для дальних.

Нормы площади для лошадей и снабжения, приближенно, были приняты следующие: на 8 человек или 3 лошади полагалась площадь в 80 кв. фут. Если междупалубное пространство доходило до $10^1/_2$ фут, то рассчитывалось по 12 человек на каждые 80 кв. фут. Обязательно требовалось, чтобы был сохранен принцип неделимости войск: в пехоте неделимой считалась рота, в кавалерии—взвод, в артиллерии—в тяжелой—1 орудие с прислугой, 23 лошади, 3 зарядных ящика и 2 парных повозки, а в легкой—1 орудие с прислугой, 34 лошади, 2 зарядных ящика; в горной—1 орудие с прислугой, 34 лошади, 2 зарядных ящика, 2 парные повозки и 11 двуколок; в мортирной—1 орудие с прислугой, 46 лошадей, 4 зарядных ящика, 1 четырехконная повозка, 2 парные повозки и 1 двуколка.

Число людей рассчитывалось всегда по площади. Для этого на выбранных транспортах тщательно вымерялись площади палуб, при чем для каждого транспорта эти данные вычислялись особо, т. к. по тоннажу парохода совершенно нельзя судить о его грузовместимости в отношении войск.

При посадках войск для предстоящей десантной экспедиции весь район посадки оцеплялся караулом.

При выработке порядка посадки и погрузки всегда имелся ввиду порядок выгрузки: первыми грузились те предметы, которые предстояло выгрузить последними. Таким образом, сначала грузились различные грузы (походные кухни, фураж, провизия), затем обоз, далее орудия, зарядные ящики, лошади и, наконец уже, люди.

Лошади, если только возможно, грузились по сходням—коридорам, с бортами вышиною до 6-ти фут., или же в ящиках. К погрузке стропами прибегали лишь в самых крайних случаях. Если только представлялось возможным, то лошади в трюм спускались по пологим сходням. Скорость погрузки лошадей в ящиках и стропами—2 минуты на каждый под'ем.

Эвакуация раненых.

Потери англичан во время Галлипольской операции были огромны: в первый день высадки они доходили до $10^0/_0$, а за первые десять дней до $40^0/_0$. Было, кроме того, большое количество больных дизентерией. Вначале англичане имели всего лишь 6 госпитальных судов; береговые госпитали были развернуты лишь постепенно. К концу Галлипольской операции число госпитальных судов дошло до 30-ти. Для эвакуации раненых с берега были устроены особые пристани, расположенные несколько в стороне, чтобы прибывающие на

берег свежие части не были деморализованы видом этих раненых. У каждого пункта высадки стояло по два госпитальных судна, на которых производились первоначальные перевязки. Перевозка раненых в базы производилась на особых тральщиках; их было назначено по 2 на каждый пункт высадки. Большое количество госпитальных судов об'ясняется тем, что раненые перевозились на большие расстояния (Александрия, Мальта, Англия), а также и комфортом их оборудования. На каждом участке побережья были образованы «Sorting Station», сортировочные станции, определявшие, куда следует эвакуировать раненых. Тяжело раненые перевозились прямо в Англию; если была надежда, что после трехмесячного лечения они вернутся в строй, их перевозили в Александрию или на Мальту. Легко раненые, требовавшие не более трехнедельного лечения, помещались в базах Мудрос и Кефало. Тяжело раненые оставались на госпитальном судне до тех пор, пока все койки не будут заняты; после этого судно отправлялось в Англию или Александрию.

Предположенные десанты англичан на Фландрском побережьи.

В конце 1915 года, после неудачи на Галлипольском полуострове, союзниками был вновь поднят вопрос о захвате, совместными операциями армии и флота, Фландрского побережья. Адмиралтейство не могло мириться с близостью германских подводных баз, благодаря которым немецкие подводные заградители почти непрерывно ставили заграждения у английских берегов. Борьба с этими подводными заградителями давалась английским морским силам не легко; потери были настолько велики, что можно было рискнуть десантной операцией, чтобы лишить заградителей их баз и, следовательно, возможности действовать. Новая батарея Тирпитца стреляла дальше, чем могли стрелять мониторы; поэтому от обстрела с моря нельзя было ожидать решительных результатов. Казалось, что Остенде укреплен менее сильно, и поэтому считалось не безнадежной попыткой, под защитой искусственного тумана, войти с мониторами в гавань, высадить войска, взять город приступом и затем, продвигаясь вдоль берега, соединиться с наступающими из Ньюпорта английскими войсками. План этой операции был составлен начальником Дуврских дозоров, адмиралом Беконом. Адмиралтейство сочло операцию не невозможной, при соблюдении принципа внезапности. План операции был разработан во всех деталях совместно с сухопутным командованием. 7 мониторов, имея на себе по 1000 человек пехоты, должны были провести из Дувра 90 рыболовных пароходов с 100 чел. на каждом. Затем мониторам надлежало, по точно выработанному плану, обстрелять город и тяжелые береговые батареи. Войска должны были немедленно двинуться вперед, чтобы захватить главнейшие батареи, а также шлюзы канала Ньюпорта. Поскольку было видно на аэро-фотографиях, Остенде не был подготовлен к защите от десанта. После занятия порта можно было в течение 3-х часов, перевезти дивизию из Дувра или Фолькстона и высадить ее на прекрасно оборудованных набережных. Описанным только что способом

являлась возможность в самое короткое время высадить 3 пехотных бригады, 3 саперных роты, 4 роты велосипедистов, 5 моторно-пулеметных батарей, 16 восемнадцатидюймовых орудий, 12 двенадцатисантиметровых гаубиц, 22 броневых автомобиля и 16 танков. После захвата береговых батарей, предполагалось перевести из Гавра части другой дивизии; они должны были продвинуться на юг, в сторону Инерна для соединения с наступающими оттуда английскими войсками; в заключение, предполагалась высадка еще и третьей дивизии.

Самое большое затруднение сухопутное начальство видело в невозможности учесть заранее серьезность сопротивления во время предстоящих уличных боев. Опыт войны показал, что разрушение домов артиллерийским огнем мало влияет на степень сопротивляемости защитников: полуразрушенные дома еще удобнее для защиты. Развертывание высаженных частей, при таких условиях, задача не легкая. Во время разработки плана стало известным, что немцы воздвигают новую 12-дюймовую батарею. Благодаря большой дальности стрельбы этой батареи, Остендская десантная операция стала невозможной.

В начале 1917 года Бекон разработал еще и другой план десантной операции, составленный на основании опыта войны и предусматривавший, по мнению автора, все ошибки, сделанные ранее во время Дарданелльской экспедиции. Бекон считал, что быстрота высадки составляет один из главных моментов успеха: нужно стараться сосредоточить на берегу большое количество войск ранее, чем неприятель узнает, где они высажены; кроме того, надо иметь несколько пунктов высадки, чтобы частичная неудача не могла повлиять решительным образом на успех всего дела. Бекон, в соответствии с сказанным, предполагал сделать высадку на большом протяжении береговой черты. К 1917 году, на протяжении 25 миль Бельгийского побережья немцы установили не менее 80 орудий, калибром от 6 дюймов и выше. Как уже было сказано, вдоль берега тянулась система немецких окопов с бетонными прикрытиями. К W от Остенде берег защищался дамбой, имевшей наклон в 30° и достигавшей у своего конца высоты в 30 фут. К востоку от Остенде дамбы не было: берег там покрыт песчаными дюнами. Ввиду близости линии фронта к западному району, высадка предполагалась на дамбе, а не в более удобном месте, восточнее порта.

Высадка на дамбу являлась задачей чрезвычайно трудной. Сначала думали подвести на буксире плавучие пристани. Затем было предположено использовать вместо пристаней — понтоны, в виде плоскодонных барж, длиною 500 фут и

шириною 30 фут. Водоизмещение таких понтонов—2500 т. Осадка на одном конце 9 фут., а на другом—$1^1/_2$ фута. 3 таких понтона вместили бы в себе весь десантный отряд. 2 монитора, ошвартовленные борт о борт, должны были толкать впереди себя такой понтон до назначенного места на побережьи. Борт понтона, обращенный к мониторам, имел их осадку, а борт, обращенный к берегу, осадку у берега. Угол под'ема дна на месте высадки был точно определен по фотографиям, снятым при различной высоте прилива. Наклон дна понтона соответствовал наклону морского дна в пункте высадки. На случай, что понтон не достиг бы дна, впереди него буксировался плот.

Опыт показал, что два ошвартовленных друг к другу швартовными цепями монитора могли толкать впереди себя понтон со скоростью 6 узлов. Каждый понтон вмещал 4.500 человек пехоты, 3 танка, 6 орудий со всем необходимым, 19 повозок, 8 мотоциклеток, 150 ручных телег, 2 повозки с санитарными принадлежностями и необходимое число велосипедов для велосипедного батальона. Чтобы соблюсти полную секретность, мониторы вместе с понтонами должны были стоять в карантине в устьи Темзы.

Дамба внизу кончалась 3-х футовой каменной стенкой. Необходимо было решить задачу, как дать возможность танкам переползти через нее. Были изготовлены металлические решетчатые сходни, укрепленные в передней части понтона. Эти сходни приставлялись к стенке и должны были выдержать вес танка. Опыты, произведенные на Темзе, показали, что танки вполне способны переправляться через дамбу. Предполагалось, что мониторы ночью отведут понтоны в Дюнкерк незаметно для немцев. По приходе в Дюнкерк, понтоны должны были вводиться в гавань к стенке, где, в течение двух следующих ночей, на них должно было грузиться снаряжение. К 4-м часам дня должны были быть посажены на них войска, после чего понтоны должны были буксироваться к бочкам, поставленным впереди Дюнкерка. С наступлением темноты мониторам надлежало подходить к понтонам. После изменения приливного течения на W, понтоны должны были сниматься с бочек и подталкиваться мониторами, идущими курсом, почти параллельным берегу. Весь отряд должен был идти в строе кильватера; 6 сторожевых катеров в строе фронта должны были занимать позицию впереди и справа по носу головного понтона. Катера должны были идти намеченными заранее курсами и устанавливать освещаемые бакана, для указания понтонам точного пути к месту высадки. На занятом англичанами берегу устанавливались две линии створных огней, чтобы дать катерам возможность точно проверять свою скорость. Катера устанавливали три светящихся бакана, образующих линию,

перпендикулярную к берегу. Эта линия является точным путем, по которому необходимо толкать понтоны к берегу; ее предполагалось ставить непосредственно перед подходом понтонов, чтобы немцы не были предупреждены слишком рано. Все 3 понтона, идущие параллельно к берегу, должны были одновременно повернуть вправо на 90°, как только придут на линию своих баканов. Незанятые буксировкой мониторы должны были открывать огонь по батареям, а моторные катера выходить вперед и бросать факела для производства дымовой завесы, под прикрытием которой понтоны подталкивались бы к берегу. Орудия 6-ти мониторов, толкающих понтоны, должны были стрелять уменьшенными снарядами через головы десантного отряда. Первая партия десанта должна была штурмовать дамбу при поддержке танков.

В то же время английские войска должны были начинать наступление вдоль берега со стороны Ньюпорта.

Указанная операция не была выполнена, несмотря на то, что все к ней было подготовлено.

Не следует забывать, что английские базы находились в расстоянии всего 30—40 миль от места высадки, что давало возможность применять способы высадок, неприемлемые в иных условиях.

Войсковые перевозки морем.

Морские перевозки во время войны 1914—18 г.г. приобрели для Англии решающее значение. Прежде всего, на заботе Адмиралтейства лежала переправа английской армии во Францию и обмен находившихся в колониях полевых войск на территориальные формирования. Кроме того, нужно было переправить на континент туземные войсковые части, сформированные в доминионах и колониях. В первые месяцы войны защита войсковых транспортов стала одной из наиболее серьезных задач английских морских сил. Большое количество войсковых транспортов Англии приходилось организовать уже в мобилизационный период. Впоследствии, когда образовались второстепенные театры в Египте, Галлиполи, Месопотамии, Восточной Африке и в Салониках, к морским перевозкам были предъявлены чрезвычайно серьезные требования.

Ниже мы не будем касаться вопроса о подвозе снабжения для армии. Ограничимся лишь, в общих чертах, описанием чисто военной стороны войсковых перевозок.

Английское правительство еще в мирное время было озабочено подготовкой морского транспорта. К организационной работе были привлечены, кроме Адмиралтейства и военного ведомства, еще и ведомства иностранных дел, колоний, торговли, почты, таможенное и т. д. Была образована комиссия из представителей всех этих ведомств, под председательством министра иностранных дел, которая должна была подробно разработать все вопросы, связанные с транспортом. Работы комиссии вылились в своего рода мобилизационный дневник, законченный к июлю 1914 года. Все детали войсковых перевозок были, кроме того, договорены между английскими и французскими генеральными штабами. Переустройство транспортов для перевозки войск было обусловлено контрактами с крупными пароходными компаниями еще до начала мобилизации.

Таким образом, все необходимое для переброски английской армии во Францию было уже подготовлено, когда переговоры между Австро-Венгрией и Сербией находились еще в полном ходу.

Главным местом посадки английских войск был избран Саутгемптон; лишь некоторые шотландские соединения предполагалось перевезти из Глазго, а обе ирландские дивизии — из Дублина, Куинстон и Бельфаста. Войсковые грузы предполагалось перевозить из Бристоля, а провизию и прочее снабжение войск — из Ньюгавн.

Грузы и войска выгружались в Гавре. Отсюда ближе всего их было переправить к месту сосредоточения английских войск (Ле Като). Лишь незначительные части войск были отправлены в Булонь. Направление грузов в Кале, Дюнкерк, Остенде и Зеебрюгге предполагалось лишь после дальнейшего продвижения армии вперед. За 9 дней после начала перевозок была переправлена вся армия Френча, в количестве 100.000 человек; еще через 2 дня она уже заняла указанные ей позиции на левом фланге французов.

Англичане перевозили свои войска через Канал, не прибегая к защите отдельных транспортов военными судами; безопасность Канала они старались обеспечить надежной обороной его входов [1]). На путях транспортов через Канал почти не было дозоров из военных судов; там находилось лишь большое количество малых, невооруженных пароходов, под флагом Красного Креста,—на случай аварий, для спасания тонущих. Отсутствие конвоев давало возможность отправлять транспорты тотчас же по их готовности, что сильно способствовало скорости перевозки.

Охрана Канала считалась достаточной для отражения легких крейсеров и миноносцев и для своевременного извещения о приближении крупных неприятельских соединений, что давало возможность своевременно задержать транспорты в портах их отправления. Приближение немцев, однако же, заставило бы на время прекратить движение транспортов по Каналу,—что, само по себе, уже было бы чрезвычайно полезно для германской армии. Достаточно представить себе, что правое крыло германской армии столкнулось с английской армией, занявшей 22-го августа сильно укрепленную позицию,—уже на следующий день. Отсюда видно, как важно было для немцев задержать перевозку войск из Англии в первые дни войны. Лишь благодаря своевременному появлению англичан, 5-я французская армия не была окружена немцами и уничтожена.

В Средиземном море в первые дни войны были перевезены два французских армейских корпуса. Первоначально французский Морской Генеральный Штаб предполагал отправлять транспорта по одиночке, без конвоя; находившиеся в Средиземном море германские крейсера „Гебен“ и „Бре-

[1]) Подробности об обороне Канала указаны в нашем труде «Морская блокада», стр. 19 и дальше.

слау", предполагалось окружить англо-французскими судами. 4-го августа Командующий французским флотом, получив извещение, что „Гебен" обстрелял несколько пунктов на побережьи Алжира, распределил все свои суда для конвоирования транспортов, что в значительной мере облегчило прорыв германских крейсеров в Константинополь.

Успешное продвижение немцев к Парижу в первых числах сентября заставило союзное командование отказаться от Гавра, в качестве порта выгрузки, и посылать войсковые транспорты в Нант (устье Луары). 29 августа было приступлено к эвакуации Гавра; в течение $2^1/_2$ недель все сосредоточенные в Гавре запасы были оттуда увезены, что предъявило к морскому транспорту Англии весьма серьезные требования. Перемена коммуникационной линии—задача нелегкая, как на суше, так и на море. В данном случае, дело осложнилось благодаря тому, что транспорты приходилось направлять через открытое море и совершать путь в три раза более долгий, чем путь через Канал. Вместо небольших быстроходных судов, приспособленных еще в мирное время для перевозки пассажиров через Канал, приходилось оборудовать пароходы для ночевки на них войск. Посылаемые транспорты, кроме того, требовали в море особой защиты.

После неудачного для немцев исхода сражения на Марне, выгрузка грузов вновь начала производиться в Гавре.

Англичанам приходилось уделять большое внимание обеспечению перевозки колониальных войск. Канадские войска были погружены на 31 транспорт, которые 3-го октября стояли в готовности в заливе Св. Лаврентия. У мыса Рес к ним должны были присоединиться войсковые транспорта из Нью-Фаундленда. В это время в Атлантическом океане оперировали германские крейсера „Карлсруе" и „Дрезден". Адмиралтейство поэтому назначило 4 легких крейсера для конвоирования транспортов. Однако, по настоянию правительства Канады, конвой пришлось усилить, придав ему линейный корабль „Glory" и крейсер „Princess Royal". Это усиление конвоя было вызвано известиями о появлении в Атлантическом океане германской крейсерской эскадры адмирала Шпее.

Перевозка войск из Индии началась 24 августа. Транспорты шли группами, под охраной военных судов. Навстречу им шли транспорты с территориальными дивизиями для замены в колониях кадровых войск. В Индийском океане перевозка войск находилась под угрозой германских крейсеров „Кенигсберг" и „Эмден". Пришлось, поэтому, послать в этот район 3 крейсера из Средиземного моря и несколько старых линейных кораблей.

Отправка войск из Австралии и Новой Зеландии была сильно осложнена появлением в южной части Тихого океана эскадры адмирала Шпее. Английское Адмиралтейство распорядилось, чтобы ново-зеландские войска (10 транспортов) покинули Веллингтон 25-го сентября и, под проводкой 3-х легких крейсеров австралийской эскадры, прошли к заливу Георга у южного берега Австралии, где должны были соединиться с австралийскими транспортами. Ложные известия, что германская эскадра, показавшаяся 14-го сентября у острова Самоа, идет к островам Фиджи, побудили ново-зеландское правительство задержать транспорты в Веллингтоне и требовать для них более сильной защиты. Пришлось отправить с Дальнего Востока на юг 2 броненосных крейсера, что задержало выход транспортов на 3 недели. Одним из конвоиров этих транспортов, крейсером „Сидней", был уничтожен германский крейсер „Эмден", оказавшийся 9-го ноября невдалеке от транспортного флота. После этого австралийские и ново-зеландские войска, без дальнейших помех, были доставлены в Египет, а позднее брошены в Галлиполи.

Защита транспортов с колониальными войсками, таким образом, предъявляла к Адмиралтейству серьезные требования; англичанам пришлось разбросать свои морские силы, временно ослабив флот на Северном море.

Через Канал войска перевозили по линиям Дувр-Кале и Фолькстон-Булонь. В распоряжении Адмиралтейства, для этой цели, находились 22 быстроходных плоскодонных английских и бельгийских парохода, принимавших, каждый, по 900 человек. Переход из Дувра в Кале занимал $1^1/_2$ часа; из Фолькстона в Булонь—$1^3/_4$ часа. Пароходы обслуживались своим прежним личным составом. Чтобы уменьшить опасность от мин путем уменьшения осадки, пароходы принимали количество угля лишь на один рейс туда и обратно. Каждый день пути следования пароходов протраливались; в низкую воду сообщение по Каналу прекращалось; пароходы шли либо по одиночке, либо группами. Для противолодочной охраны, на каждые три парохода, впоследствии полагалось 3 истребителя, а для одиночного парохода—2 истребителя. По данным Бекона, с начала 1915 года до конца 1917 года через Канал было переправлено 5.614.500 человек [1]).

БИБЛИОТЕКА

[1]) Организация конвойного дела изложена в труде «Морская Блокада».

Оглавление.

Стр.

ВВЕДЕНИЕ V

Часть I. Обстрел побережий.

Обстрел Ярмута 3/XI 1914 г. 1
» Гартлепула, Витби и Скарборо 16/XII 1916 г. 15
» англичанами Фландрского побережья, и организация обороны этого побережья 45
» Варны и Дедеагача 6 окт. мес. 1915 г. 80
» Ловестофта и Ярмута 25/IV 1916 г. 83
» Дарданелльских укреплений осенью и зимой 1915 г. 94
Артиллерийское вооружение Дарданелл 109
Организация командования 115
Бомбардировка наружных фортов 19/II 1915 г. 117
» » » 25/II 1915 г. 123
» » » 18/III 1915 г. 142

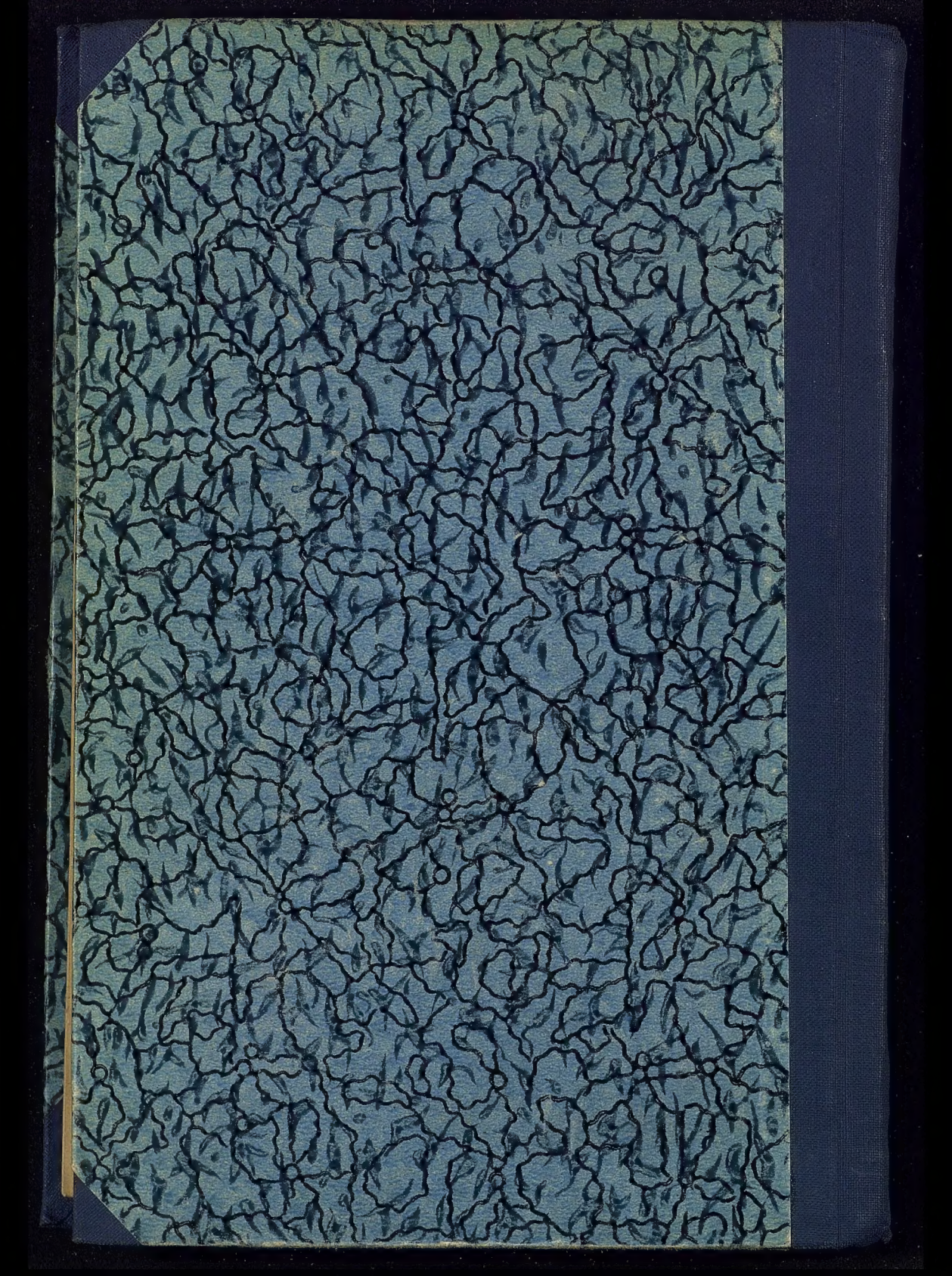
Часть II. Десантные операции.

Галлипольская десантная операция 151
Высадка 25/IV 1915 г. 171
Первый бой у Критии 197
Второй бой у Критии 205
Гибель «Goliath'a» 214
» «Triumph'a» 217
» «Majestic'a» 219
Третий бой у Критии 222
Высадка у Сувлы 7/VIII 1915 г. 229
Эвакуация Галлипольского полуострова 269
Заключения и добавления 278
Предположенные десанты англичан на Фландрском побережьи . . . 302
Войсковые перевозки морем 306

ЦЕНА 3 р. 70 к. 1280

РЕД.-ИЗДАТ. ОТДЕЛ В.-МОРСКИХ СИЛ РККА.

ИМЕЮТСЯ НА СКЛАДЕ:

	ЦЕНА.
Гражданская война.—Т. II. Часть I. Боевые действия Балтийского флота. 1926 г. 227 стр., 29 рис. и черт.	2 р. 50 к.
Гражданская война.—Т. II. Ч. 2-я. Боев. действия С.-Д., Онеж. и Чудской флотилий. 1926 г. 200 стр. с 31 черт.	2 » — »
Гражданская война.—Т. III. Боев. действия на морях, речн. и оз. системах. 355+XVI стр. с черт. и схемами.	4 » — »
Гроос.—Война на море 1914—1918 г.г. Т. I. Действия в Северном море до сентября 1914 г. 1921 г. I-III стр.+252	— » 50 »
Жерве, В. Б.—Значение морской силы для государства. Изд. 3-е, 1925 г., 136 стр.	— » 75 »
Мигаловский, К. А.—Заметки по тактической навигации. 1926 г., 123 стр. с 105 чертежами . . .	2 » 20 »
Новосильцев.—Как флоты помогают армиям. Изд. 2-е, 1925 г., 52 стр. с 1 лист. карт театров войны . .	— » 55 »
Орленко, П.—Краткий курс военно-морской администрации 1926 г., 137 стр.	1 » 75 »
Петров, М. А.—Морская тактика. Ч. I. Боевая деятельность флота. 1924 г., 238 стр. с 8 схемами.	1 » 50 »
Его-же. — Морская тактика. Ч. II. Бой и боевые операции флота. 1926 г., 245 стр. с 40 схемами .	2 » — »
Его-же.—Два боя: Черноморского флота с л. кр. „Гебен“ у м. Сарыч и крейсеров Балт. флота с кр. „Альбатрос“ у о. Готланд. 1926 г. 58 стр. 16 рис. и чер.	— » 60 »
Сакеллари. Навигация. 318 стр. 136 чертежей и 16 таблиц. 1926 г.	3 » 25 »
Свободин, В.—Военно-морская организация	1 » 50 »
Сивков, А.—Мировая борьба за нефть	1 » — »
Соболев, А. А.—Красный флот в гражданской войне 1918—1920 г.г. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. 1926 г., 170 стр.	1 » 10 »
Трайнин.—Заблокирование Зеебрюгге. 1925 г., 84 стр.	— » 70 »
Тепин, М. Руководство для дознателей в военных и в.-м. частях и учреждениях РККА. 1926 г. 200 стр.	2 » — »
Фирле.—Война на море 1914—1918 г.г. Т. I. Действия германского флота на Балтийском море по февраль 1915 г. 226 стр., 11 схем.	2 » 10 »
Ютландский бой. — Перевод Е. Е. Шведе с офиц. английского отчета. 1925 г., 168 стр.	3 » — »
Шведе, Е. Е.—Военные флоты. 1926—1927 г.г. Со вступительной статьей В. Е. Егорьева: «Изучение в.-м. мощи». 320 стр. 76 рис.	2 » 75 »

С требованиями обращаться в Книжный Склад РИО. Ленинград, здание Главного Адмиралтейства.